

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№2 2022 (ФЕВРАЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Н. Боробов
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8 (495) 142-8681
E-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

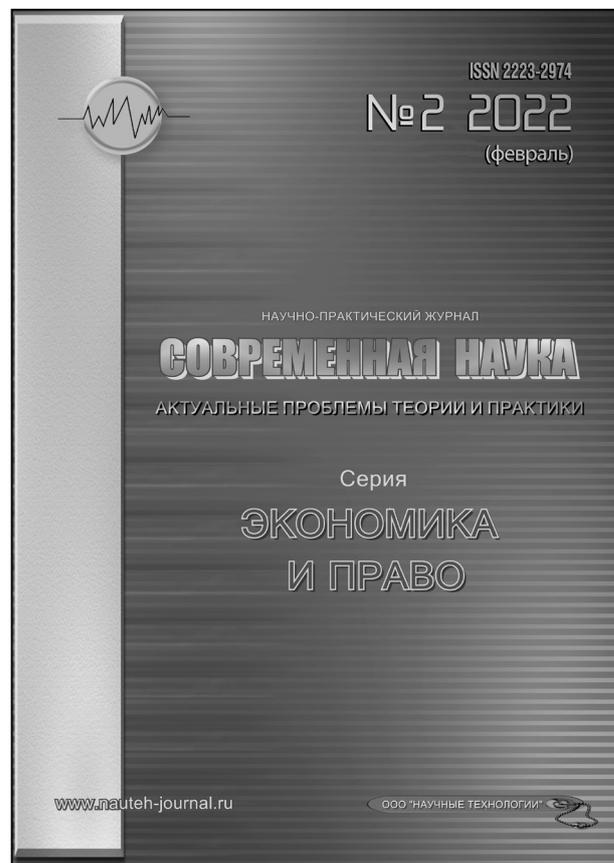
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(BAK - 08.00.00, 12.00.00)

В НОМЕРЕ:

ЭКОНОМИКА,
ПРАВО,
СОЦИОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296
Подписано в печать 21.02.2022 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Волкова Ольга Александровна — д.с.н., профессор,
г.н.с., Институт демографических исследований ФНИСЦ
РАН; профессор, Белгородский Государственный
Университет

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор,
Институт Государства и Права РАН

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Жигунова Галина Владимировна — д.с.н., доцент,
Мурманский государственный арктический университет

Иванов Сергей Юрьевич — д.с.н., профессор,
Московский Педагогический Государственный
Университет

Каныгин Геннадий Викторович — д.с.н., в.н.с.,
Социологический институт РАН (С.-Петербург)

Кибакин Михаил Викторович — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леденева Виктория Юрьевна — д.с.н., доцент, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с.,
Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н.,
профессор, Национальный исследовательский
Нижегородский государственный университет
им. Н.И. Лобачевского

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор,
Санкт-Петербургский университет МВД России

Рубан Лариса Семеновна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ
РАН

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Фролова Елена Викторовна — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н.,
профессор, Всероссийский государственный
университет юстиции

Шаленко Валентин Николаевич — д.с.н., профессор,
Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор,
Российский государственный социальный университет

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Широкалова Галина Сергеевна — д.с.н., профессор,
с.н.с., Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; профессор,
Нижегородская Государственная сельскохозяйственная
академия

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Экономика

Андрущенко А.Л., Бубнов А.Л., Шедько Ю.Н. — Развитие социального предпринимательства в Московской области

Andrushchenko A., Bubnov A., Shedko Yu. — Development of social entrepreneurship in the Moscow region.....7

Ахмедова Г.Т. — Применение логистического подхода к проблемам вторичного использования материальных ресурсов в строительной отрасли

Akhmedova G. — Application of a logistic approach to the problems of recycling of material resources in the construction industry.....13

Боробов В.Н., Миндлин Ю.Б. — Формирование, проблемы и перспективы развития рынка ценных бумаг в современной российской экономике

Borobov V., Mindlin Yu. — Formation, problems and prospects of development of the securities market in the modern Russian economy16

Внуковский Н.И. — Инновационная модель роста производительности труда в условиях ограниченности ресурсов

Vnukovskiy N. — Innovative model of labor productivity growth in conditions of limited resources22

Литвин И.Ю. — Принципы и проблемы масштабирования внедрения технологий Индустрии 4.0 на промышленном предприятии

Litvin I. — Principles and problems of scaling the introduction of Industry 4.0 technologies in an industrial enterprise.....28

Лосев В.Р., Гун Г.Е. — Реализация инновационного проекта в образовательной организации

Losev V., Gun G. — Implementation of an innovative project in an educational organization.....33

Мартынов Л.М., Саматова А.И. — Система принципов в модели трансформации функций менеджмента промышленных предприятий в условиях цифровой экономики

Martinov L., Samatova A. — The system of principles in the model of transformation of management functions of industrial enterprises in the digital economy39

Машкина Н.А., Михайлов О.В. — Цифровая трансформация в системе государственного управления

Mashkina N., Mikhailov O. — Digital transformation in the system of public administration.....45

Мешкова Е.И. — Методы оценки рисков, используемые в российской банковской практике

Meshkova E. — Risk assessment methods in Russian banking practice52

Панько Ю.В. — Влияние цифровых технологий на производительность труда: теоретический аспект исследования

Panko J. — The impact of digital technologies on labor productivity: a theoretical aspect of the study60

Рыбина С.Н. — Проблемы качества оказания медицинской помощи сотрудникам уголовно-исполнительной системы

Rybina S. — Problems of the quality of providing medical care to employees of the criminal enforcement system64

Фролов И.И. — Методика изучения факторов, определяющих эффективность стратегии продвижения сложного технологического оборудования в нефтегазовой сфере

Frolov I. — Methodology for studying the factors determining the efficiency of the strategy for the promotion of complex technological equipment in the oil and gas sphere.....68

Юркова М.Р. — Налоговые последствия привлечения пожертвований некоммерческими организациями, а также связанные с получением пожертвований некоммерческими организациями сопутствующие вопросы правового характера <i>Iurkova M.</i> — Tax consequences of attracting donations by non-profit organizations, as well as related legal issues related to receiving donations by non-profit organizations72	Винниченко О.Ю., Величко А.М., Распопин А.В. — Советская прокуратура и следственные органы на этапе консолидации советского политического режима <i>Vinnichenko O., Velichko A., Raspopin A.</i> — Soviet prosecutor's office and investigating authorities at the stage of consolidation of the Soviet political regime.98
Право	Витовская Е.С. — К вопросу о целесообразности введения принудительного лечения наркозависимых осужденных, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ как дополнительного инструмента предупреждения преступлений <i>Vitovskaya E.</i> — On the advisability of introducing compulsory treatment for drug-dependent convicts who have committed crimes in the field of illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances as an additional tool for crime prevention. 106
Аврутин Р.Ю., Загребин Д.Г. — К вопросу об административной ответственности пранкеров <i>Avrutin R., Zagrebin D.</i> — To the question of the administrative responsibility of prunckers78	Гаврилов В.Н., Иванцова А.Р. — Некоторые проблемы осуществления отказа от наследства <i>Gavrilov V., Ivancova A.</i> — Some problems of the implementation of the renunciation of inheritance111
Агафонов А.В. — Цифровые активы как предмет преступления <i>Agafonov A.</i> — Digital assets as a subject of crime82	Гудков А.И., Мищенко В.И. — О некоторых аспектах правового регулирования частноправовых интересов субъектов гражданского права в 2021 году: достижения и проблемные аспекты <i>Gudkov A., Mishchenko V.</i> — On some aspects of the legal regulation of private law interests of subjects of civil law in 2021: achievements and problematic aspects.115
Аксенов И.Ч., Бадмаева Т.Н., Мухараева Э.Э., Цекеева Т.Э. — Становление и развитие русско-калмыцких земельно-правовых и административно-территориальных отношений с середины XVII века до второй половины XVIII века <i>Aksenov I., Badmaeva T., Mukharaeva E., Tsekeeva T.</i> — Formation and development of Russian and Kalmyk land and property and territorial relations from the middle of the XVII century – the second half of the XVIII century.88	Еникеева Т.Э. — Содержание социальной помощи осужденным к лишению свободы и ее характерные признаки <i>Yenikeeva T.</i> — The content of social assistance to convicts sentenced to deprivation of liberty and its characteristic features119
Алексеева Е.Э. — Нравственно-правовые основы избрания запрета определенных действий по преступлениям в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности <i>Alekseeva E.</i> — The moral and legal basis for the election of the prohibition of certain actions on crimes in the field of entrepreneurial and other economic activities92	Захарова И.В. — Представительство как вид адвокатской деятельности: правовые проблемы <i>Zakharova I.</i> — Representation as a type of advocacy: legal problems124
Булгакова Л.С. — Национальная безопасность как предмет административно-правового регулирования <i>Bulgakova L.</i> — National security as a subject of administrative and legal regulation95	

Кварацхелия М. — Правовые основы контрольной деятельности региональных органов исполнительной власти по вопросам социального значения <i>Kvaratskhelia M.</i> — Legal basis for the control activities of regional executive authorities on issues of social importance128	Савченко Ю.Ю. — Требования к лицу, осуществляющему функции технического заказчика <i>Savchenko J.</i> — Requirements for the person performing the functions of the technical customer156
Кобзарь-Фролова М.Н. — К вопросу о новом качестве административно-правовых отношений <i>Kobzar-Frolova M.</i> — On the issue of the new quality of administrative and legal relations132	Сафонов В.Н., Дондукова Л.А. — Новеллы уголовного и административного законодательства, связанные с пандемией коронавирусной инфекции: проблемные вопросы межотраслевой конкуренции <i>Safonov V., Dondukova L.</i> — Novelties of criminal and administrative legislation related to the coronavirus pandemic: problematic issues of intersectoral competition159
Куликов Е.А. — Развитие взаимодействия между странами-участницами шанхайской организации сотрудничества в научно-технической сфере в системе мер противодействия терроризму, экстремизму и сепаратизму в Евразии <i>Kulikov E.</i> — Development of interaction between the countries-participants of the shanghai organization of cooperation in the scientific and technical sphere in the system of measures for countering terrorism, extremism and separatism on Eurasia138	Селина Е.А. — Полномочия адвоката по обеспечению прав подзащитного на стадии возбуждения уголовного дела <i>Selina E.</i> — The powers of the lawyer to ensure the rights of the client at the stage of initiation of a criminal case165
Пильчина Д.Ж. — Применение общих правил упрощенного арбитражного судопроизводства к процедурам банкротства <i>Pilchina D.</i> — Application of the general rules of simplified arbitration proceedings to bankruptcy procedures144	Теплая Н.В. — Территориально-региональные особенности преступности: распространенность, проблемы изучения <i>Teplaya N.</i> — Territorial and regional features of crime: prevalence, problems of studying171
Прошин В.М. — Соотношение установления истины в уголовном деле с назначением уголовного судопроизводства и принципом состязательности <i>Proshin V.</i> — Correlation of establishing the truth in a criminal case with the appointment of criminal proceedings and the principle of competitiveness.148	Третьякова Т.О. — Особенности применения налогового права органами судебной власти (судами) <i>Tretyakova T.</i> — Specific features of the application of tax law by the judicial power bodies (courts)176
Рябова О.А., Кузнецова Н.В. — К вопросу о нарушении принципа независимости адвокатуры поправками, предложенными проектом ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре» в части дисциплинарной ответственности адвоката <i>Ryabova O., Kuznetsova N.</i> — On the issue of violation of the principle of independence of the Bar by amendments proposed by the draft Federal Law "On Amendments to the Federal Law "On Advocacy and Advocacy" regarding the disciplinary responsibility of a Lawyer.152	Туманов Э.В. — Проблемные аспекты договора пожизненного содержания с иждивением и пути их решения <i>Tumanov E.</i> — Problem aspects of the contract of life maintenance with dependants and ways to solve them180
	Филющенко Л.И. — Осуществление коллективных трудовых прав работников при структурных изменениях рынка труда <i>Filushchenko L.</i> — Implementation of collective labor rights of employees during structural changes in the labor market184

Чернякова С.А. — Отдельные аспекты правового регулирования оказания гостиничных услуг в России
Chernyakov S. — Some aspects of the legal regulation of the provision of hotel services in Russia188

Шаров К.В. — Понятие и сущность противодействия расследованию преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, складывающихся на первоначальном этапе расследования
Sharov K. — The concept and essence of countering the investigation of crimes related to illegal trafficking in weapons accumulated at the initial stage of the investigation197

Социология

Архангельский И.А. — Сеть как форма пространственной организации в интернете и социальная структура
Arkhangelsky I. — The network as a form of spatial organization on the internet and social structure.200

Беляев С.П. — Механизм социально-экономического регулирования доходов населения с учетом социальной стратификации
Belyaev S. — The mechanism of socio-economic regulation of income of the population taking into account social stratification.209

Игнатьева И.А. — Интракоммуникация как тип социальной коммуникации в организации
Ignatieva I. — Intracommunication as a type of social communication in an organization217

Ипатьева Е.А. — Характеристика малых городов: социально-экономическая ситуация и миграционные настроения
Ipatieva E. — Characteristics of small towns: socio-economic situation and migration sentiments224

Ким И.С. — Методологические принципы к исследованию феномена социального ожидания
Kim I. — Methodological principles for the study of the phenomenon of social expectation.230

Лебедев Н.А. — Критика концепции «человеческий капитал» в социальной демографии
Lebedev N. — Critique of the «human capital» concept in social demography238

Мансуров Т.В. — Основные характеристики и функции местного самоуправления как социального института
Mansurov T. — The main features and functions of local self-government as a social institution242

Селезнева А.Г. — Структурно-институциональные особенности цифрового общества: теоретический аспект
Selezneva A. — Structural and institutional features of the digital society: theoretical aspect246

Информация

Наши авторы. Our Authors249

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале252

РАЗВИТИЕ СОЦИАЛЬНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ¹

DEVELOPMENT OF SOCIAL ENTREPRENEURSHIP IN THE MOSCOW REGION

**A. Andrushchenko
A. Bubnov
Yu. Shedko**

Summary. This article analyzes the contribution of social entrepreneurship to the development of Russian regions using the example of the Moscow region. Unlike Western countries, in our country this type of entrepreneurship began to develop relatively recently. Taking into account the peculiarities and characteristics of social entrepreneurship, it is important to study the process of its development in modern Russian realities.

Keywords: social problems, social entrepreneurship, economic system, economic contribution, regional development.

Андрущенко Александра Лаврентьевна

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации (Москва)
alexandralavrentevna@gmail.com

Бубнов Артемий Леонович

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации (Москва)
bubnov-1992@bk.ru

Шедько Юрий Николаевич

Д.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, Москва
ynshedko@mail.ru

Аннотация. В данной статье производится анализ вклада социального предпринимательства в развитие регионов России на примере Московской области. В отличие от западных стран, в нашей стране данный вид предпринимательства начал развиваться относительно недавно. Именно с учетом особенностей и характеристик социального предпринимательства важно исследовать процесс его развития в современных российских реалиях.

Ключевые слова: социальные проблемы, социальное предпринимательство, экономическая система, экономический вклад, региональное развитие.

Появление социального предпринимательства связано с тем, что определенная часть экономически активных граждан проявляет готовность содействовать государству в решении социальных и экономических проблем, повышении уровня жизни населения и его благосостояния.

Феномен социального предпринимательства является результатом активного развития общества, так как посредством рассматриваемой деятельности определенная часть социума берет на себя ответственность за решение некоторых социальных проблем, хотя эта обязанность является прерогативой государства.

Для рассмотрения влияния социального предпринимательства на развитие региона и разрешение ключевых социальных проблем, необходимо определить сущность социального предпринимательства. Здесь

следует отметить, что существует множество мнений экспертов, касаемых рассматриваемого термина. Наиболее подходящим, на взгляд авторов, является термин, указанный в Федеральном законе от 26.07.2019 N245-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации», согласно которому социальное предпринимательство представляет собой деятельность предпринимательского характера, основной целью которой является достижение общественно полезных целей. Такая деятельность должна соответствовать ряду условий, указанных в пункте 1 статьи 24.1 вышеуказанного ФЗ [1].

Стоит отметить, что особенность социального предпринимательства заключается в том, что оно находится на стыке бизнеса и благотворительности, объединяя в себе ряд черт каждого из них. Для успешности осуществления социальной деятельности необходимо

¹ Научная статья выполнена в рамках работы научно-учебной лаборатории «Локомотивы роста».

удовлетворять трем критериям бизнеса: 1) использование предпринимательского подхода; 2) самоокупаемость деятельности; 3) массовый эффект. В то же время социальное предпринимательство содержит в себе ряд компонентов, характерных для благотворительности: 1) социальный характер воздействия; 2) финансовая устойчивость; 3) инновационность [4, С. 42].

Исходя из совокупности вышеуказанных критериев можно сделать вывод о том, что любой социальный проект должен быть не столько окупаемым, сколько удовлетворять насущные проблемы и потребности общества, помогая государству выполнять свои ключевые задачи.

Говоря о социальной результативности, несомненно, следует проанализировать социальную эффективность предприятия. Для этого было выделено несколько видов эффективности [6, С. 122]: 1) Бюджетная эффективность (является основой для анализа расходов денежных средств); 2) Экономическая эффективность (чем выше экономическая эффективность — тем более устойчивым проект будет в долгосрочной перспективе); 3) Коммерческая эффективность (повышает самоокупаемость и финансовую стабильность); 4) Социальная (общественная) эффективность (учитывает социальный эффект реализации проекта); 5) Социально-экономическая эффективность (отражает уровень рациональности использования ресурсов).

Важно отметить, что наиболее агрегированным способом оценки вклада социального предприятия в развитие региона является социально-экономическая эффективность, так как именно этот показатель позволяет оценить влияние не только на социальный сектор, но и на экономическое развитие региона. Целью оценки социально-экономической эффективности деятельности социального предпринимательства является анализ силы эффекта, оказываемого на социальную и экономическую сферу развития региона. Для осуществления такой оценки используется соотношение затрат и результатов, в результате которого исследователи могут сделать вывод о социальном и экономическом эффекте деятельности конкретного социального предприятия [6, С. 26].

Определение дальнейшей социально-экономической эффективности каждого проекта начинает формироваться еще на этапе планирования, так как именно здесь происходит оценка возможностей и ресурсов, которые направлены на устранение социальных барьеров и проблем, генерация идей и создание инновационных социальных организаций, оценка возможности достижения определенного уровня социально-экономической эффективности потенциальной деятельности

данных организаций, а также проработка возможных путей расширения масштаба деятельности социальной организации, которые увеличат социальный эффект рассматриваемого проекта [2].

Не менее важным аспектом, влияющим на масштаб и полезность той или иной социальной предпринимательской деятельности, является количество связей, контактов и различных ресурсов, которые необходимы для повышения качества и полезности предоставляемых социальных услуг [8, С. 194].

Однако не только планирование играет значительную роль в определении дальнейшей успешности проекта социальной направленности. Не менее важную роль играют барьеры, с которыми сталкиваются социальные предприниматели в процессе измерения и оценки потенциальных социальных последствий и эффектов. Рассмотрим основные барьеры, с которыми сталкиваются социальные предприниматели.

Первой проблемой, с которой сталкиваются социальные предприниматели, является сложность в формировании количественной оценки. Так, например, в случае предоставления образовательных услуг социально незащищенным слоям населения, у предпринимателя практически не будет возможности оценить масштаб социального эффекта его социальной деятельности в количественном измерении, так как предоставляемые услуги не могут быть отражены в количественной динамике.

Вторая проблема — сложность в формировании долгосрочного прогноза эффективности той или иной социальной предпринимательской деятельности. Общество является очень динамической системой, поэтому многие социальные проблемы могут переходить на новый уровень, поэтому предоставление социальных услуг может утратить востребованность.

Наконец, одной из ключевых проблем является ограниченность ресурсов — как финансовых, так и временных. Зачастую социальные предприниматели прибегают к простому описанию частных случаев решения социальных проблем в рамках собственного проекта, тем самым демонстрируя социальный эффект собственной деятельности, привлекая тем самым инвесторов. Связано это с тем, что социально-экономическая эффективность социального предприятия является достаточно сложно измеримой, поэтому требует большого количества временных и денежных ресурсов. Кроме того, для вычисления социального эффекта необходимо обладать достаточным количеством навыков и знаний, а также умений корректно интерпретировать полученные результаты — к сожалению, согласно

исследованиям, большинство социальных предпринимателей, организовавших собственную некрупную социальную организацию, не обладают вышеперечисленными навыками [8, С. 195].

Несмотря на множество проблем и барьеров, с которыми сталкиваются социальные предприниматели в процессе оценки социально-экономической эффективности их деятельности, существует ряд общих методов, с помощью которых социальные предприниматели и заинтересованные стороны могут оценить вклад той или иной социальной организации в социально-экономическое развитие региона [11, С. 95]. Рассмотрим каждый из методов немного подробнее.

Одним из методов, который уже кратко был описан ранее, является использование «историй успеха», которые демонстрируют вклад социального предприятия в жизнедеятельность общества на примере одной или нескольких конкретных историй. Такой метод в большинстве случаев используется средними и малыми социальными предприятиями для привлечения спонсоров и инвесторов. Такой метод носит полностью качественный характер.

Следующий метод носит более общий и глобальный характер — это метод анализа затрат и выгод (англ. CBA — cost benefit analysis). Сущность данного метода заключается в анализе затрат и результатов деятельности того или иного социального предприятия. Итог такого анализа — вывод о жизнеспособности проекта, а также заключение о том, является ли инвестирование в рассматриваемое предприятие выгодным [13, С. 39].

Третий метод оценки социально-экономической эффективности социального предприятия — метод социального учета (англ. SA — social accounting). Данный метод построен на анализе социальной ответственности предпринимателя, которая представлена в виде корпоративной отчетности, экологического учета и социального аудита. Для данного метода характерным является упор на развитие и совершенствование уже достигнутых результатов, отраженных в отчетах, а также на улучшении показателей. Стоит заметить, что данный метод является более социальным, нежели экономическим, поэтому разумно использовать его в совокупности с иными методами [10, С. 1375].

Следующий способ оценки — метод учета социальной отдачи от инвестиций (англ. SROI — social return on investment). Данный метод является довольно сложным, так как представляет собой соотношение чистых социальных выгод с инвестициями, которые необходимы для их получения. Отметим, что данный метод носит количественный характер, что обуславливает его

ценность и важность, так как в вопросах социальной результативности довольно сложно измерять эффект деятельности предприятия в количественных категориях [12, С. 177–179].

Наконец, последний из рассматриваемых способов оценки — анализ основных ресурсов эффективности (англ. BER — basic efficiency resource). Так же, как и метод SROI, BER является сложным и многокомпонентным методом оценки социально-экономической деятельности предприятия. Сущность метода основных ресурсов эффективности заключается в поэтапном анализе деятельности социального предпринимателя, результатом которого является оценка каждого из этапов программы с учетом затраченных ресурсов и результатов, которых удалось добиться с помощью использованного капитала. Отметим, что данный метод, в отличие от вышеперечисленных, учитывает мнение не только объектов социального предпринимательства, но также и сотрудников социального предприятия, представителей партнерских компаний, а также других заинтересованных сторон — это делает данный метод наиболее комплексным [14, С. 89–93].

При реализации этих методов целесообразно использование возможностей искусственного интеллекта [3].

Далее рассмотрим подробнее социальное предпринимательство на примере Московской области — его вклад в развитие региона, структуру социальных предприятий, а также возможные меры поддержки. Согласно данным Министерства инвестиций, промышленности и науки Московской области, на 01.10.2021 в Московской области официально зарегистрировано 556 социальных предприятий, при этом в октябре 2020 года количество таковых составляло 296 [16].

Такое увеличение количества социальных предприятий на территории Московской области (в 1,88 раза) говорит о том, что феномен социального предпринимательства все более активно развивается в современных российских реалиях.

Структура социальных предприятий в Московской области неоднородна, аналогичная ситуация наблюдается в целом по стране. Основную часть (69%) занимают образовательные учреждения (преимущественно частные детские сады), затем идут медицинские организации социальной направленности (13%), социально-ориентированный бизнес (10%) и прочие организации (8%) [19, С. 31].

Несмотря на активный рост числа социальных предприятий в Московской области, проблема дисбаланса

в структуре солильного предпринимательства до сих пор актуальна. Для ее решения требуется более активная поддержка отрасли социально-ориентированного бизнеса, которая поспособствовала бы увеличению удельного веса этой сферы и укреплению социальных предприятий регионе. По данным единого реестра субъектов малого и среднего предпринимательства, на 10.09.2021 в Московской области функционируют 368308 предприятий, из которых 355363 — микропредприятия, 11696 — малые предприятия, 1249 — средние предприятия [16].

Из 556 социальных предприятий только 3 относятся к средним предприятиям. Исходя из вышеуказанных данных, следует провести анализ удельного веса отдельных категорий для того, чтобы иметь возможность для последующей интерпретации полученных данных

Среди всех предприятий Московской области микропредприятия составляют 96,49% от общего количества, малые — 3,18%, средние — 0,34%. Среди социальных предприятий микропредприятия занимают 89,93%, малые — 9,53%, средние — 0,54%. Внутренняя структура по размеру предприятия между рассматриваемыми объектами достаточно похожа, поэтому можно выдвинуть предположение, что вклад социальных предприятий Московской области в экономику региона можно высчитать, исходя из их доли в общем количестве предприятий. Таким образом, экономический вклад социальных предприятий равен 0,15%.

В связи с активным развитием социального предпринимательства в России предпринимается ряд мер по поддержке и стимулированию развития данного сектора. Источниками мер поддержки являются разнообразные фонды, волонтерские объединения, а также государственные образования. Одним из основных фондов, обеспечивающих поддержку социального бизнеса в России, является Фонд «Наше Будущее». В 2021 году данный фонд региональных социальных программ запускает конкурс проектов «Социальный предприниматель», участие в котором можно принять сразу в 2 направлениях: среди «социально-преобразующих» проектов и «социально-предпринимательских» проектов. Также Фонд «Наше Будущее» обеспечивает проведение ежегодной премии «Импульс добра», в которой социальный деятель может победить в одной из семи номинаций. Кроме того, следует отметить, что рассматриваемый фонд обеспечивает функционирование «Лаборатории социального предпринимательства», которая уже более 6 лет предоставляет образовательные курсы, вебинары и методические пособия для социальных предпринимателей. На базе Фонда «Наше Будущее» также функционирует платформа «Банк социальных идей», которая предоставляет множество идей,

примеров и ряд уже функционирующих проектов, которые открыты к новым идеям и предложениям по усовершенствованию их деятельности.

Помимо функционирования Фонда «Наше Будущее», значительный вклад в развитие социального предпринимательства в России вносит Минэкономразвития России, который разрабатывает множество мер поддержки социальных предпринимателей, которые осуществляются в рамках национального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы». Одним из компонентов данного проекта является новый кредитный продукт, который предназначен для социальных предприятий. Сущность данного продукта заключается в том, что субъекты социального предпринимательства могут получить микрозаймы по льготной ставке, которая не может превышать 50% от ключевой ставки ЦБ РФ.

Также одним из направлений поддержки является предоставление грантов социальным предприятиям на начало и развитие своего дела в размере до 500 тыс. рублей. При этом обязательными условиями будут аналогичный размер софинансирования со стороны самого субъекта МСП — социального предприятия, а также прохождение обучения в центре «Мой бизнес».

Объем грантовой поддержки социальных предприятий, выделяемой из федерального бюджета в период реализации национального проекта, составляет: на 2021 год — 1,6 млрд. рублей, 2022 год — 2,1 млрд. рублей, 2023 год — 2,5 млрд. рублей, 2024 год — 3 млрд. рублей.

Примером деятельности социальной предпринимательской направленности является история жительницы Истры Оксаны Борисовой, которая в 2019 году открыла мастерскую Candlebar, работниками которой могут стать люди с инвалидностью, при этом среди работников семейного дела Оксаны уже есть люди с ментальными расстройствами, проблемами зрения, слуха, нарушениями опорно-двигательного аппарата. Особенностью примера Candlebar является то, что в 2018 году мастерской удалось выиграть грант в размере 380 тысяч рублей на развитие социального предпринимательства. [18].

Также примером социального предпринимательства является проект Ольги Владимировны Смишко — в 2018 году Ольга открыла Детский центр с углубленным изучением английского языка «Яркий Я» в г. Мытищи. Учениками данного центра являются дети от 4 лет, при этом доступным является совместное обучение ребенка с мамой [20].

Кроме того, необходимо отметить значимую роль регионов в поддержке социальных предприятий. В ряде регионов уже предусмотрены специальные меры поддержки социальных предприятий: снижение налоговых ставок (Ханты-Мансийский автономный округ — Югра, Московская область, Республика Татарстан, Астраханская область), специальные условия аренды государственного и муниципального имущества (Калининградская область, Республика Татарстан) и другие.

Подводя итоги проделанной работе следует отметить, что социально-экономический вклад в развитие регионов в России носит не самый крупный характер. Так, на примере Московской области вклад социального предпринимательства в экономическое развитие региона составляет всего 0,15%. Однако, с позиции социального эффекта, социальное предпринимательство является более весомым в процессе развития региона, что связано с рядом причин.

Во-первых, Московская область занимает первое место в России по количеству официально зарегистрированных социальных предпринимателей согласно данным единого реестра, что означает, что данный регион является наиболее благоприятным для развития данного сектора.

Во-вторых, сама сущность социального предпринимательства направлена на решение социальных проблем и барьеров, а не на извлечение экономической прибыли, что обуславливает малую долю вклада в экономическое развитие региона.

Для дальнейшего развития социального предпринимательства и масштабирования деятельности таких предприятий, социальным деятелям необходимо не только научиться корректно планировать развитие социального проекта, но также и учитывать наличие многоуровневого воздействия на социум, что играет немаловажную роль.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 24.07.2007 N209-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 13.07.2021). Режим доступа: Консультант Плюс.
2. Истомина С.В., Лычагина Т.А., Пахомова Е.А. Перспективы развития модели тройной спирали в России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2016. № 12 (345).
3. Лещёв С.В., Миронова Н.Б. Умный интерфейс, разумная среда, искусственный интеллект: метафоры ментализма и энвайронментализма // Гуманитарные науки и образование. — 2014. — № 1. — С. 91–96.
4. Монастырская В.В., Родионова Я.А. Социальное предпринимательство в период цифровизации // Студенческие научные достижения. 2020. С. 41–44.
5. Панина О.В., Ващенко Р.Р. Особенности моделей взаимодействия власти и бизнеса в регионах России // The International Scientific and Practical Congress of Economists and Lawyers "The genesis of genius". — 2014. — С. 215–218.
6. Рождественская Н.В., Богуславская С.Б., Боброва О.С.: Оценка эффективности проектов некоммерческих организаций, социального предпринимательства и гражданских инициатив. Издательство Политехнического университета. 2016. Санкт-Петербург. 168 С.
7. Соловьева Т.С. Решение проблем развития территорий в условиях пандемии COVID-19: роль социальных инноваций // Вестник московского университета им. С.Ю. Витте. серия 1: экономика и управление. 2021. № 2 (37). С. 87–95.
8. Тимохович А.Н., Никурадзе О.И. Измерение эффективности социального предпринимательства // Вестник университета. 2020. № 7. С. 193–198.
9. Шедько, Ю.Н. Корпоративная социальная ответственность на мезо — и микроуровнях / Ю.Н. Шедько, Л.П. Соловьева // Экономика. Налоги. Право. 2011. № 6. 2011. С. 116–126.
10. Cardenete M.A., Garcia-Tapiel J. Entrepreneurship Through Open Data: An Opportunity for Sustainable Development // Sustainability. 2018. P. 1373–1377.
11. Epstein M.J., Buhovac A.R., Elkington J., Herman B. Making Sustainability Work: Best Practices in Managing and Measuring Corporate Social, Environmental, and Economic Impacts. 2017. 294 p.
12. García-Jurado A., Pérez-Barea J., J., Nova R., J. A New Approach to Social Entrepreneurship: A Systematic Review and Meta-Analysis // Sustainability. 2021. № 13 (5). [Electronic access]. URL: <https://www.mdpi.com/2071-1050/13/5/2754>.
13. Mulgan, G. Measuring social value // Stanford Social Innovation Review. 2010. № 8 (3). P. 38–43.
14. Rawhouser H., Cummings M., Newbert S., L. Social Impact Measurement: Current Approaches and Future Directions for Social Entrepreneurship Research // Entrepreneurship Theory and Practice. 2019. № 43 (1). P. 82–115.
15. Ассоциация предприятий индустрии детских товаров. В Подмосковье начинается регистрация социальных предпринимателей. 28 января 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://acgi.ru/news/law/v-podmoskove-nachinaetsya-registratsiya-sotsialnykh-predprinimateley/> (Дата обращения: 02.10.2021).
16. Малый бизнес Подмосковья. Реестр социальных предпринимателей на 01.10.2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://mb.mosreg.ru/content/> (Дата обращения: 03.10.2021).
17. Новый бизнес: социальное предпринимательство. Подставить плечо: как Московская область поддерживает социальных предпринимателей. 27 октября 2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://nb-forum.ru/interview/podstavit-plecho-kak-moskovskaya-oblast-podderzhivaet-sotsialnih-predprinimatelei> (Дата обращения: 02.10.2021).

18. Правительство Московской Области. Социальное предпринимательство в Подмоскowie: направления, задачи и меры господдержки. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://mosreg.ru/sobytiya/novosti/news-submoscow/socialnoe-predprinimatelstvo-v-podmoskove-napravleniya-zadachi-i-mery-gospodderzhki> (Дата обращения: 01.11.2021).
19. Социальное предпринимательство — новый вектор развития социальной сферы в регионах // Аналитический вестник № 2 (762). 2020. [Электронный ресурс]. URL: http://council.gov.ru/activity/analytics/analytical_bulletins/123957/ (Дата обращения: 04.10.2021).
20. Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства. Примеры историй успеха. Аренда помещения детского центра и обеспечение противопожарными оборудованием, закупка инвентаря. [Электронный ресурс]. URL: https://corpmsp.ru/malomu_i_srednemu_biznesu/istorii_uspekha/sotsialnoe-predprinimatelstvo/arenda_pomeshcheniya_detskogo_tsentra_i_obespechenie_protivopozharnymi_oborudovaniem_zakupka_inventa.html (Дата обращения: 01.11.2021).

© Андрущенко Александра Лаврентьевна (alexandralavrentevna@gmail.com),
Бубнов Артемий Левонович (bubnov-1992@bk.ru), Шедько Юрий Николаевич (ynshedko@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Финансовый университет при Правительстве РФ

ПРИМЕНЕНИЕ ЛОГИСТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К ПРОБЛЕМАМ ВТОРИЧНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ МАТЕРИАЛЬНЫХ РЕСУРСОВ В СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ

APPLICATION OF A LOGISTIC APPROACH TO THE PROBLEMS OF RECYCLING OF MATERIAL RESOURCES IN THE CONSTRUCTION INDUSTRY

G. Akhmedova

Summary. In this article, the author outlines the methods and ways of applying the principles of logistics in order to solve the problems of collection, processing and recycling of material resources. The purpose of the work is to demonstrate the objective need for secondary use in the production and consumption of material resources. The author has set the following tasks: to determine the prerequisites in the modern economy that require a transition to recycling and recyclable materials, as well as the main problems in the field of waste processing that the production and consumption sectors face. The author in the paper proposed a logistical concept for managing secondary material resources. This concept is able to expand the scope of logistics and is aimed at enhancing the importance of secondary material resources. According to the author, the application of this concept will favorably affect the ecological and economic situation.

Keywords: recycling, logistics, green economy, ecology, secondary material resources, reverse logistics.

Ахмедова Гулесар Тахировна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)»
gulesar@mail.ru

Аннотация. В данной статье автором обозначены методы и способы применения принципов логистики с целью решения проблем сбора, переработки и вторичного использования материальных ресурсов. Целью работы является демонстрация объективной необходимости вторичного применения в производстве и потреблении материальных ресурсов. Автором поставлены следующие задачи: определение предпосылок в современной экономике, требующих переход к рециклингу и вторсырью, а также основных проблем в области переработки отходов, с которыми сталкивается сферы производства и потребления. Автором в работе предложена логистическая концепция управления вторичными материальными ресурсами. Данная концепция способна расширить сферу применения логистики и направлена на усиление значимости вторичных материальных ресурсов. По мнению автора, применение данной концепции благоприятно повлияет на экологическую и экономическую обстановку.

Ключевые слова: рециклинг, логистика, зеленая экономика, экология, переработка, вторичные материальные ресурсы, возвратная логистика.

Введение

На сегодняшний день проблемы, связанные с экологическим аспектом стали серьезным вопросом в строительной деятельности. В строительной отрасли образуется значительное количество отходов, оказывающих негативное воздействие на окружающую среду и здоровье людей в том числе [1]. Зачастую, строительные отходы имеют большие вариации классификаций, начиная от физических форм отходов, заканчивая степенью опасности. Согласно отчету программы Организации Объединенных Наций по окружающей среде, на строительный сектор приходится до 40% мирового годового потребления энергии и 20% мирового годового потребления воды, а также 40% общемирового годового объема отходов, полученных в результате строительства, строительного-демонтажных работ и т.д. [3]. Урбанизация увеличила спрос на здания и инфраструктуру, что, в свою очередь, приводит к по-

треблению материальных ресурсов, воды и энергии и образованию большого количества материальных отходов на протяжении всего срока реализации проекта по строительству объектов, сооружений и зданий.

На этом фоне стратегии, предложенные в современных научных трудах, в основном направлены на улучшение управления цепями поставок в строительстве за счет минимизации отходов и повышения ценности за счет эффективного управления информацией и улучшения логистики. Зеленая логистика направлена на управление бизнес-процессами строительства наиболее экологичным образом.

Возвратная (реверсивная) логистика является одной из составляющих циркулярной экономики. Сбор, переработка и вторичное использование материальных ресурсов считаются фундаментальными этапами реверсивной логистики, которые обеспечивают осно-

вы циркулярной экономики. Внедрение принципов логистики в проблемы использования вторичных материальных ресурсов рассматривается как «лечебная» мера, которая смягчает пагубное воздействие строительных проектов на окружающую среду и позволяет строительным предприятиям быть более эффективными, получая экономические выгоды и устойчивую конкурентоспособность [4]. Применение логистических принципов направлено на восстановление отходов, образующихся в результате строительной деятельности, одновременно максимизируя оставшуюся стоимость строительных материалов и снижая затраты на управление отходами.

Однако, на сегодняшний день, в строительном секторе возвратная логистика применяется реже, чем в производственном секторе. Одной из причин этого недостатка является тот факт, что жизненный цикл продукта в строительстве, как правило, намного дольше, чем в производственном секторе. В отличие от обрабатывающей промышленности, где возвратная логистика, как правило, хорошо интегрирована и рассматривается с самого начала стадии разработки продукта, то в строительной отрасли, зачастую, рассматривается как независимая деятельность. В связи с этим, координация между заинтересованными сторонами имеет решающее значение для интеграции принципов логистики в экономику и строительную отрасль.

Таким образом, практика проектирования для деконструкции позволила бы систематически сносить здания определенным способом, чтобы материалы сноса сооружений оставались высокоценными, а размер материального ущерба уменьшался и соответственно, выросла бы возможность вторичного использования материальных ресурсов [2].

Цель исследования, описанного в этой статье, состоит в том, чтобы предложить новый взгляд на то, как методы и принципы логистики могут быть применимы в строительной отрасли от этапов инициации, проектирования, управления материалами и строительства до этапов эксплуатации/обслуживания. Важно рассмотреть модель реверсивной логистики для строительной отрасли, наряду с размерами, элементами и их показателями для оценки эффективности при строительстве.

Теоретической и методологической основой исследования явились разработки отечественных и зарубежных исследователей по проблемам внедрения современных механизмов переработки отходов и применения принципов и методов логистики с целью эффективного вторичного использования материальных ресурсов и формирования инфраструктуры данной отрасли. Методологическую основу исследования со-

ставил комплексный подход, включающий в себя общенаучные и специальные методы.

В том числе, предложенные показатели эффективности, собранные из научных трудов, были распространены среди ученых и практиков из строительной отрасли с помощью открытой анкеты, которая позволила респондентам дать рекомендации или предложения относительно показателей, которые следует принять во внимание. Предполагалось, что это не только повысит точность, но и обеспечит практичность и полноту показателей.

Управление материальными потоками — это система планирования и контроля, обеспечивающая своевременное указание надлежащего качества и количества материалов и оборудования. Материалы должны приобретаться по разумной цене и быть доступными для использования в случае необходимости. Стоимость материалов составляет большую часть общей стоимости строительства. Таким образом, роль заинтересованных сторон в контроле на этапе управления материалами имеет важное значение, поскольку она обеспечивает основу для этапа зеленого строительства, связанного с реализацией на местах.

Зеленое строительство, как следующая концепция для участия в процессе строительства экологически чистых зданий, разрабатывается различными заинтересованными сторонами. Особенно важной заинтересованной стороной на этом этапе является подрядчик. Подрядчику поручено планировать, осуществлять и контролировать строительные работы от начала до конца, чтобы гарантировать, что все аспекты соответствуют существующим правилам. В этой концепции подрядчики не только несут ответственность за строительство прочных и эффективных зданий, но также должны уделять внимание окружающей среде. Зеленое строительство является важным этапом в минимизации воздействия на окружающую среду. Подход зеленого строительства стремится сбалансировать возможности окружающей среды с потребностями человеческой жизни для настоящего и будущих поколений. Три основных этапа зеленого строительства: сокращение использования неэкологически чистых ресурсов, сокращение отходов, образующихся в процессе, и сокращение выбросов, создаваемых проектом. Целью внедрения зеленого строительства является минимизация отходов на этапе строительства косвенно за счет сокращения энергии и ресурсов; в результате выбросы также будут снижены в процессе строительства.

Однако, есть несколько препятствий, которые мешают компаниям внедрять «зеленое» строительство. К ним относятся следующие:

- а) подрядчики ограничены наличием экологически безопасного оборудования;
- б) отсутствие рабочих, обученных принципам зеленого строительства;
- с) отсутствие определенности в отношении экологически чистого материала, заявленного легитимным учреждением;
- д) технологические ограничения при осуществлении зеленого строительства.

Для решения вышеуказанных проблем, которые в полной мере являются препятствием для внедрения процессов переработки в производство и не только необходимо принять некоторые способы решения.

Например, стоит отметить, что на современном этапе развития бизнес-структур и производства в целом объективно необходимо расширение и дополнение регулирования строительной деятельности в нормативно-правовых актах различного уровня, начиная от Федеральных законов, заканчивая региональными

решениями каждого субъекта Российской Федерации в соответствии со своей спецификой.

Важно внедрить определенные способы поощрения, посредством формирования льгот для предприятий, применяющих в своей деятельности переработку и прибегающих к использованию в производстве вторичного сырья.

Стоит обозначить, что существует определенный дефицит инфраструктурного обеспечения, необходимо для эффективной реализации принципов циркулярной экономики. Однако, все вышеуказанное является одними из вспомогательных аспектов.

Таким образом, применение методов и принципов логистики считается корректирующей мерой, которая смягчает пагубное воздействие строительных проектов на природную среду и позволяет организациям быть более эффективными и результативными за счет достижения экономических выгод и устойчивой конкурентоспособности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Альбеков А.У. Логистика управления коммерческим оборотом вторичных ресурсов. — СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1998. — 124 с.
2. Альбеков А.У. Логистика вторичных материальных ресурсов // журнал «Российское предпринимательство» 2012 г. выпуск № 2(200)
3. Отчет программы Организации объединённых наций по окружающей среде [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://www.unep.org/ru/resources/doklad/otchet-o-vypolnenii-globalnykh-obyazatelstv-do-2021-goda>
4. Пирса Д., Уолтера И. Использование вторичных ресурсов: аспекты / — М.: Экономика, 1981.

© Ахмедова Гулесар Тахировна (gulesar@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ РЫНКА ЦЕННЫХ БУМАГ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКЕ

FORMATION, PROBLEMS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT OF THE SECURITIES MARKET IN THE MODERN RUSSIAN ECONOMY

**V. Borobov
Yu. Mindlin**

Summary. The scientific article reveals the essence and role of the securities market. The history of the formation of the securities market is considered in some detail. The problems in the conditions of the modern economy are revealed. Promising directions for attracting long-term capital and macroeconomic stability are proposed.

Keywords: securities, stock market, investments, stocks, federal bonds, investments, primary and secondary markets, financial system, joint stock companies, information space, foreign policy, financial education.

Боробов Василий Николаевич

Д.э.н., профессор, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологий — МВА имени К.И. Скрябина; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
vborobov@mail.ru

Миндлин Юрий Борисович

К.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологий — МВА имени К.И. Скрябина
mindliny@mail.ru

Аннотация. В научной статье раскрывается сущность и роль рынка ценных бумаг. Довольно подробно рассматривается история формирования рынка ценных бумаг. Раскрываются проблемы в условиях современной экономики. Предлагаются перспективные направления для привлечения долгосрочного капитала и макроэкономической стабильности.

Ключевые слова: ценные бумаги, фондовый рынок, инвестиции, акции, федеральные облигации, инвестиции, первичный и вторичный рынок, финансовая система, акционерные общества, информационное пространство, внешняя политика, финансовое образование.

Ценные бумаги являются важной составляющей любой финансовой системы и экономической деятельности.

В настоящее время мировая экономика сталкивается с новыми вызовами и рисками, такими как торговые войны между странами, огромным количеством санкций между участниками международной экономической арены, а также пандемией коронавируса, которая существенно повлияла на экономическое функционирование всего земного шара.

Нестабильность мировой экономики создает дополнительные проблемы для экономики Российской Федерации, особенно в контексте функционирования фондового рынка в современных условиях. В России практически недавно сформировался сам механизм рыночной экономики. Это позволяет утверждать, что развитие российского рынка происходит достаточно ускоренно, так как России необходимо не только адаптироваться к постоянно меняющимся условиям, но при этом и сохранять темпы роста.

Вопрос интеграции российского рынка ценных бумаг в международное экономическое пространство

вызывает много споров и дискуссий среди экспертов и опытных в данном вопросе людей. Современная международная ситуация однозначно имеет негативное влияние на российскую экономику, а именно создает риски финансового кризиса, непростую конъюнктуру рынка и, следовательно, неблагоприятный инвестиционный климат в стране. Укрепление экономики Российской Федерации, а также её стабильность и высокие темпы роста напрямую зависят от того, насколько эффективно функционирует рынок ценных бумаг, составляющая часть фондового рынка. Это определяет актуальность вопроса формирования и развития рынка ценных бумаг в России [2].

Рынок ценных бумаг по своей сути является сегментом финансового рынка, который в свою очередь распределяет денежные средства между участниками экономических отношений. Иными словами, финансовый рынок мобилизует финансовые средства и направляет их субъектам экономики для использования в определенных целях.

В свою очередь фондовый рынок выполняет функцию налаживания кредитных отношений с помощью ценных бумаг. Сами ценные бумаги, по сути, свободно

обращаются на рынке, не нарушая никаких производственно-экономических процессов. Более того, они значительно упрощают механизм деятельности хозяйственных субъектов и их владельцев.

Так, ценная бумага представляет собой объект сделок на рынке. Законом она определяется как эмиссионная ценная бумага, которая закрепляет права человека, владеющего ей, на получение прибыли, степень вовлеченности и участия в хозяйственной деятельности того или иного экономического субъекта. Ценные бумаги могут выпускаться в разных формах и видах, таких как вексель, акции и облигации, которые в свою очередь могут подразделяться на государственные и муниципальные, и другие виды ценных бумаг.

С развитием экономики любому бизнесу и начинающему предприятию необходимо постоянное привлечение ресурсов. Это послужило причиной появления такого феномена как РЦБ. В настоящее время РЦБ играет особенно важную роль в финансировании венчурных предприятий, или, как их еще называют — рискованных. Подобные проекты требуют единовременных и объемных инвестиций, а РЦБ в свою очередь позволяет привлечь подобные финансовые ресурсы. РЦБ подразделяется на денежный рынок и рынок капитала. Денежный рынок — это сфера обращения краткосрочных ценных бумаг. Ценная бумага рассматривается как элемент денежного рынка только если срок её обращения не превышает 365 дней. Следовательно, основная цель денежного рынка — это обеспечение краткосрочного финансирования. К рынку капитала относятся ценные бумаги, сроком не более 1 года, либо бессрочные ценные бумаги. В качестве примера можно привести акции. Поэтому, основная цель рынка капитала — долгосрочное финансирование.

Если рассматривать организационную структуру рынка ценных бумаг, то его можно разделить на первичные и вторичные рынки. На первичном рынке выпускают новейшие ценные бумаги, что называется первичным размещением или IPO (Initial Public Offering) [8], а на вторичном рынке происходит уже обращение и последующая купля/продажа. В свою очередь вторичный рынок так же можно разделить на две составляющие: биржевой и внебиржевой рынки. Стоит отметить, что мобилизация ценных бумаг происходит именно при первичном выпуске эмитентом, а важным моментом является то, что основным критерием эффективности функционирования рынка государственных и муниципальных ценных бумаг является высокий уровень ликвидности вторичного рынка, как основного фактора снижения рисков и издержек.

Внебиржевой рынок изначально служил для обращения ценных бумаг, но по мере развития экономики

и бизнеса появилась необходимость строго упорядочивать обращение, то есть фиксировать время, курс, правила и другое. Однако требованиям биржи в полной мере отвечают только акции крупных компаний и предприятий, поэтому финансы слабого бизнеса оборачиваются на внебиржевом рынке. Важным моментом является то, что основным критерием эффективности функционирования рынка государственных и муниципальных ценных бумаг является высокий уровень ликвидности вторичного рынка.

Одним из главных предназначений рынка ценных бумаг является — привлечение дополнительных средств фирмам и предприятиям для их развития. Всё это напрямую влияет на рост ВВП, на состояние экономики и такие факторы как инвестиционный климат, что определяет конкурентоспособность государства на международной арене. Кроме того, важно заметить, что РЦБ не является абсолютно независимым явлением и по своей природе очень подвержен государственному регулированию инвесторов и эмитентов. Это в свою очередь подтверждает тот факт, что рынок не является полностью независимым, а также характеризует его как часть мировой экономики, поскольку государства могут использовать это в качестве инструмента для привлечения и оттока инвестиций. В России рынок ценных бумаг регулирует специальная Федеральная комиссия (ФКЦБ) [1]. Подобное регулирование необходимо не только для обеспечения и развития реального сектора экономики, но и для самого РЦБ в целом.

Важными эмиссионными и регулируемыми инструментами РЦБ являются государственные и муниципальные бумаги. Именно эмиссия этих бумаг главным образом позволяет привлекать капитал и ресурсы для расходов и развития бюджета. На данный момент Россия выпускает эмиссии внутренних и внешних государственных займов, а также муниципальных. Разница между двумя видами ценных бумаг заключается в том, что государственные ценные бумаги характеризуют долговые отношения между государством и инвесторами. Существует несколько разных типов государственных ценных бумаг, которые классифицируются по сроку обращения и другим факторам. Статус государственных ценных бумаг в РФ могут иметь лишь облигации федерального уровня и уровня субъектов. Муниципальные облигации как правило не имеют государственного статуса. Они отличаются главным образом целями, объемами выпуска и местными масштабами.

Таким образом, можно сделать вывод, что рынок ценных бумаг представляет собой неотъемлемую часть любой финансовой системы и мировой экономики, как составляющей части фондового рынка развитых и развивающихся стран. Он напрямую влияет на рост ВВП,

а следовательно, и на темпы роста экономики, а также определяет конкурентоспособность инвестиционного климата отдельно взятой страны. РБЦ подразделяется на несколько рынков и в совокупности составляет важную часть фондового рынка в целом.

Принято считать, что рынки ценных бумаг появились во времена феодализма. Точная дата возникновения неопределенна до сих пор. В период 16–18 веков они играли роль инструмента привлечения временно свободных денежных ресурсов, и в этот же период они появились в странах Западной Европы, в основном в развитых. Эксперты связывают возникновение РЦБ с непреодолимым ростом государственных расходов, развитием бизнеса и международных отношений, в особенности экономических отношений. Логично, что появление РЦБ означает и появление рынков обращения, где ценные бумаги могли покупаться и продаваться.

Что касается появления рынка ценных бумаг в России, мнения экспертов расходятся. Кто-то считает, что они появились в начале 18 века или во время правления Петра 1, а кто-то считает, что появление РЦБ относится к правлению Екатерины 2, когда в Амстердаме был совершен первый государственный внешний заем [3]. Данная точка зрения подкрепляется аргументом, что именно после этого государство стало на регулярной основе удовлетворять финансовые потребности через займы на зарубежных рынках. В целом начало развития рынка ценных бумаг в России принято отсчитывать с Российской империи, причем происходило оно неравномерно. Весьма актуальная точка зрения подразумевает появление ценных бумаг в 1769 году, тогда же, когда появились и бумажные деньги.

Государственные ценные бумаги появились в Российской империи во времена правления Александра 1. В то же время, в 1817 году был сформирован орган — Государственная комиссия погашения долгов. Что касается периода обращения, государственные займы подразделялись на 4 вида — краткосрочные, среднесрочные, долгосрочные и бессрочные. Следует отразить такой вид ценных бумаг как гарантированные бумаги. К ним можно было отнести облигации либо акции железнодорожных компаний. По сути, это была единственная бумага, которая на 100% гарантировала своевременное получение средств вне зависимости от возникших проблем у эмитента. Это в свою очередь стимулировало привлечение иностранного капитала для развития реального сектора [4].

Стоит отметить, что в начале 20 века РЦБ уже был достаточно развит для того времени. Аргументом может послужить то, что в Петербургская фондовая биржа в то время была крупнейшей биржей в Европе.

В период правления Александра 2, в Российской империи впервые появились долговые ценные бумаги городов для местных властей. Торговля ценными бумагами производилась фондовыми отделами товарных бирж и государственных банков при содействии коммерческих.

По факту, в начале 20 века российский рынок ценных бумаг был окончательно сформирован и достиг своего максимума к 1914 году. Однако серьезным вызовом для рынка ценных бумаг в Российской империи стало начало Первой Мировой войны, что привело к кризису. В то время это было характерно для всех стран европейского рынка, но все же между РЦБ Российской Империи и РЦБ других стран прослеживалась огромная разница. Не успев восстановиться после войны, в 1917 году РЦБ сталкивается с новыми проблемами — февральские события и смена правительства, которые привели к фактическому форматированию той системы, которая была наработана за все предыдущие годы.

После смены правительства декрет ВЦИК аннулировал все внутренние и внешние долговые обязательства, которые были заключены во времена империи. Возрождение принято связывать с переходом на новую экономическую политику (НЭП), хотя “реанимация” рынка и была кратковременной. В период 1922–1923 было выпущено 2 краткосрочных займа — хлебный и сахарный. Они носили не только краткосрочный, но даже “сезонный” характер, а обращение не превышало 365 дней. Однако среди народа особой популярностью пользовалась возможность погасить натуральный налог, который был введен в то время, через облигации от этих займов [4].

Помимо сахарного и хлебного займов был также выпущен и “золотой” займ, который являлся государственным, а время обращения составляло свыше 11 лет. Однако государство было вынуждено организовывать принудительное размещение, поскольку среди населения он не имел успеха.

Что касается рынка частных бумаг, то полноценно он начал функционировать только в 1922 году. Основными городами, в которых велась торговля, являлись Харьков, Москва, Ленинград и другие. Однако стоит отметить, что подобный момент был характерен в большей степени для физических лиц. Позднее появились “американки” — так называемые вечерние фондовые биржи. К их основным участникам можно было отнести уже не только физических лиц, но и кредитные учреждения и частные предприятия, в то время как государственные и муниципальные субъекты имели ряд ограничений на доступ к данным биржам. Американки стали

неким прообразом современных фондовых бирж, их отличало более либеральное управление. Однако их функционирование прекратилось так же быстро, как и сама политика НЭП.

Если сравнивать начало 20 века и середину 20 века, то можно заметить, что частота размещения правительственных займов значительно упала в середине века, однако выросло количество заимствований. Привлекая большие объёмы экономических ресурсов, они фактически были неэффективны. Советскому правительству не удалось вовремя рассчитаться со своими обязательствами по займу, а это в свою очередь приводило к принудительным методам реализации, как например выплата рабочим в виде облигаций.

Почти сразу после смены правительства и вплоть до 1980 года вообще не проводилась денежная эмиссия [5]. Возрождение начало происходить в виде выпуска негосударственных облигаций. Иными словами, различные предприятия выпускали “акции”, которые фактически никак не меняли отношения собственности. В 1988 году Совет Министров СССР принял решение о том, чтобы узаконить статус “акций трудового коллектива” и “акций предприятий и организаций”, среди которых первые предназначались для работников, а вторые для юридических лиц. К тому же начали появляться первые акционерные общества. Это стало существенным толчком в развитии в сторону появления рынка реальных долевых бумаг.

Первые акционерные общества были закрытыми. Однако в 1991 году их акции уже начали размещаться на акционерном рынке, а через год там появлялись уже акции зарубежных компаний. Это послужило стимулом для развития института фондовой биржи. Но главным событием является появление ваучера, с которого начинался новый этап РЦБ в России. Ваучеры были доступны всем гражданам страны, их так же можно было обменивать на акции различных компаний, которые были приватизированы. Несмотря на то, что подобная политика не помогла достичь главной цели — наделение граждан частью приватизированной собственности, это вызвало достаточно бурное развитие РЦБ уже в современной России. Однако проблем было много, это нестабильная финансовая ситуация, дефицит бюджета и другое. Многие предприятия были в то время неплатежеспособны, вследствие чего начало развиваться вексельное обращение. С тех пор и по настоящее время наиболее ликвидными остаются ценные бумаги предприятий-монополий в сырьевых сферах.

Таким образом, можно сделать вывод, что развитие рынка ценных бумаг в России происходило неравномерно и имело ряд проблем, которые существенно тор-

мозили это развитие. На протяжении всей истории его формирования РЦБ сталкивался с такими вызовами как изменение конъюнктуры, войны, и даже полное “форматирование” системы рынка. Если во времена Российской империи и ранее, темпы развития рынка ценных бумаг были сравнимы темпам развития РЦБ в западных странах, то в советский период он полностью потерял свой истинный вид и стал полностью государственным, в соответствии с экономической моделью того времени. Именно это послужило причиной ускоренного развития рынка ценных бумаг в дальнейшем и необходимости его интеграции в мировую экономику. Несмотря на то, что в конце советской России РЦБ “получил второе дыхание”, существует еще немало вопросов, которые предстоит решить.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что формирование рынка ценных бумаг в современном понимании началось в России только после распада СССР. Получается, что время зарождения современного рынка пришлось на период экономического спада. На тот момент для РЦБ в России было много проблем, включая: отсутствие правовой базы и регулирующих методов, преобладание малоликвидных активов, низкий уровень операций и высокая подверженность внешним факторам. К сожалению, и в современное время немного из этого кардинально изменилось.

Как уже было сказано ранее, современная международная обстановка не характеризуется политической и внешнеэкономической стабильностью, а скорее наоборот. Особенно актуальным этот вопрос остается для России на фоне санкций западных стран и пандемии коронавируса.

Основная проблема развития российского рынка ценных бумаг заключается в особо острой потребности привлечения капитала из-за рубежа. На самом деле данная проблема присутствует уже давно, по факту с кризиса 2008 года, однако в совокупности с пандемией коронавируса она приобретает особую актуальность.

На протяжении многих лет рынок ценных бумаг в России в большей степени подвергался геополитическим факторам. На данный момент он достаточно остро реагирует на политические факторы, которые взаимозависимы с экономическими — санкции, торговые войны, могут привести к серьезным изменениям конъюнктуры и валютного курса, что отрицательно сказывается на макроэкономической обстановке. Влияние подобных факторов подтверждают такие агентства как Fitch и S&P [7]. Так, первое агентство присвоило России классификацию “BBB-”, что, конечно, ставит Россию в категорию инвестиционно-привлекательных стран,

но среди всех остальных стран этого рейтинга Россия находится почти на низшем месте. Очевидно, что основной инвестиционный потенциал — это сырьевая база. Проблема в том, что этот рейтинг не менялся уже с 2016 года как минимум [10].

Однако главной проблемой является неразвитость рынка, поскольку он является достаточно молодым. Многие эксперты отмечают высокую степень неликвидности российского рынка ЦБ и большой разрыв с другими развитыми странами. В совокупности с низкими рейтингами международных агентств, большинство инвесторов опасаются выходить на российский рынок и собирают портфель, который будет приносить им прибыль только в периоды роста, а когда в экономике начинаются проблемы, то они просто распродают свои ценные бумаги и массово уходят, что приводит к еще более высокому уровню цикличности экономики в современной ситуации. Такую сложную ситуацию можно частично объяснить неравномерностью и сложностью истории развития данного рынка. Финансовый рынок России не соответствует масштабам экономики государства, не успевает развиваться так же быстро как это необходимо на современном этапе. Основные проблемы можно разделить на методологические, кадровые и организационные. Отсутствие должной инфраструктуры подкрепляется слишком малым сроком развития рынка, а следовательно, и отсутствием хороших специалистов и методологий.

Все это прямо доказывает тот факт, что население в большей степени просто не хочет связываться с рынком ценных бумаг. В эпоху развития технологий и социальных сетей становится очевидно, что иностранным инвесторам даже не обязательно заходить на рейтинговые агентства, чтобы понять всю ситуацию.

Как было выяснено в течение данного исследования, цель фондового рынка любого государства — это обеспечение функционирования экономических отношений, для удерживания темпов роста экономики и развития государства. Именно это делает страну привлекательной для инвесторов. Однако становится очевидно, что российский РЦБ не является привлекательным для иностранных инвесторов на фоне описанных выше проблем. За счёт того, что на рынке нет достаточного количества операций происходит нехватка финансирования. Если бы данная сфера получила должное регулирование, это смогло бы не только проинформировать и образовать население в этом плане, но и защитить рынок нежелательных сделок. С учётом вышеперечисленного, то можно обнаружить, что большинство проблем упираются также в отсутствие необходимого законодательства. Современное законодательство не принимает во внимание особенности

налогообложения некоторых операций, к тому же присутствует большое количество противоречий в законодательстве [6].

Среди других проблем особенно важно выделить слаборазвитую систему муниципальных заимствований. Если бы она была достаточно развита, она могла бы ослабить зависимость муниципалитетов от дотаций более высоких органов власти и спокойно направлять средства на различные проекты по развитию инфраструктуры. Внутренний рынок ценных бумаг муниципального уровня испытывает серьезную нехватку ресурсов. Российские банки пытаются сосредоточиться на ликвидности активов и инвестируют в малорискованные ценные бумаги федерального уровня. К тому же подавляющее большинство муниципалитетов не имеет официальных кредитных рейтингов, соответственно им практически невозможно свободно выйти на международный кредитный рынок. Стоит отметить так же отсутствие должного законодательного регулирования [11].

Решение вышеперечисленных проблем поможет снизить негативное влияние на фоне международной нестабильности и повысить привлекательность инвестиционного климата для иностранного капитала.

Несмотря на все вышеперечисленные проблемы у России определенно есть потенциал, а российского рынка ценных бумаг присутствуют перспективы. В основном, всё упирается в решение текущих проблем, работа в данном направлении пока ведется слабо, и РЦБ пока хоть и медленно, но развивается.

Для того, чтобы кардинально изменить ситуация, в первую очередь необходимо грамотно выстраивать внешнюю политику государства, как минимум в целях стабилизации курса рубля и макроэкономической стабильности.

Также необходимо проработать законодательство и более жестко наказывать за неправомерные действия участников на рынке ценных бумаг. При этом необходимо брать во внимание налоговый аспект и продумать законодательную базу так, чтобы в ней не было противоречий. В данном направлении уже ведется работа и присутствуют некоторые положительные подвижки. Так, в 2018 году было заявлено о разработке закона по борьбе с инсайдерской информацией [9]. Смягчение налогового законодательства поможет привлечь большее количество капитала, так как все меньше людей начнут сомневаться в надежности российского фондового рынка.

Особого внимания заслуживает вопрос о создании дружелюбного информационного пространства.

Это прямо влияет на имидж российских ценных бумаг не только у самого населения страны, но и у иностранных государств. Государству необходимо серьезно заняться образованием и просвещением населения в этом вопросе, а особенно тех, кто решил связать свою деятельность и будущую профессию с рынком ценных бумаг. Прекрасно обученное молодое поколение может стать тем самым поколением специалистов, которые смогут вывести РЦБ на новый уровень, тем самым повысив привлекательность страны для иностранного капитала. Учитывая мощь и качество российского образования, данный пункт может быть вполне осуществимым. Конечно, частично проблему финансовой безграмотности решает тот факт, что на рынке уже присутствует достаточно большое количество брокеров, а крупные отечественные компании, такие как Тинькофф, Сбербанк и ВТБ уже начали процесс автоматизации и усовершенствования финансового и инвестиционно-образовательного образования среди населения. Но как показывает практика — этого пока недостаточно.

Таким образом можно сделать вывод, что РЦБ России все еще далек от идеального. Основные проблемы,

касающиеся данного аспекта, опираются в законодательство и слабую инфраструктуру рынка. Отсюда вытекают такие вопросы как недоверие населения, низкое количество финансовых и инвестиционных специалистов, которые могли бы развивать этот рынок. Все это дополняется очень нестабильной геополитической и экономической обстановкой в мире, от чего рынок ценных бумаг также очень сильно зависит. Несмотря на все эти проблемы необходимо подчеркнуть, что это довольно молодой рынок, а любой новый рынок, особенно в такой крупной экономике как Россия имеет все шансы на успех и перспективы. Исходя из вышеизложенного, можно сделать соответствующие выводы.

Необходимо уделять больше внимания насущным проблемам, связанным с рынком ценных бумаг, многие из которых сохраняются и имеют актуальность уже на протяжении многих лет. Преодолев эти проблемы, Россия совершенно точно сможет повысить не только темпы роста экономики, но и привлечь достаточно количество долгосрочного капитала в свою страну и содействовать развитию макроэкономической стабильности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 22.04.1996 N39-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О рынке ценных бумаг» // Российская газета, N79, 25.04.1996.
2. Анесянц Ю.С. Институциональная трансформация рынка ценных бумаг: теория и методология // Ростов-на-Дону — 2014. — С. 343–344.
3. Лялин В.А. «Российский рынок ценных бумаг: основные этапы и тенденции развития» / Проблемы современной экономики. — 2012. — № 2.
4. Лялин В.А. «Кризисные этапы и современные проблемы развития российского фондового рынка» / Проблемы современной экономики. — 2010. — № 3. — С. 223–226.
5. Тимерьянова Ф.Р. Ключевые проблемы развития рынка ценных бумаг в РФ // NovalInfo.Ru. — 2016. — № 44. — С. 1–3.
6. Николаева И.Ю. Оценка состояния и перспективы развития российского рынка ценных бумаг // Символ науки. — 2016. — № 11.
7. S&P Official Website URL: <https://www.spglobal.com> (дата обращения: 24.10.2021).
8. Journal OpenBroker. Что такое IPO URL: <https://journal.open-broker.ru/economy/chto-takoe-ipo/> (дата обращения: 25.10.2021).
9. Набиулина Э. Выдержка из конференции НАУФОР от 24 апреля 2018 года // СМИ "ТАСС". [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/5153216> (дата обращения: 26.10.2021).
10. РИА Новости URL: <https://ria.ru/20210710/fitch-1740692415.html> (дата обращения: 25.10.2021).
11. Циалков И. История кризисов по годам // Finhow: Финансовый Портал. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://finhow.ru/krizis/istoriya-krizisov-v-rossii-po-godam> (дата обращения: 24.10.2021).

© Боробов Василий Николаевич (vborobov@mail.ru), Миндлин Юрий Борисович (mindliny@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИННОВАЦИОННАЯ МОДЕЛЬ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА В УСЛОВИЯХ ОГРАНИЧЕННОСТИ РЕСУРСОВ

INNOVATIVE MODEL OF LABOR PRODUCTIVITY GROWTH IN CONDITIONS OF LIMITED RESOURCES

N. Vnukovskiy

Summary. The article investigates and presents the main organizational and intellectual issues of increasing labor productivity in conditions of limited resources, identifies the main criterion for labor productivity growth. An innovative mathematical model for labor productivity is proposed. The analysis is carried out and the specific features of resource constraints are revealed. The main task of labor motivation as an important human factor in modern market conditions is revealed.

Results. Based on the above research and analysis of labor productivity in conditions of limited resources, problems and shortcomings in the methodology for solving the main task of labor motivation as a human factor are identified. Taking into account the uncertainty in the external and internal environment, an economic and mathematical model is proposed for labor productivity growth taking into account resource constraints.

Conclusions. The presented results will improve labor productivity, production efficiency and competitiveness of modern enterprises.

Keywords: labor productivity, limited resources, innovative economic and mathematical model, resource-saving strategy, production and technical resources, human resources, organizational resources, labor motivation.

Внуковский Николай Иванович

*Д.э.н., профессор, Уральский государственный
университет путей сообщения
Vnukovsk@ya.ru*

Аннотация. В статье исследованы и представлены основные организационно-интеллектуальные вопросы о повышении производительности труда в условиях ограниченных ресурсов, выявлен главный критерий роста производительности труда. Предложена инновационная математическая модель для производительности труда. Проведен анализ и выявлены специфические особенности ресурсных ограничений. Выявлена основная задача мотивации труда как важный человеческий фактор в современных рыночных условиях.

Результаты. На основе приведенных исследований и анализа производительности труда в условиях ограниченности ресурсов выявлены проблемы и недостатки в методологии решения основной задачи мотивации труда как человеческого фактора. С учетом неопределенности во внешней и внутренней окружающей среде предложена экономико-математическая модель для роста производительности труда с учетом ресурсных ограничений.

Выводы. Представленные результаты позволят повысить производительность труда, эффективность производства и конкурентоспособность современных предприятий.

Ключевые слова: производительность труда, ограниченность ресурсов, инновационная экономико-математическая модель, ресурсосберегающая стратегия, производственно-технические ресурсы, человеческие ресурсы, организационные ресурсы, мотивация труда.

Материалы и методы

Использованы методы системного, сравнительного и статистического анализа. В основе исследования лежат фундаментальные положения современной экономической теории в сфере повышения производительности труда, эффективности и конкурентоспособности предприятия. В основу инновационной модели роста производительности труда положен метод управления ресурсными ограничениями.

Результаты

Еще во времена перестройки при Горбачеве многим было непонятно и удивительно, почему, если ты ответственный, дисциплинирован, работаешь с полной отда-

чей, и вдруг нужно срочно перестраиваться, что вызвало у многих слоев населения определенные вопросы. На современном этапе в связи со многими неопределенностями, ресурсными ограничениями, пандемией и другими экономико-социальными проблемами также возникает множество актуальных вопросов — одним из которых является вопрос о повышении производительности труда, поскольку в условиях экономико-пандемийной обстановки в организациях, на предприятиях, в корпорациях на первое место выдвигается всем известный принцип — что темп роста заработной платы ни в коем случае не должен превышать темп роста производительности труда. Поэтому, в виду низкой заработной платы у среднего класса, который является основной движущей силой во всех бизнес-процессах любого предприятия, очень остро стоит вопрос о вы-

живаемости и улучшении жизненного уровня, в основном, за счет необходимости искать инновационные методы и подходы для повышения производительности труда на своем рабочем месте [4–5, 16].

Сегодня руководство каждого предприятия, чтобы удержать свое устойчивое финансовое состояние вынуждены в условиях пандемии зачастую «резать по-живому», сокращение и увольнение человеческих ресурсов, а также снижать инвестиционные и производственные ресурсы в виде машин, оборудования, материалов и финансов, которые напрямую взаимосвязаны с производительностью труда.

В связи с возникающей проблемой о повышении производительности труда в условиях ограниченных ресурсов: материальных, финансовых, инновационно-инвестиционных, информационных, административных, человеческих, аутсорсинговых и многих других, которые с каждым днем расширяются и модернизируются, особенно в условиях цифровой трансформации, когда ресурсы — это те механизмы регулирования, которые воздействуют на основные бизнес-процессы предприятия, к которым следует отнести такие уникально-приоритетные ресурсы, как интернет вещей, большие данные, эко-системы, новые интерфейсы, цифровые двойники, цифровые станции, цифровой профиль клиента, цифровой портрет сотрудника, цифровое взаимодействие предприятия с органами власти и как итог, это возникающее умное производство и др. [6–8].

Исходя из вышеизложенного возникает стандартная задача как повысить производительность труда в условиях ограниченности необходимых ресурсов. Если рассматривать стандартную методологию решения данной проблемы, то следует начинать с разработки моделей исследуемой проблемы. Согласно стандартного подхода в основу главной функции положен критерий роста производительности труда за счет усиления интенсивности всех имеющихся физических, психологических и моральных сил у работающего персонала.

Исследуя основные западные подходы к повышению производительности труда следует выделить три основных направления.

1. Внедрение высокотехнологичного оборудования, современных технологий и правильная компетентная эксплуатация приобретенного технического, программного оборудования и современных технологий.
2. Совершенствование бизнес-процессов на предприятии с применением реинжиниринга, информационных и цифровых технологий, ликвидация непроизводительных затрат рабочего времени,

снижения брака, а также применения наукоемких, ресурсосберегающих технологий, которые тесно взаимосвязаны с самой важной проблемой — проблемой управления человеческими ресурсами.

3. Эффективная технология управления персоналом на предприятии, которая включает достойную заработную плату за достойный труд (в 2,5 раза больше чем рыночная заработная плата, которая на сегодня составляет 50–75 тыс. рублей), престижные зарубежные стажировки персонала и научная мотивация труда [4, 17].

При таких направлениях повышения производительности труда заработная плата персонала составит порядка 4-х зарплат по рыночному уровню на одного работника. Однако на российских предприятиях на современном этапе в основном используют устаревшие и неэффективные системы оплаты и стимулирования труда (сдельные, сдельно-премиальные, на основе KPI и др.), в результате предприятия быстро проигрывают в конкуренции западным компаниям. Руководители предприятий проблему мотивации обычно отодвигают в сторону, а на первое место выдвигают объем реализации продукции, услуг с целью внедрения современных технологий профессиональными менеджерами путем создания системы эффективных продаж с целью максимизации прибыли, однако при этом используется устаревшая бизнес-стратегия «низкая зарплата — низкая производительность труда, купить дешевле — продать дороже», экономя на выплате зарплаты специалистам или увольняя наиболее эффективных, высококвалифицированных, но более высокооплачиваемых и заменяя их на низкооплачиваемый и нерентабельный труд.

Аналогичная ситуация наблюдается и в государственных университетах, где работает явный административно-командный метод управления, при которой учебный процесс работает эффективно, а вот реализация каких-либо специальных проектов носит чаще всего формальный характер, поскольку персонал материально не имеет конкретной заинтересованности в результатах выполнения предложенных проектов, по которым вознаграждение получают только высшие руководители, а исполнители имеют только условную мотивацию, не превышающую даже 25% от заработной платы. Поэтому, если нужно действительно добиться существенных результатов в научно-профессиональной деятельности, нужно на кафедрах и факультетах переходить от административно-командного метода управления к проектному методу, как наиболее прогрессивному и эффективному [10–11].

Выход из этой ситуации — это внедрение инновационной бизнес-стратегии, перспективной ресурсосбе-

регающей, в основе которой лежит знаменитый тезис Генри Форда «высокая зарплата — высокая производительность труда, причем реализацией продукции и услуг занимаются все подразделения, участвующие в производстве и реализации высоко-конкурентной продукции. При эффективной деятельности профессиональных специалистов, прошедших стажировку на современных предприятиях, в бизнес-центрах в различных странах Европы — Италии, Франции, Германии и в США, в результате деятельность специалистов на местах изменилась, она стала в удовольствие с получением ожидаемых результатов, с получением возросшей, 4-х кратной мотивации персонала и соответствующего роста производительности труда и повышением эффективности производственных бизнес-процессов [3, 12].

Для решения данной задачи наиболее лучше подходит оптимизационная экономическая модель, с помощью которой из множества возможных вариантов использования необходимых ресурсов выбирается наилучший вариант с наименьшими затратами. В качестве единого *критерия оптимальности* рассматривается показатель, выражающий предельную меру роста производительности труда. Формализованное или математическое выражение критерия оптимальности запишем в виде *целевой функции*, как математическое представление критерия оптимальности через отобранные экономические показатели ограничений используемых ресурсов на предприятии;

Математическую инновационную модель роста производительности труда в условиях ограниченности ресурсов можно представить в виде:

$$П = F (X_1, X_2, X_3, \dots, X_n) \quad (1)$$

и удовлетворяют системе из *m* ограничений, ограничительные условия, налагаемые на возможные решения, имеют вид *линейных* равенств или неравенств [1].

$$\begin{aligned} & П = \sum_{j=1}^n C_j X_j \rightarrow \max, \\ & X_j \geq N_{dj}; (j=1,2,3,\dots,n), \\ & X_j \leq N_{zj}; (2) \end{aligned}$$

где *П* — целевая функция;

X_j — объем производства *j*-ой продукции в натуральном выражении;

N_{dj} — затраты на производство *j*-ой продукции в натуральном выражении;

N_{zj} — объем *j*-ой продукции по заявкам потребителей;

m — номенклатура ограниченных используемых ресурсов;

a_{ij} — норма расхода *i*-го ресурса на единицу *j* — ой продукции;

b_i — объем выделенного *i*-го ресурса;

C_j — прибыль предприятия от реализации единицы *j*-ой продукции.

Можно решать с позиции ограниченности необходимых ресурсов, с точки зрения минимума расхода какого-нибудь ресурса, нужно определить те ресурсные ограничения (или как слабые стороны) предприятия для достижения поставленной цели, повышения производительности труда, эффективности и конкурентоспособности предприятия.

С точки зрения системотехники и системологии производительность любой системы определяется производительностью самого слабого звена или закона исследуемой системы: «наиболее значим для системы тот фактор, который более всего отклоняется от оптимального его значения по закону Либиха. По теории Голдратта, основоположником методики управления ограничениями, были исследованы ограничения изучаемых предприятий. Главным ограничением для российских предприятий является «низкая зарплата — соответственно, низкая производительность труда». Исходя из опыта передовых западных компаний и корпораций в условиях рыночной экономики нужно внедрять ресурсосберегающую стратегию ведения бизнеса «высокая зарплата — высокая производительность труда» [4–5].

Главными аспектами в алгоритме повышения производительности труда следует выделить наиболее существенные основные ресурсы.

1. Производственно-технические ресурсы — недвижимость, машины, оборудование, технологии.
2. Человеческие ресурсы — компетентность, профессионализм, корпоративная культура, этика взаимоотношений.
3. Организационные ресурсы — системы планирования, управления, контроля и контроллинга.

На российских предприятиях основное внимание уделяется только производственным ресурсам, в результате рост производительности труда не превышает 25%, поскольку инвестиции на увеличение зарплат также составляют не более 25%. В этой ситуации на первое место нужно было ставить человеческий фактор, поскольку именно этот параметр является наиболее приоритетным, он связан с решением проблемы

повышения производительности труда путем использования специфических уникальных технологий управления человеческими ресурсами. После решения этого вопроса следует ликвидировать другие ограничения ресурсов по сокращению производственных затрат, повышению производственно-технических и организационных факторов (в системе управления, в логистических и производственных процессах, в оборотных средствах). Итак, последовательно и поочередно устраняя ограничения в ресурсах постепенно возникает рост производительности труда на предприятиях и корпорациях до 100%, что приведет в конечном итоге к 4-х кратному увеличению производительности.

Таким образом, повышение производительности труда и, соответственно, прибыльность предприятия можно достичь двумя путями.

1. Сократить количество персонала и производить тот же объем продукции (услуг) меньшим числом сотрудников, в результате повышается производительность труда, растет рентабельность продукции и уменьшается ФОТ на предприятиях.
2. Зарубежные компании, не сокращая численности персонала, производят больший объем продукции, снижая себестоимость и повышая производительность труда.

Российским предприятиям следует отказаться от устаревшей стратегии, которая является главным ограничителем в развитии многих предприятий, причем изменить старую стратегию «низкая зарплата — низкая производительность труда, купить дешевле — продать дороже» невозможно никакими успешными тактическими и оперативными стратегиями [5,15]. Предприятия всегда будут финансово-неустойчивыми, дефицит инвестиций в развитие и в конечном варианте предприятие обанкротится. Поэтому для развития современных предприятий нужно внедрять ресурсосберегающие стратегии с тезисом «высокая зарплата — высокая производительность труда, сделать также, но дешевле». Если же на предприятии ничего не менять, то путь к повышению производительности труда будет минимальным.

Следовательно, именно человеческий фактор в сильной степени ограничивает рост производительности труда и снижает эффективность деятельности предприятия, в результате требуются специальные технологии управления персоналом, при которой работники будут работать в соответствии с требованиями со стороны руководства. Далее, после решения проблемы с повышением производительности труда персонала следует исследовать другие ограничения ресурсов — это организационные факторы и производственно-технические ресурсы. Затем, последовательно

устраняя все виды ограничений можно добиться 100% роста производительности труда, т.е. к 4-х кратному увеличению.

На основе предложенной мотивационной технологии управления персоналом можно сформировать инновационную модель роста производительности труда. В качестве целевой функции данной модели положен главный принцип мотивации персонала в виде максимизации целевой функции.

$$\begin{aligned} \Pi &= \sum C_j X_j \rightarrow \max, \\ 3\text{ФОТ} &\leq 4\Pi \\ 4X_j &> N_{dj}; (i=1,2,3,\dots,n), \\ \text{УПЗ} &> 4(3\Pi + \text{НР}); \\ X_j &\leq N_{zj}; (3) \\ n \\ \sum_{j=1} a_{ij} * X_j &\leq b_i; (i=1,2,3,\dots,m), \end{aligned}$$

где Π — целевая функция; ЗП — зарплата персонала; ФОТ — фонд оплаты труда; УПЗ — условно-постоянные затраты;

НР — накладные расходы;

X_j — объем производства j -ой продукции в натуральном выражении;

N_{dj} — затраты на производство j -ой продукции в натуральном выражении;

N_{zj} — объем j -ой продукции по заявкам потребителей;

m — номенклатура ограниченных используемых ресурсов;

a_{ij} — норма расхода i -го ресурса на единицу j -ой продукции;

b_i — объем выделенного i -го ресурса;

C_j — прибыль предприятия от реализации единицы j -ой продукции.

Таким образом, если не решить главную проблему, задачу мотивации труда, как человеческий фактор, то предприятие всегда будет работать с минимальной эффективностью. Мотивация труда на предприятиях является приоритетной, поэтому международные компании обязательно при открытии дочерних компаний в странах с низкопроизводственной культурой, обязательно стажировать персонал в головных компаниях [17–18].

В России сегодня данная стратегия практически не доступна. Причина заключается в большом количестве возникающих ограничений, связанных с неравенством в материальном отношении между руководством и специалистами, находящимися в полной зависимости от руководящего состава. На предприятиях наблюдается большой разрыв в оплате руководства и специали-

стов-профессионалов, отсутствуют нормативно-правовые документы современной системы мотивации персонала в соответствии с 4-х кратным увеличением рыночной зарплаты. Администрация в первую очередь старается экономить на зарплате персонала, что приводит к тезису: «Руководство делает вид, что вам «хорошо оплачивают ваш труд, а персонал делает вид, что хорошо работает», но это не приведет к увеличению роста производительности труда и других финансовых показателей».

Следует на самом высоком уровне подчеркнуть стратегическую важность решения проблемы мотивации сотрудников для решения проблемы производительности труда. Именно решение проблемы мотивации труда тесно взаимосвязаны с организационными и экономическими проблемами, с которыми регулярно сталкиваются руководители, акционеры и собственники российских предприятий.

Анализируя деятельность на российских предприятиях выявлено, что причиной на большинстве предприятий всех организационных и экономических проблем предприятий является практически нерешенность проблемы мотивации труда.

Основными организационными и экономическими проблемами на российских предприятиях в современных пандемийно-рыночных условиях являются:

- ◆ снижение продаж (услуг), оборотных средств и соответственно, рентабельности и прибыльности предприятий;
- ◆ перегруженность современных руководителей и ответственных исполнителей операционной, часто пустой ненужной работой, завышенным документооборотом;
- ◆ высокая закредитованность, нехватка финансовых ресурсов, низкие инвестиции;
- ◆ мошенничество в коммерческих банках путем решения личных выгод и как результат снижения инвестиционной политики в масштабах РФ (примеры с открытием ИИС и обмана клиентов путем навязывания им неэффективных стратегий и покрытия этих убытков за счет бюджетных ресурсов);
- ◆ обман со стороны российских страховых компаний (СК «Альфа-страхование», «СК Ренесанс — Жизнь») и защита их мошеннических действий со стороны судебных органов;
- ◆ уменьшение доли рынка, повышенный брак и высокие риски в производственной деятельности;
- ◆ высокий износ оборудования, основных фондов;
- ◆ неэффективная логистическая деятельность на предприятиях;

- ◆ низкая эффективность выполнения текущих процессов, связанных с низкой квалификацией и заниженной ответственностью исполнителей на рабочих местах.

Все эти проблемы зачастую связаны с нерешенностью проблемы мотивации труда. Если взять проблему торговых фирм, то проблема сокращения продаж объясняется неконкурентными ценами на продукцию (услуги) и с высокими внутренними и внешними издержками, а также низкой платежеспособности как физических, так и юридических фирм. Эти проблемы также связаны с нерешенностью проблемы мотивации персонала.

Решение проблемы мотивации труда персонала является главной задачей руководства предприятий, для этого в первую очередь, следует сменить стратегию ведения бизнеса и повысить эффективность, прибыльность российских компаний, для чего нужно внедрять стратегию бережливого производства, автоматизацию и реинжиниринг бизнес-процессов.

Проблема мотивации обычно скрыта организационными и экономическими проблемами. Организационные проблемы: неисполнительность, низкая дисциплинированность, несогласованность в работе персонала, подразделений, смежных фирм, склоки и обсуждения сослуживцев, перекуры, болтовня на работе, телефонные разговоры по личным вопросам, множество бесполезных действий в рабочее время, поэтому низкая производительность труда не более 25%, низкие объемы производства и высокие издержки. Организационные проблемы влияют на уровень экономических проблем — уменьшение прибыли, рентабельности, износ основных фондов, снижение основных средств, низкие инвестиции, уменьшение числа клиентов, потребителей и как результат — уменьшение доли рынка и снижение конкурентоспособности предприятия [13].

Руководители российских предприятий в первую очередь решают на предприятии — экономические проблемы, поскольку их решение является вопросом выживаемости. Наличие экономических проблем является предлогом нерешенности проблемы в системе мотивации персонала. Руководители данную проблему не могут осознать и решить за короткий промежуток времени, им не хочется терять, даже кратковременно свое вознаграждение, свой премиальный фонд за счет экономии зарплаты на своем персонале. Поэтому руководство использует устаревшие классические системы оплаты и стимулирования персонала, которые не смогут решить поставленную проблему — проблему 4-х кратного роста производительности труда. Низкая заработная плата на российских предприятиях при-

водит к рыночным неудачам, низкой прибыльности и к стагнации экономики.

Выводы

Чтобы в современной пандемийно-рыночной экономике повысить конкурентоспособность российских предприятий необходимо:

1. Изменить стратегию на ресурсосберегающую «высокая зарплата — высокая производительность труда и сделать так же, но дешевле».
2. Решить проблему мотивации труда за счет повышения эффективности производства.

3. В срочном порядке внедрить стратегию устранения ограничений.
4. Применить методы научной организации труда, реинжиниринга бизнес-процессов, основные методы бережливого производства, использование современных информационно-цифровых технологий, а также автоматизацию бизнес-процессов и процедур.
5. Снизить производственные издержки, цены на реализуемую продукцию (услуги), что приведет к повышению потребительских свойств продукции, к росту производительности труда, объему реализации и увеличению прибыли [4, 19].

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамов В.Л. Конкурентоспособность экономики России: современное состояние и стратегия // Экономика, статистика и информатика. — 2012. — № 2. — С. 3–7.
2. Баум У. Современный бихевиоризм. Поведение, культура, эволюция. — М.: Практика, 2020.
3. Бовыкин В. Новый менеджмент. Решение проблем управления. — М.: Экономика, 2004. — 362 с.
4. Бовыкин В. Новый менеджмент // Часть IV. Научная мотивация труда. — М.: Экономика, 2004. — С. 209.
5. Блинов А. и др. Модернизация экономики: единство технологической, образовательной и коммуникационной стратегий // Проблемы теории и практики управления. — 2012. — № 4. — С. 8–16.
6. Внуковский, Н.И. Тенденции трансформации корпораций с целью повышения их конкурентоспособности // Современная наука: актуальные вопросы теории и практики, Серия: Экономика и право, — 2020. — № 1. — С. 16–20.
7. Внуковский, Н.И. Интеллектуально-организационные проблемы в развитии интеллектуальной транспортной системы // Современная наука: актуальные вопросы теории и практики, Серия: Экономика и право, — 2020. — № 1. — С. 16–20.
8. Внуковский, Н.И. Цифровая трансформация организаций в современных российских условиях // Н.И. Внуковский, А.С. Колышев. — Современная наука: актуальные вопросы теории и практики, серия: Экономика и право, — 2021. — № 6. — С. 6–8.
9. Внуковский, Н.И. Создание структуры системы знаний стратегической инвестиционной деятельности телекоммуникационных компаний / Успехи современной науки. — 2016. Том 4, № 12. — С. 113–116.
10. Внуковский Н.И. Управление стратегической инвестиционной деятельностью. Екатеринбург, изд. УГТУ-УПИ, 2006. — 140 с.
11. Глазьев С.Ю. Стратегия опережающего развития России в условиях кризиса. — 2010 г.
12. Гловели, Г.Д. Неоинституциональная экономическая теория — М.: Большая российская энциклопедия, 2004–2017.
13. Детмер У. Теория ограничений Голдратта: системный подход к непрерывному совершенствованию. — М.: Альпина Паблишер, 2017.
14. Майерс Д. Социальная психология / Дэвид Майерс. — СПб. [и др.]: Питер, 2004.
15. Международная научная конференция «Современная российская экономика: кейнсианский вариант выхода из стагнации»: сборник тезисов / под ред. А.А. Пороховского, К.А. Хубиева, С.В. Кайманакова. — М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2017. — С. 85–87.
16. Ершова, М.В., Жариков, В.Д. и др. Модель роста производительности труда персонала на промышленном предприятии. — Экономические проблемы организации производства. // Организатор производства. — 2015. -№ 2. — С. 66–77.
17. Новая экономическая политика: политика экономического роста. — М.: Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН, 2013 г.
18. РАН, Россия на пути к современной и динамичной экономике, под редакцией академиков А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева. — М., 2013. — С. 84.
19. Форд Г. Моя жизнь, мои достижения: с современными комментариями / Генри Форд. — М.: Издательство АСТ, 2020. — С. 10–20.

© Внуковский Николай Иванович (Vnukovsk@ya.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРИНЦИПЫ И ПРОБЛЕМЫ МАСШТАБИРОВАНИЯ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ ИНДУСТРИИ 4.0 НА ПРОМЫШЛЕННОМ ПРЕДПРИЯТИИ¹

Литвин Ирина Юрьевна

К.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве Российской Федерации, г. Москва
IYLitvin@fa.ru

PRINCIPLES AND PROBLEMS OF SCALING THE INTRODUCTION OF INDUSTRY 4.0 TECHNOLOGIES IN AN INDUSTRIAL ENTERPRISE

I. Litvin

Summary. The rationale of the study is that the digitalization of the Russian economy can become an important source of long-term economic growth. In order to analyze the strategies and problems of scaling the introduction of Industry 4.0 technologies in an industrial enterprise, it is first necessary to determine which technologies included in it should be considered first. The reason for this is the fact that the Fourth Industrial Revolution brought with it fundamentally different technologies, the scaling strategies of which will differ significantly from each other; in addition, the associated scaling problems will also vary, which is primarily due to the fact that various technologies involve the introduction of excellent software and hardware complexes, in some cases the implementation of excellent business models, and so on.

Keywords: technology implementation, scaling strategies, digitalization of the economy, Internet of things, cybersecurity.

Аннотация. Обоснованием исследования является то, что цифровизация российской экономики может стать важным источником долгосрочного экономического роста. С целью проведения анализа стратегий и проблем масштабирования внедрения технологий Индустрии 4.0 на промышленном предприятии сперва необходимо определить то, какие входящие в нее технологии необходимо рассмотреть в первую очередь. Причиной тому является тот факт, что Четвертая промышленная революция принесла с собой принципиально разные технологии, стратегии масштабирования которых будут значительно отличаться друг от друга; кроме того, ассоциированные с ними проблемы их масштабирования также будут различаться, что в первую очередь связано с тем, что различные технологии предполагают внедрение отличных программно-аппаратных комплексов, в некоторых случаях реализации отличных бизнес-моделей.

Ключевые слова: внедрение технологий, стратегии масштабирования, цифровизация экономики, интернет вещи, кибербезопасность.

При проведении исследования предполагалось, что стратегии масштабирования новых цифровых технологий во многом зависят от принципов самой Индустрии 4.0. Игнорирование компаниями этих принципов в процессе цифровизации собственных производств и бизнес-процессов приводит к тому, что многие из них сталкиваются с тем, что внедрение той или иной технологии не принесло ожидаемых эффектов или же просто застопорилось, так и не реализовавшись.

Некоторые компании внедряют новые технологии изолированно, тем самым ограничивая их потенциальную эффективность.

Успешная интеграция новых технологий во многом зависит от того, насколько хорошо продуманными являются те технологические системы, к которым компании стремятся прийти, насколько они учитывают, каким образом технология изменит и оптимизирует деятельность компании на всех ее уровнях, чтобы ее сотрудники могли делать то, что они умеют лучше всего.

Исследователи Мельбурнского королевского технологического университета Австралии (RMIT University) определили шесть принципов проектирования, которые компаниям важность принимать во внимание в процессе имплементаций в свои бизнес-процессы и производства технологий индустрии 4.0. Эти принци-

¹ Статья подготовлена по результатам исследований «Механизмы поддержки проектов в сфере развития цифровых высокотехнологичных направлений» выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

пы включают в себя: интероперабельность; виртуализация; децентрализация, возможность работы в режиме реального времени; ориентация на обслуживание; модульность.

Возможность работы в режиме реального времени относится к сбору и анализу данных в режиме реального времени, позволяя принимать решения без промедления и в любой данный момент.

Эта особенность некоторых технологий Индустрии 4.0 (в частности, интернет вещей и другие киберфизические системы, большие данные, ИИ и так далее) позволяет непрерывно мониторить, как функционирует бизнес, что можно улучшить и где и какие находятся точки роста. Она также позволяет проводить анализ микротенденций, немедленно реагировать на сбои на производственных линиях или принимать упреждающие действия при обнаружении аномалий и неэффективностей.

Благодаря распространению датчиков и устройств, подключенных к Интернету, большинство компаний уже имеют доступ к большим объемам данных, которые могут анализировать в режиме реального времени.

Именно здесь инструменты с открытым исходным кодом имеют решающее значение, позволяя малым и средним предприятиям (МСП) создавать недорогие и интегрированные платформы с отчетностью, подключенные ко множеству существующих на предприятии источников данных. Облачные вычисления в свою очередь означают позволяют управление этими данными в режиме реального времени без необходимости ждать подготовки отчетов; при этом многие подобные платформы предлагают встроенную аналитику, которую можно просматривать в любом месте и в любое время.

Результаты и обсуждение

Компаниям нелегко дается масштабировать новые цифровые технологии и внедрять их использование в производственные и операционные процессы в глобальном масштабе — как уже было сказано в начале работы, лишь половина компаний успешно внедряют эти технологии и масштабируют их на все свои мощности. Существует набор являющихся на то причиной препятствий правового, технического и экономического характера.

По данным компании PwC, которые были представлены в ее отчете «Internet of Things: Future technology available today» («Интернет вещей: Технология будущего доступна сегодня»), угрозы и проблемы, с которыми сталкиваются как производители, так и пользователи IoT, могут быть сгруппированы в несколько категорий:

Существует множество факторов, оказывающих влияние на то, как компания, решившая внедрить у себя новые цифровые технологии и сделавшая это успешно, организует непосредственно сам процесс внедрения — от разработки стратегии до реализации, тестирования и масштабирования — в том числе, стоимость человеческих ресурсов, стоимость материалов и программного обеспечения, стоимость инсталляции инфраструктуры, выбор стандартов и протоколов, на основе которых будет проводиться внедрение и организовываться работа внедренной технологии и многое другое. Все эти аспекты в значительной степени варьируются от страны к стране, от региона к региону. В связи с этим для компаний проблематично осуществлять бенчмаркинг, опираясь на опыт других компаний, так как аналогичный по различным параметрам компании, которая проводит у себя внедрение нужной технологии, на практике может просто не оказаться.

По мнению экспертов PwC, одним из факторов, который может помешать внедрению Интернета вещей в России, является отсутствие соответствующей правовой базы, включая отсутствие правового регулирования в сфере IoT по таким важнейшим вопросам, как защита персональных данных и права на частную жизнь.

Регуляторные угрозы

Прежде всего широкое внедрение Интернета вещей в России требует создания благоприятной регуляторной среды, включая либерализацию законодательства о беспилотных летательных аппаратах, дистанционно управляемых сервисах и так далее.

Государственным органам необходимо не только устранить правовые барьеры для внедрения новых технологий в конкретных секторах, но и разработать новые отраслевые стандарты. Например, регистрация носимых устройств и датчиков, которые удаленно контролируют жизненные показатели пациента, может занять до одного года в соответствии с действующими правилами. В области логистики такие задачи, как таможенное оформление, также могут быть довольно трудоемкими.

Если вышерассмотренные проблемы, ассоциированные с технологиями Индустрии 4.0, носят скорее общий характер и не связаны напрямую с их масштабированием, хотя и должны учитываться к его ходе, факторы, которые будут рассмотрены далее, напрямую осложняют процесс масштабирования внедрения новых цифровых технологий, рассмотренных в этой работе.

Как для компаний, так и для потребителей кибербезопасность является одной из самых серьезных угроз,

связанных с широким внедрением в первую очередь технологии Интернета вещей. Устройства, которые раньше не имели цифровых компонентов и не были подключены к Интернету (и поэтому не могли быть взломаны), теперь подключены к нему. По мере расширения рынка интернета вещей кибератаки могут затронуть транспорт, городскую инфраструктуру, частные дома и квартиры или даже целые производственные объекты.

Для производителей, не сумевших разработать или внедрить устройства и системы с комплексной защитой от взлома, последствия могут быть крайне серьезными. Системы безопасности должны идти в ногу с технологическими инновациями. Особенно чувствительным вопросом является защита личных медицинских данных (для пользователей телемедицинских услуг). Очевидно, что медицинские технологические решения должны быть способны гарантировать безопасность и конфиденциальность агрегируемых данных. Однако, в связи с тем, что кибербезопасность требует значительных инвестиций, IoT-решения могут стать значительно более дорогими и менее доступными широкому кругу компаний.

Разработка масштабируемой, гибкой технологической архитектуры, способной адаптироваться к новым требованиям стремительно меняющейся действительности, эволюции технологий, а также хорошо интегрирующийся как с внутренними системами предприятия, так и с экосистемами партнеров, становится колоссальной задачей.

Одна из самых больших проблем, с которыми ассоциированы платформы интернета вещей, связана с управлением мастер-данными и целостностью архитектуры данных. Сложность интеграции IoT-систем в существующие корпоративные и облачные решения организаций часто недооценивается. Компании также сталкиваются с проблемой масштабирования команды и найма специалистов, специализирующихся на этих технологиях. Сложности со стандартизацией технологий IoT также является серьезной проблемой, особенно в случае интеграции системы компании с системами партнеров. Рассмотрим особенности масштабирования отдельных технологий.

Интернет вещей

По данным компании Microsoft, которые она приводит в своем отчете «IoT Signals», почти треть проектов внедрения IoT-решений терпят неудачу на стадии доказательства концепции (Proof-of-Concept — PoC). Техническая сложность — одна из самых больших проблем масштабируемости Интернета Вещей. Таким образом, выбор правильной IoT-технологии с правильной архи-

тектурой имеет первостепенное значение для обеспечения долгосрочной жизнеспособности внедряемой системы. В этом блоге мы обсудим пять основных соображений, которые вы должны учитывать при планировании крупномасштабного внедрения IoT. Успешное масштабирование IoT-решения требует учета следующих важных факторов:

- **IoT-решения требуют большой емкости беспроводных систем связи на предприятии.** Тот значительный поток данных, который генерируется интеллектуальными устройствами IoT-платформы требует очень высокой пропускной способности беспроводных систем связи предприятия. При этом обеспечение работоспособности и эффективности такой системы не должны обеспечиваться за счет снижения скорости или качества транспортировки данных по сети; в противном случае во многом потеряется первоначальный смысл интернета вещей как технологии, обеспечивающей за счет непрерывного и быстрого взаимодействия как «умных» устройств друг с другом, так и с другими системами предприятия возможность проведения аналитики и принятия решений (в том числе самими «умными» устройствами) в режиме реального времени.

Постоянный массовый поток трафика способен создать значительные проблемы с пропускной способностью систем связи предприятия, поскольку устройства внутри и между системами соперничают за место в радиочастотном спектре. Надежные индикаторы, такие как количество ежедневных сообщений, которые могут быть обработаны одним шлюзом, способны помочь оценить масштабируемость рассматриваемой системы.

- **Совместимость архитектуры.** Каждое IoT-решение представляет собой смесь разнородных компонентов и технологий. Это многообразие делает интероперабельность необходимым условием масштабируемости интернета вещей, что позволит избежать устаревания системы до состояния, в котором она не сможет оперативно модернизироваться и идти в ногу со временем. Проектируя архитектуру гибкой с самого начала, компания сможет противостоять ее фрагментации в будущем и снизить затраты на предстоящие интеграционные проекты в долгосрочной перспективе.

Как уже упоминалось выше, не так давно были разработаны технологические стандарты, способствующие горизонтальной интероперабельности, достигающие этого за счет обеспечения глобальной поддержки надежных, прозрачных и последовательных технологических спецификаций и протоколов.

- **Удаленное управление.** В случае, когда речь идет о промышленности или логистике, IoT-устройства зача-

стью могут устанавливаться, опасных или в принципе недоступных местах. Для обеспечения успешной масштабируемости интернета вещей стратегия удаленного управления сетями, «умными» устройствами и оборудованием должна быть определена заранее. Важным аспектом этой проблемы является уже упомянутая кибербезопасность — в случае, когда само устройство в принципе недоступно сотрудникам, этому моменту должно быть уделено особое внимание.

В дополнение к комплексной стратегии и тщательному планированию компании также следует обратиться к мощному инструменту управления сетью и устройствами, чтобы иметь возможность удаленно оптимизировать, автоматизировать и управлять ими.

Облачные технологии

По данным компании N-IX, масштабирование облачных технологий предполагает 5 основных шагов:

1. **Мониторинг и оценка инфраструктуры.** Важно определить текущую нагрузку на систему и то, как она будет расти в будущем. Анализ исторических данных и сбор метрик помогает понять, с какими проблемами столкнулся бизнес в определенные периоды времени, и спрогнозировать проблемы, с которыми он столкнется в будущем. Это также поможет определить препятствия для эффективного масштабирования и определить наилучшие решения этих проблем.
2. **Дизайн системы.** Разработка планов, включающих в себя выбор поставщиков облачных услуг, выбор различных зон доступности, планирование автомасштабирования и многое другое.
3. **Пилотный этап.** Проверка системы на нагрузочных тестах. Система при необходимости корректируется и затем вводится в эксплуатацию.
4. **Этап эксплуатации.**
5. **Поддержка.** Поддержка инфраструктуры может осуществляться как на стороне клиента, так и делегироваться аутсорсинговому поставщику услуг.

Большие данные

Большие данные, имеют ряд особенностей, связанных с их масштабированием, при чем нужно заметить, что эти особенности схожи с теми, что присутствуют у таких технологий, как искусственный интеллект и машинное обучение: структура и подход к хранению корпоративных данных, подбор правильных инструментов для масштабирования проводимой аналитики, подход к обеспечению качества данных и так далее.

Структура и хранение. Важные аспекты здесь включают в себя:

- ◆ Где и как будут храниться данные: на «облаке», в корпоративном хранилище данных и т.д.
- ◆ Являются ли данные структурированными или неструктурированными.
- ◆ Требуется ли интеграция озера данных (data lake).
- ◆ Как будет реализовываться контроль доступами и др.

Системы управления базами данных (СУБД), такие как SQL Server, Teradata или СУБД с открытым исходным кодом, такие как MySQL и PostgreSQL, обеспечивают эффективное хранение и управление данными. Эти СУБД используют структурированный язык запросов (Structured Query Language — SQL), который позволяет пользователям писать к базе данных (БД), и выгружать их из нее. Стоит ли использовать реляционную базу данных или выбрать фреймворк Hadoop, обеспечивающий большую гибкость, будет зависеть от типов данных, с которыми работает компания и от некоторых других аспектов.

Подбор правильных инструментов для масштабирования проводимой аналитики. Многие компании начинают с инструментов с открытым исходным кодом и переходят к лицензированным продуктам по мере расширения масштаба предприятия.

Хотя традиционные базы данных могут использовать запросы и хранимые процедуры для некоторых манипуляций с данными, их основное назначение — хранение и извлечение данных. Для получения больших возможностей для анализа сложных данных, моделирования и составления отчетов используются скриптовые языки, такие как Python, или статистические пакеты, такие как R или SAS. Они могут быть использованы для извлечения данных из БД, подготовки данных к анализу, и сохранения результатов обратно в БД. Они также могут интегрировать другие источники данных и извлекать данные из них (необработанные файлы, веб-страницы, API), а также выполнять проверку данных и обработку ошибок.

Качество данных. По мере развития информационной инфраструктуры организации, перехода от электронных таблиц (например, в Excel) к базам и хранилищам данных, процедуры проверки качества данных должны быть формально определены, документированы и автоматизированы. Исключения должны либо обрабатываться автоматически во время выгрузки данных из источника в БД с использованием predefined бизнес-логики, либо требовать немедленного вмешательства пользователя для исправления любых ошибок.

Предоставление чистых, централизованных и готовых к аналитике данных конечным пользователям

не должно быть односторонним процессом. Эффективное управление данными должно включать в себя цикл обратной связи для ее обработки, при необходимости, включения любых изменений в процессы ETL (Extract, Transform, Load — один из основных процессов в управлении хранилищами данных, который включает в себя: извлечение данных из внешних источников; их трансформация и очистка, чтобы они соответствовали потребностям бизнес-модели; и загрузка их в хранилище данных), что позволяет сделать управление данными более динамичным и гибким.

С развитием организации и возникновением необходимости масштабировать, в том числе, технологию больших данных, становится необходимым внедрение Data governance — это процесс управления доступностью, удобством использования, целостностью и безопасностью данных в корпоративных системах на основе внутренних стандартов и политик данных, которые также контролируют использование данных. Эффективное управление данными гарантирует, что данные являются последовательными и надежными и не используются неправильно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ануфриева А.П. Технологические инновации как современный целевой ориентир региональных подсистем: текущее состояние и региональная дифференциация // Экономика устойчивого развития. 2019. № 1 (37). С. 88–92.
2. Глазьев С.Ю. Какие инновации обеспечат опережающее развитие российской экономики. [Электронный ресурс]. URL: <https://glazev.ru/articles/6-jekonomika/57729-kakie-innovatsii-obespechatoperezhajushhee-razvitie-rossiyskoy-jekonomiki> (дата обращения 20.05.2021)
3. Гумерова Г.И., Шаймиева Э.Ш. Разработка Выставочно-Образовательного Проекта «Менеджмент Цифровой Экономики Как Основа Лидерства В Российской Науке». В Сборнике: Вектор Развития Управленческих Подходов В Цифровой Экономике. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции. Казань, 2021. С. 336–343.
4. Тарасов И.В. Технологии индустрии 4.0: Влияние на повышение производительности промышленных компаний. Стратегические решения и риск-менеджмент. 2018;(2):62–69. <https://doi.org/10.17747/2078-8886-2018-2-62-69>.
5. Трачук А.В., Линдер Н.В. Влияние технологий индустрии 4.0. на повышение производительности и трансформацию инновационного поведения промышленных компаний. Стратегические решения и риск-менеджмент. 2020. Т. 11.№ 2. С. 132–149.
6. Удальцова Н.Л. Потенциал Модели Открытых Инноваций И Его Использование Экономические науки. 2020. № 187. С. 87–93.
7. Харисова Г.М., Харисова Р.Р., Гумарова А.Ф. В сборнике: Сборник трудов международной научно-практической конференции «Интеллектуальный город: устойчивость, управление, архитектура, реновация, технологии». Под общей редакцией Романовой А.И., 2018. С. 150–154.

© Литвин Ирина Юрьевна (IYLitvin@fa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РЕАЛИЗАЦИЯ ИННОВАЦИОННОГО ПРОЕКТА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

IMPLEMENTATION OF AN INNOVATIVE PROJECT IN AN EDUCATIONAL ORGANIZATION

V. Losev
G. Gun

Summary. Relevance. In recent years, there have been huge changes in the education system. Schools are in search of new forms of pedagogical activity. The education system is not just a part of the social life of society, its leading link in introducing innovations and conducting experiments. This requires significant changes in the entire educational environment and the processes taking place in it. Such changes can take place with high-quality innovation processes implemented in an educational organization, which is one of the criteria for the effectiveness of activities and is becoming increasingly relevant.

In modern literature, the problem of innovation is described in various forms and variants. However, until now there has been a problem of assessing the qualitative characteristics of innovative changes in all spheres of public life. A different approach to the assessment of innovative processes is needed, where the analysis of innovative problems includes the use of modern achievements not only in the fields of management, education, but also obtaining results.

However, practice shows that the pedagogical community is not always fully prepared for innovative activities, the selection and design of its current problems, the construction of pedagogical innovations, the implementation of the content of innovative school education with the help of modern pedagogical technologies, to predict the expected result that can be obtained during the implementation of innovations.

Keywords: health, educational environment, teacher, lifestyle, health creation.

Лосев Владимир Рафаилович

К.м.н., доцент, Мурманский Арктический
Государственный Университет
vla-losev@yandex.ru

Гун Григорий Ефимович

Д.м.н., профессор, заслуженный врач РФ, Мурманский
Арктический Государственный Университет
gungrig@inbox.ru

Аннотация. Актуальность. В последние годы в системе просвещения происходит огромные перемены. Школы находятся в поиске новых форм педагогической деятельности. Система образования не просто часть социальной жизни общества, её ведущее звено в внедрении инноваций и проведении экспериментов. Это требует существенных изменений во всей образовательной среде и процессов протекающих в ней. Такие изменения могут иметь место при качественно проводимых инновационных процессах, реализуемых в образовательной организации, что является одним из критериев эффективности деятельности и становится все более актуальной.

В современной литературе проблема инноваций описывается в разных формах и вариантах. Однако до настоящего времени встала проблема оценки качественных характеристик инновационных изменений во всех сферах общественной жизнедеятельности. Необходим иной подход к оценке инновационных процессов, где анализ инновационных проблем включает в себя использование современных достижений не только в сферах управления, образования, но и получении результатов.

Однако практика показывает, что педагогическая общественность не всегда в полной мере готова к инновационной деятельности, отбору и проектированию её актуальных проблем, конструированию педагогических инноваций, реализации содержания инновационного школьного образования с помощью современных педагогических технологий, к прогнозированию ожидаемого результата, который может быть получен в ходе реализации инноваций.

Ключевые слова: здоровье, образовательная среда, педагог, образ жизни, здоровьесозидание.

Одной из форм инновационной деятельности нами была использована программно-проектная деятельность, которая охватила сеть из пяти школ и районов Ленинградской области так называемые стейкхолдеры здоровьесозидающего образования (заинтересованные стороны в успехе). Общей программой, объединяющих школы была «Здоровьесозидающая среда современной школы как способ достижения

новых образовательных результатов» с проектом «Лаборатория безопасного образа жизни, создание условий для формирования эмоциональной и нравственной культуры обучающихся». Реализация которой была необычайно сложной задачей, так как она предусматривает в первую очередь осмысление самой сути здоровья и ведения здорового образа жизни, позволяющих понизить спрос на все те риски, которые могут встретиться

на жизненном пути подрастающего поколения и человечества в целом. Для этого необходимо было провести работу по переосмыслению стереотипов мышления у педагогов в которой коллективы должны были понять и принять необходимость перестроения деятельности в образовательной организации. Одной из целей государственной образовательной политики, как обозначил президент России В.В. Путин, является «переход к устойчивому инновационному развитию российской системы образования, ориентированному на достижение высоких результатов, соответствующих мировым стандартам; создание механизмов непрерывного повышения качества и конкурентоспособности образования, соответствующих потребностям общества и экономики знаний». Схема построения жизнедеятельности сама по себе банально простая: правильное воспитание в семье, образовательной организации и организации досуговой деятельности детей и молодежи.

В реализации пяти проектов был использован проект, о котором вкратце идет описание в этой статье.

Цель проекта: Создание комфортной, безопасной образовательной среды на основе внедрения здоровьесозидающих технологий в работе с учащимися для формирования эмоциональной и нравственной культуры обучающихся и их успешной социализации с учетом состояния физического, морально-психологического здоровья, возрастных и индивидуальных особенностей обучающихся, формирующих нормы и правила здорового образа жизни.

Исходя из понимания, что формирование эмоционально-нравственной культуры обучающегося тесно связано с его духовным и физическим развитием, так как демонстрирует его взгляды, раскрывает чувства, воздействует на все его поведение и на отношения с другими людьми.

Если не уделять достаточно внимания эмоционально-нравственному воспитанию школьника, он не научится правильно выражать эмоции, делиться своими чувствами с окружающими, что в дальнейшем приведёт к серьезным последствиям: коммуникативному барьеру, замкнутости, неуверенности в себе и собственных возможностях — состоянию не успешности.

Для формирования эмоционально-нравственной культуры обучающихся, необходимо понимание учителем духовно-нравственных принципов повседневной жизни. Педагог должен уметь создавать такие условия, где формируется умения откликаться на явления окружающего мира, умения контролировать свои чувства и управлять их проявлениями. Учитель должен видеть в своем ученике друга, единомышленника.

Под безопасным образом жизни для формирования эмоционально-нравственной культуры мы понимаем положительное самоощущение школьника, его эмоциональное, интеллектуальное, личностное и социальное благополучие в конкретных социально-психологических условиях, а также отсутствие ситуаций нанесения психологического ущерба личности, ущемления ее прав.

Формирование культуры здоровья, направленной на ответственное отношение как к своему, так и здоровью окружающих, на стремление сохранить и приумножить свой природный потенциал, гармонизацию личности, готовность поддержать свое душевное равновесие и окружающих, способность воспринимать и создавать прекрасное.

При создании корпоративной модели здоровьесозидающей образовательной среды образовательной организации и принятие решения в основе ее реализации мы использовали модель в виде велосипеда — *центральное положение модели занимает здоровый ученик как критерий образования и педагогического процесса, направленный на формирование и развитие позитивной, устойчивой ориентации на сохранение здоровья, как необходимого условия жизнеспособности, что реализуется в формировании у субъектов педагогического процесса:*

- ◆ способности к позитивному саморазвитию в различных жизненных обстоятельствах, уверенности в себе, развитию чувства компетентности и собственной ценности;
- ◆ мотивации укрепления здоровья, посредством установки на ценность собственного здоровья; приобретения знаний о своем здоровье; овладения способами, охраняющими и умножающими здоровье; умения применять формы накопления здоровья к особенностям своего организма;
- ◆ культуры здоровья, направленной на ответственное отношение как к своему, так и здоровью окружающих, на стремление сохранить и приумножить свой природный потенциал, гармонизацию личности, готовность поддержать свое душевное равновесие и окружающих, способность воспринимать и создавать прекрасное.

Наш ученик выступает в роли организатора своей учебной деятельности.

Он формулирует вместе с учителем и родителями цели обучения, участвует в системе контроля и оценки своей деятельности.

Родители активно участвуют в образовательной деятельности обучающихся, осуществляют помощь школьнику в достижении его целей, создают условия

Рис. 1. Модель построения здоровьесозидающей образовательной среды школы в виде велосипеда

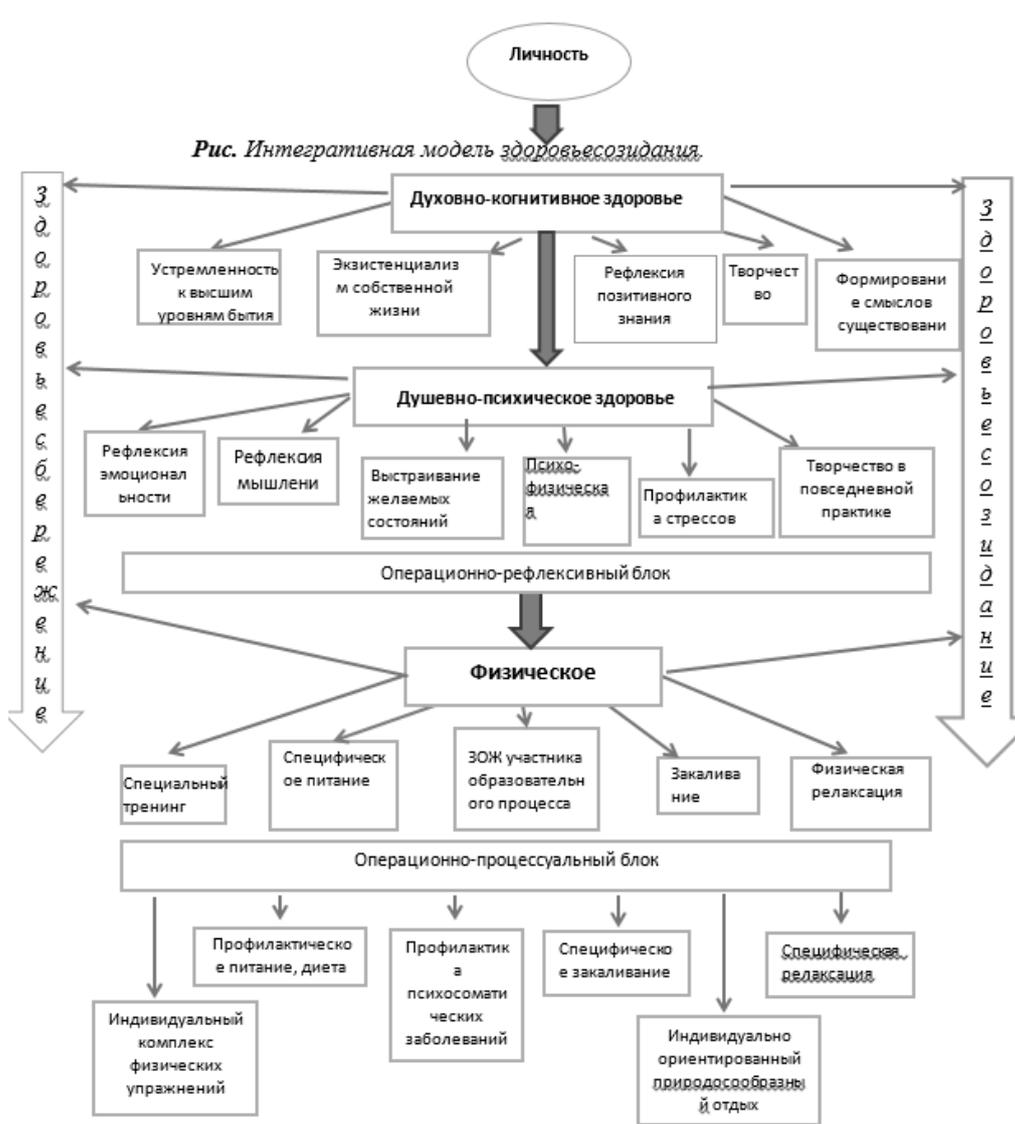

Рис. 2. Интегративная модель здоровьесозидания

для успешного обучения, помогают рационально распределить время для занятий.

Он едет по дороге, выложенной из кирпичиков знаний, которые он уже **имеет, знает**, как ими воспользоваться и **умеет** их применять. Наша задача — ориентировать ученика **использовать** полученные знания, кирпичик **«могу»**. Находить **применения** полученным знаниям в быстро меняющемся информационном мире, или же не бояться получать новые знания — **«хочу»** и **«делаю»**. Таким образом, дорога — это путь постоянного развития, который ведёт к самореализации личности, т.е. **«буду»**

Стан велосипеда — наша лаборатория «Лаборатория безопасного образа жизни, создание условий для формирования эмоциональной и нравственной культуры обучающихся»

Колёса велосипеда — это два направления, которые охватывают безопасный образ жизни и эмоционально-нравственное здоровье. **Пространство между спицами** — результаты, при помощи которых формируется среда и, соответственно, субъекты образования.

Модель построения ЗОС в виде велосипеда, рис 1.

В мировоззрении педагогов произошли существенные изменения, осознание коллективом школы необходимости построения в ОО здоровьесозидающей среды и это способствовало получению новых образовательных результатов.

Создана Интегративная модель здоровьесозидания, координирующая деятельность образовательной организации и позволяющая корректировать управленческие решения, включающая в себя основные блоки деятельности ОО, рис. 2

Во время работы над проектом были дополнены и разработаны школьные локальные акты:

- ◆ внесены изменения: в «Календарный график учебных занятий обучающихся ОО на учебный год», в «Правила внутреннего распорядка обучающихся ОО», также, в школе введено нелинейное расписание (чередование урочной и внеурочной деятельности);
- ◆ дополнения в «Положение о внеурочной деятельности в ОО», т.к. в 2020 году школа вошла в федеральный проект «Современная школа» национального проекта «Образование». В рамках данного проекта в школе создан Центр образования цифрового и гуманитарного профилей «Точка роста», основной целью которого является формирование у обучающихся современ-

ных технологических и гуманитарных навыков по предметным областям.

С целью повышения качества и доступности образования за счет интеграции и использования ресурсов организаций-партнеров в школе разработано «Положение о сетевой форме реализации образовательных программ».

Созданный в течение проведения проекта системный мониторинг, позволил отслеживать состояние психологического комфорта у обучающихся, помочь при выборе правильного образовательного маршрута после окончания основной и средней школы — вся эта деятельность позволила выйти на успешную социализацию выпускников, что подтверждено высоким баллом на итоговой государственной аттестации в 9, 11 классах, успешным поступлением в ВУЗы и самореализация личности в социуме.

В 2021 году МБОУ «КСОШ № 6» включена в «Перечень образовательных организаций Ленинградской области как школа со стабильно высокими образовательными результатами, обладающая высоким потенциалом для достижения высоких академических результатов обучения и лидерскими практиками в конкурсно — олимпиадном движении».

В ходе реализации программно-проектной инновационной деятельности педагогическим коллективом накоплен эксклюзивный опыт. Организован обмен опытом работы по сохранению здоровья обучающихся с педагогами других образовательных организаций.

На базе школы были проведены региональные научно-практические конференции в рамках панельной дискуссии с участием школ-объединений в программу «Здоровьесозидающая среда современной школы как фактор достижения новых образовательных результатов». Школа осуществляет международное сотрудничество по вопросам здоровьесозидания с Солдинской гимназией в г. Нарва, Эстония.

За период реализации проекта руководителями и педагогами были опубликовано 15 статей в журналах и сборниках как федерального так и регионального уровня.

Проблемы здоровья участников образовательного процесса обсуждаются на педагогических советах, родительских собраниях, идёт непрерывное здоровьесозидающее образование и пропаганда здорового образа жизни среди обучающихся и их родителей. Информация о ЗОЖ распространяется через школьный сайт, школьную газету, телевидение и социальные сети. Расширение

спектра дополнительных образовательных программ содействует включению в секционную деятельность обучающихся, которые постоянно находятся в социуме, они не только осваивают определенные знания и умения, но также обучаются ключевым навыкам общения, способности быстро переключаться с одного вида деятельности на другой, а также учатся интегрировать полученные навыки в различных сферах деятельности. В школе проводятся занятия по всем направлениям включая научно-техническое. Занятия ведутся как с обучающимися одного возраста так и в разновозрастных группах.

С целью создания условий для реализации проекта, была создана рабочая группа, которая работала над проектами реализуемые в образовательном учреждении. Изучена методическая и учебно-методическая литература, созданы школьные нормативные акты, положения. Проведены мониторинги (включая стартовый) состояния здоровья обучающихся, на основе которых составлена Программа деятельности ОО, направленной на коррекцию состояния здоровья обучающихся.

Одной из форм организации здоровьесозидающей деятельности МБОУ «КСОШ № 6» выбрала «**Паспорт здоровья класса**» Он позволяет организовать лично — ориентированный подход по сохранению и укреплению здоровья ребёнка, способствует формированию мотивации на здоровый образ жизни, на ценностное отношение к здоровью на основе полных данных о состоянии здоровья каждого ученика содержит все физиологические характеристики детей на основе ежегодной диспансеризации, включая текущие болезни. Для более эффективной работы создаётся пакет диагностических, методических, информационных материалов. «Паспорт здоровья класса» позволяет объединить усилия врачей, педагогов, родителей по сохранению и укреплению здоровья школьников. Разработать и внедрить новые режимные моменты, улучшить состояние здоровья детей, повысить успеваемость, сформировать у ребёнка убеждение, что здоровье — это главная ценность человека, основной фактор успеха на последующих этапах его жизни.

Результатом работы над проектом стали:

- ◆ повышение профессиональной компетентности педагогов: теоретический компонент, практический компонент; мотивационный компонент;
- ◆ создана комплексная система работы по здоровьесозиданию;
- ◆ разработаны методические рекомендации по использованию здоровьесозидающих технологий;
- ◆ снизилась заболеваемость детей на 10%;
- ◆ внедрена система мониторинга;
- ◆ расширился спектр рекламной продукции, формирующей в массовом сознании установки

на формирование культуры здоровья, здоровый образ жизни;

- ◆ более активно стали вовлекаться родители в активный досуг детей;
- ◆ повысилась здоровьесозидающая компетентность всех участников образовательного процесса: участие в конкурсах, конференциях, проектах, в грантах и др.;
- ◆ совершенной стала система организации и проведения работы по профилактике правонарушений;
- ◆ увеличился объем познавательных способностей обучающихся через вовлечение их во внеурочную деятельность;
- ◆ сформирована культура здоровья обучающихся, расширилось внедрение информативных методов самооценки, система организации контроля исполнения Программы.

С сентября 2021 года на базе центра «Точка роста» открыта лаборатория «Уроки настоящего» всероссийского образовательного центра «Сириус. Интеллект» для занятий высокомотивированных обучающихся по научно-техническому направлению. Программа «Уроки настоящего» направлена на организацию сотрудничества и совместной проектной и исследовательской деятельности школьников и научных лидеров страны. В рамках проекта на базе школы сформирована студия из школьников 7–11-х классов. Студийцы встречаются оф-лайн и он-лайн с ведущими учеными и технологами страны и мира, и выполняют задачи от научных лидеров проекта. Проект длится в течение всего учебного года. Данная программа позволяет включить обучающихся в социально-полезную и ориентировано — значимую деятельность которая ориентирует школьника на успех, развитие самостоятельной, творческой личности.

Организован обмен опытом работы по сохранению здоровья обучающихся с педагогами других образовательных организаций.

Внедрены приемы ситуаций успеха, как педагогический приём в современной образовательной практике — это результат совместной деятельности педагогов, обучающихся и их родителей.

В 2020–2021 году проведена результативная работа, направленная на осуществление комплекса мероприятий по активизации пропаганды здорового образа жизни, созданы необходимые условия, способствующие успешной реализации программы развития «Школа — территория и лаборатория здоровья», системы воспитания навыков здорового образа жизни, формирования мировоззрения, основанного на ценности здоровья и развития личности в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Руководство по школьной медицине. Клинические основы /Под ред. проф. Д.Д. Панкова, член-корр. РАМН, проф. А.Г. Румянцева. — М.: ГЭОТАР-Медиа, 2011. — 640 с.
2. Айзман Р.И. Здоровье участников образовательного процесса как критерий эффективности здоровьесберегающей деятельности в системе образования // Отечественная и зарубежная педагогика. — 2015. — № 5 (26). — С. 72–82.
3. Айзман Р.И., Лебедев А.В., Айзман Н.И., Рубанович В.Б. Комплексная оценка здоровья участников образовательного процесса. Учебное пособие для вузов // Москва: Изд-во Юрайт, 2020. — 207 с.
4. Лосев В.Р., Гун Г.Е. Системный подход к сохранению и укреплению здоровья детей и подростков // СПб: Человек и образование ISSN1815–7041 № 3 (68) — 2021. — С. 83–87.

© Лосев Владимир Рафаилович (vla-losev@yandex.ru), Гун Григорий Ефимович (gungrig@inbox.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Мурманск

СИСТЕМА ПРИНЦИПОВ В МОДЕЛИ ТРАНСФОРМАЦИИ ФУНКЦИЙ МЕНЕДЖМЕНТА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

THE SYSTEM OF PRINCIPLES IN THE MODEL OF TRANSFORMATION OF MANAGEMENT FUNCTIONS OF INDUSTRIAL ENTERPRISES IN THE DIGITAL ECONOMY

**L. Martinov
A. Samatova**

Summary. Industry 4.0 makes a direct contribution to the activities of industrial enterprises, forming a digital transformation in management. This transformation takes into account the specifics and features of the components of the digital economy, forms a new understanding of the digitalization of the management system of industrial enterprises. In this article, a system of principles of the model of transformation of the management functions of industrial enterprises operating in the material and virtual environment of the modern economy is developed, in which positive dynamics in the activity of an industrial enterprise is formed, contributing to increasing the efficiency and competitiveness of industrial enterprises. An algorithm for the transformation of all five basic management functions has also been developed, taking into account the interrelation of the features of these components of the digital economy. At the same time, as our research has shown, this algorithm allows managers to choose the most effective «trajectory of managerial actions» from a variety of alternative business trajectories.

Keywords: basic management functions, data lakes, data warehouses, monitoring systems based on multi-agent technologies, neural networks, artificial intelligence systems, virtual reality.

Мартынов Ливон Михайлович

Д.э.н., к.т.н., Московский государственный
технический университет им. Н.Э. Баумана
livonmartinov@mail.ru

Саматова Анжела Ихтиёровна

Аспирант, Московский государственный
технический университет им. Н.Э. Баумана
samatova5995@mail.ru

Аннотация. Индустрия 4.0 вносит непосредственный вклад в деятельность промышленных предприятий, формируя цифровую трансформацию в менеджменте. Данная трансформация учитывает специфику и особенности составляющих цифровой экономики, формирует новое понимание цифровизации системы менеджмента промышленных предприятий. В данной статье разработана система принципов модели трансформации функций менеджмента промышленных предприятий, осуществляющих деятельность в материально-виртуальной среде современной экономики, в которой формируется положительная динамика в деятельности промышленного предприятия, способствующая повышению эффективности и конкурентоспособности промышленных предприятий. Также разработан алгоритм трансформации всех пяти базовых функций менеджмента с учётом взаимосвязи особенностей указанных составляющих цифровой экономики. При этом, как показали наши исследования, данный алгоритм позволяет менеджерам выбирать наиболее эффективную «траекторию управленческих действий» из множества альтернативных бизнес-траекторий.

Ключевые слова: базовые функции менеджмента, «озера» данных, мониторинговые системы на базе мультиагентных технологий, нейросети, системы искусственного интеллекта, виртуальная реальность.

Активное внедрение в мировую экономику четвертой промышленной революции открывает новые перспективы. Данному феномену уделяется особое внимание, в частности, в таких работах [3, 5, 10, 16, 20–25].

Одним из перспективных трендов четвертой промышленной революции является цифровая экономика. Она объединяет практически все технологии четвертой промышленной революции, что и отмечено, например, в таких работах [1, 2, 4, 7–9, 11–17]. Следствием бурного внедрения цифровой экономики во все сферы деятельности является трансформация менеджмента

в условиях цифровой экономики, которая отмечена нами в работах [12–16]. Данная трансформация учитывает специфику и особенности составляющих цифровой экономики, формирует новое понимание цифровизации системы менеджмента промышленных предприятий.

Также отметим, что в указанных наших работах не учитывались конкретные алгоритмы учёта адекватных составляющих цифровой экономики в процессах трансформации базовых функций менеджмента. Внедрение данных алгоритмов в деятельность менеджеров промышленных предприятий позволит уменьшить

временные и пространственные показатели работы системы менеджмента промышленных предприятий в условиях современной материально-виртуальной бизнес-среды цифровой экономики. Благодаря этому может быть сформирована положительная динамика в деятельности промышленных предприятий, повышающая их эффективность и конкурентоспособность.

Укажем основные обозначения, которые будут учитываться нами при построении алгоритмов учёта адекватных составляющих цифровой экономики в нашей модели трансформации базовых функциях менеджмента.

Y — базовая функция менеджмента:

Y_1 — планирование;

Y_2 — организация;

Y_3 — координация;

Y_4 — контроль;

Y_5 — мотивация;

CDE (Components of the Digital Economy) — составляющая цифровой экономики, а именно [18]:

CDE_1 — FBDL (Federation Business Data Lake) — «озера» данных;

CDE_2 — DW (Data Warehouse) — хранилища данных;

CDE_3 — IoT (Internet of Things) — интернет вещей;

CDE_4 — MMS (Multiagent Monitoring Systems) — мониторинговые системы на базе мультиагентных технологий;

CDE_5 — MAS (Multiagent System) — мультиагентные системы;

CDE_6 — RTS (Robot-Technical System) — робототехнические системы;

CDE_7 — NN (Neuro Net) — нейросеть;

CDE_8 — AI (Artificial Intelligence) — системы искусственного интеллекта;

CDE_9 — VR (Virtual Reality) — виртуальная реальность;

CDE_{10} — AR (Augmented Reality) — дополнительная реальность;

CDE_{11} — ML (Machine Learning) — машинное обучение;

CDE_{12} — DL (Deep Learning) — глубокое обучение.

При этом мы лишь для наглядности представили только основные составляющие цифровой экономики и только базовые функции менеджмента, которые могут быть дополнены и другими функциями менеджмента, и другими составляющими цифровой экономики для их учёта в трансформации управленческих функций в условиях цифровой экономики и цифровизации систем менеджмента промышленных предприятий. При этом, как показали наши исследования, не обязательно все указанные выше CDE должны учитываться в трансформации всех базовых функциях менеджмента

Y . Именно это и учтено в нашей модели, что и будет показано далее.

Теперь перейдем к алгоритмам трансформации всех пяти базовых функций менеджмента с учётом взаимосвязи особенностей указанных составляющих цифровой экономики.

Начнём такое рассмотрение, в частности, с функции планирования.

1. Стратегическое планирование: субъект управления, учитывая CDE_{10} (AR) и CDE_3 (IoT), с помощью CDE_4 (MMS) анализирует существующую ситуацию и выявляет наиболее важный фактор взаимодействия внутренней и внешней среды, сохраняя полученные данные в CDE_1 (FBDL), далее в CDE_2 (DW).
2. Tактическое планирование: субъект управления, учитывая CDE_{10} (AR) и CDE_3 (IoT), с помощью CDE_8 (AI) формирует новый продукт, CDE_9 (VR) анализирует новое расположение помещения и в помещении для производства нового продукта, сохраняя полученные данные в CDE_1 (FBDL), далее — в CDE_2 (DW), направляя информацию объекту управления.
3. Оперативно-календарное планирование: субъект управления, учитывая CDE_{10} (AR) и CDE_3 (IoT), получая данные с CDE_1 (FBDL) и CDE_2 (DW), с помощью CDE_7 (NN) формирует алгоритм деятельности, сохраняя полученные данные в CDE_1 (FBDL), далее — в CDE_2 (DW), направляя информацию объекту управления.

Выражение «структура следует за стратегией», правильно замеченная А. Чандлером, является актуальной при анализе трансформации следующей базовой функции «организация». Отметим, что этой функции также свойственны система управления знаниями, коммуникативные сети, личные и нематериальные взаимосвязи в промышленном предприятии [19].

В том случае, если рассматривать функцию «организация» в виртуальной бизнес-среде, то она также будет иметь организационную структуру управления, взаимосвязи в которой будут иметь виртуальный характер. Выбор типа организационной структуры на предприятии из множества типов организационных структур, описанных нами в работе [16], будет зависеть от цели, которую преследует предприятие, так как именно от неё будут зависеть ресурсы, необходимые для её достижения. В рассматриваемых условиях каждый субъект и объект управления независимо от деятельности, которую он осуществляет на данном предприятии, должен иметь личный кабинет, который будет иметь уникальный идентификатор объекта промышленного

предприятия. Именно он будет идентифицировать объект, позволяя ему осуществлять деятельность для достижения цели предприятия в данном личном кабинете.

Сама деятельность в виртуальной бизнес-среде будет осуществляться удалённо, реализуя удалённое управление с использованием функции «организация». Субъект управления, используя CDE_{10} (AR) и CDE_3 (IoT) из CDE_2 (DW), с помощью CDE_5 (MAS) выбирает объект/ы управления. После выбора объекта или объектов управления с помощью CDE_7 (NN) выстраивается алгоритм деятельности данного объекта или объектов и передается данная информация с помощью CDE_3 (IoT), формируя взаимосвязь со всеми объектами данной деятельности. После этого с учётом CDE_{11} (ML) формируются необходимые компетенции у данного объекта управления или осуществляется CDE_{12} (DL) для выполнения заданной объекту деятельности в соответствии с типом организационной структуры и прописанным регламентом, штатным расписанием в данной организационной структуре.

Под ресурсами, которые были указаны выше, мы будем понимать непосредственно материальные и нематериальные потоки, для которых необходима координация. Виртуальная бизнес-среда функции «координация» будет формировать, как и в традиционной (материальной) среде, взаимосвязь и взаимозависимость между структурными подразделениями, но быстрее и эффективнее, так как будут задействованы информационно-коммуникационные технологии в условиях трансформации координации.

Собственно составляющие цифровой экономики (CDE) позволяют формировать удаленное управление, используя в нашей трактовке «трансформированную» функцию «координация», а именно. — Субъект управления, используя CDE_{10} (AR) и CDE_3 (IoT), из CDE_1 (FBDL) с помощью CDE_7 (NN) выбирает все необходимые ресурсы, в том числе и CDE_3 (IoT) для его осуществления. Субъект управления при этом анализирует возможные варианты сформированных CDE_4 (MMS), выбирает с помощью CDE_5 (MAS) эффективный вариант координации деятельности. Далее субъект управления с помощью CDE_6 (RTS) направляет координационную информацию объектам управления для осуществления деятельности промышленного предприятия.

Проследить выполнение объектом управления своих обязанностей возможно благодаря функции «контроль», которая будет также осуществляться в виртуальной бизнес-среде.

Именно составляющие цифровой экономики (CDE), позволяют осуществлять удаленное управление с функ-

цией контроля в условиях материально-виртуальной бизнес-среды цифровой экономики.

Предварительный контроль

1. Отбор работников при найме: субъект управления, используя CDE_{10} (AR) и CDE_3 (IoT), из CDE_1 (FBDL) выбирает возможного работника для выполнения операций промышленного предприятия, и с помощью CDE_4 (MMS) и CDE_7 (NN) анализируются его способности, знания, умения и другие компетенции. Далее полученные результаты записываются в CDE_2 (DW) для дальнейшего включения выбранного работника в бизнес-процесс промышленного предприятия.
2. Контроль запасов ресурсов: субъект управления, используя CDE_{10} (AR) и CDE_3 (IoT), из CDE_2 (DW) получает информацию о наличии или отсутствии того или иного материального или нематериального ресурса, а пополнение ресурсов должно осуществляться автоматически посредством MMS.

Текущий контроль:

1. Каждый сотрудник на промышленном предприятии должен иметь личный кабинет, в котором будет доступна специализированная информация, которая необходима именно тому уровню управления, к которому относится данный сотрудник. Вход в личный кабинет также необходимо контролировать для того, чтобы избежать утечки информации посторонним лицам. Использование логинов, кодов, ключей, карт доступа становится неэффективным из-за инновации и IT-специалистов, которые могут «взломать» данные традиционные средства идентификации. Существует множество биометрических методов идентификации личности, которые описаны в работе Девицыной С.Н., Елецкой Т.А., Балабановой Т.Н., Гаховой Н.Н. [6]. В этой работе, в частности, указано, что наиболее эффективным и точным методом идентификации личности является «мультимодальный» метод — современный метод идентификации личности, который основывается на интеллектуальных средствах и нейросетевых технологиях.

В таких случаях объект управления входит в систему, используя CDE_{10} (AR) и CDE_3 (IoT), CDE_7 (NN), проводит идентификацию личности, и после подтверждения личности дает доступ к ресурсам организации, что позволит снизить угрозу «взлома» или уничтожения информационных и финансовых ресурсов промышленного предприятия. В данном кабинете объект непо-

CDE	CDE ₁	CDE ₂	CDE ₃	CDE ₄	CDE ₅	CDE ₆	CDE ₇	CDE ₈	CDE ₉	CDE ₁₀	CDE ₁₁	CDE ₁₂
	FBDL	DW	IoT	MMS	MAS	RTS	NN	AI	VR	AR	ML	DL
Y ₁	CDE ₁ Y ₁	CDE ₂ Y ₁	CDE ₃ Y ₁	CDE ₄ Y ₁	–	–	CDE ₇ Y ₁	CDE ₈ Y ₁	CDE ₉ Y ₁	CDE ₁₀ Y ₁	–	–
	Pcdey ₁											
Y ₂	CDE ₁ Y ₂	CDE ₂ Y ₂	CDE ₃ Y ₂	–	CDE ₅ Y ₂	–	CDE ₇ Y ₂	–	–	CDE ₁₀ Y ₂	CDE ₁₁ Y ₂	CDE ₁₂ Y ₂
	Pcdey ₂											
Y ₃	CDE ₁ Y ₃	–	CDE ₃ Y ₃	CDE ₄ Y ₃	CDE ₅ Y ₃	CDE ₆ Y ₃	CDE ₇ Y ₃	–	–	CDE ₁₀ Y ₃	–	–
	Pcdey ₃											
Y ₄	CDE ₁ Y ₄	CDE ₂ Y ₄	CDE ₃ Y ₄	CDE ₄ Y ₄	–	CDE ₆ Y ₄	CDE ₇ Y ₄	–	–	CDE ₁₀ Y ₄	–	–
	Pcdey ₄											
Y ₅	–	CDE ₂ Y ₅	CDE ₃ Y ₅	–	–	–	CDE ₇ Y ₅	CDE ₈ Y ₅	CDE ₉ Y ₅	CDE ₁₀ Y ₅	–	–
	Pcdey ₅											

Рис. 1. Схема модели трансформации функций менеджмента в условиях цифровой экономики с применением системы концептуальных принципов.

средственно должен осуществлять и отчет о проделанной операции.

2. Субъект управления с учётом CDE₁₀ (AR) и CDE₃ (IoT) открывает мониторинговую систему CDE₁₀ (AR) и просматривает либо в реальном времени, либо использует запись определенного момента или осуществляет анализ правильности исполнения обязанности и расходования ресурсов на промышленном предприятии объектом управления.

Заключительный контроль необходим для анализа соответствия качества продукции и проделанной работы с заданиями, поступившими от субъекта управления, и со стратегическими целями промышленного предприятия. Для такого контроля являются характерными следующие аспекты:

1. Анализ качества готовой продукции можно осуществить с помощью CDE₆ (RTS), если качество готовой продукции соответствует ГОСТ, ГОСТ ИСО и сопутствующим нормативным документам, и направить полученную информацию в CDE₂ (DW), а продукцию — следующему потребителю для

преобразования или использования. В том случае, если качество готовой продукции не соответствует стандартам, необходимо выявить дефект, а с учётом CDE₇ (NN) проанализировать на каком этапе производства могла произойти ошибка. После этого с учётом CDE₁₀ (AR) можно проанализировать момент осуществления той операции, на которой могла появиться ошибка, и принять соответствующие меры по ее устранению.

2. Контроль соответствия конечного продукта целям промышленного предприятия: проанализировать общий объем продукции, издержки на его изготовление и брак субъект управления может, используя CDE₁₀ (AR) и CDE₃ (IoT), CDE₇ (NN), и получить информацию из CDE₂ (DW). Далее готовится материал по результату всех бизнес-процессов, и полученная таким образом информация передается субъекту управления.

Одной из обнаруженных проблем субъектом управления может быть снижение мотивов у объекта управления к выполнению эффективной и результативной деятельности. Данное снижение мотивов чаще всего появляется

ся из-за отсутствия должного стимула выполнять ту или иную работу. Для этого необходимо использование мотивационной функции. В ней важную роль играют «инновационные подходы». — «Инновационные подходы к мотивации IT-специалистов, сотрудников компании, чей трудовой потенциал используется на основании условий удаленной занятости, стимулированию добросовестного выполнения своих обязательств партнерами в рамках виртуального сегмента цифровой экономики» [13, с. 51].

Указанные выше составляющие цифровой экономики (CDE) позволяют осуществлять удаленное управление функцией «мотивация»: субъект управления, учитывая CDE_{10} (AR) и CDE_3 (IoT), из CDE_2 (DW) получает информацию о необходимости мотивации объекта управления или группы объектов управления. С помощью CDE_7 (NN) субъект управления выявляет мотивы объекта управления, далее с помощью CDE_8 (AI) формирует стимулы, необходимые для формирования мотива выполнения эффективной и результативной деятельности промышленного предприятия.

При этом, используя CDE_9 (VR), можно протестировать все стимулы и выявить наиболее эффективные, и далее полученные данные сохранить в CDE_2 (DW).

Учитывая изложенный и своеобразный «объем» наших дальнейших исследований по цифровизации систем менеджмента и, в частности, по разработке концептуальных основ и модели трансформации функций менеджмента промышленных предприятий в условиях цифровой экономики можно для наглядности представить этот «объем» в виде схемы, показанной на рис. 1.

На данном рисунке 1 учтена полученная концептуальная система принципов для предложенной нами модели исследуемой трансформации функций менеджмента в условиях цифровой экономики, которая не учитывалась в ранее опубликованной нашей работе [14].

Особо отметим также здесь, что именно компетентное применение указанных принципов, по нашему мнению, необходимо для учёта специфических особенностей трансформации функций менеджмента в практике управленческой деятельности систем менеджмента промышленных предприятий в рассматриваемых экономических условиях.

Модель трансформации функций менеджмента в условиях цифровой экономики, схематично представленная на рис. 1 требует пояснений, которые обозначим в виде таких условных формул:

- ◆ $Pcdey_1 = (CDE_1Y_1 + CDE_2Y_1 + CDE_3Y_1 + CDE_4Y_1 + CDE_7Y_1 + CDE_8Y_1 + CDE_9Y_1 + CDE_{10}Y_1)$ — принцип трансформации функции планирования;

- ◆ $Pcdey_2 = CDE_1Y_2 + CDE_2Y_2 + CDE_3Y_2 + CDE_5Y_2 + CDE_7Y_2 + CDE_{10}Y_2 + CDE_{11}Y_2 + CDE_{12}Y_2$ — принцип трансформации функции организации;
- ◆ $Pcdey_3 = CDE_1Y_3 + CDE_3Y_3 + CDE_4Y_3 + CDE_5Y_3 + CDE_6Y_3 + CDE_7Y_3 + CDE_{10}Y_3$ — принцип трансформации функции координации;
- ◆ $Pcdey_4 = CDE_1Y_4 + CDE_2Y_4 + CDE_3Y_4 + CDE_4Y_4 + CDE_6Y_4 + CDE_7Y_4 + CDE_{10}Y_4$ — принцип трансформации функции контроля;
- ◆ $Pcdey_5 = CDE_2Y_5 + CDE_3Y_5 + CDE_7Y_5 + CDE_8Y_5 + CDE_9Y_5 + CDE_{10}Y_5$ — принцип трансформации функции мотивации.

Такая предложенная нами модель с концептуальной системой принципов трансформации функций менеджмента в условиях цифровой экономики позволяет менеджерам выбирать наиболее эффективную «траекторию управленческих действий» из множества альтернативных бизнес-траекторий.

Отметим, что в представленной на рис. 1 схеме нашей модели лишь для наглядности учтены только пять принципов, но эта схема может быть дополнена и другими принципами трансформации функций менеджмента в условиях цифровой экономики, а также и для условий цифровизации систем менеджмента промышленных предприятий. Поэтому данная схема является основой модели «объёма» дальнейших наших исследований, так как предложенный здесь матричный подход позволяет разработать соответствующие концептуальные положения, что и будет показано авторами в следующей публикации.

В заключение в качестве основных выводов отметим следующее.

1. В условиях цифровой экономики является актуальной разработка системы принципов модели трансформации функций менеджмента промышленных предприятий, осуществляющих деятельность в материально-виртуальной среде современной экономики.
2. Разработка такой модели предполагает необходимость учёта особенностей, составляющих цифровой экономики (CDE) применительно к системам менеджмента с формированием у менеджеров должных компетенций в условиях цифровизации их функций.
3. Анализ существующих и разработка соответствующих концептуальных положений модели трансформации функций систем менеджмента, осуществляющих деятельность в условиях цифровой экономики, и является предметом наших дальнейших исследований, результаты которых будут опубликованы в данном журнале.

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская Федерация. Президент. Указ Президента РФ от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в РФ на 2017–2030 годы». Доступ из интернет-портала Министерства внутренних дел Российской Федерации (дата обращения: 29.11.2021).
2. Асанов Р.К. Формирование концепции «цифровой экономики» в современной науке // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. № 15. С. 143–148.
3. Балацкий Е.В. Глобальные вызовы четвертой промышленной революции // Пространство экономики. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/globalnye-vyzovy-chetvertoy-promyshlennoy-revolutsii> (дата обращения: 29.11.2021).
4. Бондаренко В.М. Мировоззренческий подход к формированию, развитию и реализации «цифровой экономики» // Современные информационные технологии и ИТ-образование. — 2017. Т.13, № 1. С. 237–251.
5. Гулин К.А., Усков В.С. Тренды четвертой промышленной революции // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. № 5 (53). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/trendy-chetvertoy-promyshlennoy-revolutsii> (дата обращения: 09.12.2021).
6. Девицына С.Н., Елецкая Т.А., Балабанова Т.Н., Гахова Н.Н. Разработка интеллектуальной системы биометрической идентификации пользователя // Экономика. Информатика. 2019. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razrabotka-intellektualnoy-sistemy-biometricheskoy-identifikatsii-polzovatelya> (дата обращения: 09.12.2021).
7. Кешелава А.В. Введение в «цифровую экономику» / А.В. Кешелава, В.Г. Буданнов, В.Ю. Румянцев и др. // под. Общ. Ред. А.В. Кешелава; гл. «цифр.» конс. И.А. Зимненко. М.: ВНИИ геосистем, 2017. с.6–12.
8. Липидус Л.В. Цифровая экономика: управление электронным бизнесом и электронной коммерцией: учебник. — М.: ИНФРА-М, 2019. — 479.
9. Лойко В.И., Луценко Е.В., Орлов А.И. Современная цифровая экономика: монография. — Краснодар: Куб-ГАУ, 2018. — 508 с.
10. Люханова, С.В. Риски России в эпоху четвёртой промышленной революции / С.В. Люханова // Менеджмент в России и за рубежом. — 2021. — № 4. — С. 22–28.
11. Маркова В.Д. Цифровая экономика: учебник / В.Д. Маркова. — Москва: ИНФРА-М, 2020. — 186с.
12. Мартынов, Л.М. ИТ-среда механизма управления промышленным предприятием в условиях цифровой экономики / Л.М. Мартынов, А.И. Саматова // Экономика и предпринимательство. — 2021. — № 4(129). — С. 970–975. — DOI 10.34925/EIP.2021.129.4.189.
13. Мартынов Л.М. Менеджмент в условиях цифровой экономики / Л.М. Мартынов // Экономика и менеджмент систем управления. — 2021. — № 1(39). — С. 49–56.
14. Мартынов Л.М. Модель исследования трансформации функций менеджмента промышленных предприятий в условиях цифровой экономики / Л.М. Мартынов, А.И. Саматова // Экономика и менеджмент систем управления. — 2021. — № 3(41). — С. 47–52.
15. Мартынов Л.М. Развитие инфоком-менеджмента в условиях актуализации формирования теории «Менеджмент цифровой экономики» // Креативная экономика. — 2021. — № 5. — С. 1809–1824.
16. Мартынов Л.М., Саматова А.И. Актуализация проблематики механизма менеджмента организаций в условиях цифровой экономики // Научные исследования XXI века. 2021. № 1 (9). С. 238–250.
17. Норец Н.К. Цифровая экономика: Состояние и перспективы развития / Норец Н.К., Станкевич А.А. // Инновационные кластеры и цифровой экономике: теория и практика: труды научно-практической — конференции с международным участием 17–22 мая 2017 года / под ред. Д-ра экон. Наук, проф. А.В. Бабкина. СПб.: Изд-во Политехн ун-та. 2017. с. 173–179.
18. Трофимов В.В. Информационные технологии в экономике и управлении в 2 ч. Часть 2: учебник для вузов / В.В. Трофимов [и др.]; под редакцией В.В. Трофимова. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2021. — 245 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5–534–09084–0. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait-gu.ezproxy.ranepa.ru:2443/bcode/475058> (дата обращения: 29.11.2021).
19. Уорнер М., Витцель М. «Виртуальные организации. Новые формы ведения бизнеса в XXI веке: пер. с англ. / М. Уорнер, М. Витцель — М.: Добрая книга, 2005, 296с.
20. Шваб К. Четвертая промышленная революция: монография: пер. с англ./К.Шваб. — М: Изд-во «Э», 2017. -208 с.
21. Maunard, A.D. (2015). Navigating the fourth industrial revolution // Nature nanotechnology, 10(12), 1005–1006.
22. Müller, J.M., Buliga, O., & Voigt, K. I. (2018). Fortune favors the prepared: How SMEs approach business model innovations in Industry 4.0 // Technological Forecasting and Social Change, 132, 2–17.
23. Müller, J.M., Kiel, D., & Voigt, K.I. (2018). What drives the implementation of Industry 4.0? The role of opportunities and challenges in the context of sustainability // Sustainability, 10(1), 247–271.
24. Xu, M., David, J.M., & Kim, S.H. (2018). The Fourth Industrial Revolution: Opportunities and Challenges // International Journal of Financial Research, 9(2), 90–95.
25. Xu, L.D., Xu, E.L., & Li, L. (2018). Industry 4.0: state of the art and future trends // International Journal of Production Research, 56(8), 2941–2962.

© Мартынов Ливон Михайлович (livonmartinov@mail.ru), Саматова Анжела Ихтиёровна (samatova5995@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

DIGITAL TRANSFORMATION IN THE SYSTEM OF PUBLIC ADMINISTRATION

**N. Mashkina
O. Mikhailov**

At present, the introduction of digitalization in public administration is a priority direction of state policy in the field of information society development. The digitalization of public administration involves platform management, the provision of public services in an online format, the digitization of workflow, data openness, as well as the interaction of society and the state on various online portals.

The article is devoted to the study of public administration in the realities of the digital transformation process. The paper considers the existing problems of the public administration system in the field of digital transformation. A description of the key roles of the management system and the implementation of digital projects is presented. Approaches to the study of the development of the personnel ecosystem have been studied.

Keywords: digitalization, digital transformation, digital public administration, public administration system.

Машкина Наталья Алексеевна

*К.э.н., доцент, Курская академия государственной
и муниципальной службы, Курск
t.natusia@yandex.ru*

Михайлов Олег Викторович

*К.э.н., доцент, Курская академия государственной
и муниципальной службы, Курск
mihailov-gmu@yandex.ru*

Аннотация. В настоящее время внедрение цифровизации в государственное управление является приоритетным направлением государственной политики в сфере развития информационного общества. Цифровизация государственного управления предполагает платформенное управление, предоставление государственных услуг в онлайн-формате, перевод документооборота на цифровую форму, открытость данных, а также взаимодействие общества и государства на различных онлайн-порталах.

Статья посвящена исследованию государственного управления в реалиях процесса цифровой трансформации. В работе рассмотрены существующие проблемы системы государственного управления в сфере цифровой трансформации. Представлено описание ключевых ролей системы управления и реализации цифровых проектов. Изучены подходы к исследованию развития кадровой экосистемы.

Ключевые слова: цифровизация, цифровая трансформация, цифровое государственное управление, система государственного управления.

В настоящее время мир не стоит на месте получение информации происходит в онлайн-режиме, коммуникация в цифровом формате, а управление трансформируется в цифровое. В России цифровизация является приоритетным направлением совершенствования системы государственного управления [8, с. 266].

Цифровая трансформация — совокупность действий, осуществляемых государственным органом, направленных на изменение (трансформацию) государственного управления и деятельности государственного органа по предоставлению им государственных услуг и исполнению государственных функций за счет использования данных в электронном виде и внедрения информационных технологий в свою деятельность [9, с. 64].

Задачи утвержденной Правительством Российской Федерации программы «Цифровая экономика» диктуют новые требования к системе государственного управления, организации и структуре государственного аппарата. Несмотря на то, что федеральный проект «Цифровое госуправление» предполагает целый ряд серьезных изменений по упрощению взаимодействия граждан с государством, органов власти между собой, он не решает многие из текущих проблем неэффективности органов государственной власти и не отвечает в полной мере на вызовы цифровой трансформации. Если для бизнеса цифровизация — это ключ к выживанию на современных рынках, драйвер для повышения конкурентоспособности и увеличения прибыли, то для госорганов роль цифровой трансформации пока не очевидна, более того, не является столь же естественным процессом, как и для частных компаний. Органы

власти не борются за получателей государственных услуг с частными компаниями, административные издержки не влияют на их конкурентные преимущества, а неэффективность создаваемых ИТ-сервисов не приводит госорганы к банкротству. По мнению авторов, цифровая трансформация должна вести к кардинальному изменению подходов в организации работы органов власти с использованием цифровых технологий и алгоритмов. Это своего рода процесс адаптации к новым условиям деятельности с учетом потребностей рынка и ожиданий потребителей услуг и сервисов. Без системной трансформации управленческих процессов, без кардинальной перестройки работы всего госаппарата масштабной отдачей от цифровизации обеспечить не получится.

Методическую базу исследования составляют общенаучные методы — анализ научной литературы в области цифровизации государственного управления; программно-целевой анализ национального проекта «Цифровое государственное управление».

Федеральный проект «Цифровое государственное управление» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» реализуется в рамках государственной программы «Информационное общество». Федеральный проект направлен на достижение национальной цели «Цифровая трансформация», которая определена указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2021 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

Ключевой целевой показатель, характеризующий достижение национальной цели — увеличение доли массовых социально значимых услуг, доступных в электронном виде, до 95% к 2030 году.

Федеральный проект включает мероприятия цифровой трансформации системы государственного управления, которые обеспечивают новый уровень предоставления услуг, необходимых для повышения качества жизни граждан и развития бизнеса.

Мероприятия федерального проекта направлены на реализацию трех ключевых направлений:

1. обеспечение удовлетворенности граждан качеством предоставления массовых социально значимых государственных и муниципальных услуг в электронном виде с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг;
2. цифровизация процессов предоставления государственных услуг и исполнения государственных функций государственными органами власти;

3. стимулирование граждан к получению государственных и муниципальных услуг в электронном виде с использованием Единого портала государственных и муниципальных услуг [7].

Чтобы эффективно реализовать цифровую трансформацию, важно правильно распределить управленческие функции, прежде всего в системе госуправления. С началом программы «Цифровая экономика» в ряде ФОИВ уже стали появляться подразделения, ответственные за реализацию цифровых проектов. В марте 2020 года начался новый виток реформирования организационных структур в ФОИВ и подведомственных им организациях. В настоящее время многие федеральные ведомства ищут оптимальные организационные решения, которые позволят проводить цифровую трансформацию максимально результативно. Исследование организационных особенностей подразделений ЦТ в нескольких ФОИВ показало, что нет типового решения. Специфика деятельности и отраслевая направленность каждого ведомства формируют свои возможности и подходы для достижения целей цифровой трансформации.

К основным проблемам в сфере цифровой трансформации, существующим в системе государственного управления, можно отнести следующие:

1) Неготовность, дефицит специалистов на рынке, отсутствие мотивации у государственных гражданских служащих:

Не хватает:

- ♦ ИТ-специалистов в штате: разработчиков, дата-аналитиков, бизнес-аналитиков, архитекторов и др. Дефицит кадров на рынке усугубляется невысоким уровнем оплаты труда в госструктурах, по этим причинам некоторые проекты остаются нереализованными;
- ♦ специалистов, у которых есть и ИТ-компетенции и знание предметных областей;
- ♦ аналитиков данных и бизнес-аналитиков, глубоко знающих предметную область (и в штате, и на рынке);
- ♦ ИТ-специалистов, способных работать в условиях госорганизации. Сотрудники органов власти находятся под гнетом текущих задач, постоянного получения новых поручений, требований НПА, требований своевременно отвечать на обращения из других ведомств и др.

Нет системы непрерывного повышения квалификации в области управления проектом, продуктом и т.д. Сотрудники зачастую не успевают осваивать новые технологии и инструменты, приобретать новые компетен-

ции, так как погружены в текущие проекты и не должны тратить личное время на обучение.

Низкий уровень мотивации и знаний в сфере ЦТ, квалификация сотрудников, их отношение к работе (как процессу для отчетности), стабильность заработной платы (отсутствие стимулирования за участие в проектах), непонимание глобальных изменений и важности цифровизации не мотивируют к проактивности, участию в изменениях и проектах цифровой трансформации.

2) Нормативные и финансовые ограничения:

Низкий уровень оплаты труда, особенно для специалистов-исполнителей, не позволяет или предельно затрудняет в рамках существующих ограничений обеспечить оплату труда на уровне рынка для привлечения высококвалифицированных специалистов в сфере ИТ.

Штатное расписание не соответствует потребностям органа власти в ИТ-поддержке.

ИТ-специалистов вынужденно нанимают в подведомственные организации, где устанавливается более высокая зарплата и менее строгие ограничения регламентами (без статуса госслужащего), можно расширить штат ИТ-направления, тогда как состав ФОИВ ограничен по численности.

Нужен перевод с «языка программистов» на «язык госслужащих». Необходимы сотрудники, обладающие компетенциями, которые нужны для разработки проектных документов для госструктур.

3) Бессистемный подход к управлению цифровыми проектами:

Избыточная нагрузка и нехватка ресурсов приводят к тому, что сотрудники участвуют в 5–10 проектах параллельно, не имеют возможности работать системно, это приводит к потере времени и неравномерному выполнению работ. В понимании функционального заказчика все задачи важные и должны быть сделаны «вчера». При расстановке приоритетов возникают конфликты интересов.

Ресурсы ИТ-подразделения тратятся на решение задач отраслевых ведомств. Функционал ИТ-подразделения размывается, а трудовые ресурсы ограничены из-за выполнения функций отраслевых ведомств, иных задач. Если воспитывать у сотрудников цифрового департамента все отраслевые компетенции, он будет дублировать ФОИВ.

ИТ-функции в подведомственной организации с общим бюджетом, предусматривающим и иные задачи, например содержание санаториев, автомобильного парка, ремонт и строительство зданий и др., приводят к конфликту интересов, отвлечению времени руководителя от ИТ-задач.

Управление проектами не автоматизировано, отслеживание части или большинства процессов ведется в полуручном режиме (например, в гугл-таблицах), что усложняет коммуникации, приводит к дополнительному документообороту, потере прозрачности процессов и результатов, срыву сроков.

Не хватает ресурсов для полноценной цифровой трансформации. Деятельность ИТ-департамента в основном направлена на исправление ошибок, решение срочных и отдельных задач. Не хватает стратегии и ресурсов (временных, трудовых, компетентностных) для цифровой трансформации ФОИВ и отрасли.

Систематизация и представление выделенных проблем призваны привлечь внимание, прежде всего руководителей ФОИВ, к необходимости пересмотреть подходы к организации работы подразделения ЦТ, а также выстроить систему взаимодействия внутри функциональных подразделений и с подведомственными организациями [6, с. 74–75].

По данным исследований компании Ward Howell, в современных условиях, когда происходит интенсивное цифровое развитие во всех отраслях экономики, значительно повышаются требования к скорости вывода новых ИТ-продуктов на рынок. Необходимость быстро реагировать на ситуацию и экспериментировать зачастую делает неэффективным распределение процесса разработки ИС и услуг между разными функциональными подразделениями. Поэтому в государственных организациях часто создается орган управления — единый центр управления и принятия решений (наподобие управляющего проектного офиса), который несет всю ответственность за получение результата проекта и его дальнейшее развитие, для этого в его распоряжении должны быть все необходимые ресурсы и компетенции. Выбор такой модели ускоряет разработку, улучшает коммуникации между участниками и делает процесс координации задач и отслеживание статуса их выполнения эффективнее. Безусловно, подразделения ЦТ реализуют параллельно несколько проектов, у них есть несколько команд, отвечающих за создание и развитие различных ИС, услуг в рамках решения масштабных задач, достижения стратегических целей цифровой трансформации ФОИВ.

Органы государственного управления только вступают на путь цифровой трансформации, приглашают

высококвалифицированных специалистов из коммерческого сектора, благодаря их участию в работе осваивают модель организационного устройства команд цифровых проектов. Таким образом, происходит миграция организационных моделей из бизнеса в госсектор.

Опыт крупных корпораций, бизнес-организаций, а также системных интеграторов дает большое количество кейсов по организации структур команд цифровых проектов. В зависимости от сложности, масштаба и приоритетности ИС, услуги, уровня зрелости, финансовых возможностей и управленческого подхода, а также множества иных факторов определяются роли и формируются структуры команд цифровых проектов.

Следует отметить, что реализация цифровых проектов в системе государственного управления осуществляется в специфических условиях, не свойственных бизнес-структурам:

необходимость действовать в жестко ограниченном правовом поле, особенно в плане осуществления закупок и соблюдения конкурсных процедур; привлечение финансовых ресурсов государственного и местного бюджетов; подотчетность органам власти более высокого уровня; общественный контроль и публичная отчетность; масштабность, важность и многогранность замыслов; направленность не на финансовую прибыль, а на социальный эффект [4, с. 33].

На основе анализа лучших практик, мнений экспертов в сфере ИТ и реализации сложных трансформационных проектов в сфере государственного управления определены ключевые роли специалистов, которые важны для организации деятельности подразделений ЦТ, создания ИС и цифровых услуг.

Условно роли можно распределить между пятью функциональными направлениями:

1. Управление цифровой трансформацией предусматривает роли лидеров цифровой трансформации — драйверов изменений, проводников политики цифровизации, которые руководят оптимизацией, реинжинирингом процессов, проектированием и созданием новых цифровых услуг и продуктов в системе государственного управления.

Руководитель цифровой трансформации (CDTO) разрабатывает программу цифровой трансформации и координирует ее реализацию, инициирует оптимизацию процессов деятельности организации, отвечает за единую техническую политику при создании, обеспечении функционирования и развитии ИС и инфра-

структуры ИТ, координирует создание комплекса мер по обеспечению доступности данных, по повышению надежности решений и обеспечению непрерывности оказания услуг, а также реализацию всего перечисленного.

Руководитель по работе с данными (CDO) координирует процессы управления и использования данных, отвечает за обеспечение руководства качественными и полными данными для принятия управленческих решений.

Руководитель по цифровому проектированию и процессам (CTO) руководит оптимизацией, реинжинирингом процессов и проектированием, разработкой и внедрением новых цифровых продуктов.

Главный ИТ-архитектор (CA) руководит проектированием, разработкой целостной ИТ-архитектуры организации, принимает решения по внутреннему устройству и внешнему интерфейсу ИС, сверяясь с требованиями функциональных заказчиков, стратегией цифровизации и существующими ресурсами.

2. Управление данными предусматривает роли специалистов, обеспечивающих органы государственного управления качественными и полными данными для принятия управленческих решений.

Аналитик данных обрабатывает, структурирует данные, формулирует и проверяет гипотезы, находит закономерности, интерпретирует данные и делает выводы, на основе которых принимаются управленческие решения.

Инженер данных участвует в создании аналитической платформы и прочих аналитических продуктов, обеспечивает разработку и поддержку ETL-процессов, управляет проектированием, созданием, тестированием и обслуживанием системы управления данными.

Исследователь данных (Data Scientist) извлекает из массива данных полезную информацию, строит алгоритмы обработки этих данных и автоматизирует процессы, подкрепляя свою работу научными обоснованиями [6, с. 107].

3. Управление процессами предусматривает роли специалистов, обеспечивающих повышение эффективности деятельности органов государственного управления путем разработки и совершенствования (оптимизации) процессов, административных регламентов, осуществления мониторинга эффективности операционной деятельности и выработки корректирующих действий и предложений по совершенствованию процессов.

Владелец процессов организует проектирование и реинжиниринг процессов, обеспечивает их реализацию в соответствии с правилами и процедурами, несет ответственность за результаты и эффективность процессов.

Процессный аналитик проводит анализ, проектирование, оптимизацию, автоматизацию, внедрение, регламентирование и контроль процессов в организации [6, с. 108].

4. Управление цифровыми проектами и продуктами объединяет большое количество разнообразных ролей, призванных обеспечить создание и внедрение ИС и цифровых услуг. Для этого используется как оперативное управление, развитие команд, выстраивание эффективных коммуникаций, так и взаимодействие с основными заинтересованными сторонами и пользователями результатов проектов (изучение пользовательского опыта, проектирование удобного и эффективного интерфейса и пр.), а также управление всеми аспектами продуктового/проектного жизненного цикла (планирование, проектирование, разработка, тестирование, внедрение и т.д.).

Владелец продукта формирует видение продукта и требования к нему, фиксирует их (например, в форме пользовательских историй), управляет бэклогом (списком задач для команды разработчиков), приоритизирует потребности продукта, контролирует разработку, проводит оценку прогресса разработки продукта.

Руководитель проекта осуществляет оперативное управление проектом, несет персональную ответственность за достижение целей, показателей и результатов в рамках утвержденных функциональным заказчиком требований, бюджета и сроков.

Администратор проекта осуществляет организационно-техническое обеспечение деятельности руководителя проекта, выстраивает эффективные коммуникации между участниками проекта, проводит мониторинг и контроль проекта, формирует отчетность.

Дизайнер интерфейса (UX-, UI-дизайнер) изучает поведение и потребности пользователей, их отзывы, по результатам исследований старается разработать наиболее удобный для пользователя интерфейс (среду взаимодействия пользователя и программы), выполняет тестирование разработанных ИС.

Специалист по тестированию создает сценарии тестирования, прогнозирует сбои и выявляет ошибки в работе программного обеспечения, составляет подробный отчет о проведенном тестировании.

Эксперт по клиентскому опыту (СJM-эксперт) организует и проводит изучение потребностей пользователей и создание клиентоцентричных продуктов, определяет критерии наилучшего пользовательского опыта, формирует комплексную систему достижения наилучшего пользовательского опыта.

Scrum-мастер отвечает за продвижение и поддержку метода управления проектами Scrum, организует и проводит совещания, следит за соблюдением всех принципов Scrum, разрешает противоречия и защищает команду от отвлекающих факторов, проводит фасилитацию во время рабочих встреч, помогает команде придерживаться ценностей и принципов гибкого подхода и эффективно разрабатывать продукт [6, с. 109].

5. Управление архитектурой предусматривает роли, обеспечивающие последовательную и устойчивую интеграцию решений/продуктов в сфере цифровизации и ИТ в деятельность органа государственного управления в соответствии с принятыми стандартами и культурой, в том числе формирование архитектуры сервисов, целевой архитектуры данных, выбор платформ (решений/продуктов) и др.

Архитектор данных проектирует структуру баз данных, разрабатывает регламенты обращения с данными и их обработки, контролирует качество хранения данных, логику хранения и извлечения информации и т.д.

Бизнес-архитектор руководит проектами по построению архитектуры ИТ-решений, включая анализ требований к решениям, разработку концепций создания ИТ-решений, интеграции данных, взаимодействия компонентов ИС и т.д.

Технический писатель разрабатывает техническую документацию на создаваемые ИТ-решения, пишет документы информационно-методического назначения, управляет технической информацией, при необходимости создает или использует готовые решения по автоматизации документирования.

Системный аналитик выполняет сбор (с участием функционального заказчика и владельца продукта) и разработку требований к любым ИТ-решениям, создаваемым или модернизируемым в рамках цифровой трансформации. На основании собранных требований он разрабатывает техническое задание, а при необходимости — и другую соответствующую документацию, также участвует в разработке концепции и функционала ИТ-решений [6, с. 111].

Сформировать оптимальную организационную структуру подразделения ЦТ и создать успешные ко-

манды цифровых проектов — это по-настоящему сложная управленческая задача. Ее предстоит решить руководителю, ответственному за цифровую трансформацию, совместно с кадровой службой.

Проблема нехватки высококвалифицированных кадров в сфере ИТ в органах власти не потеряет свою актуальность в ближайшее десятилетие и только усугубится с учетом интенсивного развития и появления новых ИТ.

В связи с изложенным выше руководителям цифровой трансформации необходимо уделять особое внимание вопросам развития кадровой экосистемы: провести анализ потребностей в кадрах; создать оптимальную организационную структуру подразделения ЦТ в ФОИВ и подведомственных организациях; лично участвовать в подборе кадров, организовать оценку их компетенций; организовать профилактику адаптационных кризисов у новых сотрудников; обеспечить четкую постановку и детализацию целей и KPI каждому специалисту; организовать обучение, индивидуальные встречи, обратную связь и наставничество; проводить регулярную оценку эффективности, оценку соответствия целям/ценностям, менторинг/коучинг, индивидуальное развитие сотрудников; разработать и внедрить механизмы материального и нематериального стимулирования сотрудников; выстроить карьерные траектории сотрудников, обеспечить эффективную ротацию кадров.

Изменение системы государственного управления займет время. Что необходимо делать прямо сейчас, когда основные векторы развития определены?

1. В органах власти запустить механизмы мотивации, подбора, обучения, непрерывного развития и оценки компетенций в новых областях: архитектура и современные методы разработки; большие данные, цифровой сервис-ориентированный подход, проектное управление и управление изменениями.
2. Создавать, выявлять, продвигать решения — прототипы будущих суперсервисов в пилотных регионах, быстро тиражируя удачные реше-

ние и открывая доступ к интеграции сервисов не только государственных органов.

3. Создать архитектурную функцию и спроектировать центральное архитектурное ядро платформы, построить единую государственную архитектуру данных.
4. Приступить к пересмотру правил расходования бюджетных средств на цифровизацию, создав прозрачную систему работы с разработчиками, поддерживающую использование гибких методов проектирования и внедрения решений.
5. Построить дорожные карты разработки, внедрения суперсервисов и поэтапной замены ряда унаследованных решений.
6. Создать ИТ-ресурсы, обеспечивающие взаимодействие и обмен опытом проектных команд цифровизации «по горизонтали».
7. Создавать, искать и поддерживать «островки» новой культуры государственных услуг и внутренней культуры органов власти.
8. Определить ресурсы и построить процесс переработки и оптимизации нормативных документов для приведения их в соответствие модели суперсервисов.
9. Построить масштабируемую облачную инфраструктуру эксплуатации и поддержки Платформы.
10. Построить механизмы гражданского контроля, общественного обсуждения и обратной связи граждан — пользователей Платформы.
11. Увязать цифровую трансформацию госуправления с индикаторами экономического развития и принятыми в международной практике индексами цифрового развития. Рассматривать Российскую Федерацию как участника международного цифрового пространства (с безусловным обеспечением мер безопасности данных).
12. Определить риски цифрового государственного управления и выстраивать систему работы с ними.
13. Обеспечить непрерывное интегрированное обучение для всех сотрудников органов власти, вовлеченных в принятие решений и вспомогательные процессы, связанные с цифровой трансформацией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Внедрения цифровых технологий в экономику Российской Федерации Машкина Н.А., Шафорост А.Р. Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. — 2019. — № 7 (41). — С. 72–79. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41803336>
2. Возможность реализации проектного управления в регионе: проблемы и перспективы Михайлов О.В., Григорян А.Р. В сборнике: Актуальные проблемы развития хозяйствующих субъектов, территорий и систем регионального и муниципального управления. Материалы XI международной научно-практической конференции. под ред. И.Е. Рисина; Воронежский государственный университет, Юго-западный государственный университет. — 2016. — С. 98–102. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26306366>
3. Иванас В.Н., Сибиряев А.С. Особенности реализации цифровых технологий в системе государственного и муниципального управления / В.Н. Иванас, А.С. Сибиряев / Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. — 2021. — № 6 (128). — С. 272–275. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47332465>

4. Кузнецов Н.В., Лизяева В.В. Управление проектами цифровизации: методологический, организационный и финансовый аспекты / Н.В. Кузнецов, В.В. Лизяева / Государственный университет управления. — 2020. — № 2. — С. 32–37. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42489658>
5. Михайленко Н.В. Цифровое государственное управление. Современные проблемы и перспективы завтрашнего дня / Н.В. Михайленко / Государственная служба и кадры. — 2020. — № 2. — С. 171–175. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42958042>
6. Организационные структуры и команды цифровой трансформации в системе государственного управления / авт. — сост. Н.С. Гаркуша, А.С. Шубин под ред. М.С. Шклярук. — М.: РАНХиГС, 2020. — 165 с. URL: <https://www.tadviser.ru>
7. Официальный сайт «Цифровое государственное управление»: Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации URL: <https://digital.gov.ru>
8. Цифровизация государственного и муниципального управления: механизмы обратной связи Гавва Д.С., Резер Т.М. В сборнике: Стратегии развития социальных общностей, институтов и территорий. Материалы VI Международной научно-практической конференции. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина. — 2020. — С. 266–270. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43794857>
9. Цифровая экономика в современном мире и в современной России: ее значимость и развитие Бантьева А.Г., Машкина Н.А. В сборнике: Цифровая экономика: проблемы и перспективы развития. Сборник научных статей Межрегиональной научно-практической конференции. — 2019. — С. 63–72. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=41556413>

© Машкина Наталья Алексеевна (t.natusia@yandex.ru), Михайлов Олег Викторович (mihailov-gmu@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Курск

МЕТОДЫ ОЦЕНКИ РИСКОВ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В РОССИЙСКОЙ БАНКОВСКОЙ ПРАКТИКЕ

RISK ASSESSMENT METHODS IN RUSSIAN BANKING PRACTICE

E. Meshkova

Summary. Regulation of the activities and risks of banking groups in Russia is currently taking shape. Under these conditions, the analysis of risks and methods of their assessment used by banking groups is relevant. The study of the approaches of banking groups to identifying and assessing the main risks, carried out in the article, made it possible to develop proposals aimed at improving the requirements for disclosure by banks of information about the risks taken, methods for their assessment and management.

Keywords: banking group, risk profile, risk management, risk minimization, risk regulation, financial support risk.

Мешкова Елена Ивановна

*К.э.н., доцент, Финансовый университет при
Правительстве РФ
meshkova.elen@gmail.com*

Аннотация. Регулирование деятельности и рисков банковских групп в России в настоящее время только складывается. В этих условиях актуальным является анализ рисков и методов их оценки, применяемых банковскими группами. Проведенное в статье исследование подходов банковских групп к выявлению и оценке основных рисков позволило разработать предложения, направленные на совершенствование требований к раскрытию банками информации о принимаемых рисках, методах их оценки и управления.

Ключевые слова: банковская группа, риск-профиль, управление рисками, минимизация рисков, регулирование рисков, риск вынужденной финансовой поддержки.

В соответствии с Указанием Банка России от 15.04.2015 N3624-У кредитные организации с учетом сформированных банковских групп должны обеспечить наличие внутренних процедур оценки достаточности капитала (ВПОДК) с целью выявления, оценки, агрегирования и контроля наиболее значимых рисков, которые могут существенно повлиять на устойчивость и, соответственно, обеспеченность собственным капиталом для покрытия рисков. При этом ВПОДК должны соответствовать требованиям, которые установлены названным выше нормативным документом, основные из которых систематизированы на рисунке 1.

В соответствии с требованиями Банка России ВПОДК кредитной организации в обязательном порядке должны предусматривать наличие формализованных методов и процедур управления рисками и капиталом, соответствующие системы контроля и отчетности. Особо отмечается, что система управления рисками в рамках ВПОДК должна обеспечивать возможность выявления не только рисков, присущих деятельности кредитной организации, но и потенциальных рисков. Эта система должна также позволять выявлять значимые риски, их оценивать и агрегировать в целях определения совокупного объема риска, принятого кредитной организацией. Акцент сделан на требовании контроля за объемами значимых для кредитной организации рисков, а также обеспечении выполнения установленных

Банком России значений обязательных нормативов и открытой валютной позиции и, кроме того, централизованного контроля совокупного уровня принятого риска.

Особая роль в построении эффективной системы управления рисками и капиталом отведена органам управления кредитной организации. В соответствии с положениями Банка России Совет директоров утверждает стратегию управления рисками и капиталом, а также порядок управления наиболее значимыми рисками и капиталом и осуществляет контроль за его реализацией.

По каждому существенному риску банки и банковские группы должны обеспечить наличие: методологии оценки рисков и достаточности капитала, стресс-тестирования, методов управления рисками, включая остаточный риск¹, используемые кредитной организацией. Банки самостоятельно определяют оптимальные методы оценки рисков исходя из специфики своего бизнеса, однако, если размер активов составляет 500 миллиардов рублей и более, они не могут ограничиваться регуляторными методами оценки рисков. Таким

¹ Риск, возникающий в связи с тем, что применяемые кредитной организацией методы снижения риска могут не дать ожидаемого эффекта в связи с реализацией в отношении принятого обеспечения правового риска или риска ликвидности

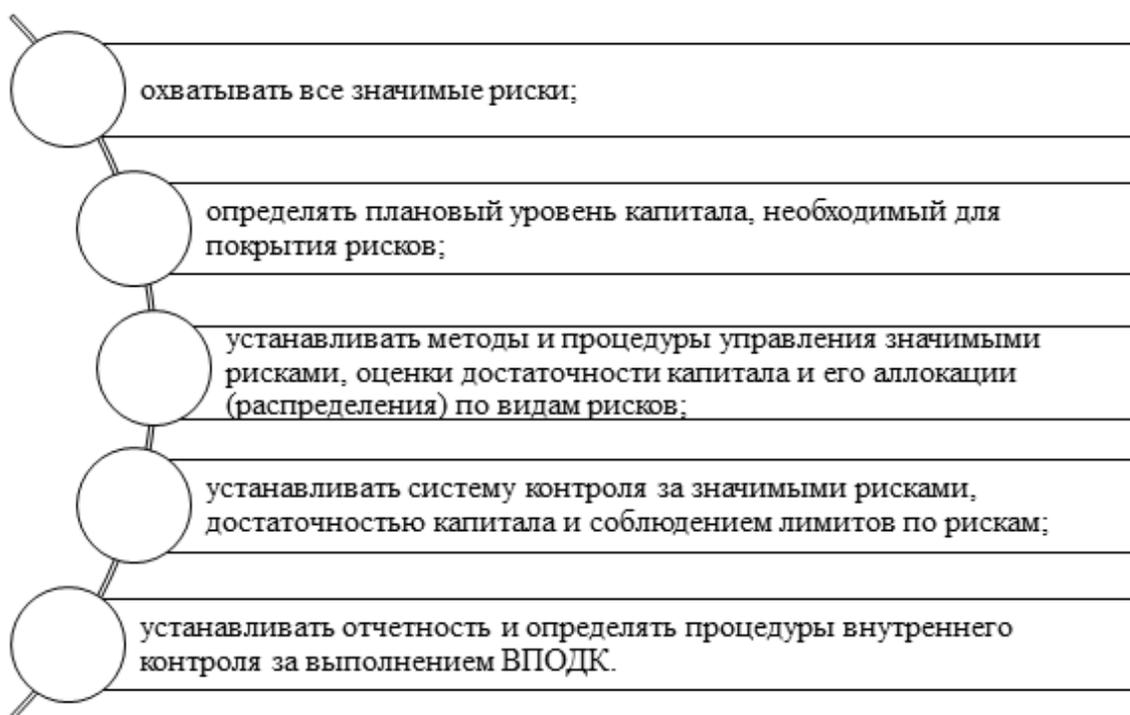

Рис. 1. Требования к внутренним процедурам оценки достаточности капитала банков и банковских групп.

Источник: составлено автором на основе указанием Банка России от 15.04.2015 N3624-У «О требованиях к системе управления рисками и капиталом кредитной организации и банковской группы»

образом, данный нормативный документ достаточно четко определяет требования к формированию в банках систем управления рисками для целей обеспечения достаточности капитала на их покрытие, однако банки имеют существенную самостоятельность в формировании таких систем.

Наилучшим образом кредитные организации раскрывают системы управления рисками и капиталом в отчетности, формируемой ими в соответствии с Указанием Банка России от 07.08.2017 № 4482-У «О форме и порядке раскрытия кредитной организацией (головной кредитной организацией банковской группы) информации о принимаемых рисках, процедурах их оценки, управления рисками и капиталом».

Рассмотрим основные риски и методы их оценки, раскрываемые системно значимыми кредитными организациями в соответствии с данным указанием. Эти кредитные организации, с одной стороны, аккумулируют основные активы российского банковского сектора, а с другой стороны, располагают наибольшими ресурсами для формирования и поддержания систем риск-менеджмента.

В настоящее время все системно значимые кредитные организации определяют в качестве основных риски, рекомендуемые к раскрытию Указанием № 3624-У, а именно: кредитный риск, включая риск контрагента, рыночный риск (валютный, фондовый, процентный), процентный риск банковской книги, риск ликвидности, операционный риск, а также риск концентрации [1–8].

Вместе с тем, отдельные кредитные организации выделяют иные риски и рассматривают их в качестве существенных для деятельности банка. Так, АО «Райффайзенбанк» выделяет макроэкономический риск, несмотря на то, что реализация макроэкономического риска находит отражение через прочие значимые для Банка виды риска. К макроэкономическому риску банк относит как прямые убытки от ухудшения экономической ситуации, так и проявление отдельных факторов риска. Целью оценки данного вида риска является обеспечение достаточной капитализации Банка во время экономической рецессии, при этом банком разработаны специальные процедуры управления макроэкономическим риском [4]. ПАО Газпромбанк выделяет комплаенс-риск как риск возникновения у Банка убытков из-за несоблюдения законодательства Российской Фе-

Таблица 1. Подходы к оценке кредитного риска, применяемые системно значимыми банками

Наименование банка	Подходы к оценке риска
АО ЮниКреди Банк	Стандартизированный подход Оценка риска с целью формирования резервов Применение внутренних рейтинговых моделей для принятия решений о выдаче кредита, ценообразовании, распределении капитала и управления рисками
АО «Россельхозбанк»	Стандартизированный подход Оценка риска с целью формирования резервов
ПАО «Промсвязьбанк»	Не раскрывается
АО «Райффайзенбанк»	Стандартизированный подход Подход на основе базового ПВР (в отношении кредитных требований к корпоративным клиентам и сделкам специализированного кредитования) Оценка риска с целью формирования резервов
ПАО Банк «ФК Открытие»	Стандартизированный подход Оценка риска с целью формирования резервов
ПАО РОСБАНК	Стандартизированный подход Оценка риска с целью формирования резервов
ПАО «Московский Кредитный Банк»	Стандартизированный подход Оценка риска с целью формирования резервов Внутренние модели количественной оценки вероятности дефолта
АО «АЛЬФА-БАНК»	Стандартизированный подход Оценка риска с целью формирования резервов Система внутренних и внешних рейтингов. В соответствии с внутренней рейтинговой оценкой кредиты и авансы клиентам и инвестиции, оцениваемые по амортизированной стоимости, подразделяются на группы: Первоклассные заемщики; Хорошие и стандартные заемщики; Приемлемые заемщики; Плохие заемщики; Проблемные заемщики.
ПАО Сбербанк	Стандартизированный подход Подход на основе базового ПВР Оценка риска с целью формирования резервов Рейтинговая шкала для оценки кредитного риска по 26 рейтинговым группам; Количественные модели оценки риска корпоративных заемщиков (PD, LGD, EAD); Набор поведенческих моделей оценки риска для розничного кредитного портфеля (оценивается PD, LGD, EAD). Для принятия решения о кредитовании применяются заявочные (application) модели PD.
Банк ГПБ (АО)	Сочетание количественной (статистической) и качественной (экспертной) оценки кредитного риска. Количественная оценка на основе моделей оценки вероятности дефолта для различного типа клиентов.
Банк ВТБ (ПАО) — на основе отчетности по МСФО	Стандартизированный подход Оценка риска с целью формирования резервов Количественные модели оценки вероятности дефолта по сегментам заемщиков ((PD, LGD, EAD).

Источник: составлено автором на основе регуляторной отчетности соответствующих банков [1–10]

дерации, внутренних документов Банка, стандартов саморегулируемых организаций, в результате применения санкций и (или) иных мер воздействия со стороны надзорных органов, а также риск потери репутации Банком в результате несоблюдения им правил, норм и стандартов, относящихся к его деятельности. [7].

ПАО Росбанк, ПАО «Московский Кредитный Банк» и АО «АЛЬФА-БАНК» в качестве значимого выделяют

стратегический риск, который возникает в результате неблагоприятного изменения результатов деятельности Группы вследствие принятия ошибочных решений в процессе управления Группой, в том числе при разработке, утверждении и реализации Стратегии развития Группы, ненадлежащем исполнении принятых решений, а также неспособности органов управления Группы учитывать изменения внешних факторов. Выделяя данный вид риска, банки раскрывают применяемые ме-

Таблица 2. Методы оценки рыночных рисков, применяемые банками

Наименование банка	Виды рисков
АО ЮниКредит Банк	VaR-метод: период наблюдения 1 год, доверительная вероятность 99%, исторический метод оценки; SVaR ¹ , BPV ² , CPV ³ , IRC ⁴
АО «Россельхозбанк»	VaR -метод, PVBP ⁵ , ES ⁶
ПАО «Промсвязьбанк»	Информация не раскрывается
ПАО Банк «ФК Открытие»	Стандартизированный подход
ПАО РОСБАНК	Стандартизированный подход Оценка риска портфеля облигаций — посредством расчета показателя процентного риска DV015 ⁷ и стресс-тестов
ПАО «Московский Кредитный Банк»	SVaR-метод
АО «АЛЬФА-БАНК»	стандартизированный подход; исторический 1-дневный 99% VaR
ПАО Сбербанк	VaR -метод: период наблюдения 2 года, период оценки 10 дней, 99% уровень односторонней доверительной вероятности.
Банк ГПБ (АО)	VaR -метод; анализ чувствительности для оценки процентного риска
Банк ВТБ (ПАО)	VaR -метод: период наблюдения 2 года, период оценки 1 день, 95% уровень доверительной вероятности, исторический метод оценки.

Источник: составлено автором на основе регуляторной отчетности соответствующих банков [1–10]

¹ SVaR — VaR при оценке в условиях стресса

² BPV — стоимость базисного пункта, отражает изменение стоимости позиции при изменении процентной ставки на один пункт

³ CPV — стоимость кредитного пункта, отражает изменение стоимости облигации при изменении кредитного спреда на один базисный пункт

⁴ IRC — инкрементный риск: стоимость риска миграции кредитных рейтингов,

⁵ PVBP — настоящая стоимость базисного пункта, аналог BPV

⁶ ES (Expected Shortfall) — потери, превышающие оценку VaR

⁷ DV01 — семейство метрик риска, отражающих изменение стоимости портфеля при параллельном сдвиге процентных ставок на небольшую величину.

тоды управления этим риском. В свою очередь АО «Московский Кредитный Банк» и АО «АЛЬФА-БАНК» также выделяют риск потери деловой репутации и представляют мероприятия, направленные на минимизацию риска. [6,8,10]. ПАО Сбербанк выделяет бизнес-риски, в составе которых рассматривает стратегический риск, риск изменения законодательства, а начиная с отчетности на 01.01.2021, ПАО Сбербанк выделяет риск участия и временной поддержки, который определяет как риск возникновения убытков вследствие неблагоприятного изменения финансового положения / рыночной стоимости вложений в долевые ценные бумаги, дающих возможность контроля или значительного влияния на эмитента / уставный капитал организации, а также обусловленных оказанием Банком вынужденной поддержки организациям, которые не учитываются при расчете норматива достаточности капитала группы. Система управления риском участия покрывает все вложения группы и ограничивает риск через: установленные лимиты на вложения, контроль нормативов Банка России Н12 и Н23, буфера экономического капитала на покрытие рисков участников, не входящих в регуляторный периметр группы. [1]. Отдельно следует остановиться на практике ПАО Росбанк, который

дополнительно выделяет целый ряд рисков, однако, не раскрывая подробно содержание и методы управления ими. Также как и ПАО Сбербанк группой выделяется риск финансовых вложений в дочерние и зависимые организации и вынужденной поддержки, которые, однако, банк не признает значимыми. Представляется, что этот риск присущ всем банковским группам и требует детального рассмотрения и формализации подходов к оценке и управлению. [6]. В целом, следует отметить, что кредитные организации, входящие в международные банковские группы, выделяют более широкую структуру рисков, не ограничиваясь минимально установленными требованиями Банка России.

Касательно применяемых банковскими группами методов оценки рисков следует отметить, что банки раскрывают их в значительной степени формально. При этом более детально показаны методы оценки рыночных рисков и риска потери ликвидности, тогда как подходы к оценке кредитного риска практически не раскрываются, несмотря на то, что этот вид риска является основным для банковского сектора России. Исключение составляет описание моделей оценки кредитного риска Группы ВТБ (по данным отчетности

Рис. 2. Показатели, применяемые АО «АЛЬФА-БАНК» для оценки ПРБК. Источник: составлено автором на основе [8].

по МСФО) и модели оценки рисков по портфелям однородных ссуд АО «Райффайзенбанк» [4,9]. Подходы банков к оценке кредитного риска, раскрытые в отчетности на 01.01.2020, систематизированы в таблице 1, раскрытие банками информации на начало 2021 не показало существенных изменений. Как правило кредитные организации представляют информацию об использовании стандартизированного подхода к оценке кредитного риска для оценки достаточности капитала, применении внутренних рейтинговых моделей для принятия решений о кредитовании (на основе количественной оценки вероятности дефолта (PD), уровня потерь при дефолте (LGD) и позиции под риском (EAD)), ценообразовании ссуд, формировании резервов по кредитным требованиям.

В настоящее время все системно значимые банки для целей управления разделяют рыночный риск тор-

гового портфеля и банковской книги. Действительно, применительно к торговому портфелю банки выделяют валютный, процентный, фондовый и ценовой риски. К рискам банковской книги относят обычно процентный риск и иногда валютный риск. Количественная оценка рыночного риска торговых операций производится путем анализа чувствительности финансовых инструментов к неблагоприятным изменениям рыночных параметров посредством оценки стоимости под риском. Данные таблицы 2 показывают, что оценка VaR-методом является наиболее распространенной, несмотря на присущие данному методу недостатки и отход Базельского Комитета по Банковскому Надзору (БКБН) от рекомендаций применять этот метод для построения внутренних моделей оценки риска. Как правило, применяется либо исторический метод, либо метод Монте-Карло, при этом период наблюдения составляет от одного года до двух, период оценки от од-

Таблица 3. Подходы банковских групп к оценке операционного риска

Наименование банка	Виды рисков
АО ЮниКредит Банк	Стандартизированный подход для оценки экономического капитала; Оценка ожидаемых потерь от операционного риска (ELOR) с установлением его предупредительного и предельного значения (соотношение между ожидаемыми операционными убытками и доходами бюджета)
АО «Россельхозбанк»	Стандартизированный подход: Базовый индикативный подход
ПАО «Московский Кредитный Банк»	Стандартизированный подход; Ключевые индикаторы риска — количественные показатели, рассчитываемые или оцениваемые с определенной периодичностью, позволяющие осуществлять мониторинг текущего уровня операционных рисков. Использование методик самостоятельной оценки рисков и контрольных мероприятий.
ПАО Сбербанк	Стандартизированный подход; Количественная оценка риска на основе внутренних моделей, построенных с использованием статистической информации, объединенной в базу данных о фактах реализованного операционного риска.

Источник: составлено автором на основе регуляторной отчетности соответствующих банков [1–3,10]

ного дня до десяти дней и доверительная вероятность от 95 до 99%.

Ряд банков декларирует применение дополнительных методов оценки рыночного риска: ES (Expected Shortfall), позволяющего оценивать среднюю величину потерь, превышающих оценку методом VaR; BPV (PVBP) для оценки изменения стоимости позиции по процентным инструментам в случае изменения рыночных процентных ставок и некоторые иные. Отметим, что все из рассмотренных банков декларируют активное использование стресс-тестирования для оценки подверженности торгового портфеля банка влиянию возможных макроэкономических шоков.

Как отмечалось ранее, все банки оказывают пристальное внимание проблеме оценки и управления процентным риском банковской книги (ПРПБ). Касательно этого риска банки в целом, применяют схожие методы оценки, рекомендованные соответствующим стандартом БКБН:

- ◆ Метод анализа разрывов (ГЭП-анализ), который позволяет оценить подверженность структуры баланса процентному риску посредством сопоставления объемов чувствительных к изменению процентных ставок активов и пассивов на определенном временном интервале;
- ◆ Метод расчета изменения чистого процентного дохода, который показывает

чувствительность чистого процентного дохода Группы на определенном временном горизонте;

- ◆ Метод оценки изменения экономической стоимости, в рамках которого анализируется чувствительность экономического капитала Группы

при различных сценариях сдвига кривых процентных ставок.

Наиболее подробно из системно значимых банков раскрывает методы оценки процентного риска АО «АЛЬФА-БАНК», демонстрируя при этом применение широкого перечня метрик для оценки ПРБП участников Группы. Перечень применяемых банком показателей приведен на рисунке 2:

Кредитные организации значительное внимание в своей деятельности уделяют вопросу оценки операционного риска. Проведенный анализ показывает, что банки помимо расчета величины операционного риска на основе стандартизированного подхода с использованием базового индикативного метода в соответствии с требованиями Положения Банка России от 3 сентября 2018 года № 652-П «О порядке расчета размера операционного риска» (по методике на основе показателей чистых процентных и чистых непроцентных доходов) развивают количественные методики оценки риска на основе формируемой банками базы данных о событиях операционных рисков. Подходы отдельных банковских групп к оценке операционного риска систематизированы в таблице 3.

Операционный риск представляет собой риск возникновения убытков в результате ненадежности и недостатков внутренних процедур управления Банка; недобросовестности работников; отказа информационных и иных систем; влияния на деятельность Банка внешних событий. Операционный риск включает в себя достаточно широкий перечень источников и, соответственно, рисков. Обычно правовой, регуляторный риск, кибер-риск, риск ИТ-технологий рассма-

триваются в качестве составной части операционного риска, что создает сложность оценки и управления этим риском в силу существенной специфики этих составляющих.

В банковских группах организован мониторинг бизнес-процессов на предмет выявления возможных источников операционного риска, по результатам которого производится корректировка бизнес-процессов. Организована и периодически модернизируется система сбора и анализа информации, необходимой для оценки операционных рисков. В каждой группе ведется база данных по событиям операционного риска и убыткам от их реализации. На основании собираемой информации оценивается количественно уровень операционного риска, для этой цели банки формируют ключевые индикаторы риска, а также карты подверженности операционному риску.

Отдельные банки акцентируют внимание на значимости качественной оценки операционного риска. Так, Банк ГПБ (АО) использует не только количественную, но и качественную оценку, применяя рейтингование рисков в зависимости от уровня их важности. подчеркивает, что основной оценкой операционного риска является качественная оценка, базирующаяся на принципе рейтингования рисков по уровню их значимости [7].

Следующим значимым риском, который раскрывается банковскими группами — это риск потери ликвидности. Как правило, для оценки риска банковские группы в целом и их отдельные единицы используют следующие показатели риска:

- ◆ величину разрывов ликвидности и кумулятивных разрывов ликвидности в разрезе основных валют;
- ◆ величина прогнозных значений обязательных нормативов ликвидности, установленных Банком России;
- ◆ значение краткосрочного стресс-теста ликвидности;
- ◆ значение показателей краткосрочной ликвидности.

Помимо этого, в кредитных организациях на основании статистических методов анализа рассчитываются необходимые нормативы запасов мгновенной и краткосрочной ликвидности, а также с использованием сценарного анализа рассчитываются резервы высоколиквидных и ликвидных активов, необходимые для поддержания ликвидности группы в стрессовых ситуациях.

Отметим практику ПАО Сбербанк, который оценивает риск ликвидности по всем операциям банковской

книги в условном подразделении — Внутреннем банке в рамках системы внутреннего трансфертного ценообразования. При этом бизнес-подразделения изолируются от влияния риска ликвидности, а стоимость управления риском ликвидности учитывается в стоимости фондирования [1].

Особое внимание следует обратить на процедуры разработки банками структуры риск-аппетита с целью определения оптимального профиля рисков. Проведенный анализ показал наиболее качественное раскрытие процедуры установления риск-аппетита ПАО Росбанк. Так, в разрезе каждого направления риск-аппетита головной Банк Группы разрабатывает определенный набор репрезентативных показателей, а также пороговых значений для них, которые соответствуют требуемому профилю рисков и структуре доступного капитала. В частности, на 2020 год для участников Группы и банковской Группы ПАО РОСБАНК установлен риск-аппетит по таким направлениям как: регуляторные требования (как правило основные экономические нормативы по банку и группе в целом); контроль над значимыми рисками (CoR (стоимость риска) по корпоративному и розничному портфелям, доля проблемных кредитов (NPL) в общем кредитном портфеле Группы, покрытие проблемных кредитов (NPL) резервами, средняя вероятность дефолта по корпоративному портфелю и т.д.); доходность с учетом риска в зависимости от желаемого кредитного рейтинга; лимиты на бизнес-линии [6]. Представляется, что такое подробное раскрытие банковской группой указанной информации дает пользователю отчетности четкое представление об уровне организации риск-менеджмента.

Выводы

В настоящее время банковские группы раскрывают системы управления рисками и капиталом в отчетности, формируемой ими в соответствии с Указанием Банка России от 07.08.2017 № 4482-У, определяющим соответствующий порядок. Проведенный анализ показал, что все системно значимые кредитные организации определяют в качестве основных риски, рекомендуемые к раскрытию Указанием № 3624-У, а именно: кредитный риск, включая риск контрагента, рыночный риск, процентный риск банковской книги, риск ликвидности, операционный риск, а также риск концентрации. Отдельные кредитные организации, как правило, входящие в международные банковские группы, выделяют более широкую структуру рисков, не ограничиваясь перечисленными выше. Данный подход заслуживает внимания и требует поддержки и проработки со стороны Банка России. Такой риск как риск вынужденной поддержки компаний группы присущ не только ПАО

Росбанк, но всем кредитным организациям, сформировавшим банковские группы. Подходы к формализации оценки и управления этим видом риска, на наш взгляд, должны быть определены в Главе 4 Указанием Банка России от 15.04.2015 N3624-У «О требованиях к системе управления рисками и капиталом кредитной организации и банковской группы».

Анализ показал также разнородность раскрытия кредитными организациями и банковскими группами информации о существенных рисках и методах их оценки. Представляется, что требования к раскрытию методов оценки рисков должны быть пересмотрены

с целью унификации представляемой информации. Прежде всего, это касается кредитного риска, являющегося наиболее значимым для банковского сектора России. На наш взгляд, требует раскрытия структура субпортфелей кредитных организаций по видам кредитов и характеристика применяемых моделей оценки риска по каждому значимому субпортфелю.

Требует формализации процедура установления банками риск-аппетита, структура показателей которого, на наш взгляд, должна быть унифицирована с учетом бизнес-моделей, реализуемых кредитными организациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Информация о принимаемых рисках, процедурах их оценки, управления риском и капиталом банковской группы ПАО Сбербанк за 2019 год; URL: https://cbr.ru/banking_sector/credit/coinfo/?id=350000004 (Дата обращения 25.06.2020)
2. Информация о принимаемых рисках, процедурах их оценки, управления риском и капиталом банковской группы по состоянию на 1 января 2020. Банковская группа «ЮниКредит Банк»; URL: https://cbr.ru/banking_sector/credit/coinfo/?id=450000005 (Дата обращения 25.06.2020)
3. Информация о принимаемых рисках, процедурах их оценки, процедурах управления рисками и капиталом банковской группы по итогам 2019 года. АО «РОССЕЛЬХОЗБАНК»; URL: https://cbr.ru/banking_sector/credit/coinfo/?id=450039042 (Дата обращения 25.06.2020)
4. Информация о принимаемых рисках, процедурах их оценки, управления рисками и капиталом за 2019 год в соответствии с указанием Банка России 4482-У от 7 августа 2017 года. АО «Райффайзенбанк»; URL: https://cbr.ru/banking_sector/credit/coinfo/?id=450016096 (Дата обращения 25.06.2020)
5. Информация о принимаемых на консолидированной основе рисках, процедурах их оценки, управления рисками и капиталом за 2019 год. Публичное акционерное общество Банк «Финансовая Корпорация Открытие»; URL: https://cbr.ru/banking_sector/credit/coinfo/?id=450000319 (Дата обращения 25.06.2020)
6. Раскрытие информации о принимаемых рисках, процедурах их оценки, управления рисками и капиталом банковской группы по состоянию на 01 января 2020 года. ПАО Росбанк; URL: https://cbr.ru/banking_sector/credit/coinfo/?id=450000347 (Дата обращения 25.06.2020)
7. Информация о принимаемых группой Газпромбанка рисках, процедурах их оценки, управления рисками и капиталом за 2019 год; URL: https://cbr.ru/banking_sector/credit/coinfo/?id=450000661 (Дата обращения 25.06.2020)
8. Информация о принимаемых рисках, процедурах их оценки, управления рисками и капиталом на 01 января 2020 года. Банковская группа АО «АЛЬФА-БАНК»; URL: https://cbr.ru/banking_sector/credit (Дата обращения 25.06.2020)
9. Банк ВТБ Консолидированная финансовая отчетность с аудиторским заключением независимого аудитора за год, закончившийся 31 декабря 2020 года. URL: <https://www.vtb.ru/akcionery-i-investory/finansovaya-informaciya/raskrytie-finansovoj-otchetnosti-po-msfo/> (Дата обращения 25.06.2020)
10. Информация о принимаемых рисках, процедурах их оценки, управления рисками и капиталом за 2020 год, ПАО «Московский кредитный банк». URL: https://cbr.ru/banking_sector/credit (Дата обращения 25.06.2020)

© Мешкова Елена Ивановна (meshkova.elen@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ НА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

THE IMPACT OF DIGITAL TECHNOLOGIES ON LABOR PRODUCTIVITY: A THEORETICAL ASPECT OF THE STUDY

J. Panko

Summary. The article is devoted to the study of topical issues related to the impact of digital technologies on labor productivity through the prism of modern theoretical developments. In order to formalize a specific impact, to determine the points of contact between digital innovations and labor productivity, the CDM model is presented in the work, which reflects the possibilities for the enterprise to obtain effects and their content in four different planes. Also, special attention in the research process is paid to the impact of digital technologies, depending on the types of production and the specifics of products. Particular emphasis is placed on the cross-influence of digital innovations on labor productivity in the context of emerging technological chains.

Keywords: productivity, digital technologies, enterprise, labor, personnel.

Панько Юлия Владимировна

*К.э.н., доцент, Российский университет
транспорта, г. Москва
panko_roat_dot@bk.ru*

Аннотация. Статья посвящена изучению актуальных вопросов, связанных с влиянием цифровых технологий на производительность труда через призму современных теоретических разработок. С целью формализации конкретного влияния, определения точек соприкосновения цифровых инноваций и производительности труда в работе представлена CDM-модель, которая в четырех различных плоскостях отражает возможности получения предприятием эффектов и их содержание. Также отдельное внимание в процессе исследования уделено влиянию цифровых технологий в зависимости от типов производства и специфики выпускаемой продукции. Особый акцент сделан на перекрестном влиянии цифровых инноваций на производительность труда в разрезе формируемых технологических цепочек.

Ключевые слова: производительность, цифровые технологии, предприятие, труд, персонал, эффект.

Экономика и общество в настоящее время постоянно меняются. Одним из ключевых факторов этого изменения является цифровая трансформация. Цифровая трансформация предполагает не только расширение Интернета в разных сферах социально-экономических отношений, но также активное использование новейших цифровых технологий, которые стали неотъемлемой частью жизни [1].

Нематериальные цифровые активы, такие как программные решения, веб-сервисы, а в последнее время — алгоритмы глубокого обучения, искусственный интеллект и цифровые платформы, все чаще используются благодаря распространению и развитию информационных и коммуникационных технологий. Различные наблюдатели утверждают, что общество может быстро приблизиться к технологической сингулярности, ведущей к взрывному экономическому росту. Одним из факторов, который позволит достичь этой планки является кардинальное влияние цифровых технологий на производительность труда.

Современный промышленный сектор все больше демонстрирует готовность полностью отказаться от использования человеческих ресурсов на рабочих местах. Передовые технологии и прорывные цифровые инновации все больше заменяют рутинные задачи, вытесняя низкоквалифицированных работников. Проведенные исследования показывают значительную корреляцию между инвестициями и производительностью труда и общей факторной производительности [2]. Точно так же оба показателя роста производительности коррелируют с сочетанием как материальных, так и нематериальных инвестиций, включая информационные и коммуникационные технологии, программное обеспечение и базы данных (см. рис. 1).

Серия эмпирических исследований показывает, что непрерывный прогресс в цифровых и роботизированных технологиях в конечном итоге приведет к исчезновению неавтоматизированной работы. Анализ, проведенный Глобальным институтом McKinsey, показал, что к 2030 году около 60% профессий можно будет авто-

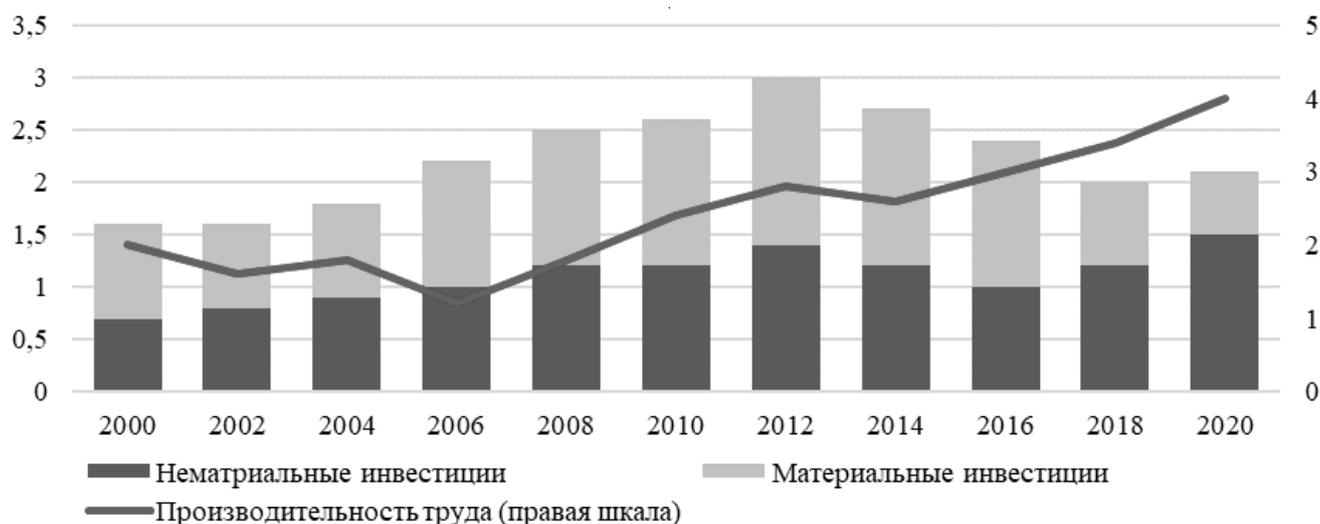

Рис. 1. Влияние инвестиции на производительность труда в странах ЕС,% [3]

материзировать как минимум на треть составляющих их действий [4].

В тоже время, уже сегодня появление новых цифровых технологий привело к снижению спроса на работников среднего звена, выполняющих рутинные ручные и когнитивные задачи, однако с другой стороны это способствовало увеличению спроса на высокооплачиваемую нерутинную когнитивную работу и низкооплачиваемую неспециализированную работу.

Именно правильный подход со стороны правящих структур, самих предприятий и непосредственно работников к этой теме будет способствовать экономическому росту благодаря эффективному использованию новейших технологий, обновлению устоявшихся взглядов на труд и трудовые отношения в контексте фундаментальных изменений, которые претерпевает мировая экономика в начале третьего тысячелетия.

Таким образом, обозначенные обстоятельства обуславливают выбор темы данной статьи, а также свидетельствуют о ее высокой практической и теоретической значимости.

Исследованием вопросов, связанных с ростом производительности труда и факторами, влияющими на нее, занималось немало отечественных и зарубежных ученых, в частности, Янкаускас К.С., Куликов М.Ю., Бурцева Т.А., Френкель А.А., Muhammad Zeeshan Ahad; Khan, Suhbat; Choudhry, Misbah Tanveer, Stéphane Sorbe.

Особенности влияния искусственного интеллекта на процесс автоматизации производства и безработи-

цы, специфика воздействия роботизации на рынок труда отражены в трудах Осовина М.Н., Кадомцевой М.Е., Владимирова И.Л., Каллаур Г.Ю., Eran Fisher, Christian Fuchs, Sreenath Majumder.

В то же время, несмотря на значительный круг исследований, можно утверждать, что сегодня не хватает системных научных работ в сфере производительности труда в эпоху цифровой экономики, что приводит к потере управляемости процессами ее регулирования на разных экономических уровнях и в результате ведет к обострению кризисных явлений в хозяйственной системе.

Также отдельного углублённого анализа требуют угрозы четвертой промышленной революции, которые находят свое проявление в виде новых вызовов для работодателей и нанятого персонала.

Таким образом, с учетом вышеизложенного, цель статьи заключается в рассмотрении особенностей влияния цифровых технологий на производительность труда через призму современных теоретических концептов.

По мере ускорения технического прогресса у предприятий остается все меньше возможностей для конкуренции, основанной на статических сравнительных преимуществах, таких как богатые природные ресурсы и низкоквалифицированная рабочая сила. Экономическое развитие и цифровые трансформации требует перераспределения ресурсов в сторону инновационной и наукоемкой продукции, а также диверсификации продуктового ряда с быстро растущим внутренним и внешним спросом.

Рис. 2. CDM-модель, отражающая влияние цифровых технологий на производительность труда

Обобщая существующие исследования и наработки, можно отметить, что цифровые технологии в повышении производительности труда — это внедрение обновленного или значительно улучшенного продукта (товара или услуги), а также процесса, более прогрессивных инструментов маркетинга или организационных приемов в деловой практике, организации рабочих мест или внешних связях, что кардинально повышает производительность труда.

Цифровые технологии также способствуют интеграции в производственные цепочки, облегчая взаимодействие в сфере поставок и распределения продукции. Кроме того, передовые технологические инновации, применяемые в процессе изготовления товаров, могут создать базу для внедрения новых коммерческих решений предприятий за счет уменьшения информационной асимметрии и транспортных расходов. Однако прямой, линейной зависимости между внедрением цифровых технологий и повышением производительности труда пока не установлено. Мировой опыт и практика свидетельствуют о том, что величина положительного эффекта зависит от незаменимых и дополнительных факторов, включая надлежащий доступ к цифровым технологиям и их распространение, здоровую динамику бизнеса, участие предприятия в циф-

ровой трансформации отрасли, адекватную транспортную связь и навыки, а также достаточную конкуренцию в цифровой экономике [4].

Для четкой формализации влияния цифровых технологий на производительность труда с теоретической точки зрения представляется целесообразным использовать «структурную» модель, которая называется CDM-модель (см. рис. 2).

Итак, анализируя более подробно представленную на рис. 1 модель, можно отметить, что цифровые технологии, которые используются в процессе производства продукта, независимо от того человеком или роботом, могут позволить предприятиям улучшать дизайн выпускаемых товаров и оптимизировать производственные процессы (экономия электроэнергии за счет более точного выполнения операций, снижение процента бракованных и неформатных изделий благодаря внедрению точных измерительных приборов, а также использованию программ настройки оборудования), автоматизировать рутинные задачи (а значит уменьшить количество человеческих ошибок и ускорить выполнение элементарных действий), выполнять определенные задачи удаленно и, среди прочего, облегчать отношения с поставщиками и клиентами.

Цифровые технологии, улучшая производительность на одном предприятии также могут иметь положительные побочные эффекты для других фирм, с которыми оно работает, в особенности для низкотехнологичных — например, онлайн-платформы способны уменьшить информационную асимметрию между сервисными фирмами и потребителями, а также предоставить своим контрагентам доступ к более широким рынкам, что дает возможность повышать эффективность всем участникам производственной цепочки.

В более широком смысле, цифровые технологии открывают перспективы роста производительности в долгосрочной перспективе, поскольку они могут поддерживать исследования и инновации фирм и правительств, а также создавать условия для повышения квалификации персонала, например, благодаря онлайн-курсам и образовательным программам [5].

В то же время некоторые (относительно менее изученные) последствия внедрения цифровых технологий также могут отрицательным образом сказаться на производительности труда. Например, частое использование экранов, переизбыток информации и потенциальные отвлекающие факторы способны повлечь за собой недосыпание персонала и снижение способности работников концентрировать внимание. Кроме того, имеются данные о причинно-следственной связи между более широким доступом к высокоскоростному Интернету и более низким количеством и качеством сна и, в свою очередь, о том, что более низкая продолжительность сна может снизить производительность

труда [6]. Другой потенциальной проблемой является «кибербезделье», то есть личное использование сотрудниками Интернета на работе, что обычно считается пагубным для производительности, хотя эмпирических данных в этой области пока еще слишком мало.

Неоднозначно также цифровые технологии влияют на производительность труда в зависимости от конкретной отрасли или специфики выпускаемого товара.

Если речь идет о традиционных системах массового производства, продукты которых требуют огромного количества ресурсов и относительно меньшего вклада знаний, то цифровые технологии дают несомненный положительный эффект, удешевляя, ускоряя и оптимизируя повторяющиеся, рутинные операции. Если же речь идет о высокотехнологичных компаниях, продукты которых характеризуются высоким уровнем знаний, внедрение цифровых технологий без наличия должного человеческого потенциала, необходимых знаний и опыта будет иметь сомнительный эффект и в большинстве случаев производство остановится на определенной точке без возможностей дальнейшего развития.

Таким образом, подводя итоги отметим, что реалии сегодняшнего дня подчеркивают растущую важность использования нематериальных цифровых технологий для повышения производительности труда. Однако с целью получения действенного эффекта необходимо учитывать специфику самих цифровых технологий, сферу их применения и особенности производства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Золотов А.В. Анализ взаимосвязи динамики рабочего времени и производительности общественного труда в цифровой экономике // Экономика и предпринимательство. 2020. № 7 (120). С. 242–246.
2. Алиев И.М.О. Влияние цифровой экономики на производительность труда // Экономика труда. 2021. Т. 8. № 9. С. 917–930.
3. Woltjer, Geert Industrial Innovation, Labour Productivity, Sales and Employment // International journal of the economics of business. 2021. Volume 28: Issue 1; pp 89–113.
4. Productivity drivers: empirical evidence on the role of digital capital, FDI and integration. Luxembourg: Publications Office of the EU, 2020. 119 p.
5. Голицыцкий П.В. Влияние цифровизации на эффективность технологических процессов современного производства // Компетентность. 2021. № 8. С. 48–54.

© Панько Юлия Владимировна (panko_roat_dot@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМЫ КАЧЕСТВА ОКАЗАНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ СОТРУДНИКАМ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

PROBLEMS OF THE QUALITY OF PROVIDING MEDICAL CARE TO EMPLOYEES OF THE CRIMINAL ENFORCEMENT SYSTEM

S. Rybina

Summary. The author considers the features of the organizational and legal mechanism for providing medical care to employees of the penal system.

The problematic aspects of the quality of medical care to the personnel of the penitentiary system in departmental medical institutions are highlighted on the example of the Vladimir region. The priority solutions for improving the management system and organizing the process of providing affordable, high-quality and timely medical care are proposed; implementation of a quality management system, universal information technologies.

Keywords: compulsory medical insurance, the quality of medical care, medical assistance to employees of the penal system, financial confirmation of medical services, modernization and digitalization of medical institutions.

Рыбина Светлана Николаевна

*К.б.н., доцент, Владимирский юридический институт ФСИИ России
rybina.sn@yandex.ru*

Аннотация. Автором рассмотрены особенности организационно-правового механизма оказания медицинской помощи сотрудникам уголовно-исполнительной системы.

Выделены проблемные стороны в рамках качества оказания медицинской помощи личному составу уголовно-исполнительной системе в ведомственных лечебных учреждениях на примере Владимирской области. Предложены приоритетные пути решения по совершенствованию системы управления и организацией процесса оказания доступной, качественной и своевременной медицинской помощи; внедрение системы управления качеством, универсальных информационных технологий.

Ключевые слова: обязательное медицинское страхование, качество оказания медицинской помощи, медицинская помощь сотрудникам уголовно-исполнительной системы, финансовое подтверждение медицинских услуг, модернизация и цифровизация медицинских учреждений.

Медицинское страхование является формой социальной защиты интересов населения в охране здоровья, которое регулируется Федеральным Законом Российской Федерации от 29 ноября 2010 года № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации». С целью обеспечения конституционных прав граждан на получение бесплатной медицинской помощи, закрепленных в статье 41 Конституции Российской Федерации создана государственная система обязательного медицинского страхования.

Обязательное медицинское страхование является составной частью государственного социального страхования и обеспечивает всем гражданам Российской Федерации равные возможности в получении медицинской и лекарственной помощи, предоставляемой за счет средств обязательного медицинского страхования в объеме и на условиях, соответствующих программам обязательного медицинского страхования (ОМС). [1]

Обязательная медицинская защита представляет собой страховой документ в виде полиса, по которому предоставляется всем гражданам страны, а также проживающим в РФ иностранным подданным, безвозмездная медицинская помощь. [2]

В 2018 году были внесены изменения в № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», а именно, — статья 49.1, регулирующая приостановление действия полиса ОМС и признание его недействительным, для силовиков, призванных или поступивших на военную и приравненную к ней службу, т.е. речь идет об обязательном изъятии полиса ОМС на период прохождения службы.

В соответствии с вышеуказанным изменением законодательства сотрудники Федеральной службы исполнения наказаний (в том числе Федеральной службы безопасности России, Федеральной службы охраны, Министерства РФ по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий

стихийных бедствий; Следственного комитета РФ; Федеральной миграционной службы; Министерства внутренних дел РФ), обязаны сдать полис ОМС, тем самым оказались фактически приравнены законодателем к категории: — иностранные граждане, у которых истек срок вида на жительство в Российской Федерации; — граждане РФ, чей паспорт признаётся недействительным; — граждане РФ, лишённые гражданства РФ; — лица, приобретшие иностранное гражданство.

На основании постановления Правительства РФ от 31 декабря 2004 г. № 911 «О порядке оказания медицинской помощи, санаторно-курортного обеспечения и осуществления отдельных выплат некоторым категориям военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и членам их семей, а также отдельным категориям граждан, уволенных с военной службы» получение медицинской помощи военнослужащими и сотрудниками вышеуказанных служб и ведомств осуществляется в поликлиниках и госпиталях ведомственного значения. Касаемо сотрудников, имеющих специальные звания и проходящих службу в учреждениях и органах уголовно-исполнительной системы РФ, на которых распространяется действие вышеуказанного постановления в части медицинского обеспечения, оно осуществляется в медицинских организациях МВД РФ.

Таким образом, организация медицинского обслуживания и санаторно-курортного лечения сотрудников уголовно-исполнительной системы осуществляется федеральными казенными учреждениями здравоохранения для личного состава (далее — ЛПУ УИС), лечебно-профилактических учреждениях МВД (далее — ЛПУ МВД) вне зависимости от постоянного места службы и проживания сотрудников. Кроме того, медицинское обслуживание сотрудников может осуществляться в лечебно-профилактических учреждениях государственной и муниципальной систем здравоохранения (далее — учреждения здравоохранения) в соответствии с заключёнными с этими учреждениями государственными контрактами об оказании медицинских услуг.

Полагаем, что состояние здравоохранения уголовно-исполнительной системы (далее УИС) и эффективность её работы по укреплению и сохранению здоровья сотрудников уголовно-исполнительной системы должна быть одной из приоритетных задач.

В связи с чем, актуальным является вопрос о качестве оказания медицинской помощи сотрудникам УИС, которая осуществляется в соответствии с Программой государственных гарантий оказания бесплатной медицинской помощи гражданам Российской Федерации.

Для детального изучения данного вопроса изначально необходимо уточнить, что понимается под качеством медицинской помощи.

Качество медицинской помощи — это содержание взаимодействия врача и пациента, основанное на квалификации профессионала, т.е. способности снижать риск прогрессирования имеющегося у пациента заболевания, оптимально использовать ресурсы медицины и обеспечивать удовлетворенность пациента от его взаимодействия с медицинской подсистемой.

С точки зрения международных стандартов «качество медицинской помощи — это совокупность характеристик, подтверждающих соответствие оказанной медицинской помощи имеющимся потребностям (состоянию пациента), его ожиданиям, современному уровню медицинской науки и технологии».

К основным характеристикам качества медицинской помощи относятся:

- ◆ оперативность;
- ◆ результативность;
- ◆ эффективность;
- ◆ оптимальность;
- ◆ приемлемость.

Перейдем от теории к практике и рассмотрим основные проблемы оказания медицинской помощи и ее качества на примере ФКУЗ «Медико-санитарная часть МВД России по Владимирской области», которое оказывает первичную амбулаторно-поликлиническую помощь сотрудникам УИС в Поликлинике ФКУЗ «МСЧ МВД России по Владимирской области». В услугах данного учреждения сложно усмотреть качество медицинской помощи как таковое. Прежде всего по причине колоссальной нагрузки на участковых врачей и полное отсутствие узких специалистов, что сразу исключает первостепенной важности элемент — оперативность и своевременность медицинской помощи.

Медицинское обслуживание сотрудников может осуществляться в лечебно-профилактических учреждениях государственной и муниципальной систем здравоохранения в соответствии с заключёнными с этими учреждениями государственными контрактами об оказании медицинских услуг. Таким образом, теоретически сотруднику УИС можно попытаться получить медицинскую помощь по финансовому подтверждению, но какой бюрократический квест на практике предстоит преодолеть.

Итак, чтобы получить медицинскую помощь узкого специалиста врача (далее специалиста), пациенту необходимо высидеть в многочасовой очереди к терапевту,

который на установленном бланке выписывает направление на консультацию к данному специалисту, далее маршрут по поликлинике, с очередями за подписями и печатями.

Но на этом походы сотрудника, нуждающегося в оперативной медицинской помощи не заканчиваются. Он вынужден следовать в УФСИН по Владимирской области в ФКУЗ «Медико-санитарная часть МВД России по Владимирской области» для оформления финансового подтверждения в конкретное муниципальное медицинское учреждение.

После этого сотрудник направляется в указанное медицинское учреждение, с надеждой попасть на прием к специалисту, но как выясняется, первоначальный визит — это только предоставление выше полученных и согласованных документов для записи на прием к специалисту (время ожидания от 4 дней до 1 месяца, это уж как повезет). При этом необходимо отметить, что выданное финансовое подтверждение действительно только в течении двух недель. И если запись к специалисту не укладывается в данные сроки, сотруднику придется заново оформлять данный документ.

Наконец, сотрудник посетил врача специалиста, который, как правило, для уточнения диагноза и определения тактики объективного лечения назначает лабораторные и инструментальные диагностические исследования. Таким образом, выше изложенный путь сотруднику необходимо повторить, и порой неоднократно. Необходимо напомнить, что речь идет об оказании медицинской помощи больному, который возможно в силу плохого самочувствия не имеет возможности преодолеть весь этот маршрут, бесконечно растянутый в пространстве и во времени. В связи с чем встает ряд очевидных вопросов: почему так выстроен процесс оказания медицинской помощи и есть ли в нем место для вышеперечисленных характеристик качества — эффективности, результативности и оптимальности.

Конечно у больного сотрудника есть, еще один вариант — это госпитализация. Но проблема тем самым не решается, т.к. госпиталь ФКУЗ «МСЧ МВД России по Владимирской области» имеет два отделения: терапевтическое и неврологическое, т.е. отсутствует профильная госпитализация.

Более того, находясь на стационарном лечении в госпитале (ФКУЗ «МСЧ МВД России по Владимирской области»), при необходимости получить консультацию узкого специалиста, или сдать анализы крови (к примеру гормоны щитовидной железы) больному сотруднику лечащий врач выдает бланк с направлением

на консультацию к данному специалисту, или указывает на нем диагноз и анализы, которые необходимо сдать. А дальше больной из стационара вынужден следовать в тот же УФСИН по Владимирской области в ФКУЗ «Медико-санитарная часть МВД России по Владимирской области», для оформления финансового подтверждения. Если сам больной сотрудник не в состоянии решить данный вопрос, то это предлагается сделать его родственникам, знакомым и т.п. Но даже после согласования всех документов, не всегда есть возможность получения оперативной и своевременной помощи узких специалистов врачей, т.к. запись к ним может быть нескоро. Таким, образом сотрудник получает данную консультацию уже после выписки из стационара. Тогда встает вопрос о результативности и эффективности данного стационарного лечения.

Нередко сотрудники при обращении в УФСИН по Владимирской области в ФКУЗ «Медико-санитарная часть МВД России по Владимирской области», получают отказ в финансовом подтверждении по причине отсутствия средств на данные медицинские услуги если это:

- ◆ начало календарного года (средства еще не поступили; и/или не заключены государственные контракты с лечебно-профилактических учреждениях государственной и муниципальной систем здравоохранения);
- ◆ конец календарного года (IV квартал — средства уже все израсходованы).

В связи с чем сотрудники, которым требуется оперативная, результативная, и эффективная медицинская помощь зачастую вынуждены пользоваться платными медицинскими услугами по ряду причин:

- ◆ нет сил и возможности преодолевать весь вышеизложенный бюрократизм;
- ◆ отсутствие средств для финансового подтверждения медицинской услуги;
- ◆ длительное время ожидания для получения конкретных медицинских услуг (например, магнитно-резонансная томография (МРТ) запись на 2 месяца вперед).

Таким образом, напрашивается следующий вывод о качестве предоставляемой медицинской помощи сотрудникам УИС во Владимирской области «Спасение утопающих — дело рук самих утопающих».

Полагаем, что для повышения результативности деятельности медицинской организации и качества оказываемой медицинской помощи, в первую очередь необходимо менять стиль управления, посредством изменения системы управления качеством и одновременным изменением внутренней системы контроля за качеством предоставляемой медицинской помощи.

Необходимо отметить, что в сложившейся ситуации, на качество оказания медицинской помощи сотрудникам УИС в целом влияет не профессионализм отдельно взятого врача, а совершенство системы управления и организации процесса, которая, к сожалению, оставляет желать лучшего.

Основой управления должна быть теория администрирования, внедрение системы управления качеством, статистический контроль процесса.

Основными приоритетными задачами медицинских учреждений, оказывающих первичную амбулаторно-поликлиническую и стационарную помощь сотрудникам УИС должны быть:

- ◆ защита прав граждан на охрану здоровья и качественное медицинское обслуживание в должном объеме;
- ◆ повышение качества и эффективности оказания медицинских услуг на основе оптимального использования финансовых, материально-технических и кадровых ресурсов в сфере здравоохранения;
- ◆ совершенствование на основе обратной связи системы управления качеством медицинской помощи.

Необходимо идти в ногу со временем и делать положительные шаги вперед. Один из приоритетов развития современной системы здравоохранения — это

развитие цифровизации и обеспечение практикующими врачами. Учитывая, что сегодня руководство страны ставит задачу построения электронного общества во всех сферах деятельности, активно проводится модернизация здравоохранения и внедрение современных информационных технологий (ИТ), медицинское обеспечение структур МВД РФ также не может стоять в стороне от процессов реформирования.[3]

Необходим электронный документооборот, который решает вопросы согласования от внутренних документов и вышестоящих организаций и в том числе на межведомственном уровне, т.е. создание единого цифрового контура, который позволит врачам, и пациентам высвободиться от рутины и формализма, тем самым не только сэкономят время, но и эффективно его использовать, что является неотъемлемым признаком каждой медицинской услуги.

Таким образом, на сегодняшний день достаточно актуально стоят задачи оказания качественной медицинской помощи сотрудникам УИС, многоаспектность которой и предопределяет различные механизмы ее решения, включающие в себя современную систему администрирования на основе обратной связи управления качеством медицинской помощи; оптимального использования финансовых, материально-технических и кадровых ресурсов в сфере здравоохранения; внедрении универсальных информационных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Система ОМС в РФ — URL: <http://www.ffoms.gov.ru/system-oms/> (дата обращения: 06.01.2022).
2. ОМС для военнослужащих и сотрудников полиции: можно ли иметь полис и как его сдать — URL: <https://gidpostrahovke.ru/zhizn-i-zdorove/oms/kak-sdat-polis-oms-voennosluzhaschim.html> (дата обращения: 06.01.2022).
3. Тамойкин А.В. Пути совершенствования организации медицинского обеспечения сотрудников правоохранительных органов с применением информационных технологий: автореф. дис. ... канд. мед. наук: 14.02.03 / Тамойкин А.В. — М., 2013. — 24 с.

© Рыбина Светлана Николаевна (rybina.sn@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДИКА ИЗУЧЕНИЯ ФАКТОРОВ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИХ ЭФФЕКТИВНОСТЬ СТРАТЕГИИ ПРОДВИЖЕНИЯ СЛОЖНОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ОБОРУДОВАНИЯ В НЕФТЕГАЗОВОЙ СФЕРЕ

METHODOLOGY FOR STUDYING THE FACTORS DETERMINING THE EFFICIENCY OF THE STRATEGY FOR THE PROMOTION OF COMPLEX TECHNOLOGICAL EQUIPMENT IN THE OIL AND GAS SPHERE

I. Frolov

Summary. The article examines the main factors influencing the effectiveness of the strategy of promoting complex technological equipment in the oil and gas sector, arising from the main directions regarding the conditions of marketing and logistics. This study is the basis for the further formulation of conditions for building a logistics and marketing strategy for category management.

Keywords: marketing strategy, category management, clients, equipment.

Фролов Илья Игоревич

ФГАОУ ВО «Национальный Исследовательский Университет «Высшая Школа Экономики», г. Москва
frolovilya88@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются основные факторы, влияющие на эффективность стратегии продвижения сложного технологического оборудования в нефтегазовой сфере, вытекающие из основных направлений, касающихся условий маркетинга и логистики. Это исследование является основой для дальнейшего формулирования условий для построения логистической и маркетинговой стратегии категорийного менеджмента.

Ключевые слова: маркетинговая стратегия, категорийный менеджмент, клиенты, оборудование.

Динамично развивающаяся рыночная среда предприятий постоянно ставит новые задачи в области управления логистикой и контроля товарных и информационных потоков. Особенно актуально это для нефтегазовой сферы, для развития которой используется специфическое оборудование, характеризующееся сложностью и высокой технологичностью. В основе этих вызовов лежат изменения, происходящие на рынках сбыта, которые направлены на продвижение различной продукции, сокращение сроков доставки, повышение гибкости в обслуживании клиентов и минимизацию логистических затрат при дистрибуции. Глобализация, развитие новых технологий и более легкий доступ к информации также вызывают изменения в потребностях и ожиданиях клиентов в отношении процессов распределения. Покупатели все чаще обращают внимание на удобство и возможность совершения комплексных покупок по приемлемым ценам, что позволяет им достигать своих целей, направленных на минимизацию затрат времени и решение производственных задач [6].

Управление товарными категориями отвечает потребностям современного рынка. Это позволяет вам совершать дополнительные покупки в одном месте,

предоставляя при этом возможность выбора между продуктами-заменителями. Управление продуктами и предложением продуктов на предприятии ставит перед менеджерами новые задачи. Основным источником этого развития являются меняющиеся предпочтения покупателей, как в отношении самих товаров, так и в отношении логистической услуги, понимаемой как логистическое обслуживание клиентов, являющееся неотъемлемой частью и добавленной стоимостью сделки [5].

Наблюдение за поведением покупателей привлекло внимание автора к необходимости изучения факторов, определяющих эффективность стратегии продвижения сложного технологического оборудования в нефтегазовой сфере, для исследования эволюции покупательских предпочтений в отношении состава ассортимента оборудования для совершения сделок [1]. Этот исследовательский вопрос весьма интересен и актуален, поскольку он четко формируется потребностью, которую потребитель удовлетворяет во время покупки. Это наблюдение позволило подтвердить предположение, что нефтегазовые компании выбирают необходимое оборудование, руководствуясь определенными критериями покупки. Если предположить, что товарная кате-

гория — это четко определенная, измеримая и управляемая группа товаров/услуг, которые потребители воспринимают как взаимозаменяемые или дополняющие друг друга в удовлетворении своих потребностей [3] — можно предположить, что потребители, удовлетворяя конкретную потребность, ищут оборудование из разнородных, но выявляющих специфические отношения между товарными группами. При таком подходе это группа оборудования, для которого можно разработать стратегию продвижения, определить поставщиков, получателей и разработать инструменты управления маркетинговыми мероприятиями.

Современные тенденции на розничных рынках свидетельствуют о повышении значимости принимаемых решений в области формирования предложения компании и его соответствия ожиданиям потребителей. Точность этих решений зависит от возможности получения информации о поведении и ожиданиях покупателей, как с точки зрения ассортимента предложения, так и способа обработки заказов. С другой стороны, маркетинговая деятельность компании формирует восприятие продукции потребителями, что косвенно влияет на их решения о покупке [2].

Важным направлением в рассуждениях, направленных на определение и исследование рыночной категории товара, является понимание того, какими предпосылками руководствуются покупатели, покупающие товары. Они определяют процесс покупки и влияют на выбор ассортимента и услуг, предоставляемых для товара в предложениях предприятий. Последствия выявления факторов, влияющих на решения о покупке, имеют далеко идущие последствия для распределения. Они позволяют формировать предложение как с точки зрения ассортимента продуктов, так и с точки зрения конфигурации оборудования или групп оборудования, но они также влияют на формирование стратегии продвижения, особенно на выбор каналов сбыта, их конфигурацию и выбор соответствующих дополнительных услуг. Выделение факторов, определяющих эффективность стратегии продвижения, требует выявления и анализа потребительского поведения [7], то есть комплексно деятельности и деятельности, связанной с осуществлением выбора с точки зрения удовлетворения потребности потребителя в конкретных экономических, социальных и культурных условиях. Указанные факторы влияют на изменение тенденций потребительского поведения, которые развиваются в направлении [2, 4]:

1. формирование новых покупательских сегментов, определяющих новые потребности и способы их удовлетворения;
2. изменение ассортимента оборудования для нефтегазовой сферы;

3. повышенные требования к пространству, времени и способу совершения покупок;
4. потребители ожидают добавленную стоимость в процессе покупки, проявляющуюся в удовлетворении использованием оборудования;
5. покупатели обращают внимание на имидж компании на рынке;
6. покупатели предъявляют высокие требования к уровню обслуживания клиентов, дополнительные услуги за скидки и системы лояльности;
7. покупатели требуют качественного обслуживания, особенно в сфере логистики и постпродажного обслуживания;
8. покупатели охотнее покупают новинки и экспериментируют на рынке закупок;
9. Растущая важность онлайн-покупок.

На решения о покупке также влияют личные детерминанты и риск, связанный с покупкой оборудования. Этот риск, понимаемый как неопределенность относительно последствий принятого решения, может относиться к экономическим, социальным и культурным аспектам. В данной связи целесообразно использовать маркетинг категории продукта — категорийный менеджмент, который является частью более широкой идеи, концепции CPFR (Collaborative Planning, Forecasting and Replenishment), и развивает концепцию ECR (Efficient Consumer Response).

Эта концепция диктует конкретные бизнес-практики, связанные с интеллектуальным сотрудничеством партнеров по цепочке поставок для планирования и удовлетворения потребностей клиентов. Это позволяет включить стратегию управления категориями, которая представляет собой маркетинговый подход к продажам при планировании цепочки поставок и операционных процессов, чтобы повысить доступность и гибкость при одновременном снижении уровня запасов, транспортных и логистических затрат.

Товарная категория — это однозначная, управляемая группа товаров/услуг, которые потребители воспринимают как связанные и/или взаимозаменяемые в удовлетворении потребностей клиентов. Категорийный менеджмент — это стремление построить группы товаров, связанных друг с другом с точки зрения потребителя/покупателя. Такой подход существенно влияет на восприятие категорийного менеджмента по всей цепочке поставок. Это требует приспособления методов маркетинга и логистики к группам продуктов, созданным в соответствии с другими правилами, чем раньше. Идея, лежащая в основе этого процесса, состоит в том, чтобы определить оптимальный набор продуктов и запасы каждого конкретного набора продуктов, который клиенты хотят приобрести.

Рис. 1. Методика изучения факторов, определяющих эффективность стратегии продвижения сложного технологического оборудования в нефтегазовой сфере

Категорийный менеджмент считается одним из столпов стратегии ECR. Управление товарными категориями, помимо маркетингового лица, требует реализации конкретных логистических решений для удовлетворения требований отдельных клиентов. Эти решения должны основываться на широко понимаемом понимании цепочки поставок, создающей конечную стоимость продукта. В основе этих изменений лежит иное восприятие принадлежности товара и иная классификация. Классический подход к цепи — это прежде всего определение: 1. участников цепи, 2. отношений между ними, 3. деловых ролей и сил, 4. интегрирующего цепь звена, которое становится в нем вышестоящим. Поток продукта зависит от типичных структурных факторов, возникающих в результате проектирования цепочки поставок и ее соединений.

Внедрение стратегии продвижения на основе категорийного менеджмента требует переориентации принципов построения работы с клиентами. Ниже представлена методика изучения факторов, определяющих эффективность стратегии продвижения сложного технологического оборудования в нефтегазовой сфере, содержание ее основных этапов представлено на рисунке 1. На рисунке 1 можно увидеть смену направленности: мы можем наблюдать функциональное сотрудничество, ориентированное на категории от разделения товаров на группы по физическим признакам,

сегментам покупателей и др.). Стратегия продвижения должна быть направлена на особенности каждого товара в отдельности. Отношения к стратегии продвижения и, следовательно, действия должны быть структурно изменены, чтобы продвигать разные типы оборудования. Это часто требует интеграции сотрудничества поставщика с различными поставщиками в рамках одной категории, что является важной проблемой.

Качественные изменения со стороны производителя требуют изучения факторов для сегментации покупателей по новым критериям: основным из них является тип категории, к которой относится товар, являющийся предметом продажи. Управление маркетинговой категорией товаров — это возможность оптимизации структуры ассортиментного предложения и оптимизации логистических процессов, обеспечивающих материальные и информационные потоки, целью которых является приведение стратегии продвижения в соответствие с потребностями клиентов. Требования покупателей к ассортименту и логистике различаются в разных регионах страны. Часто это связано с традициями и привычками, а также со степенью открытости новым технологиям.

Категорийный менеджмент — это стратегия, основанная главным образом на маркетинговых предположениях. Его основные положения сосредоточены

на управлении факторами продвижения продукта. Особенно актуально внедрение категорийного менеджмента для таких продуктов, как сложное технологическое оборудование нефтегазовой отрасли. Таким образом, на стратегию продвижения, в первую очередь, влияет распознавание потребностей клиентов и динамика изменений на рынке клиентов, тогда как вопрос, связанный с возможностью удовлетворения этих потребностей, является задачей маркетинговой службы компа-

нии. Может показаться, что изменение незначительное, но принятие стратегии продвижения на основе управления категориями продуктов создает новое качество управления группой различных продуктов, а не отдельными продуктами. Этот подход заставляет вносить изменения в области управления продуктами в процессах распределения, где акцент смещается с управления материальными потоками на управление группами продуктов, обозначенными категориями продуктов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ананич М.И. Современные вызовы и проблемы научно-технологического и инновационного развития // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2020. № 2. С. 3–13.
2. Гончаренко М.А., Рябоконь М.В., Чернев В.И. Методический подход к оценке маркетингового потенциала и его влияние на экономическую эффективность предприятия // ЭКОНОМИНФО. 2018. № 1. С. 17–21.
3. Комаров С.В., Григорьева А.С. Методика оценки внутреннего маркетинга компании и управление клиентоориентированностью // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2019. № 2. С. 192–203.
4. Пшеничников И.В., Новоженина Е.М. Методические основы формирования системы превентивного маркетинга для наукоемких промышленных предприятий // Общество: политика, экономика, право. 2018. № 5. С. 72–76.
5. Синяева И.М. преодоление факторов пандемии с помощью инструментов поискового маркетинга // Образование. Наука. Научные кадры. 2021. № 1. С. 118–121.
6. Щепакин М.Б., Хандамова Э.Ф., Глазырина Е.О., Еремеев А.В. Развитие концепций маркетинга в условиях усиления влияния субъективного фактора // ЭПП. 2020. № 5. С. 1365–1388.
7. Щербаков В.А., Рахматуллина А.Р. Стимулирование сбыта на международном рынке // Научные междисциплинарные исследования. 2020. № 8–1. С. 247–280.

© Фролов Илья Игоревич (frolovilya88@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАЛОГОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИВЛЕЧЕНИЯ ПОЖЕРТВОВАНИЙ НЕКОММЕРЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ, А ТАКЖЕ СВЯЗАННЫЕ С ПОЛУЧЕНИЕМ ПОЖЕРТВОВАНИЙ НЕКОММЕРЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ СОПУТСТВУЮЩИЕ ВОПРОСЫ ПРАВОВОГО ХАРАКТЕРА

Юркова Марина Руслановна

*К.э.н., старший преподаватель, Финансовый
университет при Правительстве Российской
Федерации
marina.koroeva@mail.ru*

TAX CONSEQUENCES OF ATTRACTING DONATIONS BY NON-PROFIT ORGANIZATIONS, AS WELL AS RELATED LEGAL ISSUES RELATED TO RECEIVING DONATIONS BY NON-PROFIT ORGANIZATIONS

M. Iurkova

Summary. The article analyzes the financial and legal basis for receiving and using donation funds by organizations in the Russian Federation, the main purpose of which is to provide one form of material support by one person (donor) to other persons (gifted). The author in the article reveals the main problems related to the use of such a category of property as donations. The property, as part of the consideration of the legal status of the donation, includes money.

The material set forth in the article will allow for practical purposes to answer questions related to the receipt and use of donations by organizations related to non-profit in accordance with civil law, in terms of minimizing the risk of attraction, firstly, to tax, and secondly, to administrative responsibility, when applying methods of optimizing tax liabilities by the recipient. The article also includes the result of an analysis of the legal situation of donations.

Keywords: donation, donation funds, tax, tax responsibility, administrative responsibility, gratuitousness, income, donor, donee, legal qualification of donations, expenses, risk, special-purpose character, purpose funds.

Аннотация. В статье анализируются финансовые и правовые основы получения и использования средств пожертвований юридическими лицами в Российской Федерации, основным назначением которых является обеспечение одной из форм материальной поддержки одними лицами (жертвователя) другим лицам (одаряемым). Автор в статье раскрывает содержательно основные проблемы, связанные с применением такой категории совокупности имущества, как пожертвования. В состав имущества, в рамках рассмотрения вопроса правового статуса пожертвования, включаются денежные средства.

Материал, изложенный в статье, позволит для практических целей ответить на вопросы, связанные с получением и использованием пожертвований организациями, относящимися в соответствии с гражданским законодательством к некоммерческим, в части минимизации риска привлечения, во-первых, к налоговой, а, во-вторых, к административной ответственности, при применении методов оптимизации налоговых обязательств получателем. Статья также включает результат анализа правового положения пожертвований.

Ключевые слова: пожертвование, налог, налоговая ответственность, административная ответственность, безвозмездность, доходы, жертвователь, одаряемый, правовая квалификация пожертвований, расходы, риск, целевой характер, целевые средства.

Гражданский кодекс Российской Федерации в статьях 582, а также в статьях 572–577, 579–580 регулирует определяет понятие «пожертвования», порядок документального оформления получения пожертвований, перечень организаций-получателей субсидий, наличие/отсутствие предмета пожертвования, особенности целевого характера пожертвований и другие основные правовые характеристики пожертвований.

Положения указанных выше статьей Гражданского кодекса Российской Федерации классифицируют пожертвование как вид дарения, которому присущи определенные характеристики этой правовой категории. При исследовании условий осуществления пожертвований производился анализ правового положения дарения и особенности его осуществления.

Кроме гражданского законодательства в статье 251 Налогового кодекса Российской Федерации (далее — НК РФ) установлено правовое регулирование пожертвований для целей исчисления налога на прибыль организаций получателями пожертвований.

Положения гражданского и налогового законодательства в совокупности определяют обязательные к соблюдению условия получения и использованию пожертвований:

- ◆ документальное оформление пожертвования;
- ◆ безвозмездное получение имущества и отсутствие встречной передачи жертвователю или третьим лицам вещи или встречного обязательства
- ◆ ограниченный перечень юридических лиц — получателей;
- ◆ наличие указания на конкретный предмет пожертвования в виде имущества;
- ◆ целевой характер:
- ◆ на содержание получателя и ведение им уставной деятельности,
- ◆ в общепользовательных целях;
- ◆ ведение раздельного учета полученных доходов и понесенных расходов в рамках пожертвования.

Настоящая статья представляет собой свод и анализ законодательства, регламентирующего предоставление и получение имущества в форме пожертвования, в целях обоснованного применения льготного режима налогообложения некоммерческих организаций. Пожертвования освобождения от обложения налогом на добавленную стоимость на основании подпункта 1 пункта 2 статьи 146 и подпункта 2 пункта 3 статьи 39 НК РФ, о обложения налогом на прибыль организации — на основании подпункта 1 пункта 2 статьи 251 НК РФ.

Риски изменения правовой квалификации договора с договора пожертвования в договор возмездного

оказания услуг могут стать основной причиной получения ограничений в применении некоммерческой организацией льготного режима налогообложения. Положения настоящей статьи содержат формы, в которых могут быть представлены такие риски, и раскрывают направления и способы их минимизации, которые необходимо применять на практике.

Документальное оформление пожертвования

Документальное оформление пожертвования вытекает, во-первых, из требований законодательства, во-вторых, что не менее важно, в связи с тем, что корректно оформленные условия взаимоотношений сторон по передаче и использованию пожертвования являются признаком благополучного разрешения вопросов со стороны налоговых органов.

Гражданское законодательства в общем случае позволяет заключать договоры не только в письменной форме, но и в устной. Устный договор заключают очно или с помощью средств связи, когда стороны выражают волю словесно, не фиксируя условия договоренностей в документальной форме.

Преимущества в заключении договора в устной форме есть, как например, такое заключение договора не требует несения расходов на организацию, подготовку, оформление и подписание договора. Важно, чтобы устная форма договора допускалась. Как правило, юридическим лицам не разрешено между собой совершать договоры в устной форме. Но законодательство предусматривает отдельные случаи применения устной формы, когда договор исполняется при самом его совершении.

В отношении договоров пожертвования законодатель устанавливает определенные ограничения в применении устной формы.

Устная форма договора пожертвования может применяться только в случае передачи в форме пожертвования движимого имущества стоимостью до трех тысяч рублей. При заключении в устной форме договора пожертвования со стоимостью передаваемого имущества более трех тысяч рублей, и когда хотя бы одной из сторон является юридическое лицо, такой договор признается незаключенным и классифицируется как ничтожный.

В целом в отношении сделок, которые необходимо оформлять в форме договоров, законодательство предусматривает две формы — устную и письменную. Однако, принимая во внимание ограничение, уста-

новленное в зависимости от категории сторон сделки и объема стоимостного показателя сделки, устная форма договоров имеет ограниченное применение. И, как следует из статьи 574 ГК РФ, для отношений, связанных с передачей имущества по системе пожертвований, это ограниченное применение активизируется, и устная форма таких договоров признает оформленную таким образом сделку ничтожной.

Признание сделки ничтожной чревато таким последствиями, как, например, обязанность одаряемого вернуть полученное в рамках пожертвования имущество (в том числе, денежные средства). Либо возникает ответственность, налоговая и (или) административная, за применение одаряемым в отношении полученного имущества льготных положений, предусмотренных статьей 251 НК РФ, как неправомерно отнесенных их к категории целевых поступлений, исключаемых из налоговой базы по налогу на прибыль организаций.

Реалии 21 века ставят новый вопрос в форме заключения договора. Договор, заключенный посредством электронной и иных технических средств, даже путем обмена письмами по электронной почте, признается оформленным в письменной форме. Для этого содержание договоров в неизменном виде можно воспроизвести на материальном носителе, а требование о наличии подписи считается выполненным, если использован любой способ, позволяющий достоверно определить выразившее волю лицо. Специальный способ его определения может быть предусмотрен законом, иными правовыми актами и соглашением сторон.

Из представленного материала следует, что в целях договор пожертвования должен, как правило, быть оформлен сторонами в письменной форме, в том числе в электронном, независимо от категории лиц, которые передаются пожертвование.

Договор должен включать условия, предусмотренные главой 27 ГК РФ, и условия, перечисленные в пункте 1 настоящей статьи.

Кроме того, если речь идет о передаче имущества, за исключением денежных средств, то у передающей стороны — жертвователя, возникают риски по налоговой и (или) административной ответственности по налогу на добавленную стоимость, для целей исчисления которого объектом налогообложения признается безвозмездная передача имущества, товаров, работ, услуг, приравняемая в рамках главы 21 НК РФ к реализации имущественных прав, товаров, работ, услуг соответственно.

Договор пожертвования отличается от договора дарения рядом правовых и финансовых (экономических)

характеристик, одним из основных среди которых признается наличие указания на общепользующую цель передаваемых средств в рамках пожертвования, тогда как для дарения подобного ограничения не предусмотрено.

При передаче пожертвования учреждениям жертвователем может быть закреплено в договоре условие об использовании (направлении, применении) полученного имущества по заранее определенному в договоре назначению, а учреждение принимает на себя обязательства организации и ведения обособленного учета всех операций по использованию (направлению, применению) полученного на основании соглашения о передаче пожертвования имущества соответственно.

Как правило, условия договоров пожертвования содержат следующие положения:

1. в части обязанностей одаряемого (получателя пожертвования):
 - ◆ использование пожертвования исключительно в рамках целевого назначения пожертвования, указанного в предмете договора;
 - ◆ организаций и осуществление обособленного учета пожертвования;
 - ◆ извещение жертвователя о случаях невозможности использования пожертвования в соответствии с целевым назначением, например, при изменении обстоятельств, связанных с использованием имущества;
 - ◆ наличие согласия жертвователя на изменение целевого назначения пожертвования, и использования его по новому согласованному целевому назначению.
2. в части прав жертвователя:
 - ◆ отмена пожертвования в случае его использования одаряемым полностью или частично не в соответствии с указанным в договоре целевым назначением пожертвования;
 - ◆ запроса у одаряемого письменного отчета об использовании пожертвования в целях контроля за соблюдением одаряемым целевого назначения предоставленного имущества.

Также не будет излишнем предусмотреть в договоре пожертвования гарантии жертвователя о том, что передаваемое пожертвование на дату передачи одаряемому принадлежит жертвователю на праве собственности и не находится в залоге, под арестом или не является предметом исков третьих лиц.

Получение имущества на безвозмездной основе

В договоре (соглашении) указание на возмездные начала (либо скрытое его наличие) создает риски для

переквалификации такого договора в договор возмездного оказания услуг, и, как следствие, исключает признание договора договором пожертвования.

Договор будет признаваться безвозмездным, если по нему одна сторона обязуется предоставить другой стороне имущество без предусмотренного условия о получении от одаряемого той или иной платы, а также иного встречного предоставления: одаряемый может в ответ на полученное пожертвование оказать услуги жертвователю.

Наличие встречной передачи вещи (в том числе приравняемого к ней — встречного обязательства) подразумевает, что рассматриваемый договор будет подлежать пересмотру на предмет применения к нему правил и положений пункта 2 статьи 170 ГК РФ, которым установлен порядок признания сделки притворной. Совершение сделки с целью прикрыть другую сделку признается совершение притворной сделки, которая также может подразумевать иные условия сотрудничества сторон, нежели отраженные и зафиксированные в соглашении между сторонами.

Ограниченный перечень юридических лиц-получателей пожертвования

Категории лиц-получателей пожертвований, относящихся к юридическим лицам, ограничен некоммерческими организациями, а именно:

- ◆ организации социального обслуживания
- ◆ благотворительные организации
- ◆ медицинские организации
- ◆ образовательные организации
- ◆ научные организации
- ◆ общественные организации
- ◆ религиозные организации
- ◆ другие социально ориентированные организации
- ◆ фонды
- ◆ музеи
- ◆ иные учреждения культуры
- ◆ иные некоммерческие организации.

Особенности правового положения некоммерческих организаций выше перечисленных, их организационно-правовых форм, типов и видов, предусмотренных законом, возможные формы финансовой и экономической поддержки некоммерческих организаций определены и регулируются законодательством о правовом положении некоммерческих организаций [1].

Социально ориентированные некоммерческие организации осуществляют деятельность по развитию

гражданского общества в Российской Федерации и решению социальных проблем.

Особенностью некоммерческой организации в сравнении с коммерческой является законодательно закрепленная за такими организациями цель деятельности, а точнее наоборот — отсутствие как одной из основных целей деятельности получение прибыли, и, как следствие, право на распределение прибыли между участниками, получение которой все-таки не исключается, но и ее отсутствие не является препятствием для продолжения деятельности некоммерческих организаций.

Хотя в законодательном порядке такая «анти-цель» закреплена, ее отсутствие, а тем более полученный вместо нее убыток, все-таки может создать определенные проблемы для некоммерческих организаций, поскольку такие организации подпадут под внимание так называемых «убыточных» комиссий. Такие комиссии создаются при инспекция Федеральной налоговой службы Российской Федерации. Такие комиссии носят название комиссий по легализации налоговой базы. Порядок работы комиссии по легализации налоговой базы и базы по страховым взносам представлены в Порядке проведения налоговых комиссий разъяснен ФНС России (Письмо от 25.07.2017 № ЕД-4-15/14490@). Стимулирование роста поступлений налоговых платежей в бюджеты бюджетной системы Российской Федерации является единственной целью комиссии по легализации налоговой базы.

Благотворительные, управленческие, научные и образовательные, культурные и другие социально направленные цели создания некоммерческих организаций установлены законодательством.

Налоговое законодательство для целей признания передаваемого имущества (в том числе, денежных средств) пожертвованием, и, как следствие, применение льготных положения о включении таких поступлений в состав доходов, не учитываемых при расчете налоговой базы по налогу на прибыль организаций, ограничивает организаций-получателей некоммерческой формой одаряемых.

Предмет пожертвования в виде имущества

Если в договоре пожертвования не будет указано на конкретный предмет в виде имущества, который будет подлежать передаче полностью или частично в виде пожертвования, то такой договор будет признан ничтожным. О правовом статусе ничтожных договором автор сообщал выше в настоящей статье.

В договоре пожертвования в разделе «предмет договора» следует указать о том, что по договору жертвователь обязуется передать в собственность имущество, а одаряемый обязуется его принять. Передача имущества может осуществляться на основании акта приема-передачи имущества. В данном разделе договора, как правило, отражаются характеристики передаваемого имущества (денежные средства, мебель, оборудование, транспортное средство и т.п.), а также указывается общепользная цель предоставления пожертвования.

Общепользные цели получения пожертвований

Действующее законодательство не содержит определение понятию «общепользная цель».

Нередко, исследуя вопрос выполнения условия об общепользной цели, исследователи прибегали к вопросу сравнения общепользной цели с социальными (благотворительными) целями деятельности благотворительных организаций, пытаясь найти здесь ответ на вопрос как же определить общепользность цели.

На этот вопрос сегодня может найти ответ в разъяснениях Минфина России, в которых федеральный государственный исполнительный орган дает формулировку о том, что для целей исчисления налоговой базы по налогу на прибыль организаций получателям пожертвований необходимо руководствоваться необходимостью выполнения требования об общепользности целей предоставления пожертвования, которую предлагает рассматривать через призму вида деятельности одаряемого — направлена ли она на достижение общепользных целей либо нет.

И здесь необходимо действительно осуществлять сравнение целевого назначения, указанного в договоре, с перечнем целей деятельности благотворительных организаций. Среди которых: социальная поддержка граждан, помощь в пострадавшим в результате стихийных бедствий, экологических катастроф и т.п., содействия деятельности в сфере образования, науки, культуры, искусства, просвещения, духовному развитию личности и др [2].

О стоимостных ограничениях при получении пожертвования

Стоимостные ограничения для пожертвований не установлены. Кроме того, факта, что в случае, если размер пожертвования составляет менее трех тысяч

рублей и передающей стороной является гражданин (физическое лицо), то договор пожертвования может быть оформлен в устной форме.

Об отличиях пожертвования от других форм безвозмездного получения имущества (денежных средств)

Отличия от дарения:

- ◆ перечень лиц-получателей для признания передачи имущества пожертвованием ограничен, при дарении — нет;
- ◆ при дарении возможно освобождение от имущественной обязанности, при пожертвовании — нет;
- ◆ наличие целевого назначения у пожертвования, дарение — без условий.

Отличия от благотворительной помощи:

- ◆ определением указанным понятиям представлены в разных, не связанных друг с другом, нормативных правовых актах;
- ◆ благотворительность может быть безвозмездной и возмездной (льготной) деятельностью, а пожертвование предоставляется только на безвозмездных началах;
- ◆ цели при пожертвовании более обобщенные (например, применение понятия общепользных целей), а при благотворительности — цели конкретные и должны быть строго определены;
- ◆ при этом спектр благотворительной деятельности шире: то есть, например, работы или услуги пожертвовать невозможно (только имущество передается в рамках договоров пожертвования), но их можно выполнить или оказать на благотворительной основе;
- ◆ однако в части получателей помощи у пожертвования шире возможности: так, в рамках благотворительности перечень получателей помощи уже — например, к ним не могут быть отнесены религиозные и политические организации, или даже государство, тогда как при пожертвовании в пользу указанных субъектов можно передавать имущество с учетом ограничений установленных гражданским законодательством в отношении такой правовой категории как пожертвования.

Отличия от спонсорской помощи:

- ◆ при спонсорской помощи цели предоставления не ограничены, при пожертвовании — закреплена общепользность целей предоставления;
- ◆ спонсорская помощь может совмещаться с рекламой, пожертвование — не может;
- ◆ при спонсорской помощи — наличие встречных обязательств спонсируемого лица, при пожертвовании — отсутствуют.

Ответственность и иные последствия в случае отсутствия одного из основных признаков (условий) пожертвования в заключенном договоре

1. Признание сделки притворной:

К договору пожертвования могут быть применены правила, относящиеся к договорам возмездного оказания услуг, с применением мер налоговой и административной ответственности.

2. Налоговая ответственность по ст. 120 НК РФ:

- ◆ грубое нарушение правил учета объектов налогообложения влечет взыскание штрафа от 10 до 30 тыс. руб.;
- ◆ приведшие к занижению налоговой базы — в размере 20% от суммы неуплаченного налога, но не менее 40 тыс. руб.

Либо по ст. 122 НК РФ:

Признание пожертвования доходом для целей исчисления налоговой базы по налогу на прибыль организаций — доначисление налога на прибыль, пеней и предъявление штрафа:

- ◆ в размере 20% от неуплаченной суммы налогов.

3. Административная ответственность должностных лиц по ст. 15.15.6 КоАП РФ:

Грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету влечет наложение административного штрафа на должностных лиц:

- ◆ в размере от 15 до 30 тыс. руб.

Грубое нарушение требований к бухгалтерскому учету — регистрация в регистрах бухгалтерского учета притворного объекта бухгалтерского учета.

Таким образом, в соответствии со ст. 582 ГК РФ пожертвование выступает разновидностью дарения вещи или права, основными отличительными чертами которого являются:

- ◆ пожертвование вещи или права делается в общепольных целях;
- ◆ получателями пожертвования могут выступать образовательные организации;
- ◆ не требуется чье-либо разрешение или согласие;
- ◆ целевой характер.

В соответствии со ст. 251 НК РФ для признания пожертвования целевым поступлением и, соответственно, доходом, не учитываемым при исчислении налоговой базы по налогу на прибыль, оно должно быть использовано получателем по назначению — следовательно, в договоре пожертвования обязательно должно быть указано целевое назначение передаваемого пожертвования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральным законом от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» Письмо от 25.07.2017 № ЕД-4-15/14490@
2. Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»

© Юркова Марина Руслановна (marina.koroeva@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПРАНКЕРОВ

TO THE QUESTION OF THE ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF PRANKERS

**R. Avrutin
D. Zagrebin**

Summary. The article examines a new form of self-expression on the one hand and deviant behavior of subjects on the other hand, referred to as «prank». Although prank has been a phenomenon for more than 10 years, during which conflicts with justice have arisen, to date there is no clear position in the legal practice of administrative and criminal legislation regarding this phenomenon as socially antisocial. The study touches upon both moral and legal aspects of the phenomenon, considering them in the context of historical development.

Keywords: prank, rally, petty hooliganism, administrative responsibility, illegal behavior.

Аврутин Роман Юрьевич

*К.ю.н., Санкт-Петербургский университет МВД
России
roman-967@mail.ru*

Загребин Даниил Генадьевич

*Санкт-Петербургский университет МВД России
danil_zagrebin@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается новая форма самовыражения с одной стороны и отклоняющегося девиантного поведения субъектов с другой стороны, именуемой как «пранк». Хотя пранку, как явлению уже более 10 лет, на протяжении которых возникали конфликты с правосудием, к настоящему времени нет устоявшейся в юридической практике административного и уголовного законодательства четкой позиции относительно данного явления как социально антиобщественного. Исследование затрагивает как моральные, так и юридические аспекты явления, рассматривая их в контексте исторического развития.

Ключевые слова: пранк, розыгрыш, мелкое хулиганство, административная ответственность, противоправное поведение.

Общество, как и весь окружающий нас мир, находится в состоянии постоянного изменения и развития, и касаются они как социальной, так и моральной сферы жизни, а вместе с ними меняется и социальное поведение отдельных индивидов в обществе и отнюдь не в лучшую сторону. Кто-то был свидетелем розыгрыша окружающих нас людей на улицах, многие видели подобные видеосюжеты в различных социальных сетях или телевизионных программах. Как правило, это невинные шутки, имеющие цель сбить человека с толку, показать его растерянность. Однако развитие этого направления не отстает от развития общества и в последнее время «жесткость» таких шуток заметно возросла, не редки случаи, когда их организаторы переходят дозволенные границы и порой выставляют жертв розыгрыша в самом неприглядном свете [1]. Это действие имеют свою предысторию и в настоящее именуется как «пранк» (с англ. prank) — проказа, шалость, проделка, розыгрыш. Люди, или «пранкеры» как их называют в обществе, изначально использовали только телефонные звонки для розыгрыша. В ходе телефонного звонка, звонящий путём провокаций и подшучиваний доводит жертву до нужного ему состояния ответной реакцией со стороны жертвы. Как правило, это обычно бывает растерянность, гнев или ярость. На-

чиналось данное явление с телефонных звонков с целью доведение человека с другой стороны телефона до состояния гнева или истерики. В начале первого десятилетия XXI века в связи со стремительным развитием телефонной связи, а в дальнейшем и информационно-телекоммуникационных сетей.

Само «действие» обычно записывается в виде аудио или видео файла и в дальнейшем распространяться в Интернете, что для многих является действием, унижающим их достоинство ввиду комичности ситуации или напротив, показывающей истинное лицо человека в состоянии растерянности или агрессии. Неподдельные эмоции часто выводят людей «на чистую воду», что так забавляет аудиторию. Но для самих участников пранка, порой это заканчивается не очень хорошо. Бывают ситуации, когда из-за подобной «небезобидной» шутки, близкие люди ссорятся и могут расстаться, незнакомые могут проявить агрессию по отношению к окружающим. Не все понимают подобного рода юмор и считают это неприемлемым. В чём заключается смысл пранка — в реакции человека, над которым шутят. Наверняка многие видели на популярных видео хостингах ролики с подобным названием: «Я беременная. Пранк над парнем» или «Разбила новый телефон. Пранк над мамой».

Цель такого розыгрыша — ввести человека в стрессовую ситуацию и посмотреть его реакцию. Несмотря на хулиганский характер подобных розыгрышей, пранк сам по себе не является правонарушением, за которое предусматривается какая-либо ответственность, однако научное сообщество уже рассматривает этот вопрос с точки зрения квалификации как в рамках административной ответственности, так и уголовной [2]. С течением времени и развитием пранк-движения в мире, количество «шутников» возросло, а сами «пранкеры» вышли в массы — на улицы и площади городов. Каждый из нас может столкнуться с ним и неизвестно какова будет наша реакция на шутку пранкеров [9]. Целью совершение данных противоправных действий является желание пранкера увеличить свою популярность с одной стороны, с другой же — с точки зрения экономической составляющей — получать денежные средства путем процесса монетизации и наращивания конвертации интернет-трафика на различного рода видеохостингах типа YouTube, на интернет-порталах социальных сетей Вконтакте, TikTok, Instagram, где так же развиты данные процессы.

Административное право трактует мелкое хулиганство *«как нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся нецензурной бранью в общественных местах, оскорбительным приставанием к гражданам, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества»* [10]. Под общественным порядком понимаются *«волевые общественные отношения, складывающиеся в процессе сознательного и добровольного соблюдения гражданами установленных в нормах права и иных нормах неюридического характера правил поведения в области общения и тем самым обеспечивающих слаженную и устойчивую совместную жизнь людей в условиях развития общества»* [2].

Общественная безопасность предполагает состояние, при котором сохраняются общественное спокойствие, неприкосновенность личности, целостность собственности, т.е. нормально функционируют все общественные институты.

Буквальное толкование современной законодательной нормы, закрепляющей понятие мелкого хулиганства, исключает возможность квалификации по ч. 1 ст. 20.1 КоАП РФ ряда действий, совершение которых ранее в соответствии со ст. 158 КоАП РСФСР 1984 г. квалифицировалось как мелкое хулиганство, под которым понималась нецензурная брань в общественных местах, оскорбительное приставание к гражданам и другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан, что позволяло

при наличии достаточных оснований пресекать такое деяние. На наш взгляд сужение действующим законодательством данной нормы негативно влияет на ее применение — внесения признака сопряженности в объективную сторону данного административного правонарушения не позволяет привлечь лицо к ответственности, за выполнение отдельно взятого действия, указанного в диспозиции статьи, например, такого как нецензурная брань, если она не сопряжена с оскорбительного приставания к гражданам.

По данным судебной статистики за 2020 год было рассмотрено более 150 тыс. дел об административных правонарушениях по статье 20.1 КоАП РФ [11]. Зачастую, совершения данного административного правонарушения связано с низким уровнем правосознания граждан, состоянием опьянения и иных факторов. Однако если рассматривать пранк как мелкое хулиганство можно прийти к выводу, что данные действия совершаются преднамеренно, с заранее обдуманной сюжетом и построенной линией поведения правонарушителя в целях провокации конфликта с потенциальным потерпевшим, что говорит о правовом нигилизме правонарушителя, целенаправленно желающего наступления общественного вреда с целью последующего распространения содеянного в сети интернет.

Проблема административной ответственности за пранк заключается в невозможности вменения лицу статьи «мелкое хулиганство» в связи с отсутствием какого-либо признака, находящегося в диспозиции статьи 20.1 КоАП РФ. Пранк может быть сопряжен и с другими административными правонарушениями, такими как нарушения правил дорожного движения, создающих угрозу возникновения ДТП, незаконное ношение форменного обмундирования сотрудников правоохранительных и иных государственных органов, дискредитируя и подрывая их авторитет. Это означает, что лицо понесет административную ответственность не за факт оскорбительного приставания к гражданам, а только за сопряженные с данным деянием административные правонарушения. В ряде случаев действия пранкеров могут расцениваться не только как административное правонарушение, но и как уголовно наказуемое деяние [4]. Нередко в своих представлениях пранкеры имитируют приобретение или сбыт наркотических средств, похищения человека, драки, угрозы убийством, появление в общественных местах людей якобы больных COVID-19 [12], что может быть воспринято прохожими как реальные действия и могут привести к тяжким последствиям [3]. В свою очередь, правоохранительные органы должны будут незамедлительно отреагировать после поступившего заявления, приняв розыгрыш за реальное преступление, что повлечет за собой задействование сил и средств, появление оснований для

применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. Действовать необходимо будет так же, как и в случае совершения реального преступления, поскольку отсутствие точной информации не может исключать угрозу наступления общественно опасных последствий. Действия пранкеров влекут отвлечение правоохранительных органов, тем самым создавая препятствие для оперативного реагирования полиции на реальные преступления и административные правонарушения.

В качестве примера можно привести резонансный пранк с подставным похищением человека. В дневное время суток, из автомобиля без государственных регистрационных знаков, остановившегося на автобусной остановке, вышли двое мужчин в масках с изделиями, конструктивно схожими с огнестрельным оружием и направились в сторону молодого человека, которого они затащили в автомобиль после чего скрылись.

О данных действиях было сообщено в территориальное подразделение органов внутренних дел и вскоре граждане были задержаны сотрудниками полиции и опрощены. В результате опроса были установлено, что все действия были записаны на видеокамеру и что участники данного инцидента были знакомы между собой, заранее договорившись о действиях, с целью привлечения внимания к своему Instagram аккаунту. К административной ответственности был привлечен лишь водитель — в отношении него были составлены протоколы об административных правонарушениях за управление транспортным средством без номеров и движение по выделенной полосе.

Данное деяние объективно посягает на общественный порядок и общественную безопасность, но в связи с отсутствием признаков диспозиции статьи (отсутствие нецензурной брани, оскорбительное приставание к гражданам) у правоохранительных органов не было оснований для привлечения их к ответственности за мелкое хулиганство. На сегодняшний день законодателем устранен правовой пробел путем добавления в диспозицию статьи 20.1 КоАП РФ ч. 3, устанавливающей ответственность за распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информации, выражающей в неприличной форме, которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных статьей 20.3.1 КоАП РФ, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния. Однако в вы-

шеупомянутом случае применения санкции все также остается невозможным, в связи с тем, что объективная сторона выполнена частично (видеоматериал, снятый пранкерами не был опубликован), а для применения ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ необходимо распространение информации в информационно-телекоммуникационных сетях. В связи с этим возникает вопрос о необходимости введения института покушения на данное противоправное деяние. Так же остро стоит вопрос о мерах административного наказания: ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ устанавливает наложение административного штрафа в размере от тридцати тысяч до ста тысяч рублей, что может являться незначительной суммой для лиц, практикующие пранки. Так, на видеохостинге «YouTube» при наличии 3 млн. просмотров видеоролика пранкер получит от компании около 105 тыс. рублей, что покрывает предельную сумму штрафа. В целях дальнейшего пресечения противоправной деятельности на наш взгляд целесообразно введение шкалы прогрессивных штрафов, которые будут зависеть от дохода правонарушителя, имея ввиду доход от распространения пранк-продукции. Это уточнение важно по той причине, что пранкеры могут официально быть безработными, или их доход минимален.

Таким образом, в целях снижения уровня безнадзорного проявления нарушения общественного порядка и профилактики правонарушений в сфере общественной безопасности представляется целесообразным учитывать развивающиеся общественные отношения и постоянно вносить поправки в нормативно правовые акты. На данный момент необходимым видится внесение следующих изменений в действующую статью Кодекса Российской Федерации об Административных Правонарушениях 20.1 КоАП РФ:

Часть 1 статьи 20.1 изложить в следующей редакции:

1. «Мелкое хулиганство, то есть нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, сопровождающееся оскорбительным приставанием к гражданам или другие подобные действия, нарушающие общественный порядок и спокойствие граждан, а равно уничтожением или повреждением чужого имущества», при этом уйти от понятия «нецензурная брань» как обязательном признаке противоправного действия, так как она сама по себе с точки зрения морали и этике поведения в нашем обществе уже выражает неуважение.

Часть 3 статьи 20.1 изложить в следующей редакции:

2. «Те же действия, направленные на распространение в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети «Интернет», информации, выражающей в неприличной форме,

которая оскорбляет человеческое достоинство и общественную нравственность, явное неуважение к обществу, государству, официальным государственным символам Российской Федерации, Конституции Российской Федерации или органам, осуществляющим государственную власть в Российской Федерации, за исключением случаев, предусмотренных статьей 20.3.1 насто-

ящего Кодекса, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния, влечет наложение административного штрафа в размере от тридцати тысяч до ста тысяч рублей *или в размере заработной платы или иного дохода за период до шести месяцев*», тем самым лишая пранкеров экономической выгоды за совершаемые поступки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Боброва И. «Пранки грязи не боятся» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.mk.ru/social/2013/03/31/834038-pranki-gryazi-ne-boyatsya.html>.
2. Даньшин И.Н. «Уголовно-правовая охрана общественного порядка» / — М.: Юрид. лит., 1973. — С. 68.
3. Даланов, Д.С. «Вопросы квалификации причинения вреда при мнимой обороне в обстоятельствах розыгрыша (пранка)» / Д.С. Даланов // Право и государство: теория и практика. — 2021. — № 6(198). — С. 109–112.
4. Поливанов Александр Владиславович «Пранк как составообразующий признак хулиганства» // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2. 5. Мишина, О.А. О введении уголовной ответственности за розыгрыши (пранки), повлекшие тяжкие последствия / О.А. Мишина // Аллея науки. — 2020. — Т. 1. — № 4(43). — С. 499–502.
5. Рыженко С.К. «Житейская психология социальных экспериментов, или Разговор о пранках с подростками» / С.К. Рыженко // Вестник практической психологии образования. — 2016. — № 1(46). — С. 17–22.
6. Щербак Н.М. «Пранк-культура русскоязычного Youtube как социальный феномен: цели, влияние, результат» / Н.М. Щербак, А.А. Хлезов // Научный вестник Крыма. — 2020. — № 6(29). — С. 15.
7. Чернова С.В. «Пранк» как речевой жанр развлекательного дискурса и его культурологический аспект» / С.В. Чернова // Филологические науки в МГИМО. — 2016. — № 8(8). — С. 189–200.
8. Вирусный юмор: тюремный срок за шутки. <https://pravo.ru/story/219470/>
9. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ (ред. от 2 августа 2019) года (с изм. и доп., вступ. в силу с 1 ноября 2019 года) // СЗ РФ. 2019. № 30. Ст. 4118.
10. http://www.cdep.ru/userimages/OBZOR_stat_SOU_2020.pdf
11. <https://rg.ru/2020/03/23/mvd-predupredilo-prankerov-ob-otvetstvennosti-za-nedostovernuiu-informaciiu-v-seti.html>

© Аврутин Роман Юрьевич (roman-967@mail.ru), Загребин Даниил Геннадьевич (danil_zagrebin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЦИФРОВЫЕ АКТИВЫ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Агафонов Александр Владимирович

К.ю.н., Сибирский юридический институт МВД

России

aleksandravagafonov@yandex.ru

DIGITAL ASSETS AS A SUBJECT OF CRIME

A. Agafonov

Summary. In this article, the author has tried not only to present, but also to analyze, and from the standpoint of the generally recognized postulates of modern Russian criminal law science, a number of rather problematic, in his opinion, issues directly related to the criminal legal characteristics of digital assets. While working on the preparation of the article offered to readers, the author analyzed the scientific works and publications available to the latter, prepared not only by leading criminologists and civilists of modern Russia, but also by young, but apparently very promising researchers of this issue. The author also studied a number of legislative acts of Russia, including those of a sub-normative legal, moreover, of a narrow departmental nature, regulating the commodity turnover of virtual currency on the territory of our country, and very contradictory examples of law enforcement practice of law enforcement agencies of the Russian Federation devoted to the substantive resolution of the issues raised by us were also subjected to a certain analysis. In the course of work on the article, problematic issues of law enforcement of some generally recognized and fairly well-established theoretical provisions of modern Russian criminal law science were identified, in particular concerning such an issue as the subject of a crime. At the same time, the opinion is voiced about the obviously material nature of the latter, which, in turn, is not confirmed in the works of modern criminologists studying specific law enforcement issues. Consequently, the theory of the subject of the crime, formulated in the mid-30s of the last century, now clearly does not work in full, as a consequence of which it requires its modern modification. However, the author has not found any specific monographic works on this issue in modern conditions. At the end of the work, the author also sets out his own vision of solving the problems raised and considered by him.

Keywords: criminal law relations, civil law relations, objects of civil rights, qualification of a crime, corpus delicti, object of a crime, objective side of a crime, subject of a crime, means of committing a crime, digital assets, crypto currency, virtual currency, token, account.

Аннотация. Автор в настоящей статье постарался не только изложить, но и проанализировать, причем с позиции общепризнанных постулатов современной российской уголовно правовой науки ряд, довольно проблематичных, по его мнению, вопросов, напрямую связанных с уголовно-правовой характеристикой цифровых активов. Во время работы над подготовкой, предложенной читателям, настоящей публикации, автором были подвергнуты анализу доступные последнему научные труды и публикации, подготовленные не только ведущими криминалистами и юристами современной России, но и молодыми, однако видимо, весьма перспективными исследователями нормативно правовой характеристики цифровых активов. Так же автором были изучены и ряд ныне действующих законодательных актов России, в том числе и поднормативно правового, более того, узко ведомственного характера, регулирующих товарный оборот виртуальной валюты на территории нашей страны, кроме того определенному анализу были подвергнуты и весьма противоречивые примеры правоприменительной практики правоохранительных органов Российской Федерации, посвященные предметному разрешению всех поднимаемых нами вопросов. В ходе работы над статьей были установлены проблемные вопросы правоприменения некоторых общепризнанных и довольно устоявшихся теоретических положений современной российской уголовно правовой науки, в частности, касающихся такого вопроса как предмет преступления. При этом озвучено доктринально обусловленное мнение о явно материальном характере последнего, что в свою очередь, в трудах современных криминалистов, изучающих конкретные правоприменительные вопросы, однако не находят свое подтверждение. Следовательно, теория предмета преступления, сформулированная в середине 30-х годов прошлого столетия, ныне работает явно не в полном объеме, в следствии чего и требует своей современной модификации. Однако конкретных монографических работ по данному вопросу в современных условиях автором не обнаружено. В конце работы автором излагается и собственное видение разрешения поднятых и рассмотренных им проблем.

Ключевые слова: уголовно правовые отношения, гражданско правовые отношения, объекты гражданских прав, квалификация преступления, состав преступления, объект преступления, объективная сторона преступления, предмет преступления, средство совершения преступления, цифровые активы, крипто валюта, виртуальная валюта, токен, аккаунт.

В современной российской уголовно правовой науке и в правоприменительной практике правоохранительных органов нашей страны вопросы уголовно — правовой ответственности за противозаконные использования цифровых активов поднимаются все чаще и чаще. Одни из них особых проблем у их отечественных исследователей, как правило, не вызывают. Однако имеют место быть и такие, однозначное разрешение которых в настоящий момент весьма проблематично и дискуссионно.

К числу последних, по нашему мнению, относятся в первую очередь, именно вопросы квалификации преступлений, напрямую связанных с противозаконным товарным оборотом цифровых активов.

Квалификация преступных деяний есть, безусловно, «...точная уголовно-правовая оценка конкретного общественно опасного деяния. Она заключается в установлении точного соответствия между признаками совершенного общественно опасного деяния и признаками, предусмотренными в нормах уголовного закона». [25]

«...Совокупность объективных и субъективных признаков, закреплённых в уголовном законе, которые в сумме определяют общественно опасное деяние как преступление» [25] в теории уголовного права России получила свое наименование состава преступления.

«Поскольку состав преступления состоит из признаков, следует определить характер и значение этих признаков. В русском языке слово «признак» означает «показатель, пример, знак, по которому можно узнать, определить что-либо». Следовательно, признаки состава преступления должны быть такими, которые позволяют определить сущность и степень опасности преступного деяния. Признаки состава преступления должны быть... существенными для того, чтобы признать то или иное деяние преступлением. Отсутствие хотя бы одного из этих признаков означает отсутствие состава преступления в целом». [26]

«Признаки состава преступления закрепляются в нормах Общей и Особенной части уголовного права. Их можно условно разделить на четыре подсистемы: признаки объекта, субъекта, объективной и субъективной стороны преступления». [25]

Таким образом для того, что осуществить точное соответствии между признаками конкретно совершенного общественно опасного деяния и признаками состава преступления, предусмотренного в конкретной уголовно правовой норме, изложенной в одной из статей Особенной части УК РФ явно необходимо вначале

уяснить содержание каждого из признаков характеризующий состав преступления.

Так как содержание последних позволяет российскому правоприменителю уяснить проводимый им процесс толкования конкретных правовых норм. Общепризнано, что толкование по субъекту делится на легальное(законотворческое), судебное, доктринальное и бытовой. Причем юридическое, т.е. общеобязательное значение в правоприменительной практике правоохранительных органов России обладает только легальное толкование, т.е. толкование, даваемое самим верховным законодателем. Последние им осуществляется двумя основными способами: либо законодатель описывает этот признак в норме непосредственно используемого в правоприменительной практике закона, либо в этой норме, он указывает на то, что содержание этого признака состава преступления раскрывается в норме изложенном в другом законодательном акте. Однако, судя по законодательной конструкции некоторых уголовно правовых норм осуществить законодательное толкование отдельных признаков составов преступлений в современных условиях явно не представляется возможным.

К числу последних, безусловно, относится и такой весьма сущностный, но не обязательный признак объекта преступления, как — предмет преступления.

Согласно общепринятому в российской уголовно правовой доктрине мнению, в качестве предмета преступления «...обычно выступают любые вещи материального мира, с определенными свойствами которых уголовный закон связывает наличие в действиях лица признаков конкретного состава преступления.

К предметам преступления относятся вещи, ценности, товары и т.п.

Предмет преступного посягательства — это элемент объекта посягательства, воздействуя на который преступник нарушает или пытается нарушить само общественное отношение». [20]

«Вещами в гражданском праве признаются предметы материального мира, представляющие ценность для человека, способные удовлетворять потребности субъектов гражданских правоотношений, выступать предметом товарообмена.

Вещами в гражданско-правовом смысле являются объекты, ценность которых человеком осознана и на которые он может оказывать влияние, управлять». [22]

В свою очередь, «ценность — важность, значимость, польза, полезность чего-либо. Внешне ценность вы-

ступает как свойство предмета или явления. Однако значимость и полезность присущи им не от природы, не просто в силу внутренней структуры объекта самого по себе, а являются субъективными оценками конкретных свойств, которые вовлечены в сферу общественного бытия человека, человек в них заинтересован или испытывает потребность». [13]

«Товар — любая вещь, которая участвует в свободном обмене на другие вещи; продукт, произведённый для продажи». [13]

«Всякий товар обладает 2 свойствами: потребительской стоимостью и стоимостью.

Потребительская стоимость — способность вещи удовлетворять какую-либо человеческую потребность, то есть её полезность.

...Потребительская стоимость товара выступает носителем его 2-го свойства — стоимости. Если потребительская стоимость — вещественное свойство товара, то стоимость — его общественное свойство, выражающее общественный характер труда товаропроизводителей». [23]

Средства преступления, в свою очередь, есть так же «...предметы материального мира, которые находятся во владении виновного лица и могут им использоваться им в качестве орудия воздействия для совершения правонарушения». [19]

Обобщая все вышеизложенное следует прийти к выводу, что в качестве как предмета преступления, так и средства его осуществления может выступать именно предмет материального мира.

Где в свою очередь «...материя (от лат. materia — вещь, вещество) в философии понимается как вещественное начало мира в отличие от начала духовного (сознания). Это — категория, объединяющая все многообразие предметов, систем окружающего нас мира, существующих во времени и пространстве, находящихся в вечном движении и развитии.

Традиционное определение материи (в материалистической трактовке) восходит к работе В.И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», где он определяет материю так: Материя есть философская категория для обозначения объективной реальности, которая дана человеку в ощущениях его, которая копируется, фотографируется, отображается нашими ощущениями, существуя независимо от них». [24]

Однако в последнее время в российской уголовно правовой литературе появляется все больше работ,

в которых в качестве предмета преступления все чаще указываются субстанции, не имеющие изначально своего материального обоснования и восприятия. Например, в качестве последнего, по мнению С.А. Яшкова, может выступать информация [10].

Авторы этих работ утверждают, что материалистическая теория предмета преступления, разработанная советскими правоведом в середине 30-х годов прошлого столетия, в настоящее время явно устарела. Вопрос конечно явно дискуссионен, однако иной доктринально проработанной концепции эти исследователи до сих пор научной общественности так и не представили.

В настоящее время российские криминалисты осуществляют разграничение между предметом преступления и средством его осуществления «...по тому, какой именно характер воздействия оказал виновный на материальные объекты, которые использовались в ходе совершения преступления. Предполагается, что в качестве средства объект — это инструмент для воздействия, а вот в качестве предмета они сами непосредственно подвергаются воздействию.

На данный момент в науке используется именно такое разграничение, однако на практике его явно недостаточно. Сейчас довольно часто в одном составе преступления можно заметить, что объект как подвергнулся преступному воздействию, так и используется им в качестве орудия. Именно поэтому в качестве еще одного фактора стали использоваться соотношение предмета с объектом, на который осуществлялось посягательство». [21]

При этом, одни из российских криминалистов считают, что цифровые активы — есть, безусловно, предмет преступлений, т.е. обязательный признак их объекта, другие относят последние исключительно к средствам их совершения, т.е. настаивают на том, что они характеризуют исключительно их объективную сторону.

В свою очередь, цифровой актив — есть некий виртуальный объект, т.е. явно предмет не материального мира, однако обладающий также всеми основными экономическими признаками товара и отраженный в распределительном реестре в виде вполне оригинального идентификатора.

Однако цифровой актив, согласно своей нормативно правовой природе, обладает и общими признаками с информационными ресурсами, а именно:

- а) налицо определенное структурирование актива по вполне определенным параметрам и категориям:

- б) налицо закрепление на индивидуально определенном цифровом носителе;
- в) последний может быть использован не только в гражданско- правовом, но и в бытовом обороте.

Более того, сами цифровые активы порой именуют виртуальной валютой. Действительно последние обладают вполне определенным сходством с безналичными денежными средствами.

Так, например, указанные нами активы:

- ◆ вполне в силах быть переданными от одного пользователя интернет пространством к другому;
- ◆ не обладая таким признаком как материальность, в связи с чем дальнейшей амортизации явно не подлежат;
- ◆ их реальное использование вполне может осуществляться и в виде транша;
- ◆ цифровые активы имея изначально вполне различное содержание и сущностную основу, по-разному могут быть отражены и на рынке виртуальных валют (так последние могут иметь собственное наименование, логотипы и программное обеспечение). [2, с. 30]

В число основных цифровых активов входят, в первую очередь, криптовалюта, последняя осуществляет учет внутренних расчетных единиц через децентрализованную платежную систему, при этом криптовалюта не имеет ни внутреннего, ни внешнего администратора, либо его аналога [4, с. 21], следовательно, последняя функционирует на уровне автоматики. [13]

При этом, у криптовалюты, как и всякого цифрового актива, полностью отсутствует материальная или электронная субстанция, так как это всего лишь число, которая в свою очередь, означает определенную совокупность расчетных единиц. Информационный пакет протокола передачи данных отмечает последние в определенной позиции. В дальнейшем совокупность этих чисел может и не подвергаться шифрованию, как, впрочем, и иная информация о транзакциях между адресами этой системы. [13]

Кроме криптовалюты, второй разновидностью цифровых активов выступает, по общему мнению, токен.

Последний обладает следующими признаками:

1. Его наличие подтверждает у обладателя право на вполне конкретный объект гражданских прав;
2. Последний имеет место быть либо в блокчейне, либо в иной распределительной информационной системе.

Таким образом, токен — это есть цифровой способ фиксации законных прав собственника. [1, с. 18]

Более того, этот цифровой актив явно в силах выступать и в качестве определенного денежного суррогата. [3]

Кроме перечисленных выше цифровых активов, к ним следует отнести, по общему мнению, и любой файл, закрепленный либо на компьютере, либо на накопительном устройстве (жестком диске), либо на веб-сайте, либо на аккаунте, либо подписка.

При этом хотелось бы, указать, что юридическое закрепление понятия аккаунта в современной российской правовой действительности полностью отсутствует. Впрочем, в современной юридической литературе нашей страны отражены некоторые, но вполне определенные позиции по поводу его правового содержания. Согласно которым, это есть — либо база данных, либо запись на сервере собственника социальной сети, либо права и обязанности, вытекающие из соглашения с организатором указанной выше сети.

Впрочем, как мы указывали ранее, современным российским законодателем аккаунты не закреплены в качестве категорий объекта гражданских прав, однако ныне существует довольно обширная судебная практика, которая тем не менее рассматривает аккаунт в качестве подобного рода объекта. [7] [3]

Обобщая признаки, всех перечисленных нами цифровых активов, мы, в силах, по нашему мнению, поддержать тех российских цивилистов, которые, считают, что указанные активы выполняют основную функцию финансовых суррогатов и что цифровые активы, в связи с чем, имеют множество общих признаков с безналичными денежными средствами и в первую очередь из-за отсутствия в них материального признака. [3]

Впрочем, согласно ст. 27 ФЗ РФ от 10.07.2002 г. № 86-ФЗ «О центральном банке Российской Федерации (Банке России)» [15] и ст. 75 Конституции РФ официальной денежной единицей в нашей стране признан рубль, следовательно, в ведение в действие иных денежных суррогатов на уровне законодательства прямо запрещено, в связи с чем, мы не можем признать цифровые активы в качестве некой разновидности финансовой валюты.

Официальные позиции по настоящему вопросу сформировали так же и ФСН России в своем письме от 3 октября 2016 г. № ОА-18-17/1027 и Банк России в релизе «Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют)». [17]

Таким образом, подытоживая все наши рассуждения, следует сделать вполне определенный вывод о том, что, вряд ли стоит признавать цифровые активи-

вы в качестве предмета преступления, так как эти последние, безусловно, не обладает ни материальным, ни формальным признаком последнего. То же самое, по нашему мнению, относится и к попыткам отдельных российских криминалистов признать криптовалюту средством совершения преступлений.

Более того, так как ныне полностью отсутствует и нормативно правовое определение правового статуса этих активов, явно отсутствует и сама возможность однозначно определить и к какой именно правовой категории последние относятся — актив, информация или денежный суррогат. [5]

Следовательно, пока цифровые активы реально остаются вне рамок нормативно правового регулирования, их отнесение в правоприменительной практике правоохранительных органов России к категории либо прямо «запрещенных», либо наоборот формально «разрешенных» носит фактически крайне ситуативный, а, следовательно, и неопределенный характер.

Впрочем, необходимо при этом отметить, что современный российский законодатель все-таки явно пытается каким-то образом закрепить хотя бы само понятие цифровых активов.

Так, например, с 1 октября 2019 года цифровые права собственника были вполне легально отнесены к объектам гражданских прав в виду открытого перечня по-

следних. Более того, вполне конкретные и довольно предметные изменения по этому поводу были внесены в ст. 128 ГК РФ ФЗ РФ № 34-ФЗ от 18 марта 2019 г. [11]

Таким образом, владелец цифровой наличности, явно вправе осуществлять в отношении последней полномочия, сходные с полномочиями законного собственника, предусмотренными в свою очередь ч. 2 ст. 35 Конституции РФ и ст. 209 ГК РФ.

Следовательно, цифровые виртуальные активы де-факто на территории Российской Федерации были признаны вполне «законным», т.е. ликвидным имуществом которое вполне подходит не только для дальнейшего его налогообложения, но для и учета при расчетах с кредиторами, в том числе и при процедуре банкротства. [8]

По данному поводу имеются соответствующие разъяснения, отраженные в Письме Министерства финансов России от 09.02.2018 г. № 03-03-06/1/8061. [12]

В связи с чем, в настоящий момент Центробанк России, прокуратура и следственные органы предлагают рассматривать цифровые активы как денежный суррогат, т.е. в качестве предмета соответствующего преступления, а предпринятые виновным лицом действия и операции по их противоправному обращению с целью дальнейшего обогащения — как изначально преступную деятельность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевская, Л.Ю. Токен как новый объект гражданских прав / Л.Ю. Василевская // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5.
2. Лоренц, Д.В. Цифровые права в сфере недвижимости: юридическая природа и способы защиты / Д.В. Лоренц // Российская юстиция. 2020. № 2.
3. Навальный, А.А. Понятие и виды цифровых активов / А.А. Навальный // Новый юридический вестник. 2021. № 4 (28). URL: <https://moluch.ru/th/9/archive/194/6149/> (дата обращения: 13.10.2021).
4. Рисс, В.И. К вопросу о коллективных валютах или частных деньгах / В.И. Рисс // Экономика, управление и право: инновационное решение проблем. 2017.
5. Определение Арбитражного суда г. Москвы от 05.03.2018 г. по делу А–124668/17–71–160Ф.
6. Постановление 13 ААС от 17.01.2018 № 13АП-30540/2017 по делу № А 21–6695/2017 // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление 9-го ААС от 15.05.2018 по делу № А30–124668/2017, Постановление 13 ААС от 17.01.2018 № 13АП-30540/2017 по делу № А21–6695/2017,
8. Постановление 9-го ААС от 18.04.2019 по делу № А40–12639/2016
9. Сверчков, В.В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учебник для бакалавров / В.В. Сверчков. — М.: Юрайт, 2014.
10. Яшков, С.А. Информация как предмет преступления: Дис. . . к.ю.н: 12.00.08 / С.А. Яшков. — Екатеринбург, 2005. — 151 с. — РГБ ОД,
11. URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?reg=doc&base=RAMSMARB&n=1403155#06544134661039192>.
12. www.pravo.gov.ru
13. garant.ru/71795052
14. <https://ru.wikipedia.org/?cur>
15. <https://ru.wikipedia.org/?cu>
16. http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76496/dd2ab08e20c17b468734dd36aa584e433f93559/#dst100090
17. <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71659920/>
18. FB.ru: <https://fb.ru/article/400680/orudiya-i-sredstva-soversheniya-prestupleniya-ih-otliche-ot-predmeta-prestupleniya>

19. sdo.nsuem.ru
20. Zakon.temaretik.com
21. ru.wikipedia.org
22. <https://gufo.me/dict/bse/%D0%A2%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D1%80>
23. Studref.com
24. ru.wikipedia.org
25. studopedia.ru

© Агафонов Александр Владимирович (aleksandravagafonov@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Сибирский юридический институт МВД России

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ РУССКО-КАЛМЫЦКИХ ЗЕМЕЛЬНО-ПРАВОВЫХ И АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ С СЕРЕДИНЫ XVII ВЕКА ДО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

FORMATION AND DEVELOPMENT
OF RUSSIAN AND KALMYK LAND
AND PROPERTY AND TERRITORIAL
RELATIONS FROM THE MIDDLE
OF THE XVII CENTURY — THE SECOND
HALF OF THE XVIII CENTURY

*I. Aksenov
T. Badmaeva
E. Mukharaeva
T. Tsekeeva*

Summary. The most difficult problem of Russian and Kalmyk relations since appearance of Kalmyk nomads on Volga in the first half of XVII century were land and property legal relations. On the one hand, they were connected with territorial sovereignty of Russian empire, on the other hand — with the principle of the nomads relations to the territory as itself — the common land. That was exactly the situation where both Russian and Kalmyk ancestors — Oirats found mutual understanding.

Keywords: Russian empire, Chingis-Khan empire, Derben-Oiratunio, Oirats movement to Volga, Togruts and Kho-Urlyuk, Kalmyk khanate.

Аксенов Илья Чудеевич

*К.ю.н., доцент, ФГБОУ ВО «Калмыцкий
государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
aksenov_ich@mail.ru*

Бадмаева Татьяна Николаевна

*ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный
университет им. Б.Б. Городовикова»
tanya.badmaeva2015@yandex.ru*

Мухараева Элина Эдуардовна

*ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный
университет им. Б.Б. Городовикова»
elina.ubushaeva.99@mail.ru*

Цекеева Тевкя Эрдниевна

*К.ю.н., доцент, ФГБОУ ВО «Калмыцкий
государственный университет им. Б.Б. Городовикова»
tsekeeva-te@yandex.ru*

Аннотация. Самой сложной проблемой русско-калмыцких отношений со времен появления на Волге в первой половине XVII века калмыков-кочевников выступали земельно-территориальные правоотношения. С одной стороны, они были связаны с территориальным суверенитетом Российской империи, а с другой — с принципом отношения кочевников к территории как к таковой вообще — земля общая. Именно в этой ситуации и Россия, и предки калмыков — ойраты нашли взаимопонимание.

Ключевые слова: Российская империя, империя Чингис-хана, Союз Дербен-ойратов, продвижение ойратов на Волгу, торгуты и Хо-Урлюк, Калмыцкое ханство.

Русско-калмыцкие земельные отношения возникли в самом начале XVII века и сложились как государственно-правовые только через 300 лет, в 1920 году, с образованием Калмыцкой автономной области в составе Нижне-Волжского края. На всем же историческом пути они устанавливались, изменялись или прекращались в зависимости от выгоды, получаемой каждой из сторон в данное время. Как бы подмечая этот фактор, этнограф Дуброва Я.П., изучивший историю и быт народа, писал: все это время калмыки «составляли как бы царство в царстве. И мы бы его совсем, кажется, продремали, если бы народ этот, от поры до времени, довольно таки назойливо, сам не напоминал о себе» [9 с. 3]. Загадочность этой проблемы еще более усиливалась, во-первых, вследствие различного

понимания «Земли» как таковой оседлыми народами и кочевниками, которые считали ее «Общей» территорией, и во-вторых, в связи с огромной территориальной разбросанностью калмыцких кочевий, разместившихся в Астраханской, Саратовской, Волгоградской, Ростовской областях и Ставропольском крае. Исторические свидетельства раскрывают и другую часть проблемы — даже через два столетия знакомства с организацией калмыцкого общества царские чиновники калмыцкие административно-территориальные образования — улусы, называли бродячими: «кочуют как хотят и невозможно предсказать, в каком направлении двинутся завтра» [4 с. 252,256]. Причем эту проблему подмечали не только ученые. Так, астраханский губернский прокурор Нефедьев Н.А., расследовавший

в 1832–1833 годах злоупотребления в Калмыцкой степи, писал, что имел случай познакомиться с народом «с давнего времени обитающего в пределах России, но во многих отношениях столь мало еще известным» [15]. В 1834 году военный писатель Броневский В.Б. в своей 4-х томной истории Войска Донского сообщал, что существуют весьма неверные и противоречивые сведения о донских и других калмыках Кавказской области и Астраханской губернии [5]. Как бы подтверждая выводы прокурора и военного писателя, Дуброва Я.П. отметил, что исторических в прямом смысле слова и этнографических исследований обитателей калмыцких кочевий в литературе почти нет [9 с.4–5].

С этих позиций попытаемся проникнуть внутрь политических процессов, в которые калмыки были вовлечены на своем историческом пути. Предки калмыков — ойраты, признав в 1207 году власть Чингис-хана [21], переселились в степи Западной Монголии и начали свою историю в составе Золотой Орды. Чингис-хан ценил ойратов и только им позволил войти в состав империи со своей военно-этнической и социальной структурой [18], а их руководителей уравнивал с высшими чинами монгольской армии [7 с.22]. Такое положение воспринималось враждебно — «хан называется монгольским, а живем в окружении ойратов...» [7 с.25]. Ойраты, между тем, обеспечивали личную и государственную безопасность монгольской империи. Так, например, предки донских калмыков — «кептулы» охраняли ставку Чингис-хана в ночное время. Гвардия хана — торгуты, и четвертый по численности корпус монгольских войск — дербеты, создали на Волге Калмыцкое ханство. За левый фланг войск отвечали «зюнгары», которые вскоре образовали Джунгарское ханство. «Хошуты» несли пограничную службу, возглавляли главное направление удара в военное время, а затем создали Хошутское ханство. В своем предсмертном слове сыну Угедю Чингис-хан наказывал сохранять ойратскую систему безопасности империи... » [4 с. 370]. После смерти Угедя ойратские руководители были казнены, система безопасности империи разрушилась. Так на некогда единой территории империи Чингис-хана появились восточные монголы и западные ойраты. Последние, а это торгуты, хошуты, джунгары и дербеты [1], заключили своеобразный этно-территориальный союз четырех — «дербен-ойраты» [5;15с.14], что позволило им сохранить военно-этническую структуру и создать новую нацию — калмыков. Тайши ойратов — торгут Хо-Урлюк, дербет Далай-Батыр, хошут Байбагас-нойон и джунгар Хара-Хула прожили долго и определили дальнейшую судьбу своих народов,— писали профессор В.Л. Котвич и другие ученые [14 с. 45–46; 12 с. 43].

В это же время произошли важнейшие для судьбы калмыков события в Сибири и Тибете.

Российское продвижение на Восток [10 с. 235] и борьба с Сибирским ханством совпадают с желанием ойратов обезопасить свой запад от казахов и ногаев, а восток — от монголов Алтын-хана. К этому времени у Москвы уже сложились определенные взгляды на культуру, обычаи, право и религию ойратов. Власть знала социально-экономическое положение ойратов и их отличия от иных народов. Не имея возможности им противостоять, Москва осознает пользу народа-войска ойратов и начинает политику вхождения его в состав России. На этом пути русско-калмыцкие отношения развиваются и крепнут благодаря не раз проверенному на Руси институту шерты [2; 27]. Первая присяга Тарскому воеводе, принесенная в 1607 году представителем восточных ойратов, правовые последствия не породила. От имени западных ойратов, будущих волжских калмыков, шерть не приносилась. В 1609 году Москва сформулировала и направила в Тару свои новые условия подданства ойратов. Но они были ошибочными — русская сторона, пытаясь перенести на ойратов стереотипы своих отношений с сибирскими народами, предъявила им так называемую триаду требований: «великому государю служить», выдать аманатов и «ясаку с себя давать». Но эти условия для ойратов оказались неприемлемыми: а) они сами полновластные владельцы своих народов (улусов); б) по своей природе «ясаку никому не давали»; в) а институт «аманатов» им не знаком. На этом сибирские отношения с ойратами приостановились и возобновились они только через 44 года, но уже как волжские русско-калмыцкие.

Второе событие произошло в 1637 году, когда по решению дербен-ойратского съезда ойраты разгромили восточных монголов — противников Далай-Ламы. Нойон Батур Убаши Тюмень, подтверждая участие всех ойратов в этом походе, в 1819 году писал, что возглавивший его хошутский Номин-хан Гуши возвеличил славу ойратского имени между дербен-ойратами, китайцами и монголами. Далай-лама с этого времени является духовным лидером калмыков. В этот же период, в 1630 году, также с согласия дербен-ойратского съезда на Волгу прибыли два сына Хо-Орлюка Шукур-Дайчин и Мончак, а затем он сам [16 с.100] и 3 тысячи кибиток хошут-дербетской группировки. Эти передвижения не были случайными, а были результатом исполнения заключенного между ойратами договора по борьбе с внешними врагами. Хо-Урлюк на западе должен был вести борьбу с ногаями, Далай-Батыр на юге — с бухарским ханом, Номин-хан Гуши противоборствует казахам, а Эрдени-Батур-хунтайджи — Алтын хану на востоке. Тогда и Османская империя заявляет свои претензии на населенные мусульманами Северный Кавказ и Закавказье. Лев Николаевич Гумилев по этому поводу писал: когда здесь появились калмыки, Россия заключила с ними союз и с их помощью завоевала Крым [8 с 572].

Теперь безопасность южных границ вместо одного семитысячного Белгородского полка [13 с.15] обеспечивают сильные калмыцкие отряды и донские казаки.

Земельные и территориально-правовые отношения на занимаемых калмыцкими кочевьями территориях, а также калмыцкую государственность в целом развивают дипломатические усилия Москвы. 4 февраля 1655 года калмыцкий правитель Шукур-Дайчин подписал первую письменную русско-калмыцкую шертную запись. Этим актом закреплялись обязательства ханства быть в «послушании, ... не иметь сношений с неприятелями России и на войне служить без измены». Калмыки, сохранив самостоятельность внутри Российского государства, добровольно признали покровительство (протекторат) России и взяли на себя военную службу [6;20]. Результат договора не заставил себя долго ждать, калмыцким улусам «велено кочевать по Волге, по ногайской стороне, по Ахтубе и по Белужью» [16]. Через два года, 30 марта 1657 года, был подписан принципиально отличный по своим правовым последствиям новый договор. Россия уже не требует дань, заменив её военной службой калмыков с назначением их владельцам денежного жалованья и вознаграждения за участие в боевых действиях. Указом от 6 июля 1657 г. калмыцкие кочевья были определены правой степной стороной Волги от Астрахани до Царицына и по левой стороне до Самары [3].

Очередному витку русско-калмыцких отношений способствовала политика нового калмыцкого правителя Мончак-тайши. Своими подписями на новых шертных записях от 8 июня и 9 декабря 1661 года он еще более укрепил позиции Калмыцкого ханства. На договоре от 8 июня 1661 года об отправке калмыцкого войска в Крым, Мончак дописал: «... промышлять ратным нашим людям с донскими казаками заодно...». [20] В другой раз он говорил: «Как де бумага склеена, так бы де калмыцким людям с русскими людьми вместе быть вечно» [11 с.311]. По шерти от 9 декабря 1661 г. Россия отказалась от института аманатов — калмыцкая знать — это фактически привилегированный слой государевых слуг [17 с.17–18], а калмыки — российские подданные, надежная опора России и мощная военная сила на Юге [6].

Шертными записями Дайчина (1655, 1657) и Мончака (1661) кочевья калмыков были расширены за счет

степной части Дона и крымской стороны Волги [16 с.112]. Этими договорами кочевья обозначены наиболее полно: на западе они доходили до придонских степей, на востоке до р. Яик, на юге до предгорий Северного Кавказа, а на севере по линии Царицын — Саратов — Гурьев. В 1664 году Россия признала Калмыцкое ханство как международно-правовой субъект территориально-правовых и государственных отношений. Правитель Мончак-тайша удостоен символов государственной власти — «серебряной с позолотой булавой и белым с красной каймой царским знаменем». Калмыцкому войску как структурной части русской армии вручено военное знамя [19 с.49; 16].

После этих событий калмыки 12 лет не давали шертей и только, когда активная политика четвертого калмыцкого правителя (1672–1690) и первого калмыцкого хана Аюки (1690–1724) была замечена в Москве, правительство вновь решило узаконить русско-калмыцкие отношения. 27 февраля 1673 года Аюка-хан подписал свой первый договор, подтвердив обязательства своего деда и отца перед Россией. В 1690 году Далай-лама пожаловал ему ханский титул с печатью. За годы правления Аюки-хана Калмыцкое ханство достигло пика своей экономической, военной и политической мощи. Аюка-хан вел в отношении России самостоятельную политику, присягал на верность, тесно сотрудничал с многими высокопоставленными царскими чиновниками, по их просьбе боролся как с внешними, так и внутренними врагами государя. Аюка-хан объединил всех волжских калмыков и значительно расширил владения, прибывающие из Джунгарии ойраты безоговорочно признавали его власть. В результате его восточного похода казахи и туркмены стали калмыцкими данниками, а многие из них вообще переселены на Волгу. В пользование калмыков было предоставлено 10 млн. 325 тыс. 690 десятин земли в пределах территорий Астраханской губернии и в Кавказской области. Отметим, что и прокурор Нефедьев Н.А., и ученый-этнограф Дуброва Я.П., хотя и в разное время, но практически одинаково назвали земельную площадь кочевий Калмыцкого ханства — 10,337,728 -Нефедьев Н.А [15 с.1–2], и 10,297.587 кв. десятин — Дуброва Я.П. [9 с.10]. Калмыцкое ханство просуществовало 150 лет, к 70–80 гг. XVII в. его численность составляла 350–400 тысяч душ. В 1771 году основная часть калмыков откочевала в Джунгарию и ханство было ликвидировано.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авляев Г.О., Санчилов В.П. К вопросу о происхождении торгоутов и хошоутов в этническом составе средневековых ойратов Джунгарии // Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики при Совете Министров Калмыцкой АССР. Элиста, 1984.
2. Аксенов И.Ч. Институт ойратско-калмыцкой шерти в истории русско-калмыцких отношений XVII века // Вестник Калмыцкого регионального отделения Российского философского общества. Элиста. № 2. 2010

3. Басхаев А.Н. Дякиева Р.Б. Ойрат-калмыки: XII–XIV вв. Элиста. Калмыцкое книжное издательство. 2007.
4. Бембеев В.Ш. Ойраты и калмыки на Евразийском пространстве (XIII–60-е гг. XVII века). Элиста. ЗАОр «НПП «Джангар», 2007
5. Броневский В.Б. История Донского Войска // Санкт-Петербург, 1834
6. Васильев Д.В. Становление калмыцкого ханства как субъекта российской империи. XVII — первая половина XVIII в. // Журнал Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015
7. Горненский Иоанн. Тайны империи Чингисхана. М.: Вече, 2004
8. Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. — М.: Изд-во АСТ. 2017.
9. Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии до издания закона 15 марта 1892 года. Казань. 1898.
10. Зимин А.А. В канун грозных потрясений. — М.: 1986
11. История Калмыкии с древнейших времен до наших дней. Элиста. 2007.
12. Максимов К.Н. Калмыки в составе донского казачества (XVII — середина XX в). Ростов-на-Дону. Изд-во ЮНЦ РАН, 2016
13. Малов А.В. Русско-польская война 1654–1667 гг. Москва
14. Митиров А.Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста. Калмыцкое книжное издательство. 1998
15. Нефедьев Н.А. Подробные сведения о волжских калмыках, собранные на месте. С. Петербург. Тип. Карла Крайк. 1834. 318 с.
16. Очерки истории Калмыцкой АССР. Дооктябрьский период. — М.: 1967. Издательство Наука.
17. Пальмов Н.Н. Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992
18. Почкаев Р.Ю. Правовое положение Улуса Джучи в Монгольской империи 1224–1269 гг. Центр евразийских исследований при Государственной Полярной Академии. Санкт-Петербург.
19. Преображенская П.С. Из истории русско-калмыцких отношений в 50–60-х годах XVIII в. // Записки Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста: КНИИЯЛИ, 1960. Вып. 1
20. Полное собрание законов Российской империи. Т. 1, № 145. — С. 356–357; Т. 1. № 300. Собрание государственных грамот и договоров. Ч. III (М.: 1822, № 181).
21. «Сокровенное сказание». Монгольская хроника 1240 г. под названием ЮАНЬ ЧАО БИ ШИ Монгольский обыденный изборник Изд-во Академии Наук СССР. Москва Ленинград 1941. Этот древний монгольский литературный и историографический памятник рассказывает о жизни Чингис-Хана. Копию приобрел в 1872 году в Пекине глава Русской духовной миссии в Китае архимандрит Паладий. В наше время рукопись хранилась в Восточном отделе Научной библиотеки им. А.М. Горького ЛГУ.
22. Собрание государственных грамот и договоров. ч. III (М.: 1822, № 181)

© Аксенов Илья Чудеевич (aksenov_ich@mail.ru), Бадмаева Татьяна Николаевна (tanya.badmaeva2015@yandex.ru),
Мухараева Элина Эдуардовна (elina.ubushaeva.99@mail.ru), Цекеева Тевкя Эрдниева (tsekeeva-te@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НРАВСТВЕННО–ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИЗБРАНИЯ ЗАПРЕТА ОПРЕДЕЛЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПО ПРЕСТУПЛЕНИЯМ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ И ИНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

THE MORAL AND LEGAL BASIS FOR THE ELECTION OF THE PROHIBITION OF CERTAIN ACTIONS ON CRIMES IN THE FIELD OF ENTREPRENEURIAL AND OTHER ECONOMIC ACTIVITIES

E. Alekseeva

Summary. This article discusses the features of the moral content of the election of the prohibition of certain actions on crimes in the field of entrepreneurial and other economic activities. The law enforcement practice of the internal affairs bodies on the election of a ban on certain actions in criminal cases of this category is analyzed. The necessity of creating a preferential regime when electing this measure of procedural coercion of representatives of the business community is questioned.

Keywords: morality, equality, humanism, prohibition of certain actions, economic crimes.

Алексеева Елена Эдуардовна

Адъюнкт, Академия управления МВД России
9189929161@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены особенности нравственного содержания избрания запрета определенных действий по преступлениям в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности. Анализируется правоприменительная практика органов внутренних дел по избранию запрета определенных действий по уголовным делам указанной категории. Подвергается сомнению необходимость создания льготного режима при избрании указанной меры процессуального принуждения представителей бизнес-сообщества.

Ключевые слова: нравственность, равенство, гуманизм, запрет определенных действий, экономические преступления.

Права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации являются наивысшей конституционной ценностью, а государство призвано обеспечить их реализацию и защиту. Всеобщая гуманизация законодательства отражает суть государственной политики нашего государства, где каждому человеку и гражданину предполагается одинаково гуманное отношение, без какого-либо исключения. Уголовное судопроизводство в Российской Федерации показало себя как наиболее гибкий институт, который адаптируется под современные реалии государства, отвечая запросу общества по защите своих прав и законных интересов от преступного посягательства, с одной стороны, и о предоставлении гарантий от злоупотреблений со стороны правоприменителя, недопущении умаления чести и достоинства с другой. О необходимости гуманизации российской судебной системы неоднократно заявлял Председатель Верховного Суда Российской Федерации Вячеслав Лебедев[1]. Подобных изменений требуют не только мировые тенденции общества, но и политическая система в целом. Требования соблюдения гуманного отношения к человеку наиболее отчетливо видны при производстве по уголовным делам,

так как именно при расследовании преступлений, лица, привлекаемые к уголовной ответственности в качестве подозреваемых, а впоследствии обвиняемых, подвергаются превентивным уголовно-процессуальным мерам.

Между тем, существенно гуманизировать законодательную политику при принятии решений при избрании мер процессуального принуждения или качественно повлиять на сложившуюся судебно-следственную практику, законодателю до настоящего времени не удалось. Об этом свидетельствуют данные статистики Судебного Департамента при Верховном Суде Российской Федерации, согласно которым в 2020 году судами рассмотрено 96 628 ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, из которых удовлетворено 84 119 ходатайств [2]. При этом, следует обратить внимание, что за истекший период меры процессуального принуждения, такие как домашний арест или запрет определенных действий в разы избирались реже.

Введенная Федеральным законом от 18.04.2018 № 72-ФЗ[3] сравнительно недавно мера пресечения в виде запрета определенных действий должна была

стать альтернативной более строгим мерам пресечения — аресту и помещению под домашний арест, предлагая правоприменителю дифференцированный подход в определении мер процессуального принуждения, позволив, тем самым, по своему усмотрению направлять ход расследования, обеспечив его эффективность. Введение данной меры пресечения позволило сместить центр тяжести в сторону обеспечения прав лиц, привлекаемых к уголовной ответственности и увести уголовное судопроизводство от репрессивного характера. Между тем, на практике оказалось все менее однозначно и поставило ряд вопросов перед правоприменителем о ее применении как в качестве самостоятельной, так и дополнительной меры пресечения.

Так, часть 1 названной статьи предусматривает применение данной меры пресечения исключительно по решению суда. По нашему мнению, применение таких запретов сделало ее неоправданно сложной для следователя, так как ее избрание требует немало трудозатрат, времени и средств, а по своей сути, данная мера пресечения является лишь «дублирующей» иных мер процессуального принуждения, для избрания которых не требуется решение суда. Таким образом, ставится под угрозу эффективность судопроизводства, что как следствие влечет нарушение разумного срока уголовного судопроизводства.

Кроме того, применение данного запрета поставило вопрос, насколько данная мера пресечения сможет обеспечить восстановление нарушенного права, защиту интересов общества и государства от преступного посягательства, пресечение преступленной деятельности, а также насколько данная мера пресечения применима в отношении отдельных категорий субъектов. Так, положения части 6 ст. 105¹ УПК РФ дают суду право применить запрет в отношении подозреваемого (обвиняемого) выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения, в котором он проживает в качестве собственника, нанимателя либо на иных законных основаниях; находиться в определенных местах, а также ближе установленного расстояния до определенных объектов, посещать определенные мероприятия и участвовать в них; общаться с определенными лицами; отправлять и получать почтово-телеграфные отправления; использовать средства связи и информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет»; управлять автомобилем или иным транспортным средством, если совершенное преступление связано с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств [3].

Пункт 1 части 6 названной статьи ставит ряд вопросов реализации данного положения по преступлениям указанной категории и об осуществлении контроля за ее исполнением, что не сопоставимо с назначением приме-

нения мер процессуального принуждения. Аналогичного мнения придерживается и А.О. Бекетов, указывая, что осуществление контрольных функций является элементом осуществления процессуального порядка[4].

В ходе написания диссертационного исследования по данной проблематике, нами было проведено эмпирическое исследование, в ходе которого были проанализированы положения запрета выходить в определенные периоды времени за пределы жилого помещения по ряду уголовных дел можно сделать вывод, что в большинстве случаев в постановлениях указаны конкретные периоды времени, в которые запрещено выходить за пределы жилого помещения и зачастую это вечернее или ночное время.

Таким образом, в ходе уголовного судопроизводства зачастую следователем выбирается время для ограничения за пределами установленного обычаями делового оборота рабочего времени. Для того, чтобы организация (предприятие) должным образом осуществляли свою деятельность для целей извлечения прибыли, она осуществляет ее в рамках традиционного рабочего времени, то есть с 8 до 18 часов, или же установленного ст. 91 Трудового кодекса Российской Федерации [5] 7 часового ежедневного рабочего времени. Оперативное управление руководством организации осуществляется зачастую именно в эти часы, когда осуществляют свою работу органы и организации различных уровней и форм управления, с которыми взаимодействуют руководители организации. Таким образом, необходимость применения данного запрета по преступлениям в сфере экономики не целесообразна, поскольку не способна обеспечить ни исполнение приговора, ни пресечь преступную деятельность или же совершение новых преступлений, либо же от попыток скрыться от органов предварительного следствия и суда, особенно если она избирается в качестве основной меры пресечения.

По нашему мнению, данный запрет, предусмотренный ч. 5 статьи 105.1 УПК РФ по своей сути не предполагает ограничение лица покидать пределы населенного пункта, местожительства, а лишь указывает в какое время лицу надлежит находиться в указанном судом месте. Стоит отметить, что применение данного запрета в отношении лиц, не имеющих постоянного места жительства или не имеющих законных оснований владения, пользования или распоряжения жилищем, в котором проживает, становится невозможным, что противоречит принципу равного отношения.

По преступлениям, расследуемым в отношении предпринимателей-застройщиков, данная мера пресечения оказалась, по мнению автора, вовсе не эффективной. Так, наложение запрета на общение с опре-

деленными лицами, предусмотренный ч. 6 ст. 105¹ УК РФ[5] предполагает ограничения общения с потерпевшими, свидетелями или иными участниками процесса. Однако, зачастую лица, из числа руководителей предприятий, вовсе не знакомы с потерпевшими или нанимаемыми сотрудниками для заключения договоров купли-продажи, в связи с чем, ограничивать в общении подозреваемых предпринимателей попросту нецелесообразно и неэффективно.

Кроме того, содержащийся в данной мере пресечения запрет появления в определенных местах[5] также ставит под вопрос о целесообразности ее применения, поскольку предприятия, организации создаются чаще всего фиктивные, не осуществляют свою деятельность или находятся на стадии банкротства, хотя при этом, и содержат все признаки юридического лица (устав, регистрацию и постановку на налоговый учет, расчетные счета и т.д.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Обзор Верховного Суда Российской Федерации о «Гуманизации полного цикла» [Электронный ресурс].http://www.vsrfr.ru/press_center/mass_media/30553/ (дата обращения 01.12.2021).
2. Судебный Департамент при Верховном Суде [Электронный ресурс]. РФ <http://www.cdep.ru/> (дата обращения 30.11.2021).
3. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части избрания и применения мер пресечения в виде запрета определенных действий, залога и домашнего ареста» от 18.04.2018 № 72-ФЗ. Информационно-справочная система «Консультант Плюс» [Электронный ресурс].<http://www.consultant.ru/document> (дата обращения 14.12.2021).
4. А.О. Бекетов Запрет определенных действий как новая мера пресечения в уголовном судопроизводстве // Журнал Законодательство и практика. 2018. № 2. С. 53–54.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации. Справочно-поисковая система Консультант Плюс [Электронный ресурс].<http://www.consultant.ru> (дата обращения 20.12.2021).

© Алексеева Елена Эдуардовна (9189929161@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Академия Управления МВД России

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ПРЕДМЕТ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

NATIONAL SECURITY AS A SUBJECT OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION

L. Bulgakova

Summary. National security as a state of legal order in the life of society and the state is the dominant factor in the self-preservation of Russian society. The reality of strengthening national security largely depends on a critical rethinking of many dogmas and stereotypes that have been established in legal science and law enforcement practice in understanding this phenomenon, the forms and methods of its provision in modern conditions. In the article, the author analyzes the theoretical and legal foundations of the administrative and legal regulation of the phenomenon of national security.

Keywords: national security, state, administrative and legal regulation, strategy, ensuring national security.

Булгакова Луиза Сираджеддиновна

Старший преподаватель, Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации
bluiza@mail.ru

Аннотация. Национальная безопасность как состояние правовой упорядоченности жизни общества и государства выступает главенствующим фактором самосохранения российского общества. Реальность укрепления национальной безопасности во многом зависит от критического переосмысления многих устоявшихся в юридической науке и правоохранительной практике догм и стереотипов в понимании этого феномена, форм и методов его обеспечения в современных условиях. В статье автором делается анализ теоретико-правовых основ административно-правового регулирования феномена национальной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность, государство, административно-правовое регулирование, стратегия, обеспечение национальной безопасности.

Национальная безопасность Российской Федерации (далее — национальная безопасность) представляет собой состояние защищенности личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан Российской Федерации, достойные качество и уровень их жизни, суверенитет, независимость, государственная и территориальная целостность, устойчивое социально-экономическое развитие Российской Федерации. Национальная безопасность заключается в комплексном сочетании обороны страны и всех видов безопасности: государственной, общественной, информационной, экологической, экономической, транспортной, энергетической безопасности и безопасности личности [1].

Существует большое количество мнений о сущности национальной безопасности. Некоторые из них перекликаются, некоторые, наоборот, диаметрально противоположны друг другу. Но, давая характеристику национальной безопасности, важно не потерять её суть, включая в понятие национальной безопасности всю проблематику деятельности современного общества.

В течение последнего десятилетия в российское законодательство в сфере национальной безопасности,

в целом, и экологической безопасности, в частности, было внесено весомое количество изменений. Главным образом, это коснулось введения дополнительных понятий, категорий, определений.

Принимая во внимание то, что на современном этапе перед Российской Федерацией стоит множество задач по реализации комплекса мероприятий, направленных на достижение нормального функционирования общества, обеспечение достойного уровня жизни населения, социально-экономического развития государства, следует отметить, что достижение этих целей представляется невозможным без обеспечения национальной безопасности страны.

Национальная безопасность базируется на совокупности конституционных принципов и имеет прямую связь с такими категориями, как «общественная безопасность» и «личная безопасность». Их корректное и рациональное обеспечение обуславливает перспективное развитие, как общества, так и страны. Безопасность относится к конституционной ценности, её определяет как государство, так и сам народ.

Также следует заметить, что в Конституции РФ понятие «национальная безопасность» не употребляется, несмотря на это, она все равно является родоначальни-

ком в разработке способов обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Основным актом общерегулирующего действия в области обеспечения экологической безопасности как разновидности национальной безопасности личности, общества и государства является Конституция Российской Федерации. Конституция РФ является актом высшей юридической силы. В Конституции Российской Федерации отражены основные положения экологической стратегии государства и главные направления укрепления экологического правопорядка. Конституция Российской Федерации вводит в научный оборот определение экологической деятельности человека в сфере взаимодействия общества и природы: природопользование, охрана окружающей среды, обеспечение экологической безопасности. Она составляет основу системы правовой защиты национальной безопасности государства. По справедливому замечанию Н.А. Бобровой, поскольку особый ряд статей Конституции относится к истокам национальной безопасности, то защита этих норм, осуществление гарантий для их соблюдения и исполнения является одной из самых важных задач национальной безопасности [2, с.20].

Таким образом, Конституция РФ занимает ведущее место в сфере правового обеспечения национальной безопасности. Основным законом страны играет ключевую роль в современном обеспечении национальной безопасности. Во-первых, регулирует общественные отношения, которые имеют особое значение для безопасности личности, общества и государства. Во-вторых, обеспечивает целостность и неприкосновенность территории российского государства, что немаловажно для национальной безопасности. В-третьих, провозглашает носителем суверенитета и единственным источником власти многонациональный народ России. В-четвёртых, содержит конкретные указания на различные аспекты национальной безопасности и ее виды. И последнее, является основополагающим актом для выработки способов в сфере обеспечения национальной безопасности.

Обеспечение национальной безопасности осуществляется путем реализации органами государственной власти и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества политических, военных, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов [3].

Обеспечение национальной безопасности реализуется путем комплексного использования мер, раз-

работанных в рамках стратегического планирования в Российской Федерации. По замечанию В.П. Назарова, Д.А. Афиногорова, речь идёт о следующих видах мер: политических; организационных; социально-экономических; правовых; информационных; военных; специальных [4, с. 10].

Политическими мерами являются встречи глав государств; проведение совещаний, конференций представителей разных стран для оценки угрозы и выработки плана совместных действий; использование международных органов и институтов для поддержания не только национальной безопасности отдельных государств, но и международной.

Организационные меры предполагают формирование органов государственной власти, задачи которых направлены на обеспечение национальной безопасности и организацию их работы. Так, например, на территории РФ действует Совет безопасности РФ, осуществляющий подготовку решений Президента РФ по вопросам обеспечения национальной безопасности государства, по вопросам международного сотрудничества в области обеспечения безопасности, а также формирование государственной политики в области обеспечения национальной безопасности.

Социально-экономические меры направлены на укрепление экономики страны. Например, повышение конкурентоспособности национальной промышленности, введение эмбарго, создание условий для достижения уровня и качества жизни населения, гарантирующих стабильность в государстве и др.

Правовые меры — формирование национального законодательства РФ, соблюдение общепризнанных принципов и норм международного права, подписание и исполнение положений договоров, соглашений.

Информационные меры — обеспечение доступности информации разнообразного характера (в том числе, информирование населения об участии в военных конфликтах), защита от недостоверных сведений, пропаганда необходимости соблюдения национального законодательства РФ и норм международного права.

Военные меры — создание единой системы вооружения РФ, обеспечивающей решение задач обороны и безопасности, поддержание боевого потенциала, боевой и мобилизационной готовности вооруженных сил, модернизация военной техники и вооружения и др.

Специальные меры носят временный характер и применяются независимо от других мер, направленных на защиту интересов РФ, обеспечение ее безопас-

ности, а также на защиту прав и свобод ее граждан. Так, специальные экономические меры вводятся в случаях возникновения совокупности обстоятельств, требующих безотлагательной реакции на международно-противоправное деяние либо недружественное действие иностранного государства. Указанными мерами, например, будет запрещение финансовых операций или установление ограничения на их осуществление. Специальные меры вводятся до устранения обстоятельств, послужившими основаниями для их применения.

Система обеспечения национальной безопасности представляется нам как совокупность осуществляю-

щих реализацию государственной политики в сфере обеспечения национальной безопасности органов государственной власти и органов местного самоуправления и находящихся в их распоряжении инструментов [5].

Таким образом, меры обеспечения национальной безопасности РФ состоят в защите национальных интересов, поиске и поддержке политических союзников, быстром и мобильном реагировании на угрозы национальной безопасности, готовности нанесения ответных ударов, использовании тех или иных средств обеспечения национальной безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»
2. Боброва Н.А. Гарантии реализации государственно-правовых норм / Н.А. Боброва. — Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 2004. — С. 24
3. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»
4. Назаров В.П. Проблемы развития общей теории национальной безопасности в контексте корректировки стратегии национальной безопасности Российской Федерации / В.П. Назаров, Д.А. Афиногенов // Власть. — 2020. — Т. 28. — № 1. — С. 13.
5. Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»

© Булгакова Луиза Сираджединовна (l u i z a @ m a i l . r u).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Санкт-Петербург

СОВЕТСКАЯ ПРОКУРАТУРА И СЛЕДСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ НА ЭТАПЕ КОНСОЛИДАЦИИ СОВЕТСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

SOVIET PROSECUTOR'S OFFICE AND INVESTIGATING AUTHORITIES AT THE STAGE OF CONSOLIDATION OF THE SOVIET POLITICAL REGIME

**O. Vinnichenko
A. Velichko
A. Raspopin**

Summary. In this article, a study was made of the activities of the Soviet prosecutor's office in the field of supervision over investigative bodies. The main trends in the formation and development of Soviet investigative bodies are determined — the search for non-traditional forms of preliminary investigation, the improvement of investigative structures in various law enforcement agencies, the gradual release of investigators from functions unusual for them and the organization of interaction with the bodies of inquiry. The problems of personnel composition and organizational structure of investigative bodies are analyzed. In the course of the study, the shortcomings of the preliminary investigation were determined, which, together with the problems of material and financial support, significantly hampered effective investigative practice. It is concluded that the concentration of investigative powers in the hands of the prosecutor's office objectively strengthened the accusatory tendency of the preliminary investigation, which led to tragic results during the period of the repressive policy of the 2nd half. 1930s.

Keywords: Soviet prosecutor's office, investigating authorities, people's courts, criminal procedure legislation.

Винниченко Олег Юрьевич

Д.ю.н., профессор, Кемеровский государственный университет

ole.vinnichenko@yandex.ru

Величко Алексей Михайлович

Д.ю.н., доцент, Кемеровский государственный университет

vizant63@yandex.ru

Распопин Антон Владимирович

Соискатель, Кемеровский государственный университет

raspopin_prok@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье проведено исследование деятельности советской прокуратуры в сфере надзора над следственными органами. Определяются основные тенденции становления и развития советских следственных органов — поиск нетрадиционных форм предварительного следствия, совершенствование следственных структур в различных правоохранительных ведомствах, постепенное освобождение следователей от несвойственных им функций и организация взаимодействия с органами дознания. Анализируются проблемы кадрового состава и организационного построения следственных органов. В процессе исследования были детерминированы недостатки предварительного следствия, которые в совокупности с проблемами материально-финансового обеспечения существенно затрудняли эффективную следственную практику. Делается вывод о том, что сосредоточение следственных полномочий в руках прокуратуры объективно усиливало обвинительную тенденцию предварительного следствия, что привело к трагическим результатам в период репрессивной политики 2-й пол. 1930-х гг.

Ключевые слова: советская прокуратура, следственные органы, народные суды, уголовно-процессуальное законодательство.

Становление большевистского режима в процессе революционных событий 1917 г. сопровождалось кардинальным реформированием судебного устройства и системы правоохранительных органов, к числу которых относились система прокурорского надзора и органы следствия и дознания. Изначальное нигилистическое отношение новой власти к, так называемой, «буржуазной законности» наглядно проявило себя в содержании первого Декрета «О суде»: в ноябре 1917 г. институты судебных следователей и прокурорского надзора за расследованием были упразднены [1, с. 607].

Место старых структур занимали новые. Несмотря на внутреннюю противоречивость этого процесса, на основе анализа нормативных, архивных и литературных материалов можно прийти к выводу о том, что основными тенденциями становления и развития советских следственных органов были поиск нетрадиционных форм предварительного следствия с последующим отказом от них, совершенствование следственных структур в различных правоохранительных ведомствах, постепенное освобождение следователей от несвойственных им функций и организация взаимодействия с органами дознания.

По мере развития следственного аппарата перманентным изменениям были подвержены также формы и содержание надзора за расследованием преступлений: от судебного надзора к прокурорскому, от наблюдения за следствием — до полного руководства им.

Обратимся к документам. В соответствии с уже упомянуты Декретом суде № 1 от 24 ноября 1917 г. задача осуществления предварительного расследования возлагалась на судей местных судов. [2, ст. 50]. Дела, связанные с расследованием особо тяжких уголовных преступлений — убийств, разбоев, случаев фальшивомонетничества — препоручались судам окружным. Обязанность контроля за осуществлением следствия, возлагаемая на весь состав суда, реализовывалась лишь на стадиях задержания подозреваемого и его предания суду.

В соответствии с Декретом о суде № 2 от 7.03. 1918 г. дела, связанные с тяжкими и особо тяжкими преступлениями, уже были отнесены к юрисдикции ревтрибуналов. Произошли изменения и в системе следственных органов: соответствующими полномочиями были наделены специально создаваемые местными Советами следственные комиссии [3, ст. 589]. К их коллегиальным полномочиям было отнесено возбуждение уголовного преследования, его прекращение, избрание меры пресечения, решения о прекращении следствия и предании суду. Надзорными полномочиями в отношении комиссий обладали создаваемые при ревтрибуналах коллегии обвинителей.

Присутствие последних также формировалось Советами рабочих и крестьянских депутатов. Его представители имели право участия в заседаниях следственных комиссий, формулировали заключения, оценивавшие полноту предварительного следствия, определяли подсудность дел. Именно члены коллегии составляли обвинительные тезисы в том случае, когда дело отправлялось на рассмотрение ревтрибунала. Коллегия могла инициировать возбуждение обвинения и сформулировать соответствующее предложение следственной комиссии. Кроме того, коллегия могла опротестовать любое решение следственной комиссии, будь то решение о направлении дела в суд, или трибунал, либо решение о прекращении уголовного преследования [4, ст. 471].

Декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 16 мая 1918 года при революционном трибунале при ВЦИК была учреждена центральная коллегия обвинителей в составе трех лиц, избираемых ВЦИК. На центральную коллегию возлагалось объединение и руководство деятельностью коллегий обвинителей при революционных трибуналах [5, ст. 520].

В соответствии с первым Положением о народном суде РСФСР функция надзора за осуществлением предварительного следствия была возложена на народные суды. К их полномочиям были отнесены вопросы определения меры пресечения, контроля за деятельностью органов дознания, дача поручений последним. Народные суды контролировали законность содержания под стражей. К их юрисдикции было отнесено принятие решений о направлении дела на доследование, его прекращение. Помимо этого, именно суд рассматривал по существу все жалобы, поступившие на решения следственных комиссий.

Отметим также, что Декретом ВЦИК РСФСР от 30 ноября 1918 года следственные комиссии в связи с ликвидацией окружных судов были подчинены губернским (столичным) советам народных судей. Они лишались права прекращать уголовное преследование. Коллегиальные решения принимались ими по вопросам возбуждения уголовного дела, избрания меры пресечения и изменения ее, окончания следствия и предания суду [6, ст. 889].

По Положению о народном суде РСФСР от 1920 г. суды наделялись такими правами: поручать производство следствия народному следователю или постоянному народному судье; прекращать уголовное дело и возвращать его к доследованию; принимать окончательные решения по жалобам на постановления следователя [7, ст. 407].

Как видно из изложенного, правовая регламентация судебного надзора за производством дознания и предварительного следствия была недостаточной. Суды не наделялись всеми полномочиями, необходимыми для обеспечения законности при расследовании преступлений. Такое положение, порождаемое невозможностью соединить в деятельности суда функции достаточно полного надзора за следствием и осуществлением правосудия, отрицательно отражалось на состоянии следственной работы.

Развитию следственного аппарата способствовали дискуссия и решения III Всероссийского съезда деятелей советской юстиции, состоявшегося в июне 1920 года. Рекомендации съезда о ликвидации следственных комиссий и замене их единоличными следователями были реализованы в Положении о народном суде РСФСР, объявленном Декретом ВЦИК от 21 октября 1920 г.

Территория, на которой действовал народный суд (города, района), разделялась на следственные участки. Эти участки следователи обслуживали единолично. Участковые следователи, именуемые «народными», на-

значались и отзывались губернским исполнительным комитетом и состояли в штатах народных судов. Для расследования дел о преступлениях, совершенных на территории ряда следственных участков, а также дел, имеющих важное значение, вводились старшие следователи при губернских судах, которые состояли в штате отделов юстиции. При Верховном суде состояли следователи по важнейшим делам. Старшие следователи и следователи по важнейшим делам назначались теми учреждениями, в штатах которых они находились [8, с. 59].

Все следователи наделялись полномочиями возбуждать уголовные дела и вести следствие, избирать меру пресечения, решать вопрос о производстве обыска и выемки, о прекращении уголовного дела и предании обвиняемого суду [7, ст. 407].

Процессуальный контроль за работой народных следователей по Положению о народном суде возлагался на народных судей, хотя прямого указания на этот счет в нормативном акте не содержалось.

Вместе с тем в Положении определены следующие полномочия органов НКЮ в отношении следственного аппарата: утверждение следственных участков; участие отделов юстиции в назначении на должность следователя; изучение практики, подготовка методических разработок по расследованию отдельных видов преступлений; создание необходимых условий для решения задач, стоящих перед следствием.

В Положении о народном суде не был регламентирован порядок расследования. Этот пробел восполнил НКЮ РСФСР, издавший в октябре 1920 г. Инструкцию народным следователям по производству предварительного следствия. В ней определены задачи следствия, права и обязанности следователя, порядок проведения следственных действий, права участников предварительного следствия и их процессуальные гарантии.

Следственным аппаратом помимо органов юстиции располагали и органы внутренних дел. В марте 1920 г. по инициативе НКВД РСФСР создаются следственно-розыскные отделы и следственно-розыскные столы. Положение о рабоче-крестьянской милиции, утвержденное декретом ВЦИК и СНК РСФСР от 10 июня 1920 г., предусматривает, что следователи милиции пользуются правом производства предварительного следствия в полном объеме [9, ст. 371].

Расследование дел о государственных преступлениях было возложено на ВЧК и местные чрезвычайные комиссии с момента их учреждения. В феврале 1918 года в отделах ВЧК и местных ЧК были учреждены должности следователей [10, с. 238–240].

Таким образом, в годы гражданской войны предварительное следствие осуществляли несколько параллельно функционирующих аппаратов — следственные комиссии при ревтрибуналах, а затем пришедшие им на смену следователи при судах, Всероссийская и местные чрезвычайные комиссии, позже — следователи ВЧК и ЧК, военные следователи военных трибуналов, следователи органов НКВД, и, в отдельных случаях, народные судьи и члены окружных судов.

К концу 1921 г. стала очевидной неудача предпринимаемых попыток создать нетрадиционные формы предварительного следствия и надзора за ним. Период поиска закончился реорганизацией предварительного следствия на основании правовых актов о судостроительстве и судопроизводстве и созданием прокуратуры.

Дальнейшая правовая регламентация органов следствия последовала с принятием 25.05.1922 г. первого советского УПК. Во-первых, в кодексе был впервые четко определен состав следственного корпуса — в соответствии со ст. 23 к нему были отнесены четыре основные категории следователей: следователи по важнейшим делам при Народном комиссариате юстиции, следователи при революционных трибуналах и советах судей, военные следователи и народные следователи.

Во-вторых, осуществление надзора за производством предварительного следствия, равно как и дознания, всецело возлагалось на прокуратуру. В полном соответствии с Положением о прокурорском надзоре УПК 1922 г. закрепил за должностными лицами прокуратуры право предоставлять следователям свои указания и разъяснения по вопросам предварительного следствия. Им принадлежало право окончательного решения вопросов прекращения уголовного преследования и, напротив, предания суду, инициированных дознанием. В-третьих, следует отметить, что многие нормы УПК 1922 г. были тождественны имперскому процессуальному законодательству: как и по правилам Судебных уставов 1864 г. прокурор не мог по своей инициативе закрыть дело в том случае, если оно было закончено народным следователем [11, ст. 518], а лишь мог направить проект своего постановления о прекращении в суд, который, подобно суду дореволюционному, разрешал спор между прокурором и следствием.

Новая редакция УПК, принятая ВЦИК 15.02.1923 г., расширила возможности прокуратуры в области надзора за предварительным следствием, устранив отмеченные нами выше аналогии с дореволюционным процессуальным законодательством. Более того, новые полномочия прокуроров в надзорной сфере значительно превосходили те, что были им предоставлены ранее Положением 1922 г. Теперь к компетенции проку-

ратуры были отнесены вопросы отказа в производстве дознания и/или предварительного следствия, отвода следователя и рассмотрения жалоб на его действия. Прокурор мог предложить следователю расследовать любое не подследственное ему дело иного органа расследования, отменить, либо изменить меру пресечения, давать следователю обязательные для исполнения указания о направлении и дополнении следствия, самостоятельно производить отдельные следственные действия и принимать на себя расследования по любому делу. Наконец, прокурор решал вопросы продления сроков следствия и содержания обвиняемых под стражей, приостановления, прекращения и возвращения уголовного дела для доследования, утверждения обвинительного заключения, и направления дела в суд.

Таким образом, УПК 1923 г. наделил прокурора полномочиями, необходимыми не только для осуществления надзора за исполнением законов следователями, но и для руководства в полном объеме предварительным следствием.

Постановлением II сессии ВЦИК РСФСР одиннадцатого созыва от 16 октября 1924 г. были внесены изменения и дополнения в УПК. Согласно новой редакции статьи 107 УПК надзор за производством дознания возлагался на следователя, в участке которого находился орган дознания, частично на суд, а также на прокурора.

Органы дознания должны были в течение 24-х часов сообщить о всех случаях задержания подозреваемого следователю или ближайшему народному судье. На последних возлагалась обязанность в течение 48 часов после получения сообщения подтвердить арест либо отменить его. Следователь имел право знакомиться с материалами дознания, давать указания, предлагать произвести те или иные следственные действия, рассматривать и разрешать жалобы на действия органов дознания. Кроме того, он мог пересоставить и утвердить обвинительное заключение по поступившему от органа дознания делу, направить дело в суд. На прокурора возлагался лишь «общий надзор за действиями органов дознания».

Роль прокурорского надзора за следствием усиливалась. Согласно статьям 118, 122 УПК в обязанность прокурора вменялось систематически знакомиться с уголовными делами. Отвод следователя стал разрешаться не судом, а прокурором [12, ст. 784]. «Временная инструкция губернским прокурорам об общих задачах, возлагаемых на прокурора», изданная НКЮ РСФСР 29 июня 1922 г., отнесла к компетенции прокурора надзор за производством предварительного следствия органами ГПУ, утверждение обвинительных заключений следователей по всем делам, по которым производи-

лось предварительное следствие, составление нового обвинительного заключения и предложения суду о прекращении дела [13, с. 73–77].

С 1922 г. активно осуществлялся поиск форм и методов прокурорского надзора, применялись меры к внедрению их в практику. К ним нужно, прежде всего, отнести следующие: введение в прокуратуре наблюдательных производств по расследуемым уголовным делам, в которых сосредоточивались копии процессуальных документов, что позволило наблюдать за законностью принимаемых следователем решений и движением дела; постоянное наблюдение прокуроров и их помощников за ходом расследования, присутствие при производстве следователем наиболее ответственных следственных действий, возвращение дел для производства дополнительного расследования, изучение оконченных дел.

Первый год деятельности многих прокуратур был сопряжен с преодолением организационных трудностей в подборе и расстановке кадров (особенно помощников прокурора низового звена), в организации обучения их методам работы, в налаживании учета.

К примеру, в Смоленской прокуратуре к началу 1923 г. в штатах отсутствовала должность помощника прокурора. По инициативе прокуратуры было выделено 15 единиц, что позволило во всех 15 уездах организовать камеры прокуратуры. Областная прокуратура производила обследование уездных камер прокуратуры, давала инструктивные указания, созывала совещания прокурорско-следственных работников, оказывала помощь по конкретным делам. В результате принимаемых мер улучшилось взаимодействие в работе органов дознания и следствия, были ликвидированы «залежи» уголовных дел, наведен порядок в содержании следственных заключенных [14, с. 31].

Прокуратурой Уральской области в 1923 г. за короткий срок был налажен учет, обеспечены регулярная проверка уголовных дел, составление планов расследования следователями, своевременное устранение дефектов и нарушений в процессе расследования. В результате сократились случаи необоснованного возбуждения уголовных дел, несогласия прокуроров с обвинительными заключениями следователей. Положительную роль в улучшении следствия играло установление практики обследования прокурорами следственных участков. В 1923 г. из 124 участков были обследованы прокуратурой области все, а некоторые по два-три раза, всего же произведено 150 обследований [14, с. 49].

Прокуратура республики регулярно проверяла состояние следственной работы и прокурорского надзо-

ра в губерниях, ее сотрудники оказывали практическую помощь на местах, проводили совещания и занятия с прокурорами и следователями, разрабатывали и осуществляли организационные меры по устранению недостатков. При проверке в 1923 г. прокуратуры Московской губернии Прокуратура РСФСР установила, что «со стороны прокурорского надзора отсутствовало непосредственное и систематическое наблюдение за ходом следствия», в связи с чем следователи допускали многочисленные нарушения уголовно-процессуальных норм. После проверки в результате выполнения рекомендаций комиссии прокурорский надзор за расследованием преступлений в уездах Московской губернии улучшился [15, с. 12].

Осуществление прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений крайне осложнялось состоянием, в котором находился следственный аппарат — отсутствием необходимой подготовки и опыта у работников прокуратуры, трудностями материального характера. То же можно сказать и о дознании. «...Обычная характеристика органов дознания,— отмечалось в обзоре деятельности прокуратуры за 1923 г.,— малограмотность, неумение составлять протоколы следственных действий, незнание элементарнейших процессуальных норм, текучесть личного состава».

В связи с громадным некомплектом на службу в милицию принимались зачастую все желающие. В ряде губерний (Новгородская, Владимирская и др.) до 17% работников дознания совершали преступления. В такой обстановке прокуратуре приходилось вести громадную работу. Ее сотрудники регулярно инструктировали дознавателей, проводили занятия, консультации, собеседования по правовым вопросам. В каждой губернской прокуратуре выделялись специальные сотрудники, осуществлявшие надзор за органами дознания. Наблюдение велось как в виде просмотра материалов расследования, так и в форме регулярных посещений мест содержания задержанных и арестованных [15, с. 18].

На уровень предварительного следствия отрицательно влияли прежде всего отсутствие специальной подготовки у следователей и те условия, в которых им приходилось работать. Характерно в этом отношении письмо следователя из Торопецкого уезда Псковской области, написанное в 1924 г. Он сообщал, что обслуживаемый им участок, диаметром в 100 верст, охватывает 8 волостей, 3 поселка и 4 железнодорожные станции. Приходится одновременно расследовать в одиночку дела о бандитизме, хозяйственных и должностных преступлениях и другие. У следователя нет лошади. На места происшествий или в исправтруддом, расположенный в 60 верстах от города, следователь добирал-

ся на попутных подводах или пешком. Нет ни курьера, ни уборщицы; он сам топит печи, заготавливает дрова, моет полы. Оклад следователя — ниже зарплаты курьера уездного исполкома [16, с. 37].

В Новгородской губернии многие следователи не имели оборудованных помещений; кабинеты не были снабжены необходимыми канцелярскими принадлежностями; у следователей отсутствовали средства на почтовые и путевые расходы. Отмечались случаи, когда оконченные производством уголовные дела из-за отсутствия денег в течение месяца не доставлялись прокурору, ожидая оказии.

Из-за низкой подготовки следователи допускали многочисленные процессуальные нарушения. Об этом свидетельствует такой факт: 20% обвинительных заключений пересоставлялись прокурорами. Нередко один следователь ввиду не укомплектованности штата совмещал работу по двум участкам без дополнительных денежных доплат за выполняемую работу [17, с. 4].

Даже в тридцатые годы подготовка следственного аппарата оставалась совершенно недостаточной. В прокуратуре Белоруссии в 1932 г. высшее образование имели 15% следователей, а в Узбекистане — 2,4%. Следователей, работавших менее трех лет, в Белоруссии было 69%, а в Узбекистане — 74% [18, л. 196, 202–205].

В 1937 г. высшее юридическое образование имели только 9,3% следователей в стране, а среднее юридическое — 31,5%. Не лучшим образом обстояло дело с текучестью кадров: следователей со стажем до 1 года работало 28,7%, от 1 до 3 лет — 33,7%, свыше 3 лет — лишь 37,6%. В Казахстане и Узбекистане эти показатели были еще ниже [18, л. 206].

На подбор личного состава работников прокуратуры отрицательно влияла материальная необеспеченность. В печати отмечалось, что это не только препятствует укомплектованию штатов квалифицированными кадрами, но и угрожает развалом всего аппарата.

Тверской прокурор доносил: «Если центр не примет в ближайшем будущем шагов, мы столкнемся с массовым желанием уйти из прокуратуры, чтобы не дискредитировать себя и учреждение».

Мизерность ставок, не достигающих прожиточного минимума, вынуждала прокурорских работников создавать артели по погрузке и выгрузке товаров, колке дров и др.

Рязанский прокурор писал о том, что один из его помощников просил уволить его, так как постоянное не-

доедание при напряженной работе сделали его инвалидом; второй помощник просил о покупке ему брюк, так как не имел возможности посещать из-за их отсутствия службу.

О материальном положении прокурорских работников свидетельствует следующее сравнение размеров заработной платы различных категорий служащих госаппарата: ставка облпрокурора составляла 40–45 рублей, руководителей равных уровней финансовых, продовольственных, земельных органов — 100–120 руб. Курьеры и машинистки госучреждений получали больше помощника прокурора и народного следователя [17, с. 7].

На V Всероссийском съезде деятелей советской юстиции, состоявшемся в марте 1924 г., указывалось на широкое распространение таких недостатков предварительного следствия, как: медлительность при производстве следственных действий; их односторонность; неполнота следствия; недостаточно тщательный отбор материалов, имеющих доказательственное значение по делу; увлечение исследованием обстоятельств не объективного, а субъективного характера, подчас не связанных с материалами дела; отсутствие достаточной ясности в вопросе, что именно должно составлять предмет исследования в ходе расследования. Для устранения названных недостатков прокурорам рекомендовалось при организации надзора обращать внимание и добиваться: сокращения сроков расследования; инструктирования следователей по вопросам полноты, всесторонности и качественного отбора материалов; подчинения прокурору деятельности следственно-розыскного аппарата; решительного использования прокурором своих прав и обязанностей при осуществлении надзора [19, с. 7].

В целом практики признавали, что судебное-следственная реформа 1922–1923 гг. явилась значительным шагом вперед. Вместе с тем разобщенность следственного аппарата, нахождение следователей в судебной системе, дуализм в руководстве ими препятствовали оперативному и согласованному использованию сил и средств, что отрицательно сказывалось на результатах следствия.

Пятый Всероссийский съезд деятелей советской юстиции высказался за подчинение прокурору деятельности следственно-розыскного аппарата. В 1927 г. названный вопрос стал настолько актуальным, что НК РКИ СССР было организовано изучение следственной и судебной практики и прокурорского надзора в РСФСР, УССР и ЗСФСР. В итоговом документе обращалось внимание на то, что около трети уголовных дел возбуждается необоснованно, при расследовании допускается

волопита, растет число оправданных. Кроме того, отмечалось, что следователи, поставленные законом в зависимость и от суда, и от прокурора, не получают необходимой помощи и руководства ни от того, ни от другого, и делался вывод о целесообразности подчинения следователей прокурору.

Против передачи следователей из судов в полное подчинение органов прокуратуры решительно выступал П.И. Стучка. «До сих пор,— писал он в 1928 г.,— предварительное следствие на 9/10 подчинено руководству прокурорского надзора, вследствие чего оно, естественно, уже превратилось в подсобный орган прокуратуры... Если этот недостаток хотят устранить полным (и административно-организационным) подчинением следственного аппарата прокурору, то это явно несбыточная надежда, ибо эта мера лишь усилит односторонне-обвинительную тенденцию предварительного следствия» [20, с. 122].

Вместе с тем, в резолюции III Совещания прокурорских работников, утвержденной коллегией НКЮ 9 апреля 1928 г., говорилось: «Милиция и угрозыск, следователь и прокурор должны являться звеньями единого организационного аппарата расследования по всем без исключения категориям уголовных дел». Цель создания такого аппарата — «радикальное изжитие параллелизма в расследовании, смешения функций, путаницы, волокиты и безответственности» [21, с. 17].

По замыслу авторов резолюции, единый следственный аппарат должен был выглядеть следующим образом: в каждом городе, районе создаются отдельные, самостоятельные аппараты расследования, во главе которых назначаются старшие следователи, являющиеся одновременно заместителями прокуроров; в подчинение старшего следователя предлагалось включить народного следователя, который должен был бы возглавить группу милиционеров (участковых инспекторов), а последних использовать исключительно на расследовании уголовных дел.

Прокуратурой РСФСР было разработано Примерное положение о едином следственном аппарате, но в НКВД оно не получило одобрения. После долгой переписки с НКВД по поводу организации в Москве экспериментального единого органа расследования, который так и не был создан, СНК РСФСР разрешил включить следователей судов в штаты прокуратуры Московской губернии.

По постановлению ВЦИК и СНК РСФСР от 3 сентября 1928 г. следственный аппарат повсеместно и полностью был передан прокуратуре [22, ст. 733]. Передача следователей из суда в прокуратуру произошла и в других

союзных республиках. Военные следователи передавались органам прокуратуры согласно постановления ЦИК и СНК СССР от 30 января 1929 г. [23, ст. 106].

В масштабе СССР передача следователей в полное подчинение органам прокуратуры завершена в 1929 г., когда было издано постановление Президиума ЦИК СССР от 12 апреля 1929 г. о переводе следственной части Верховного суда СССР в ведение и штаты Прокуратуры Верховного суда СССР [24, л. 62].

Назначение и увольнение народных следователей производилось прокурором, но согласно утверждению губернского исполнительного комитета. Старшие следователи назначались в соответствии с постановлением НКЮ. Следователи по важнейшим делам прокуратур республик назначались и увольнялись прокурорами республик.

После передачи в прокуратуру бывших судебных следователей прокуратуры стали осуществлять не только процессуальное, но и служебное руководство ими, нести всю полноту ответственности за следственную работу. Это побуждало прокуратуру целенаправленно проводить меры методологического характера, организовывать школы по повышению профессионального мастерства, искать новые приемы и методы следственной работы, создавать необходимые условия материально-технического обеспечения.

Вместе с тем нагрузка следователей возросла, ибо прокуроры, особенно районные, зачастую рассматри-

вали следователей, как своих помощников. Подобная практика получила широкое распространение еще в годы коллективизации сельского хозяйства. В этот период были упразднены прокурорские участки в опытно-показательных округах, на селе оставались следственные участки. Функции расследования и прокурорского надзора возлагались на следователя, который общался с окружной прокуратурой по почте.

Таким образом, реформирование следственных органов на протяжении рассматриваемого периода завершилось полной ликвидацией независимого института судебных следователей, созданного в ходе разработки и принятия Судебных уставов 1864 г. и подчинением следователей органам прокуратуры. Данный результат полностью соответствовал общесоюзной тенденции бюрократической централизации. Вместе с тем, предполагавшейся оптимизации деятельности следственных органов так и не последовало. Следователи, превратившиеся де факто в помощников прокуроров, были обременены несвойственными им функциями общего надзора. В совокупности с сохранявшимися погрешностями кадрового состава корпуса следователей, их низким образовательным уровнем, проблемами материально-финансового обеспечения данное обстоятельство существенно затрудняло эффективную следственную практику. Кроме того, сосредоточение следственных полномочий в руках прокуратуры объективно усиливало обвинительную тенденцию предварительного следствия, что привело к трагическим результатам в период «великой чистки» 2-й пол. 1930-х гг.

ЛИТЕРАТУРА

1. История суда и правосудия в России: в 9 т. / отв. ред. В.В. Ершов, В.М. Сырых. — Т. 6: Судостроительство и судопроизводство РСФСР периода становления советской власти (1917–1920 годы): монография / В.М. Сырых. — М., 2021.
2. Собрание Узаконений РСФСР. 1917. № 4.
3. Собрание Узаконений РСФСР. 1918. № 52.
4. Собрание Узаконений РСФСР. 1918. № 35.
5. Собрание Узаконений РСФСР. 1918. № 41.
6. Собрание Узаконений РСФСР. 1918. № 84.
7. Собрание Узаконений РСФСР. 1920. № 83.
8. Материалы НКЮ РСФСР. 1920. Вып. 7.
9. Собрание Узаконений РСФСР. 1920. № 79.
10. Из истории ВЧК (1917–1921 гг.). Сборник документов. — М., 1958.
11. Свод законов Российской империи. Т. XVI. Ч. I.
12. Собрание Узаконений РСФСР. 1924. № 78.
13. Сборник циркуляров и разъяснений НКЮ РСФСР. — М., 1926.
14. Еженедельник советской юстиции. 1924. № 48.
15. Еженедельник советской юстиции. 1924. № 7–8.
16. Еженедельник советской юстиции. 1924. № 14.
17. Еженедельник советской юстиции. 1923. № 51–52.
18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 8131. Оп. 14. Д. 77.

19. Еженедельник советской юстиции. 1924. № 12–13.
20. Тезисы П.И. Стучки о реформе УПК // Революция права. 1928. № 1.
21. Еженедельник советской юстиции. 1928. № 18.
22. Собрание Узаконений РСФСР. 1928. № 117.
23. Свод Законов СССР. 1929. № 73.
24. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 8131. Оп. 6. Д. 71.

© Распопин Антон Владимирович (raspopin_prok@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ВВЕДЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ЛЕЧЕНИЯ НАРКОЗАВИСИМЫХ ОСУЖДЕННЫХ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ И ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ИНСТРУМЕНТА ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

ON THE ADVISABILITY OF INTRODUCING COMPULSORY TREATMENT FOR DRUG-DEPENDENT CONVICTS WHO HAVE COMMITTED CRIMES IN THE FIELD OF ILLICIT TRAFFIC IN NARCOTIC DRUGS AND PSYCHOTROPIC SUBSTANCES AS AN ADDITIONAL TOOL FOR CRIME PREVENTION

E. Vitovskaya

Summary. The article is devoted to the criminological conditionality of the introduction of compulsory medical measures against persons who have committed crimes in the field of illicit trafficking in narcotic drugs and psychotropic substances and need treatment for drug addiction. The author gives a classification of models for the prevention of crimes in the field of illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances, based on the understanding of drug addiction as a background phenomenon of these acts. Special attention is drawn to the fact that legal scholars and representatives of medicine support the position of an involuntary form of treatment of drug addiction, since the identity of a convict who needs treatment for drug addiction is characterized not only for himself, but also for society. The use of coercive medical measures against this category of persons will not only enable them to receive the necessary medical care, but will also help to prevent them from committing new criminal acts.

Keywords: drug abuse, crimes in the field of illicit traffic in narcotic drugs and psychotropic substances, compulsory treatment; crime prevention.

Витовская Евгения Сергеевна

*Преподаватель, ФКОУ ВО «Кузбасский институт
ФСИН России» (Новокузнецк)
Jane-vit@mail.ru*

Аннотация. Статья посвящена криминологической обусловленности введения принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ и нуждающихся в лечении от наркомании. Автор приводит классификацию моделей предупреждения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, основанную на понимании наркомании как фонового явления данных деяний. Обращается особое внимание на то, что ученые-юристы и представители медицины поддерживают позицию недобровольной формы лечения наркомании, поскольку личность осужденного, нуждающегося в лечении от наркомании, характеризуется опасностью не только для себя, но и для общества. Применение принудительных мер медицинского характера в отношении рассматриваемой категории лиц позволит им не только получить необходимую медицинскую помощь, но и будет способствовать предупреждению совершения ими новых преступных деяний.

Ключевые слова: наркомания, преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, принудительное лечение, предупреждение преступлений.

Современная криминогенная ситуация в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ не дает оснований с оптимизмом смотреть в будущее. Данные официальной статистики за последние пять лет говорят о стабильном удельном весе противоправных деяний в сфере неза-

конного оборота наркотических средств и психотропных веществ в структуре преступности, который составляет 10%, ежегодно регистрируется около 200 тыс. таких деяний [1, с. 8]. Преступность и наркомания взаимообуславливают друг друга, при этом каждое явление выступает в роли одного из существенных порожда-

ющих и поддерживающих факторов. На сегодняшний день можно констатировать высокий уровень криминогенности наркомании, поскольку четко прослеживается тенденция увеличения количества лиц с зависимостью от новых потенциально опасных психоактивных веществ и с полинаркоманией, показателей отравления и смертности в результате потребления наркотиков [2, с. 18].

Многие наркозависимые совершают преступления в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, чтобы обеспечить себя очередной дозой наркотиков. Излечиться от наркомании самостоятельно они не могут, поэтому совершения ими новых преступных деяний избежать невозможно. В связи с этим изучение проблемы института принудительных мер медицинского характера, основанное на анализе уголовно-правовых норм является необходимым шагом для разработки эффективных мер предупреждения преступлений в рассматриваемой сфере.

Ориентир на денаркотизацию общества и борьбу с наркопреступностью — одно из приоритетных направлений деятельности всех субъектов общества и государства в современных условиях. На это ориентирует новая Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденная Указом Президента РФ от 23 ноября 2020 г. № 733. Важную роль в ее реализации играют предупреждение преступлений, дифференциация уголовной ответственности и индивидуализация наказания, обеспечение юридической ответственности, а также совершенствование системы медицинской и социальной реабилитации больных наркоманией.

В специальной литературе обозначены три классических модели предупреждения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, рассматривающие наркоманию как фоновое явление указанных преступлений [3, с. 74; 4, с. 122; 5, с. 31]:

Правовая модель, основанная на воздействии уголовно-правовых норм, в форме запрета, принуждении и санкций.

Медицинская модель базируется на подходе к наркомании как к болезни. К средствам пресечения, ограничения болезни на общесоциальном уровне относят санитарно-гигиенические, а на личностно-микросредовом — терапевтические меры.

Психосоциологическая модель видит в наркомании явление личностно-психологического характера, где

наркозависимый должен преодолеть психологическую зависимость от приема наркотиков, при этом детерминантами выступают социально-психологические факторы.

Каждое государство решает, на какой модели предупреждения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ будет основана деятельность субъектов противодействия наркотизму, как относиться к потребителям наркотиков и насколько жесткими должны быть меры к сбытчикам наркотиков. Выбор модели зависит от политических, экономических, эпидемиологических факторов, уровня международной напряженности и приоритетов в противодействии современной наркоситуации [6, с. 268].

Во многих государствах реализуется многофакторная (альтернативная) модель предупреждения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, где широко применяются меры уголовно-правового характера, предусматривающие лечебный элемент от наркомании. В качестве особой меры назначается принудительное лечение наркомании, в перечень целей такой меры включены обеспечение безопасности пациента для самого себя и окружающих, обеспечение безопасности общества, проведение лечебных мероприятий и мер социальной реабилитации в той мере, в какой это возможно в условиях медицинских учреждений, осуществляющих такое лечение.

На наш взгляд особый интерес представляет комплексное исследование, проведенное RAND в рамках Плана действий Европейского союза по наркотикам [7, с. 14]. В ходе исследования приведена классификация некарательных средств альтернативной ответственности, связанных с лечением от наркотической зависимости в отношении лиц, совершивших противоправные деяния. Среди таких мер поименованы, отсрочка исполнения приговора, испытательный срок, общественные работы, ограничение свободы, условно-досрочное освобождение и др. При этом предусмотрены вынужденные меры, предусматривающие медикаментозное лечение в принудительной форме, назначаемое как наряду с наказанием, так и без такового. Указанные меры предусмотрены нормами уголовного законодательства, а целью их применения является излечение (улучшение состояния) больного наркоманией, сокращение повторного совершения преступных деяний, недопущение негативного влияния наркозависимых на социум.

В нашей стране выбор многофакторной модели осложнен тем, что общество не готово к пониманию проблемы наркомании как болезни, обуславливающей тягу

к совершению преступлений. В качестве сдерживающей силы выступает уголовный закон, однако, без помощи медицины от этой серьезной болезни не избавиться. В Стратегии государственной антинаркотической политики предпринята попытка определения альтернативной модели предупреждения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ, предусматривающей сокращение распространения наркомании и правонарушений в рассматриваемой сфере до уровня минимальной опасности.

При всем многообразии уголовно-правовых мер, имеющих общую целевую направленность на обеспечение лечения наркомании и предупреждение совершения новых преступлений, действующее российское уголовное законодательство не предусматривает на прямую применение к наркозависимым, совершившим преступление принудительных мер медицинского характера. Уголовно-правовые нормы о прохождении курса лечения от наркомании содержатся в ст. ст. 72¹, 73 и 82¹ Уголовного кодекса РФ. Однако, одни предусматривают возложение обязанности пройти курс лечения от наркомании при назначении условного осуждения или наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества; другие, отсрочку отбывания наказания больным наркоманией. Очевидно, что без принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших преступление и нуждающихся в лечении от наркомании достигнуть эффективности предупреждения преступлений невозможно.

В 2003 году внесены изменения в уголовное законодательство, в результате чего из ст. 97 Уголовного кодекса РФ был исключен п. «г», предусматривающий применение принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, совершивших преступление и признанных нуждающимися в лечении от алкоголизма или наркомании. С того времени применение указанных мер прекратилось. Такое решение нельзя приветствовать.

Многие ученые считают, что подобное решение следует считать преждевременным и не до конца проработанным, поскольку за рамками профессиональной медицинской помощи осталось значительное количество осужденных, больных наркоманией [8, с. 101; 9, с. 30]. Другие, напротив, отмечают крайнюю неэффективность лечения наркотической зависимости, что является существенным обоснованием отмены принудительного лечения, поскольку вкладывать огромные материальные ресурсы бессмысленно [10, с. 203; 11, с. 81]. По нашему мнению, такое решение законодателя об отказе от принудительного лечения наркомании является ошибочным, оно лишь обострило криминальную ситуацию в стране. Значительная часть пре-

ступлений совершается под влиянием абстинентного синдрома или в состоянии наркотического опьянения.

Необходимо заметить, что позицию о необходимости принудительного лечения наркомании разделяют представители медицины [12, с. 18; 13, с. 122]. Их мнение обосновано специальными исследованиями, позволяющими говорить о физических и психологических последствиях наркомании, представляющих опасность не только для больного, но и для окружающих. Так, психологические последствия проявляются в перепадах настроения, галлюцинациях, паранойе, насилии, осложнении психических заболеваний, искажении восприятия окружающего мира, склонности к девиантному поведению. К физическим последствиям относят необратимые изменения в головном мозге, нарушения во всех системах организма, распространение ВИЧ-инфекции и гепатита С, негативные показатели инвалидности и смертности, рождение потомства с предрасположенностью к употреблению наркотиков на генетическом уровне.

Представители медицины отмечают, что на сегодняшний день наличествуют современные методики и программы лечения наркомании, среди которых медицинские, поведенческие и психосоциальные вмешательства (когнитивно-поведенческая терапия, суггестивная терапия, лазерная терапия, патогенетическая терапия, противорецидивная терапия). Выбор лечебной программы зависит от стоимости, графика, тяжести и продолжительности зависимости, возраста и пола больного, наличия психиатрических заболеваний, предыдущих попыток лечения. Применение недобровольной формы лечения обосновано тем, что у лиц, имеющих зависимость от приема наркотиков, отсутствует критическое отношение к своему здоровью, самостоятельно излечится от наркомании невозможно.

Исследование сложного института принудительных мер медицинского характера, немислимо без содержательного юридического анализа категории «принудительные меры медицинского характера». Это и понятно, поскольку главным направлением борьбы с наркопреступностью является предупреждение преступлений, устранение криминогенных факторов, детерминирующих преступное поведение.

В работах ученых-юристов, содержится характеристика института принудительных мер медицинского характера, освещаются проблемы их назначения и исполнения. Особое внимание отведено двойственной природе таких мер, включающих как юридическое, так и медицинское начало. Приведем ряд определенных «принудительные меры медицинского характера». Б.А. Протченко отмечает, что принудительные меры

медицинского характера представляют собой законно установленные медико-судебные меры, назначаемые в судебном порядке, ориентированные на восстановление психического здоровья лиц, совершивших общественно опасные деяния и предупреждения совершения ими новых преступных действий [14, с. 9]. С.Г. Келина рассматривая юридическую природу мер уголовно-правового характера указывает, что принудительные меры медицинского характера выступают в качестве формы реализации уголовной ответственности, поскольку являются правовым последствием совершения преступления, применяются исключительно судом, связаны с правоограничением и служат достижению целей специальной превенции [15, с. 284]. В.И. Горбцов под принудительными мерами медицинского характера понимает разновидность уголовно-правового принуждения, применяемого судом к лицам, нарушившим уголовно-правовой запрет <...> и нуждающимся в лечении от алкоголизма или наркомании, и заключающегося в принудительной реализации медицинского воздействия и специально-предупредительных мер в целях излечения или улучшения психического состояния этих лиц, предупреждения совершения или новых общественно опасных деяний, обеспечения безопасности как общества, так и больного, проведения мер социальной реабилитации [16, с. 42].

Ряд ученых под рассматриваемой категорией понимают социально-правовую и медико-реабилитацион-

ную меру безопасности [17, с. 14]; особую меру социальной защиты [18, с. 57], что обосновано медицинским характером принудительных мер и приоритетом гуманной цели излечения больного или улучшения его психического состояния.

Приведенных определений достаточно, чтобы сделать вывод о том, что необходимым условием постепенной ликвидации преступности, обеспечения предупреждения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ является возрастание роли института принудительных мер медицинского характера в отношении лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет и нуждающихся в лечении от наркомании. Посредством принудительного лечения указанной категории лиц общество ограждается от лиц, дезорганизирующих социальную дисциплину, а эти лица в свою очередь получают необходимую медицинскую помощь, что в конечном итоге способствует снижению их общественной опасности и предотвращению совершения общественно опасных деяний в будущем.

Исходя из изложенного, можно констатировать необходимость возвращения исключенной нормы о принудительных мерах медицинского характера в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния, признанных наркозависимыми и нуждающихся в лечении от наркомании в российское уголовное законодательство.

ЛИТЕРАТУРА

1. Состояние преступности в России. — М.: ГУПСИИТ Генеральной прокуратуры, 2020. — 62 с.
2. Здравоохранение в России. — М.: Федеральная служба государственной статистики. — 254 с.
3. Проценко Е.Н. Наркотики и наркомания: надежда в беде. — М.: Триада, 2019. — 166 с.
4. Козьяков Р.В. Постреабилитационные сообщества как основа организации процессов ресоциализации потребителей наркотиков: монография. — М.: Директ-Медиа, 2017. — 365 с.
5. Скочилов Р.В. Современные подходы к оказанию социальной и психологической помощи потребителям наркотиков. — СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2016. — 62 с.
6. Мальков С.М. Многофакторная (альтернативная) модель противодействия наркопреступности в Российской Федерации // материалы XXIV международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики». — Красноярск: Сибирский юридический институт МВД Российской Федерации, 2021. — С. 268–269.
7. Энтин М., Энтина Е. Политика ЕС в 2020–2024 году: прежний курс или обновление // Вся Европа и Люксембург. — 2019. — № 12 (146). — С. 14–17.
8. Шеслер А.В., Васеловская А.В. Правовая природа принудительных мер медицинского характера, соединенных с исполнением наказания // Вестник Кузбасского института. — 2021. — № 3(48). — С. 92–102.
9. Готчина Л.В. Об уголовной ответственности за наркопреступления и лечении лиц, больных наркоманией // Наркоконтроль. — 2017. — № 1. — С. 29–32.
10. Спасенников Б.А. Принудительные меры медицинского характера: история, теория, практика. — СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. — 410 с.
11. Назаренко Г.В. Принудительные меры медицинского характера. — М.: Академия народного хозяйства при Правительстве Российской Федерации: Дело, 2003. — 174 с.
12. Медицинская профилактика наркологических заболеваний. — М.: ООО «НьюТерра», 2015—154 с.
13. Константинов Д.П., Куркова Е.С., Петров А.Д. Потребность в совершенствовании организации оказания наркологической помощи на фоне роста потребителей синтетических наркотиков // материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Коморбидные состояния в психиатрии и наркологии». — Грозный, 2021. — С. 118–122.

14. Протченко Б.А. Принудительные меры медицинского характера. — М.: Юридическая литература, 1976. — 104 с.
15. Келина С.Г. Иные меры уголовно-правового характера» как институт уголовного права // материалы IV международной научно-практической конференции «Уголовное право: стратегия развития в XXI веке». — М.: Проспект, 2007. — С. 283–288.
16. Горбцов В.И. Юридическая природа принудительных мер медицинского характера // Уголовно-правовые средства борьбы с преступностью. Межвузовский сборник научных трудов. — Омск: Издательство Омской ВШМ МВД СССР, 1983. — С. 36–43.
17. Колмаков П.В. Сущность, цели и виды принудительных мер медицинского характера. — Сыктывкар: ИПО СГУ, 1999. — 96 с.
18. Михеев Р.И., Беловодский А.В., Воробей В.А., Михеев О.Р. Принудительные меры медицинского характера в уголовном праве. Социально-правовые и медико-реабилитационные меры безопасности. — Владивосток: Вит, 2000. — 296 с.

© Витовская Евгения Сергеевна (Jane-vit@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Кузбасский институт ФСИН России

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ОТКАЗА ОТ НАСЛЕДСТВА

Гаврилов Владимир Николаевич

К.ю.н., доцент, ФГБОУ ВО «Саратовская
государственная юридическая академия»
vladimirgavrilov@rambler.ru

Иванцова Алина Руслановна

ФГБОУ ВО «Саратовская государственная
юридическая академия»
alina-ivancova2001@mail.ru

SOME PROBLEMS OF THE IMPLEMENTATION OF THE RENUNCIATION OF INHERITANCE

**V. Gavrilov
A. Ivancova**

Summary. The article deals with the issues of the rejection of inheritance by heirs according to the latest Russian legislation. The authors address the issues and focus on the immutability and irrevocability of disinheritance. Problems related to invalid transactions are analyzed. Particular attention is paid to the protection of the rights of minors when they refuse inheritance. Suggestions are made on how to solve problems during the execution of this transaction.

In conclusion, it is concluded that it is necessary to resolve the problems associated with the institution of rejection of inheritance as soon as possible.

Keywords: heir, inheritance, rejection of inheritance, unilateral transaction, minors.

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы отказа наследников от наследства по новейшему Российскому законодательству. Авторы рассматривают вопросы и акцентируют свое внимание на неизменность и необратимость отказа от наследства. Анализируются проблемы, связанные с недействительными сделками. Особое внимание уделяется защите прав несовершеннолетних граждан при отказе от наследства. Высказываются предложения по решению проблем при оформлении данной сделки.

В заключение делается вывод о необходимости скорейшего решения проблем, связанных с институтом отказа от наследства.

Ключевые слова: наследник, наследование, отказ от наследства, односторонняя сделка, несовершеннолетние.

В современном мире быстрые изменения в политике, экономике порождают новые общественные и межличностные отношения. Частная собственность в настоящее время имеет огромное значение в жизни современного общества. Право частной собственности закреплено в Конституции Российской Федерации и служит основой рыночной экономики. Одной из важных гарантий права частной собственности является наследственное право. Несмотря на консервативность и стабильность данного института права,

происходит модернизация наследственных отношений в обществе. К сожалению, в наше время материальные стали преобладать над духовными ценностями. Этот фактор придает наследственным правоотношениям особую важность.

В 2002 году вступила в силу Часть третья Гражданского кодекса Российской Федерации, которая посвящена в большей части наследственным правоотношениям. В соответствии с нормами гражданского кодекса

наследники по всем основаниям наследования имеют право не только принять наследство, но и отказаться от него. При этом следует помнить, что за рамками закона стоят человеческие судьбы. Не всегда нормативно — правовые акты могут охватить все нюансы человеческих отношений, разногласий по поводу принятия и отказа от наследства.

Особое внимание следует уделить отказу наследника от наследства, которому посвящены статьи 1157–1160 ГК РФ. Согласно ст. 1157 ГК РФ наследник может отказаться от наследства в пользу других лиц или без указания лиц, в пользу которых он отказывается. Эти виды отказа от наследства называют направленным и обычным. По высказыванию В.Н. Гаврилова: «Отказ от наследства устраняет наследника от наследственного правопреемства, исключая его из числа наследников. В этом случае право наследования прекращается, не трансформируясь ни в какое другое право» [6]. Вызывает много вопросов в теории и практике п. 3 ст. 1157 ГК РФ. В.Н. Гаврилов отмечает, что «отказ от наследства не может быть впоследствии изменен (один вид отказа от наследства на другой вид) или взят обратно (т.е. формально или фактически принять наследство)» [6].

В Украинском же законодательстве предусмотрен отзыв отказа в течение шести месяцев со дня открытия наследства (п. 6 ст. 1273 ГК Украины).

Однако отказ от наследства может быть признан судом недействительным. Согласно п. 21 постановления Пленума Верховного суда от 29 мая 2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» сделки, направленные на установление, изменение или прекращение прав и обязанностей при наследовании (в частности, отказ от наследства), могут быть признаны судом недействительными в соответствии с общими положениями о недействительности сделок (§ 2 гл. 9 ГК РФ) и специальными правилами (раздел V ГК РФ) [3].

Как правильно отмечает О.А. Медвецкая: «Определенное юридическое своеобразие имеют споры, связанные с признанием недействительным отказов от наследства, совершенных под влиянием заблуждения» (ст. 178 ГК РФ) [7]. На это основание ссылаются многие истцы, оспаривая отказ от наследства. По ст. 178 ГК РФ заблуждение должно быть существенным. В теории гражданского права называется несколько условий существенности заблуждения. Однако в случае спора возникает много различных нюансов. Ведь точного критерия нет. Несмотря на обстоятельства, указанные в ст. 178 ГК РФ, не все судебные инстанции ясно представляют, что подразумевается под словом «заблуждение» как юридическим термином. В российском Гражданском кодексе остается открытым вопрос: как

поступать при выяснении воли заблуждавшегося лица? Надо ли учитывать не только объективные, но и субъективные причины? В данной ситуации пристальное внимание следует обращать на психологическое и психическое состояние участника сделки. Особенно это касается ситуации при оформлении отказа от наследства, когда человек находится в состоянии аффекта или другой стрессовой ситуации. К примеру, может ли женщина после смерти ребенка, находящаяся в тяжелом эмоциональном состоянии, полностью контролировать свои действия? Как здесь не воспользоваться ее состоянием мошенникам и уговорить написать отказ от наследства.

Или, допустим, близкие люди могут психологически повлиять на человека, зная слабые стороны характера наследника: жалость, милосердие, родительская слабость и т.п. И так же воспользоваться этой ситуацией. Вряд ли это тоже можно назвать «заблуждением».

Большие затруднения вызывает признание отказа от вступления в наследство недействительным на основании того факта, что то или иное лицо на момент отказа от наследства находилось в состоянии, которое не давало ему возможность адекватно оценивать значение своих действий (ст. 177 ГК РФ) [1].

Доказать в суде это очень трудно. Приведем типичный пример. Истец обратился в суд о признании отказа от наследства недействительным, ссылаясь на то, что в момент подписания сделки находился в крайне подавленном моральном состоянии и не понимал, что подписывает и что говорит нотариус. Однако суд отказал в иске на том основании, что истец не представил достоверных и допустимых доказательств [5].

Представляется, что в данной ситуации суд должен был встать на сторону истца, поскольку данное обстоятельство является убедительным основанием для удовлетворения иска.

Очень трудно представить в суде для подтверждения нестабильности психического состояния истца на момент совершения сделки неопровержимые доказательства, которые имели бы место при официальном оформлении заявления отказа от принятия и вступления в наследство. Доказательствами могут быть медицинские справки о состоянии своего здоровья в тот момент, когда был совершен отказ. В ряде случаев убедительными могут быть и показания свидетелей, а также письма, видео- и аудиозаписи. Хотя в судебной практике в большинстве случаев это удается далеко не каждому истцу, особенно, если у него нет грамотного адвоката.

В момент заключения сделки важна роль нотариуса, который обязан объяснить лицу во время подписания

отказа от наследства соответствующие правила. Статья 43 Основ законодательства РФ о нотариате разъясняет, что нотариус должен проверить дееспособность граждан [4]. Однако указанная норма несовершенно, что создает определенные трудности в судах при доказывании недействительной сделки.

Суды обычно ссылаются на то, что действие было совершено в нотариальной форме. Доверие к нотариусу лишает граждан возможности доказать в суде свое психическое состояние, которое имело непосредственное отношение в момент удостоверения сделки.

Желание завладеть имуществом и заставить написать «отказную», зачастую толкают людей, связанных семейными узами, на подлость, предательство и даже преступление. Что пагубно влияет на семью, к которой уже нельзя применить устоявшуюся фразу: «семья — ячейка общества». Вопросы наследования, связанные со смертью зачастую самых близких людей, в последнее время стали порождать семейные конфликты и многолетние судебные тяжбы. В частности, неправомерный отказ от наследства может сделать некоторых родственников обделенными и несчастными. Вот эту проблему следует решать на законодательном уровне не только нормами Гражданского Кодекса Российской Федерации, но и другими нормативно — правовыми актами.

Рассмотрим другой вопрос, который касается защиты несовершеннолетних при оформлении отказа от наследства. Данная сделка совершается в этом случае только с предварительного согласия органа опеки и попечительства (п. 4 ст. 1157 ГК РФ). Это положение конкретизируется в ст. 21 Федерального Закона от 24 апреля 2008 г. № 48 «Об опеке и попечительстве».

Достаточно большие проблемы возникают при осуществлении отказа от наследства несовершеннолетним, которое порождает различные проблемы при оформлении данной сделки. Прежде всего, законные представители должны руководствоваться ст. 64 СК РФ, по которой они должны защищать права и интересы детей [2]. Однако в реальной жизни это учитывается не всегда. Причин много — от неправильной оценки наследственного имущества до недобросовестности представителей несовершеннолетних. Возникшие коллизии следует решать на законодательном уровне.

Иногда на момент принятия наследства выясняется, что вместе с имуществом наследуются огромные долги наследодателя. В таком случае выгоднее отказаться от наследства, только при этом следует учитывать некоторые нюансы. Во — первых, эгоистическое соображение законного представителя, особенно если он сам

является наследником. Во — вторых, следует выявить все наследственное имущество. Несмотря на то, что несовершеннолетний с согласия своих родителей (родителя) или своего официального опекуна самостоятельно пишет об отказе от наследства, в обязательном порядке должно быть предоставленное органами опеки и попечительства разрешение на совершение такого действия. Для этого надо представить документы (ипотечные документы, расписки о долгах, договоры с банками) для доказательств о последующем ухудшении имущественного положения ребенка. Решение должно быть принято только после тщательного рассмотрения доказательств вместе с соответствующими обстоятельствами.

Однако защита прав несовершеннолетних органами опеки и попечительства ставят их в сильную зависимость и не может обеспечить весь объем прав, которые даны им по закону. Следует отметить отсутствие мысли о самостоятельности субъекта. А этот фактор чаще всего приводит к злоупотреблению своими правами законных представителей, а также органов опеки и попечительства. В виде исключения самостоятельность несовершеннолетних при оформлении отказа от наследства возможна, если полная дееспособность была ими получена при вступлении в брак до 18 лет либо при эмансипации (ст. ст. 21, 27 ГК РФ). В остальных случаях законодатели не считают с мнением данного субъекта. После потери близких ребенок оказывается в ситуации, когда от решения написать отказ от наследства зависит дальнейшее его материальное положение. В этом случае важно прислушаться к выбору несовершеннолетнего. Он такой же равноправный участник сделки, наравне со взрослыми. Педагогика и психология подростка совместно с наследственным правом должны учитывать эту проблему. Отметим, что современные дети более осведомлены происходящими событиями, вполне могут анализировать и защищать свои наследственные права. Считаем, что при оформлении отказа от наследства важно учитывать самостоятельность несовершеннолетних граждан.

Все вышесказанное позволяет прийти к выводу, что отказ от наследства — это сложный правовой институт, требующий осмысления. Трудность осуществления односторонней сделки в том, что наследник впоследствии не может изменить и отозвать свое заявление. Особую сложность представляет совершение сделки несовершеннолетними. При решении этих проблем законодательство должно учитывать быстрый темп современной жизни и своевременно решать возникающие вопросы по осуществлению отказа от наследства. Вселяет надежду то, что наследственное право не стоит на месте, постоянно развивается и в будущем сумеет преодолеть проблемы, возникающие в нашей многогранной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть третья: Федеральный закон от 26.11.2011 № 146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // СЗ РФ. 2001. № 49. Ст. 4552; 2019. № 12. Ст. 1224.
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ от 01.01.1996. № 1. Ст. 16.
3. Постановление Пленума Верховного Суда от 29 мая 2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» // Российская газета. 2012. № 127.
4. Основы законодательства РФ о нотариате (утв. ВС РФ 12.02.1993 № 4462-1) (ред. от 02.07.2021) // Российская газета. 13.03. 1993. № 49.
5. Апелляционное определение Верховного Суда Республики Татарстан от 25.04.2016 г. по делу № 33–7393/2016//СПС «Консультант Плюс» (дата обращения: 23.12.2021).
6. Гаврилов В.Н. Непринятие и отказ от наследства// Право и государство: теория и практика. 2010. № 4. 151с. — С. 47–50.
7. Медвецкая О.А. Недействительность отказа от наследства в судебной практике // Наследственное право. 2014. № 2. 48с. — С. 18–28.

© Гаврилов Владимир Николаевич (vladimirrgavrilov@rambler.ru), Иванцова Алина Руслановна (alina-ivanцова2001@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Саратовская государственная юридическая академия

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЧАСТНОПРАВОВЫХ ИНТЕРЕСОВ СУБЪЕКТОВ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА В 2021 ГОДУ: ДОСТИЖЕНИЯ И ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ

ON SOME ASPECTS OF THE LEGAL REGULATION OF PRIVATE LAW INTERESTS OF SUBJECTS OF CIVIL LAW IN 2021: ACHIEVEMENTS AND PROBLEMATIC ASPECTS

**A. Gudkov
V. Mishchenko**

Summary. In this article, the authors, analyzing the private law interests of subjects of civil law, noting their diversity, emphasize the importance of their legal regulation aimed at solving the problems of access to quality healthcare and social services, supporting families with children, older people, improving labor relations, which in general aimed at achieving a new quality of life for people.

The authors emphasize the importance of the changes made to the Constitution of the Russian Federation aimed at further improving social policy, which implements the dialectical unity of private and public interests, note the need for constant attention to the problematic issues of Russian reality — overcoming poverty, reducing inflation, counteracting coronavirus infection.

Keywords: citizens, interest, health, family, pensions, state, society, law, people's savings.

Гудков Анатолий Иванович
К.ю.н., доцент, ВЮИ ФСИН России
gudkovaniv@yandex.ru
Мищенко Вячеслав Иванович
К.ф.н., доцент, ВЮИ ФСИН России
vyacheslav-mischenko@mail.ru

Аннотация. В данной статье авторы, анализируя частноправовые интересы субъектов гражданского права, отмечая их многообразие, подчеркивают важное значение их правового регулирования, направленного на решение проблем доступности качественного здравоохранения и социального обслуживания, поддержку семей с детьми, людей старшего поколения, совершенствование трудовых отношений, что в целом направлено на достижение нового качества жизни людей.

Авторы подчеркивают значение изменений, внесенных в Конституцию РФ, направленных на дальнейшее совершенствование социальной политики, в которой реализуется диалектическое единство частных и публичных интересов, отмечают необходимость постоянного внимания к проблемным вопросам российской действительности — преодоление бедности, снижение инфляции, противодействие коронавирусной инфекции.

Ключевые слова: граждане, интерес, здоровье, семья, пенсии, государство, общество, закон, сбережение народа.

В Конституции РФ, принятой в 1993 году с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 года, прослеживается последовательный курс на укрепление суверенитета страны и достижения нового качества жизни российского народа. Уже в преамбуле Конституции РФ одной из важнейших целей ее принятия отмечается, что многонациональный народ России, чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, стремится обеспечить благополучие и процветание России [1].

Движущей силой многообразных, разноплановых действий и поступков субъектов гражданского права является интерес, который каждый субъект реализует по — разному, но, на наш взгляд, цель у всех одна, объ-

единяющая — благополучие гражданина, его семьи, родных и близких через добро и справедливость.

Частноправовые интересы людей действительно многообразны, что вытекает из их природы и зависит от возраста, образования, профессии, социального окружения, психологического настроения, занимаемой жизненной позиции (активной или пассивно — созерцательной). Согласно ч. 2 ст. 1 Гражданского кодекса РФ, граждане (физические лица) и юридические лица приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе, действуя при этом добросовестно в рамках существующих законов [2].

Однако важно отметить, что есть так называемые общечеловеческие ценности, которые гармонизируют

частные и публичные интересы: здоровье, доступность качественной медицинской помощи, защита материнства и детства, благоприятная экологическая обстановка, безопасные условия труда, дающие возможность каждому человеку зарабатывать и обеспечивать достойный образ жизни, надлежащее социальное обслуживание, достойное и комфортное жилье.

Работа по реализации этих ценностей направлена на создание в обществе условий для достойной жизни главной ценности и главной движущей силы всех преобразований общества и государства — человека труда. Собственно говоря, все названные ценности — это основные цели и направления деятельности государства, изложенные в статье 7 Конституции РФ, которая характеризует сущность социальной политики российского государства [1]. В реалиях современного развития государства и общества дальнейшее совершенствование социальной политики конкретизировано в 12 национальных проектах, утвержденных Указом Президента РФ от 7 мая 2018 года.

2021 год был ознаменован важными событиями в общественно — политической и социально — экономической жизни страны. В сентябре состоялись выборы депутатов Государственной Думы РФ — главного законодательного органа государства. Убедительную победу на выборах одержала «Единая Россия», которая, на наш взгляд, несмотря на критику в ее адрес, как справедливую, так и несправедливую, широко представлена в регионах и более конструктивно выстраивает свою политику, учитывая частноправовые интересы субъектов гражданского права, отражая их в предлагаемых законопроектах, например, об отмене обязательного техосмотра для личных автомобилей физических лиц, что позволит экономить семейный бюджет и время граждан, так как, по нашему мнению, аварийность на дорогах в большей степени зависит не от технического состояния транспорта, а от законопослушного поведения участников дорожного движения.

В сфере экономики благодаря системной законодательной работе, своевременной поддержке ключевых отраслей экономики, предпринимательского сообщества, включая малый и средний бизнес, объем экономики РФ превысил докризисный уровень, а валовый внутренний продукт вырос на 4,7%. То есть, экономика не только вернулась на докризисный уровень, но и превысила его. Отметим, что и рынок труда показал положительную динамику: безработица составила 4,8%, в то время как в декабре 2020 года она была на уровне 5,9%. По нашему мнению, немаловажную роль в снижении уровня безработицы сыграли внесенные изменения в Трудовой Кодекс РФ, узаконившие правовой механизм удаленной работы.

Подчеркнем также, что в истекшем году приняты важные законы об индексации материнского капитала на величину реальной инфляции, о повышении прожиточного уровня и минимального размера оплаты труда, активно реализуется программа социальной газификации в населенных пунктах страны, что позволит снизить финансовую нагрузку на домохозяйства и сделать проживание в их жилищах более комфортным.

Особо отметим, что важнейшей задачей всей организационной и законодательной работы органов государственной власти всех уровней является сбережение народа. И 2021 год ознаменовался напряженной и содержательной работой законодательной и исполнительной ветвей власти РФ, субъектов РФ, органов местного самоуправления, общественных, благотворительных организаций по преодолению и минимизации последствий пандемии коронавируса, что потребовало принятия важных законодательных решений в социальной сфере по укреплению материальной базы учреждений здравоохранения, созданию современных вакцин, наращивания производства необходимых и безопасных медицинских препаратов, укомплектования медицинских учреждений квалифицированными кадрами, дополнительного материального стимулирования врачей, специалистов среднего и младшего медицинского звена, работающих в ковидных отделениях и госпиталях.

В результате принятых организационно — правовых мер в стране были созданы и зарегистрированы четыре отечественных вакцины, обеспечена повсеместная доступность для вакцинации всех граждан страны. Однако несмотря на активную и содержательную социальную рекламу, обращение к населению видных представителей медицинского сообщества, например, таких как доктор Рошаль, россияне неоднозначно отнеслись к вакцинации.

Многие россияне отказывались вакцинироваться, аргументируя свою позицию добровольностью данной процедуры. В какой-то момент многие наши сограждане стали экспертами в области эпидемиологии. Распространение получили слухи о вреде и качестве вакцины, не основанные на доказательной медицине. Для стимулирования активности населения, подчеркнем, к добровольной вакцинации, было принято Постановление Правительства РФ от 10.08.2021 № 1324 «Об эксперименте по проведению стимулирующего мероприятия для граждан, принявших участие в вакцинации от новой коронавирусной инфекции» [3]. Названным документом было предусмотрено стимулирующее мероприятие, основанное на розыгрыше уникальных номеров регистровых записей о лицах, иммунизированных вакцинами, зарегистрированными в РФ. Для участников розыгрыша, уникальные номера которых

будут признаны выигравшими, была предусмотрена одна тысяча денежных призов по 100 тысяч рублей каждый. В Москве и Московской области в качестве побуждения к вакцинации разыгрывались даже квартиры. В силу различия в уровне социально-экономического развития регионов и наполняемости региональных бюджетов в остальных регионах РФ также принимались поощрительные меры для вакцинированных граждан, хотя и более скромные.

Справедливости ради, необходимо отметить, что в первой половине года отмечалась неритмичность, а то и перебои поставок вакцины в регионы. Особенно заметно это происходило в летний период, когда санатории и курорты, как отечественные, так и зарубежные, принимали только вакцинированных граждан. На наш взгляд, это во многом было связано со сложным правовым механизмом проведения процедуры торгов для государственных нужд. С тем, чтобы ускорить, минимизировать сроки проведения торгов для обеспечения государственных нужд, Указом Президента РФ от 02.09.2021 N510 был утвержден порядок подготовки проектов правовых актов Правительства РФ об определении единственного исполнителя закупок в 2021–2022 годах вакцин для профилактики коронавируса [4].

Осуществление мер по защите здоровья граждан страны — одна из главных задач социальной политики, которая проводится системно и последовательно, однако в настоящее время решается не без проблем. Следует отметить, что намеченные планы государства по созданию коллективного иммунитета против COVID-19 оказались невыполненными. И к началу осени 2021 года в России поднялась новая волна заболеваемости коронавирусной инфекцией. Начиная с конца сентября 2021 года, в стране наблюдался устойчивый рост числа заболевших новой коронавирусной инфекцией. С максимальной нагрузкой работали учреждения здравоохранения, в ковидных госпиталях не хватало мест, наблюдался рост смертности. Главными причинами сложившейся ситуации в правительстве назвали несоблюдение ограничительных мер и недостаточные темпы вакцинации. Чтобы снизить интенсивность контактов населения, разорвать цепочку передачи инфекции, активизировать вакцинацию и тем самым стабилизировать ситуацию, Указом Президента страны был введен кратковременный локдаун — с 30 октября по 7 ноября 2021 года.

В ноябре 2021 года Правительство направило в Госдуму законопроекты об использовании QR-кодов в общественных местах и на некоторых видах транспорта. В середине декабря 2021 года законопроект о QR-кодах в общественных местах был рассмотрен в первом чтении, и, хотя его поддержали 329 депутатов, в условиях стремительного распространения нового

омикрон — штамма законопроект снят с рассмотрения. После обсуждения в Госдуме документ был повторно направлен в регионы, Совет Федерации и правительство для более глубокой проработки вопроса, чтобы не нарушать права граждан. Как нам представляется, проблема пока не решена, требует глубокого анализа ситуации с распространением нового штамма коронавируса, на основе которого и будут приниматься законодательно — организационные меры реагирования.

По нашему мнению, несмотря на то что введение QR-кодов не закреплено на уровне федерального законодательства, в зависимости от эпидемиологической ситуации систему QR-кодов самостоятельно могут вводить региональные власти. Но главный способ защитить себя, своих близких, вернуться к привычному образу жизни — это активная вакцинация населения для формирования коллективного иммунитета.

Еще один важный вопрос, требующий решения, находящийся в компетенции Российской Федерации, это индексация пенсий. Следует отметить, что реформа пенсионной системы была расценена подавляющим большинством россиян, как отход государства от декларируемых принципов социальной политики. По данным Счетной палаты РФ, в 2021 году в России было 42,6 млн. пенсионеров, из них 8,6 млн. человек продолжали работать. При этом пенсии неработающих пенсионеров ежегодно индексируются на величину, превышающую уровень инфляции.

В 2022 году пенсии неработающим пенсионерам были проиндексированы на 5,9%, что ниже уровня инфляции, которая составила 8,4%. В начале 2022 года Президент РФ на совещании с членами Правительства поручил проработать вопрос об индексации пенсий неработающим пенсионерам на 8,6%. Это, на наш взгляд, яркое свидетельство справедливого правового регулирования частнопубличных интересов. Для решения данного вопроса потребуются внесение изменений в Закон о бюджете страны на 2022 год. Всего на повышение пенсий с учетом дополнительной индексации из бюджета будет израсходовано 549 млрд. рублей.

Что касается индексации пенсий работающих пенсионеров, отметим, во-первых, что с 2015 года их пенсии не индексируются. Во — вторых, принятые в 2020 году по итогам всенародного голосования поправки к Конституции РФ содержат положение об обязательной ежегодной индексации пенсий, и при этом поправка не делит пенсионеров на работающих и неработающих.

Эти вопросы с повестки дня не снимаются, но и не решаются, хотя по итогам пресс — конференции Президента РФ 17 декабря 2020 года Правитель-

ству РФ было поручено до 1 февраля 2021 года представить предложения по вопросу индексации пенсий работающих пенсионеров. Безусловно, конституционные положения должны наполняться конкретным содержанием, то есть исполняться надлежащим образом. Однако, по нашему мнению, отсрочка реализации данной нормы Основного закона страны объясняется сложностями, связанными с восстановлением экономики в 2021 году. Полагаем, что этот вопрос может быть решен в условиях профицитного бюджета.

Среди проблемных аспектов правового регулирования следует назвать низкие доходы людей, преодо-

ление бедности, переселение граждан из ветхого и аварийного жилья, наведение правового порядка в сфере ЖКХ, снижение инфляции. Эти непростые вопросы должны находиться в зоне постоянного внимания как законодательной, так и исполнительной власти.

В заключение подчеркнем, что от качества правового регулирования частноправовых интересов зависит социальное самочувствие российских граждан, качество жизни простых россиян, их доверие и уважение к власти всех уровней, активное участие в созидательной — преобразовательной деятельности на благо России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС Консультант Плюс. Дата обращения 15.01. 2022 года.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 08.12.2020) // СЗ РФ. 1994. N32. Ст. 3301.
3. Постановление Правительства РФ от 10.08.2021 № 1324 «Об эксперименте по проведению стимулирующего мероприятия для граждан, принявших участие в вакцинации от новой коронавирусной инфекции» // СПС Консультант Плюс. Дата обращения 15.01. 2022 года.
4. Указ Президента РФ от 02.09.2021 N510 «О внесении изменения в Порядок подготовки проектов правовых актов и поручений Президента Российской Федерации, проектов правовых актов Правительства Российской Федерации об определении единственного поставщика (подрядчика, исполнителя) товаров, работ, услуг при осуществлении их закупок для государственных нужд, утвержденный Указом Президента Российской Федерации от 14 сентября 2020 г. № 558» // СПС Консультант Плюс. Дата обращения 15.01. 2022 года.

© Гудков Анатолий Иванович (gudkovaniv@yandex.ru), Мищенко Вячеслав Иванович (vyacheslav-mischenko@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОДЕРЖАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ ОСУЖДЕННЫМ К ЛИШЕНИЮ СВОБОДЫ И ЕЕ ХАРАКТЕРНЫЕ ПРИЗНАКИ

THE CONTENT OF SOCIAL ASSISTANCE TO CONVICTS SENTENCED TO DEPRIVATION OF LIBERTY AND ITS CHARACTERISTIC FEATURES

T. Yenikeeva

Summary. More than 200,000 people are released from places of deprivation of liberty every year. In this connection, the issues of their preparation for release and the provision of various types of social assistance to them, which directly affect social adaptation in society, are of particular interest, both in the field of scientific research and in law enforcement practice. However, in the process of research, the author comes to the conclusion that despite the differences in the wording of the concepts of “social work with convicts” and “social assistance to convicts”, they are used in the same semantic meaning, or without a clear differentiation. The consequence of this approach is the identification of these concepts in a number of components: subjects, objects, results. In this regard, the author clarifies the content of the definition of social assistance to convicts, and provides its characteristic features. According to the author, the most important prerequisite for social assistance to convicts is the need to solve social issues and problems, and the direction of providing social assistance to convicts is the key to ongoing social work in places of deprivation of liberty.

Keywords: convicts, social assistance, imprisonment, social protection group, signs of social assistance.

Еникеева Татьяна Эрнстовна

УФСИН России по Смоленской области; адъюнкт,
Академия ФСИН России, г. Рязань
enik-tatjana@rambler.ru

Аннотация. Ежегодно из мест лишения свободы освобождается более 200 тысяч человек. В связи с чем, вопросы их подготовки к освобождению и оказания им различных видов социальной помощи, непосредственным образом влияющих на социальную адаптацию в обществе, представляют особый интерес как в области научных исследований, так и в правоприменительной практике. Однако, в процессе исследования автор приходит к выводу о том, что, несмотря на различия формулировок понятий «социальная работа с осужденными» и «социальная помощь осужденным», они используются в одном смысловом значении либо без четкой дифференциации. Следствием указанного подхода является отождествление указанных понятий по ряду компонентов: субъектам, объектам, результату и т.д. В этой связи, автором уточняется содержание дефиниции социальной помощи осужденным и приводятся ее характерные признаки. По мнению автора, важнейшей предпосылкой социальной помощи осужденным выступает нуждаемость в решении социальных вопросов и проблем, а направление по оказанию социальной помощи осужденным является ключевым в проводимой социальной работе в местах лишения свободы.

Ключевые слова: осужденные, социальная помощь, лишение свободы, социальная работа, группа социальной защиты, признаки социальной помощи.

Следует отметить, что идеи о необходимости оказания социальной помощи заключенным осознавались уже в дореволюционной России. Пожалуй, одно из наиболее ярких и известных высказываний по этому поводу принадлежит первому начальнику Главного тюремного управления М.Н. Галкину-Враскому, который, изучая состояние тюремного вопроса в западной Европе, отметил, что люди, покидающие тюрьмы, возвращаются в общество или окончательно больными, или неспособными ни к какому труду, или еще более развращенными и преступными, чем были при своем заключении, а тюрьмы служат для них или физической заразой, или высшей школой всевозможных преступлений [1, с. 7–8]. В свое время идеи возвращения в общество человека, совершившего преступление, с укрепленными нравственными началами, приученного к труду и порядку и, главное, небезразличного обществу, высказывались также русскими

учеными-юристами Н.С. Таганцевым [2, с. 98], С.В. Познышевым [3, с. 22]. Указанные идеи не утратили своей актуальности по сей день.

Несмотря на то, что традиции оказания помощи в условиях изоляции от общества имеют глубокие исторические корни, пенитенциарная социальная работа относится к формирующейся отрасли знаний, правовые основы которой были заложены лишь в 90-х годах прошлого века в связи с произошедшими социально-экономическими преобразованиями в российском обществе. Указанные преобразования не могли не коснуться и уголовно-исполнительной системы. В 1997 году в связи с принятием Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации был существенно расширен перечень прав осужденных, в первую очередь, было закреплено право на получение в период лишения свободы пенсий и социальных пособий на общих осно-

ваниях, подтверждено право на учет трудового стажа для последующего назначения пенсий, определены обязанности администрации исправительного учреждения по подготовке осужденных к освобождению. Что, в свою очередь, потребовало издания правовых актов по вопросам социальной работы с осужденными как одного из направлений работы с населением, определения штатных структур, ответственных за ее проведение. Процесс институализации профессиональной деятельности по оказанию осужденным социальной помощи был начат с изданием приказа ГУИН Минюста России от 30.03.2000 № 41, которым в примерную структуру исправительных учреждений, лечебно-профилактических учреждений, следственных изоляторов была введена группа социальной защиты и учета трудового стажа осужденных.

Наиболее активно процесс по назначению на должности специалистов по социальной работе был начат в 2002 году в связи с изданием приказа ГУИН Минюста России от 28.03.2002 № 73, утвердившего первое Положение о группе социальной защиты и учета трудового стажа осужденных и определившего четкую структуру группы.

Достаточно распространенным подходом, сложившимся в начале 2000-х годов, в основном среди ученых-пенитенциаристов, и используемым ими по сей день, является подход, при котором понятия «социальная работа с осужденными» и «социальная помощь осужденным» используются в одном смысловом значении без разграничения, ввиду чего результат социальной работы отождествляется с результатом социальной помощи. Аналогичные тенденции наблюдаются и в отношении субъектов, объектов рассматриваемых понятий. В связи с чем, важным направлением научной мысли является уточнение содержания и сущности социальной помощи осужденным к лишению свободы, а также выявление его характерных признаков, позволяющих отделять ее от проводимой в исправительном учреждении социальной работы.

Прежде чем приступить к их рассмотрению, отметим, что уточнение дефиниции социальной помощи осужденным осложняется тем, что в действующем уголовно-исполнительном законодательстве Российской Федерации, ведомственных правовых актах Минюста России не содержится указанного понятия, а содержащаяся в Федеральном законе от 17.05.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» формулировка предполагает получение осужденными социальной помощи исключительно в форме социальных выплат в связи с нахождением последних на полном государственном обеспечении, и отсутствием проблем жизнеобеспечения (наличие питания, помещений для проживания).

В отечественной научной литературе понятия «социальная работа с осужденными» и «социальная помощь осужденным» получили широкое распространение в 2000-х годах. При их рассмотрении наиболее часто используются понятия, сформулированные в указанный период времени, не претерпевшие существенных изменений, не противоречащие друг другу, и раскрывающие отдельные стороны указанных понятий. Так, согласно одному из них, под социальной работой с осужденными понимается специфический вид деятельности по оказанию осужденным социальной помощи, их поддержке и защите в целях их исправления и ресоциализации [4, с. 25]. По мнению ряда авторов, сущность социальной работы с осужденными заключается в выходе индивида из трудной жизненной ситуации и активизации его собственных ресурсов [5, с. 21]. В этой связи Г.П. Медведева указывает на ошибочность подхода, при котором социальная работа рассматривается в усеченном варианте как оказание помощи лицам, оказавшимся в трудной жизненной ситуации, и отмечает, что наиболее полно раскрывающими сущность и значение социальной работы являются определения, в которых социальная работа рассматривается как деятельность, обеспечивающая нормальное функционирование и развитие личности, поддержание социальных отношений [6, с. 10–11].

В научной литературе понимание социальной помощи осужденным сводится к двум подходам в зависимости от момента ее оказания. При первом из них авторы связывают ее оказание с моментом поступления в исправительное учреждение и стадией отбывания наказания. При втором подходе авторы конкретизируют момент ее оказания стадией подготовки к освобождению и периодом нахождения лица на свободе непосредственно после освобождения из исправительного учреждения.

В свою очередь, представители первого подхода под социальной помощью осужденным понимают: совокупность социально-экономических и идеологических мер, направленных на создание предпосылок для исправления, оказания материальной и иной помощи [7, с. 50]; разносторонние социальные меры по содействию, поддержке, консультированию, иным услугам, оказываемым как социальной службой исправительного учреждения, так и (или) иными субъектами осужденным и их группам для преодоления трудных жизненных ситуаций в процессе исправления и ресоциализации [4, с. 23]; систему разносторонних социальных мер в виде содействия, поддержки, услуг, оказываемых осужденным или их группам социальной службой исправительного учреждения для преодоления жизненных трудностей и адаптации в обществе [5, с. 21].

Вместе с тем, приведенные формулировки не вносят ясность относительно содержания перечисленных

компонентов социальной помощи осужденным: мер поддержки, содействия, услуг, иных услуг, иных субъектов, к которым может быть отнесен большой круг лиц, а также не позволяют четко разграничивать социальную помощь с другими направлениями социальной работы. В научной литературе указанный вопрос проясняется лишь частично. Так, отдельные авторы, не раскрывая дефиниции социальной услуги, относят к их числу, например, деятельность по оформлению осужденным документов для назначения пенсий, социальных пособий, паспортов.

В настоящее время в научной литературе нет однозначного толкования понятия «социальная поддержка». Отдельные авторы указывают на его терминологическую непроработанность в нормативно-правовых документах и научной литературе [8, с. 6–8]. Однако, большинство авторов, выделяющих указанное понятие, считают, что она оказывается гражданам, попавшим в кризисное положение, в форме денежных выплат, предоставления информации и в отличие от социальной помощи носит кратковременный, частичный характер.

По мнению М.С. Рыбака, Г.Д. Долженковой и др. авторов, представляющих второй подход, социальная помощь может быть оказана осужденному посредством деятельного участия в трудовом, бытовом устройстве, оказания мер социальной поддержки, помещения в различные учреждения, при осуществлении контроля за лицами, освободившимися от отбывания наказания [9, с. 434, 10 с. 72, 11 с. 32].

Однако, согласиться с указанной формулировкой в настоящее время нельзя, так как подобный подход исчерпал себя и не соответствует сложившейся практике оказания социальной помощи осужденным по широкому кругу вопросов, начиная с момента поступления в учреждение. К числу новых направлений социальной помощи можно отнести деятельность по подготовке специалистами по социальной работе исковых заявлений в суд для реализации прав осужденных из числа детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, на получение жилых помещений, решение вопросов о перерасчете сумм за жилищно-коммунальные услуги и др.

Одной из последних тенденций является выделение отдельными авторами нового направления в пенитенциарной социальной работе — адресной социальной помощи осужденным, под которой понимается помощь, оказываемая лишь нуждающимся в ней осужденным и их группам в определенных формах [12, с. 69]. Формулируя указанное направление, авторы, во-первых, формулируют характерные для социальной помощи признаки нуждаемости и адресности.

Во-вторых, основной акцент в исследованиях указанных авторов сделан на период отбывания наказания, начинается с момента поступления в исправительное учреждение. В-третьих, в вышеуказанных исследованиях обсуждаются реально существующие в практической плоскости проблемы отсутствия стандартов в области оказания социальной помощи осужденным.

Все сказанное выше позволяет утверждать, что приведенные подходы в понимании содержания понятий «социальной помощи осужденным», «адресной социальной помощи осужденным» указывают на их тождественность, так как критерий адресности рассматривается в теории социальной работы в качестве одного из существенных признаков социальной помощи.

Остановимся на его рассмотрении, а также выделим другие характерные для социальной помощи осужденным признаки. Адресность предполагает нацеленность субъекта оказания социальной помощи на разрешение конкретной жизненной ситуации нуждающегося лица. Иными словами, любой вид социальной помощи предполагает адресность. Другой вопрос, что степень адресности может быть различной в зависимости от видов ее оказания. Наибольшую степень адресности имеют индивидуальные формы оказания социальной помощи, например сбор документов для назначения пенсий, социальных пособий, наименьшую — помощь, оказываемая в групповых формах (оказание помощи в составлении документов правового характера определенной группе осужденных).

Под нуждаемостью понимается неспособность лица разрешить имеющуюся у него социальную проблему своими силами без помощи извне. В отличие от социальной помощи социальная работа как вид деятельности может и не учитывать признак нуждаемости, поскольку имеет ярко выраженную информационно-разъяснительную направленность и предполагает консультирование осужденных в групповых формах, в ходе которого осужденные получают лишь руководство по решению своих вопросов и проблем. То есть, по сути, социальная работа сводится к выполнению администрацией обязанностей, возложенных на нее законодательством и ведомственными актами, в отношении всех категорий осужденных.

Другим характерным признаком социальной помощи является четкий, осязаемый результат по разрешению конкретных социальных вопроса или проблемы нуждающегося осужденного, имеющих существенное значение для его будущей успешной социальной адаптации (разрешение вопросов о предоставлении жилья, трудоустройстве в конкретной организации, обеспе-

чение постоянными источниками средств к существованию посредством назначения пенсий, социальных пособий, восстановление родственных связей). То есть, речь идет о конкретных свойствах объекта или предмета социальной помощи, который в отличие от предмета социальной работы имеет более узкую направленность.

Кроме того, оказать социальную помощь осужденному, имеющую конечный результат в виде разрешения имеющихся социальных вопросов и проблем, способен лишь ограниченный круг субъектов в исправительном учреждении, к которым относятся сотрудники и работники из числа гражданского персонала: группы социальной защиты — по широкому кругу вопросов; отделов (групп) специального учета — в решении вопросов оформления паспортов граждан Российской Федерации, свидетельств о рождении; медицинской службы — в прохождении медико-социальной экспертизы для признания осужденного инвалидом и последующего назначения пенсии и других социальных выплат. Все остальные сотрудники исправительных учреждений, выполняя свои непосредственные обязанности, являются субъектами социальной работы. В связи с чем, представляется неверной точка зрения, при которой субъекты социальной работы отождествляются с субъектами социальной помощи [12, с. 69, 13 с. 4–5]. Учитывая, что деятельность по оказанию социальной помощи осужденным осуществляется на профессиональной основе, участие в ней священнослужителей, представителей ОНК, родственников осужденных в качестве отдельных субъектов представляется весьма спорным, что однако не исключает их участия на одной из стадий разрешения социальной проблемы. Вместе с тем, положительный результат социальной помощи предопределяется активными действиями специалиста по социальной работе, инициировавшего и координирующего процесс помощи до фактического разрешения социальной проблемы.

Для процесса помощи характерна динамичность, так как ее оказание обусловлено конкретными обстоятельствами социальной проблемы лица, вследствие чего решение одного и того же вопроса при различных обстоятельствах может существенно различаться. В данном случае, деятельность специалиста по социальной работе по поиску оптимальных вариантов решения социальных проблем носит постоянный характер, что, в свою очередь, позволяет в каждом случае оказывать социальную помощь с применением новых подходов. Зачастую, процесс оказания социальной помощи требует существенных временных затрат. Ввиду чего, к социальной помощи осужденным не может быть отнесена, например деятельность школ подготовки осужденных к освобождению, кон-

сультированию осужденных, выполнению обязанностей на стадии подготовки к освобождению, как не содержащая совокупности ее обязательных признаков. Деятельность указанных школ характеризуется шаблонностью в виде повторяющейся тематики занятий и направлена на повышение уровня информированности осужденных по социально значимым вопросам. В то время как имеющиеся у них социальные проблемы остаются неразрешенными. В связи с чем, наиболее приемлемым подходом является не только проведение занятий с осужденными в групповых формах, но и оказание адресной (индивидуальной) социальной помощи в разрешении имеющихся у них социальных проблем задолго до освобождения как условия формирования устойчивых предпосылок для будущей успешной социальной адаптации в обществе.

Проанализировав содержащиеся в научной литературе формулировки понятия «социальная помощь осужденным», а также его характерные признаки, отметим, что оно нуждается в уточнении, так как включение в его состав социальных мер в виде содействия, поддержки, услуг, иных субъектов приводит к размытости границ рассматриваемого понятия и неоправданному расширению его объема.

Исходя из этого, можно предложить следующее определение: социальная помощь осужденным — это адресная профессиональная деятельность администрации исправительного учреждения по решению социальных вопросов и проблем нуждающихся осужденных, проводимая в целях создания предпосылок для успешной социальной адаптации в обществе и получения навыков оказания самопомощи.

В заключение отметим, что оказание социальной помощи осужденным в период отбывания лишения свободы является ключевым направлением проводимой социальной работы и разграничивается с ней совокупностью характерных признаков, узким кругом субъектов, специфическим объектом и предметом. Ведущим субъектом социальной помощи выступает специалист по социальной работе исправительного учреждения, так как характер и, соответственно, результат оказываемой им помощи связан с разрешением широкого круга вопросов, во многом предопределяется его инициативой и активными действиями. Нуждаемость выступает важнейшей предпосылкой для оказания социальной помощи, однако может не осознаваться самим осужденным и не порождать у него заинтересованность, поэтому посредством социальной работы реализуется функция информирования, обеспечивающая активное включение лица в процесс помощи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галкин-Враской М.Н. Материалы к изучению тюремного вопроса. — СПб.: Типография Второго отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1868. 188 с.
2. Таганцев Н.С. Русское уголовное право: лекции: часть общая: в 2 т. — М.: Наука, 1994. 393 с.
3. Познышев С.В. Очерки тюремоведения. 2-е изд. — М.: Мысль. 1915. 289 с.
4. Лузгин С.А., Кузнецов М.И., Казанцев В.Н. и др. Социальная работа в уголовно — исполнительной системе: Учеб. пособие / под общ. ред. Калинина Ю.И. — 2-е изд., испр. — Рязань: Академия права и управления ФСИН России, 2006. — 354 с.
5. Ананьев О.Г., Казанцев В.Н., Кийко Н.В. и др. Социальная работа в исправительных учреждениях: Учеб. пособие. — 2-е изд., испр. — Рязань: Book Jet, 2020. — 300 с.
6. Медведева Г.П. Социальная работа как вид деятельности общества: Монография. — М.: РГСУ, 2017. 250 с.
7. Лукьянчук Е.О. Понятие и периоды становления института социальной помощи осужденным в отечественной пенитенциарной практике// Человек: преступление и наказание, 2007. № 1. С. 50–53.
8. Фомин А.А. Законодательная конструкция «социальная помощь малоимущим»: содержание и соотношение со смежными правовыми понятиями // Российская юстиция. 2019. № 2. С. 6–8.
9. Рыбак М.С. Ресоциализация осужденных к лишению свободы: проблемы теории и практики. 2-е изд., испр. и доп. — Саратов. ГОУ «Саратовская государственная академия права», 2004. 480 с.
10. Долженкова Г.Д. Социальное обеспечение как один из факторов, влияющих на социальную адаптацию осужденных к лишению свободы: Монография. — М.: НИИ УИС Минюста Российской Федерации, 2004. 136 с.
11. Антипов А.Н., Жияев Р.М., Медведева И.Н. и др. Глоссарий основных понятий и терминов уголовно-исполнительного права: методическое пособие / под ред. А.Н. Антипова. Москва: ФКУ НИИ ФСИН России, 2020. 44 с.
12. Ананьев О.Г., Кузнецов М.И. Адресная социальная помощь осужденным//Ведомости уголовно-исполнительной системы, 2019. № 11 С. 68–70.
13. Кузнецов М.И., Ананьев О.Г. Социальная работа с осужденными в ИУ: учеб. Пособие для начинающих специалистов по социальной работе УИС — Рязань: Академия ФСИН, 2006. 131 с.

© Еникеева Татьяна Эрнстовна (enik-tatjana@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Рязань

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО КАК ВИД АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ

REPRESENTATION AS A TYPE OF ADVOCACY: LEGAL PROBLEMS

I. Zakharova

Summary. This article examines the issue of legal problems of representation by lawyers of their clients in the provision of legal assistance, including the protection of rights and legitimate interests in civil and criminal proceedings. According to the author, there are gaps and contradictions in the legislation that prevent lawyers from protecting the rights and legitimate interests of their principals in full. Procedural law provides for the obligation of lawyers to confirm their powers with a certified power of attorney, which entails the impossibility of conscientious, comprehensive execution of the order, if the lawyer is appointed as a representative by the court. With the participation of a lawyer to protect the rights of the defendant, whose place of residence and location has not been established by the court, the lawyer is limited in procedural rights, since he does not have the opportunity to properly issue a number of powers.

Keywords: legal aid, lawyer, advocacy, representation, civil proceedings, power of attorney, principal, lawyer community, by appointment of the court, process, parties, criminal proceedings.

Захарова Ирина Валентиновна

Аспирант, Новосибирский государственный университет экономики и управления «НИНХ»; адвокат, Адвокатская палата Новосибирской области, г. Новосибирск
ziv_1974@mail.ru

Аннотация. В данной статье исследуется вопрос о правовых проблемах осуществления представительства адвокатами своих клиентов при оказании юридической помощи, в том числе при защите прав и законных интересов в гражданском и уголовном судопроизводстве. По мнению автора, в законодательстве имеются пробелы и противоречия, которые препятствуют осуществлению адвокатами защиты прав и законных интересов своих доверителей, в полном объеме. Процессуальное право предусматривает обязанность адвокатов подтверждать свои полномочия удостоверенной доверенностью, что влечет невозможность добросовестного, всестороннего исполнения поручения, если адвокат назначен, в качестве представителя судом. При участии адвоката по защите прав ответчика место проживания и нахождение которого судом не установлено, адвокат ограничен в процессуальных правах, поскольку не имеет возможности надлежаще оформить ряд полномочий.

Ключевые слова: юридическая помощь, адвокат, адвокатская деятельность, представительство, гражданское судопроизводство, доверенность, доверитель, адвокатское сообщество, по назначению суда, процесс, стороны, уголовное судопроизводство.

В современном обществе отношения представительства все больше приобретают особую значимость. Данное обстоятельство обусловлено, в первую очередь, развитием рыночных отношений, а также, постоянным реформированием законодательства и расширением сферы гражданских отношений.

Правоотношения между представителем и представляемым, а также оформление их полномочий регламентируется главой 10 ГК РФ.

Однако, в указанной главе речь идет о совершении сделки представителем от имени и в интересах представляемого лица. Так, ст. 182 ГК РФ изложена следующим образом: сделка, совершенная одним лицом (представителем) от имени другого лица (представляемого) в силу полномочия, основанного на доверенности, указании закона либо акте уполномоченного на то государственного органа или органа местного самоуправления, непосредственно создает, изменяет и прекращает гражданские права и обязанности представляемого.

Полномочие может также явствовать из обстановки, в которой действует представитель (продавец в розничной торговле, кассир и т.п.).[1]

Между тем, представление интересов представляемого в отношениях с третьими лицами, далеко не всегда является сделкой. В связи с чем, законодатель дает понятие не самого представительства, а основания возникновения прав и обязанностей у лица, в интересах которого совершена та или иная сделка.

Согласно ст. 6 Федерального закона от 31.05.2002 №63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2021), полномочия адвоката, участвующего в качестве представителя доверителя в конституционном, гражданском и административном судопроизводстве, а также в качестве представителя или защитника доверителя в уголовном судопроизводстве и производстве по делам об административных правонарушениях, регламентируются соответствующими

щим процессуальным законодательством Российской Федерации.[4]

В ст. 185 ГК РФ речь идет непосредственно о доверенности, то есть определяется ее юридическое значение: доверенностью признается письменное уполномочие, выдаваемое одним лицом другому лицу или другим лицам для представительства перед третьими лицами.[1] При этом, отсутствует регламентация понятия «представительства перед третьими лицами». В связи с чем, при оформлении доверенности возникают сложности в определении полномочий, поскольку законодательно нет уточнений какие права возможно передать представителю, а какие подлежат реализации только лично.

Автор полагает, что в данном случае имеет место пробел в законодательстве, поскольку на практике возникают вопросы по возможности осуществления тех или иных прав через своего представителя.

Например, согласно ст. 11 Федерального закона от 29.07.2017 N217-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», член товарищества вправе участвовать в управлении делами товарищества, то есть быть избранным его председателем, членом правления, членом ревизионной комиссии и т.п. [6] Возможно ли реализация указанного права через своего представителя?

С одной стороны, законом не запрещено, однако, данное право неразрывно связано с личностью, поскольку, данное право реализуется через доверие иных членов товарищества, которые наделяют определенными правами и обязанностями в ходе выборов, именно данное лицо. Следовательно, это право неотделимо и не может быть передано иному лицу.

Между тем, в судебной практике имеются споры на предмет возможности реализации права гражданина на участие в делах товарищества через своего представителя на основании доверенности. (пр. Постановление Верховного Суда РФ от 24.02.2021 N89-АД21-1)

Таким образом, имеет смысл, с целью устранения разночтения и споров, на законодательном уровне определить понятие представительства и рамки его реализации.

Более четко дано определение представительству в судопроизводстве. Статья 48 ГПК РФ регламентирует, что граждане вправе вести свои дела в суде лично или

через представителей. Личное участие в деле гражданина не лишает его права иметь по этому делу представителя.

При этом, дела организаций ведут в суде их органы, действующие в пределах полномочий, предоставленных им федеральным законом, иными правовыми актами или учредительными документами, либо представители.

От имени ликвидируемой организации в суде выступает уполномоченный представитель ликвидационной комиссии.

В данном случае очевидно, что процессуальные права, предоставленные участникам судопроизводства, могут быть переданы иному лицу, в том числе, на основании доверенности расширен круг полномочий.

Так, законодатель в ст. 53 ГПК РФ определяет формы и субъектов оформления таких доверенностей, а ст. 54 ГПК РФ полномочия представителей. При этом, в статье 54 ГПК РФ, предусмотрено, что представитель вправе совершать от имени представляемого все процессуальные действия. Однако право представителя на подписание искового заявления, предъявление его в суд, передачу спора на рассмотрение третейского суда, предъявление встречного иска, полный или частичный отказ от исковых требований, уменьшение их размера, признание иска, изменение предмета или основания иска, заключение мирового соглашения, передачу полномочий другому лицу (передоверие), обжалование судебного постановления, предъявление исполнительного документа к взысканию, получение присужденного имущества или денег должно быть специально оговорено в доверенности, выданной представляемым лицом.[2]

Кроме того, в настоящее время, с учетом внесенных изменений, ст. 49 ГПК РФ, круг представителей в некоторых судебных инстанциях, ограничен. Так, представителями в суде, за исключением дел, рассматриваемых мировыми судьями и районными судами, могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, имеющие высшее юридическое образование либо ученую степень по юридической специальности.

Таким образом, сделана попытка определить круг полномочий представителя в рамках гражданского судопроизводства по инстанциям, ограничивая возможности иных лиц, не адвокатов на участие в заседаниях

Однако, интерес вызывает то, что согласно требования ч. 3 ст. 49 ГПК РФ, адвокаты должны представить

суду документы, удостоверяющие статус адвоката в соответствии с федеральным законом и их полномочия. Иные оказывающие юридическую помощь лица должны представить суду документы, удостоверяющие их полномочия, а в случаях, предусмотренных частью второй настоящей статьи, также документы о своем высшем юридическом образовании или об ученой степени по юридической специальности.[2]

Таким образом, адвокат, осуществляющий свою деятельность, представляя интересы доверителя в суде, с целью защиты его прав, обязан подтвердить как свой статус, так и полномочия. Второе подтверждается согласно ч. 5 ст. 53 ГПК РФ, ордером.

Между тем, в соответствии с ч. 1 ст. 54 ГПК РФ определен круг полномочий, которые должны подтверждаться только доверенностью. Данное требование влечет дополнительные расходы для доверителя, которые он должен понести в связи с удостоверением доверенности, хотя при заключении соглашения этот вопрос вполне может быть урегулирован, поскольку обращаясь к адвокату за оказанием правовой помощи, сам доверитель определяет объем поручения.[2]

Однако, в соответствии со ст. 50 ГПК РФ, суд назначает адвоката в качестве представителя в случае отсутствия представителя у ответчика, место жительства которого неизвестно, а также в других предусмотренных федеральным законом случаях. Адвокат, назначенный судом в качестве представителя ответчика в случаях, предусмотренных настоящей статьей, вправе обжаловать судебные постановления по данному делу.[2]

Фактически, на основании указанной нормы, законодатель допускает участие адвоката в судопроизводстве в отсутствие доверенности, определяющей такие полномочия адвоката как, например, право на подписание встречного искового заявления, заключения мирового соглашения. Тогда возникает вопрос, с какой целью на адвоката возлагается обязанность подтверждения полномочий, в случае заключения соглашения со своим доверителем.

При этом, возложенные обязательства на адвоката в качестве представителя отсутствующего лица, у которого не представляется возможным выяснить позицию, законодатель считает реализацией защиты прав, и даже, оплату за оказание такой правовой помощи, берет на себя государство.

Между тем, в отсутствие доверителя, адвокат не имеет возможности в полной мере реализовать процессуальные права, предоставленные законом ответчику. Так, например, адвокат не может оспорить размер за-

явленного ущерба, поскольку в отсутствие ответчика, нет возможности оплатить стоимость экспертного заключения, так как суды, к сожалению, хотя и обладают правом, но не назначают судебные экспертизы за счет федерального бюджета. В данном случае, и этот вопрос требует разъяснения на законодательном уровне.

Соответственно, если представляя интересы ответчика по назначению суда, адвокат, с целью объективной и всесторонней защиты прав и законных интересов своего доверителя (пусть и заочного) считает необходимым назначения судебной экспертизы, он не имеет такой возможности, поскольку оплата будет возложена на ответчика. Однако, без согласования с клиентом вопроса о расходах за судебную экспертизу, адвокат не вправе возложить дополнительную обязанность на него. Суд в свою очередь, отказывает адвокату в проведении судебной экспертизы за счет бюджетных средств, в отсутствие доказательств невозможности оплаты доверителем.

Аналогична и следующая ситуация, исходя из предъявленных к доверителю требований, адвокат считает возможным предъявление встречного иска, но вновь не имеет такой возможности, поскольку в ст. 54 ГПК РФ указано, что право на подписание встречного иска должно быть оформлено доверенностью. Значит и в данном случае, адвокат лишен возможности полноценной защиты прав своего доверителя. То же относительно заключения мирового соглашения. Если в ходе судебного разбирательства имеется возможность без дополнительных затрат для доверителя, заключить мировое соглашение, то это не может быть реализовано без доверенности.

В связи с чем, осуществление защиты прав и законных интересов ответчика адвокатом по назначению суда, невозможно в полном объеме, что в свою очередь влечет, по мнению автора, нарушение ч. 2 ст. 5 «Кодекса профессиональной этики адвоката», которая указывает, что адвокат должен избегать действий (бездействия), направленных к подрыву доверия к нему или к адвокатуре. А также, п. 1 ст. 8 «Кодекса профессиональной этики адвоката», согласно которой при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан: честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.[5]

Таким образом, по мнению автора, участие адвоката по назначению суда в порядке ст. 50 ГПК РФ при

разрешении спора в гражданском судопроизводстве, сводится к формальному участию, то есть, лишь присутствию адвоката в судебном заседании и получения за это вознаграждения. При этом, такое участие нельзя расценивать как реализацию конституционной гарантии на правовую защиту, поскольку она фактически, не осуществляется в полной мере.

В уголовном судопроизводстве реализация права на защиту и осуществления адвокатами своих обязанностей регламентировано более четко, поскольку нормы процессуального права, достаточно ясно разъясняют полномочия адвоката и основания их возникновения в ходе осуществления защиты доверителей.

Так, согласно ч. 1, ч. 4 ст. 49 УПК РФ, защитник — лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу.[3]

Адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. С этого момента на адвоката распространяются правила, установленные частью третьей статьи 53 настоящего Кодекса.

При этом, ст. 53 УПК РФ, содержит перечень полномочий адвоката, который не является исчерпывающим.

В отношении представителей иных участников уголовного судопроизводства указано в ч. 1 ст. 45 УПК РФ, а именно о том, что представителями потерпевшего, гражданского истца и частного обвинителя могут быть адвокаты, а представителями гражданского истца, являющегося юридическим лицом, также иные лица, правомочные в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации представлять его интересы. В качестве представителя потерпевшего или граждан-

ского истца могут быть также допущены один из близких родственников потерпевшего или гражданского истца либо иное лицо, о допуске которого ходатайствует потерпевший или гражданский истец.[3]

При этом, данная норма не содержит ссылки на обязанность предоставления подтверждения полномочий адвокатов. Между тем, на практике, при предъявлении гражданского иска, либо заявления частного обвинения суды требуют подтверждения полномочий адвокатов на основании доверенности по аналогии с гражданским судопроизводством.

Таким образом, автор полагает, что, как минимум, две нормы гражданского процессуального права, требуют уточнения, поскольку с одной стороны адвокат обязывают подтвердить полномочия для осуществления полноценной защиты прав и законных интересов своего доверителя при заключении соглашения, и даже личном участии. С другой стороны, самостоятельно предоставляют адвокату весь объем процессуальных прав, предусмотренных для ответчика, в отсутствие последнего, без подтверждения каких-либо полномочий.

Необходимо предусмотреть возможность для реализации права на защиту граждан в полном объеме, для чего требуется расширение круга полномочий для адвокатов, с целью оказания ими правовой помощи в отсутствие доверенности. Принимая во внимание, что адвокатская деятельность регламентирована законодательно, в том числе и рамки ответственности, автор полагает, возможным расширить полномочия для адвокатов, которые необходимы для реализации всех способов защиты прав и законных интересов доверителей как по соглашению, так и по назначению суда. При этом, исключить требование предоставления дополнительных документов адвокатами, наделив их в полном объеме процессуальными правами принадлежащих доверителю и соответствующих статусу участника процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 26.10.2021).
2. «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N138-ФЗ (ред. от 01.07.2021).
3. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 23.09.2021).
4. Федеральный закон от 31.05.2002 N63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2021).
5. «Кодекс профессиональной этики адвоката» (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 15.04.2021).
6. Федеральный закон от 29.07.2017 N217-ФЗ (ред. от 22.12.2020) «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

© Захарова Ирина Валентиновна (ziv_1974@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ КОНТРОЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РЕГИОНАЛЬНЫХ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ ПО ВОПРОСАМ СОЦИАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ

LEGAL BASIS FOR THE CONTROL ACTIVITIES OF REGIONAL EXECUTIVE AUTHORITIES ON ISSUES OF SOCIAL IMPORTANCE

M. Kvaratskhelia

Summary. Control activity is an integral part of public administration, especially in the context of additional social obligations. In this regard, the purpose of the work was to study the legal foundations for the control activities of regional executive authorities that are authorized to conduct and implement the social policy of the state. The subject of the study was regional executive authorities powers in matters of control activities and the powers of state institutions subordinate to him. Regulatory legal acts of the federal and regional levels, internal documents of the relevant institutions were considered. Based on the results of the analysis, the features of the interaction of organs, possible points for their growth were derived. The article will be useful for authors interested in issues of management and interaction between the regional and local levels of government in terms of control (supervisory) functions, including as an example of joint management activities.

Keywords: management, social protection, control activities, state control (supervision) and municipal control, state and municipal administration, social policy, law.

Кварацхелия Матильда

Российский государственный социальный университет, г. Москва
matildakvaratshelia@yandex.ru

Аннотация. Контрольная деятельность является неотъемлемой частью государственного управления, особенно в условиях возложенных дополнительных социальных обязательств. В этой связи целью работы было изучение правовых основ контрольной деятельности региональных органов исполнительной власти, которые уполномочены проводить и реализовывать социальную политику государства. Предметом исследования были полномочия региональных органов исполнительной власти в вопросах контрольной деятельности и полномочия подведомственных ему государственных учреждений. Были рассмотрены нормативно-правовые акты федерального и регионального уровня, внутренние документы соответствующих учреждений. По результатам анализа были выведены особенности взаимодействия органов, возможные точки для их роста. Статья будет полезна для авторов, интересующихся вопросами управления и взаимодействия между региональным и местным уровнями власти в части контрольных (надзорных) функций, в том числе как пример деятельности совместного ведения.

Ключевые слова: управление, социальная защита, контрольная деятельность, государственный контроль (надзор) и муниципальный контроль; государственное управление, социальная политика, право.

Введение

Вопросы социального значения — одни из первостепенных в политике нашей страны, что подтверждается ст. 7 Конституцией РФ. В условиях сильного воздействия различных внешних факторов, будь то геополитическая обстановка или опасные эпидемиологические условия, вызванные коронавирусной инфекцией, важность социальной поддержки граждан возрастает в несколько раз. Вместе с ростом важности социальной поддержки государством своих граждан растет и важность контроля за выполнением данных обязательств. Социальная поддержка может иметь различную форму: индивидуальная ответственность юридических и физических лиц, страхование, социальная помощь, государственное обеспечение[10].

В этой связи, контрольная деятельность играет немаловажную роль в системе обеспечения порядка и дисциплины в государстве. Контроль — одна из основных функций этих органов, выражающаяся в реализации своих полномочий по защите жизненно важных интересов личности, общества и государства в различных областях жизнедеятельности[11]. В первую очередь стоит отметить, что самое понятие «контроль» в юридической литературе трактуется по-разному: это можно трактовать как функцию, форму, институт, а можно трактовать как фактор, метод или деятельность. Государственный надзор является одним из важнейших элементов внутренней политики государства, поскольку в его рамках происходит наблюдение за четким и неуклонным исполнением действующих правовых норм, тем самым гарантируя защиту права человека. Поми-

мо правовых норм, государственный контроль важен и по причине большого объема бюджетных ассигнований, выделяемых на социальную сферу. Соответственно, необходимо следить за правильностью, целесообразностью освоения данных средств на социальные нужды.

Ранее, с целью исполнения федеральных законов в области контроля, региональные власти принимали нормативные документы на своем уровне. Однако сейчас, по мнению А.Ю. Соколова, данная сфера сейчас «является одним из наиболее интенсивно развивающихся направлений правовой политики» [12].

На протяжении очень долгого времени в сфере контрольно-надзорной деятельности действовал Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ[2] среди достоинств которого, в первую очередь, можно отметить ясные принципы защиты предпринимателей от органов контроля, регламентированные права и обязанности контрольных органов на осуществление своей деятельности, порядок их взаимодействия при проведении проверок.

С принятием Федерального закона № 248-ФЗ[4], региональным властям потребуется привести соответствие с ним региональное законодательство. Очевидно, что вместе с законом меняется и методика контроля: потребуется изменения механизмов реализации контрольной деятельности, в том числе и с применением дистанционных технологий. Стоит отметить, что сам закон предрасполагает к разнообразным формам реализации мероприятий по контрольной и надзорной деятельности.

Однако следует понимать, что контроль может быть разным: в зависимости от уровня и полномочий органов исполнительной власти, их целей деятельности, возможных последствиях при не соблюдении контроля. Вопросами управления социальной защитой и роли контроля в данной деятельности интересовались и ранее. Вместе с развитием технологий и глобализацией, появлением новых рынков и социальных услуг, изменением общества следует и усложнение задач по государственному управлению, следовательно, и контрольной функции. Можно отметить тенденцию к системности административных процедур при ее осуществлении. Данные процедуры встроены в общую систему правового регулирования, что способствует сокращению дублирующих (на другом уровне власти) или же вовсе ненужных процедур при исполнении контрольной функции. Общая вертикальная система, идущая от регионального органа контрольной деятельности до своего территориального подразделения, а то, в свою очередь, до казенного учреждения, в действительности

существенно повышает ответственность органов социальной защиты в вопросах контрольной деятельности. Исходя из этого можно утверждать, что региональный и местный уровень играет ключевую роль в вопросах социального обслуживания, следовательно, правовое обоснование контрольной деятельности на данных уровнях и следует рассматривать в работе.

Методика

В данной статье будут рассмотрены правовые основы контрольной деятельности органов исполнительной власти, которые уполномочены реализовывать социальную политику государства.

Для более подробного изучения правовых основ контрольной деятельности будет проведен анализ нормативно-правовой базы и систематизация ее по уровням от вышестоящего до нижестоящего, а в качестве примера будет рассмотрено контрольная деятельность Департамента труда и социальной защиты населения г. Москвы (далее — Департамент). Сначала будут рассмотрены общие положения о региональном государственном контроле. Основным документом, рассмотренным на данном этапе будет Федеральный закон № 248-ФЗ, т.к. он является ключевым документом в вопросах контрольной деятельности органов исполнительной власти на данный момент. После этого планируется систематизировать имеющиеся правовые обоснования контрольной деятельности. На региональном уровне будут рассмотрены постановления, распоряжения и законы г. Москвы, которые связаны с Департаментом в части контрольной деятельности.

Результаты

В соответствии с Федеральным законом от 06.10.1999 № 184-ФЗ[1], в части совместного ведения, к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации (далее — субъект РФ) относится исполнение регионального государственного контроля (надзора). В том же законе отмечено, что в целях исполнения данных полномочий могут создаваться государственные учреждения субъекта РФ и другие организации. Функции и полномочия учредителя в данном случае возлагаются на соответствующие органы государственной власти субъекта РФ.

Основным документом на данном уровне сейчас является Федеральный закон № 248-ФЗ. При его рассмотрении становится ясно, что данные совместные полномочия остались без изменений. Виды регионального контроля по предметам ведения субъекта РФ, при этом, устанавливаются региональной властью самостоятельно посредством своих законодательных актов (часть 8

статьи 1 Федерального закона № 248-ФЗ). Кроме этого, в статье 26 ч. 2 данного документа отмечается, что на государственные или муниципальные учреждения могут быть возложены отдельные виды государственного контроля и отдельные полномочия по осуществлению данных видов контроля, если это установлено федеральными законами о видах контроля или же законами субъектов РФ. В целом, федеральным законодательством допускается исполнение регионального государственного контроля (надзора) через соответствующие созданные учреждения, однако необходимо иметь юридические документы об установлении соответствующего вида регионального государственного контроля (надзора) и возложении полномочий по осуществлению данного вида контроля на созданное с этой целью учреждение, а также об определении органа исполнительной власти, который будет принимать нормативные и правовые документы по контрольной деятельности на региональном уровне. Наконец, исполнение регионального государственного контроля созданным для этих целей государственным учреждением не будет противоречить федеральному законодательству, если соблюдаются требования, установленные Федеральным законом № 248-ФЗ. В случае создания учреждения необходимо учитывать требования статьи 6 Бюджетного кодекса, в которой отмечается что государственное казенное учреждение создается с целью исполнения предусмотренных законодательством полномочий органов государственной власти. При этом в самом законе организация и проведение ведомственного контроля не регламентируется. В этой связи, ведомственный контроль в отношении субъектов учреждений относится к полномочиям органов государственной власти региона. Соответственно, региональный орган государственной власти субъекта РФ для осуществления полномочий по ведомственному контролю может так же создавать государственные учреждения. Как уже было указано ранее, в таком случае учредителем будет являться исполнительный орган государственной власти субъекта РФ. В случае с Департаментом, примерами учреждений, осуществляющих ведомственный контроль являются Центр занятости населения, и Служба контроля Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы.

На основании документов г. Москвы по региональному государственному контролю, Департамент выполняет контроль в сфере социального обслуживания граждан и контроль за приемом на работу инвалидов в пределах установленной квоты[9].

В первом случае, полномочия предусмотрены п. 2 ч. 1 статьи 33 Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ[3], а также п. 12 ч. 2 статьи 4.1 Закона г. Москвы от 09.07.2008 № 34[6]. При этом организация и осуществ-

ление контроля за соблюдением обязательных требований регулируется Федеральным законом № 248-ФЗ. Полномочия Департамента выполнять контроль за данной сферой установлены постановлением Правительства Москвы от 08.09.2015 № 566-ПП[7]. В свою очередь, внутренними приказами Департамента определяются должностные лица, ответственные за осуществление контроля в сфере социального обслуживания граждан. Структурными подразделениями, отвечающими в Департаменте за контроль в сфере социального обслуживания граждан, являются:

- ◆ Управление организации социального обслуживания на дому;
- ◆ Управление организации стационарного социального обслуживания;
- ◆ Управления опеки и попечительства в отношении несовершеннолетних;
- ◆ Управление координации сети

Стоит отметить, что контрольные мероприятия по данной сфере деятельности проводятся при участии сотрудников ведомственной службы контроля. Контрольно-надзорные функции указанные работники выполняют наряду с выполнением других должностных обязанностей, предусмотренных их должностными обязанностями.

Осуществление контроля за прием инвалидов в пределах установленной квоты предусмотрено Законом Российской Федерации от 19.04.1991 № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации». Организация и исполнение контроля за соблюдением обязательных требований, как и в случае со сферой социального обслуживания граждан, регулируется Федеральным законом № 248-ФЗ. Полномочия Департамента выполнять контроль за приемом инвалидов в пределах установленной квоты установлены постановлением Правительства Москвы от 17.07.2017 № 471-ПП[8]. В Департаменте полномочия по данному контролю отнесены к задачам отдела по квотированию рабочих мест Управления содействия занятости населения. В свою очередь, к проведению мероприятий по осуществлению контроля за приемом на работу инвалидов в качестве экспертов привлекаются работники Центра занятости населения, аттестованные в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 10.07.2014 № 636[5].

Заключение

В данной статье были рассмотрены правовые основы контрольной деятельности органов исполнительной власти, которые уполномочены реализовывать социальную политику государства. Основным регламентирующим документом в части контрольной деятельности является Федеральный закон № 248-ФЗ.

В соответствии с данным документом региональный орган исполнительной власти имеет право создавать государственные учреждения (становясь его учредителем) для осуществления через него своих полномочий.

Исходя из перечня видов регионального государственного контроля (надзора) и органов исполнительной власти г. Москвы, Департамент выполняет контроль в сфере социального обслуживания граждан в г. Москве и контроль за приемом на работу инвалидов в пределах установленной квоты. Оба вида контроля Департамента осуществляет совместно с государственными казенными учреждениями, созданными с этой целью. В вопросах ведомственного контроля Департамент контролирует подведомственные ему организации по вопросам социального и финансового значения.

Анализ правовых основ показал, что система контрольной деятельности в органах исполнительной власти, ответственных за реализацию социальной по-

литики, является обширной и исчерпывающей. Этому способствует уже сформированная нормативная база и новый федеральный закон, добавляющий гибкости региональным органам власти. Однако есть и пути роста, в первую очередь, в сторону цифровизации. Связанная с пандемией COVID-19 изоляция населения показала недостаточную проработанность в данном аспекте. Такого рода вызовы вынуждают лучше работать над переводом механизмов контрольной деятельности в цифровой, дистанционный формат, оказание услуг социальной защиты посредством цифровых заявлений и обращений. Безусловно, с развитием цифровых технологий, сервисов и ресурсов обеспечит возможность перехода контрольной деятельности на качественно новый уровень, о котором многие из нас могли мечтать. Существующая нормативная база, по мнению прочих авторов, предусматривает возможность применения средств дистанционного взаимодействия, а внедрение в контрольную деятельность цифровых технологий для решения задач не изменит при этом сам механизм контроля в сфере государственного управления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»;
2. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»;
3. Федеральный закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»;
4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»;
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 10.07.2014 № 636 «Об аттестации экспертов, привлекаемых органами, уполномоченными на осуществление государственного контроля (надзора), органами муниципального контроля, к проведению мероприятий по контролю»;
6. Закона г. Москвы от 09.07.2008 № 34 «О социальном обслуживании населения и социальной помощи в городе Москве»;
7. Постановление Правительства Москвы от 08.09.2015 № 566-ПП «Положение о Департаменте труда и социальной защиты населения города Москвы»;
8. Постановление Правительства Москвы от 17.07.2017 № 471-ПП «О региональном государственном надзоре и контроле за приемом на работу инвалидов в пределах установленной квоты с правом проведения проверок, выдачи обязательных для исполнения предписаний и составления протоколов и внесении изменений в постановления Правительства Москвы от 4 августа 2009 г. № 742-ПП и от 8 сентября 2015 г. № 566-ПП»;
9. Постановление Правительства Москвы от 26.12.2019 № 1850-ПП «Об утверждении Правил ведения перечня видов регионального государственного контроля (надзора) и органов исполнительной власти города Москвы, уполномоченных на их осуществление»;
10. Гембаренко, В.И. Проблемы управления системой социальной защиты населения в современной России / В.И. Гембаренко // Социальная политика и социология. — 2010. — № 4(58). — С. 88–92.
11. Павликов, А.М. Контроль как направление деятельности органов исполнительной власти / А.М. Павликов // Социология власти. — 2006. — № 5. — С. 164–171.
12. Соколов, А.Ю. Региональный государственный контроль (надзор) в контексте правовой политики Российской Федерации / А.Ю. Соколов, О.А. Лакаев // Правовая политика и правовая жизнь. — 2020. — № 4. — С. 9–19.

© Кварацхелия Матильда (matildakvaratshelia@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

К ВОПРОСУ О НОВОМ КАЧЕСТВЕ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

ON THE ISSUE OF THE NEW QUALITY OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL RELATIONS

M. Kobzar-Frolova

Summary. The article presents some historical and legal aspects of the emergence of the Russian, then Soviet theory of administrative and legal relations. It is suggested that the evolutionary changes that took place in Russian society at the turn of the XX–XXI centuries, a number of past administrative reforms, transformations in the system and structure of executive power, the adoption of an amendment to the Constitution in July 2020 significantly affected the new quality of administrative and legal relations, their essence and their orientation changed. In conclusion, the relevant research conclusions are made.

Keywords: administrative legal relations, transformations, transformations, management, subjects, administrative law, provision and protection of citizens' rights and freedoms.

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна
Д.ю.н., профессор, ФГБУН Институт государства
и права РАН
adminlaw@igpran.ru

Аннотация. В статье приводятся отдельные историко-правовые аспекты возникновения российской, затем советской теории об административно-правовом отношении. Проводится мысль о том, что эволюционные перемены, произошедшие в российском обществе на рубеже XX–XXI вв, ряд проведенных административных реформ, трансформации в системе и структуре исполнительной власти, принятие поправки к Конституции в июле 2020 года существенным образом отразились на новом качестве административно-правовых отношений, изменилась их суть, их направленность. В заключении сделаны соответствующие исследованию выводы.

Ключевые слова: административные правовые отношения, преобразования, трансформации, управление, субъекты, административное право, обеспечение и защита прав и свобод граждан.

Административно-правовое отношение — одна из ключевых категорий административного права. В широком смысле суть административно-правового отношения — это взаимные связи, возникающие между участниками, а именно все то, по поводу чего они складываются и все то, на что направлено административно-правовое регулирование. В учебниках по административному праву понятию административно-правового отношения, его месту в системе общественных отношений отводится главенствующая роль. Категория «административно-правовое отношение» тесно связана с предметом административного права, административно-правовыми нормами, субъектами административного права и др. Основателями русской школы правовых отношений признаны: Н.М. Коркунов, В.И. Кобалевский, А.А. Рождественский и др. Марксистскую теорию правовых отношений развивали: О.С. Йоффе, Е.Б. Пашуканис, М.А. Рейснер, П.И. Стучка, и др. основоположниками советской академической науки об административно-правовых отношениях были: С.М. Берцинский, И.И. Евтихийев, А.И. Елистратов и др. Линия развитого социализма была внесена в теорию о правовых отношений усилиями советских ученых-теоретиков государства и права: С.С. Алексеевым, Р.О. Халфиной и др.

Общественное отношение — это всегда некая связь между заинтересованными (иногда обязанными) лицами (участниками). Это есть результат *совместного волевого взаимодействия* двух или более участников. Правовым общественное отношение становится тогда, когда действия каждого из участников приобретут определенный порядок, а именно будут закреплены (регламентированы) в правовой норме. В правовом отношении каждый из участников наделяется субъективными правами и становится носителем юридических обязанностей. О.С. Йоффе в этой связи писал: правоотношение — это вид, форма общественного отношения, того отношения, которое урегулировано правом [5].

Регулировать отношения людей в социальной жизни — значит давать их поведению направление, определять рамки, упорядочивать [1, С. 31–33.], — говорил и С.С. Алексеев.

Вступление в правоотношение может быть обусловлено волей участников, их желанием вступить в общественное отношение. В других случаях, для вступления в правоотношение требуется предписанное правило или указание. Тогда вступление в правоотношение продиктовано извне. Последнее свойственно для пу-

блично-деликтных отношений. В указанном суть различия между публичным и частным правоотношением. В публичном — ярче и определеннее проявляется наложенная правовая обязанность, в частном правоотношении — определяющее значение имеет субъективное право участника. Опираясь на данное заключение, Н.М. Коркунов ввел в научный оборот понятие структуры публично-правового отношения, как совокупности элементов: субъект, объект, юридические обязанности. Если говорить о структуре частноправового отношения, то, в дополнении к указанным элементам, предполагается наличие четвертого элемента — субъективно-права участника [6].

Идеи Н.М. Коркунова о разграничении публичного и частно-правового отношения были развиты в трудах Г.Ф. Шершеневича и А.И. Елистратова. Так, Аркадий Иванович Елистратов писал о том, что в основе цивилистических личных прав субъекта лежит частный интерес, в основе публичных прав — момент должностования, ответственности, служения общественному интересу[4]. Г.Ф. Шершеневич употреблял в своих научных работах термин «юридическое отношение», объясняя это тем, что право явление социальное, а потому юридическим следует признать только отношение человека к человеку[18].

Елистратов А.И. в публичном правоотношении выделял повелительные, предоставительные или восполнительные юридические нормы. Повелительные нормы (*juscogens*) вполне определенноустанавливают содержание юридического отношения, не оставляя участникам никакого выбора и простора. Предоставительные или восполнительные юридические нормы, оставляют право выбора участникам, некоторую свободу участия в отношении, в силу чего их можно признать диспозитивными[4, с. 69]. А еще он писал: то, что благом видится властям, может не являться благом для отдельно взятого лица, потому как среди всех публичных прав — право личной свободы имеет высшую ценность для человека[4, с. 123–125, с. 128–129].

Учениками и продолжателями идей В.И. Кобалевского и А.И. Елистратова были И.И. Евтихийев, С.М. Берцинский. Позже разработанную В.И. Кобалевским научную школу развивали в своих трудах: С.С. Студеникин, А.Е. Лунев, Г.И. Петров и др. Однако, сразу надо сказать, что научные взгляды Г.И. Петрова отличались новаторством и большей глубиной. Но об этом несколько позже.

Академическая теория административно-правового отношения прошла тяжелый путь и выкристаллизовывалась из теории полицейского права, теории науки управления. Общеизвестно, что начало теории советского административного правоотношения было

заложено в трудах В.И. Кобалевского [7, 8], А.Ф. Евтихьева[3], С.К. Берцинского [2, с. 22–40], А.И. Елистратова [4] и др. В 30-е годы прошлого века были лишь попытки сформировать теорию советского административного права. Но работа шла тяжело. Во многом это было связано со сталинскими политическими репрессиями, отсутствием научной теории советского государственного права, высоким креном в сторону науки управления. К тому же многие ученые не приняли революцию и покинули советскую Россию [9, с. 77–85].

Первые идеи о советском административном правоотношении были сформулированы на уровне учебника лишь в 1945 году. Автор учебника «Советское административное право» [16] — С.С. Студеникин. Семен Севастьянович кратко, всего на 1 странице без четкого определения дает характеристику советского административно-правового отношения и выделяет его признаки [16, с. 9–10]. С.С. Студеникин выражал уверенность, что в советском административно-правовом отношении участниками выступают государственные учреждения и организации в процессе их исполнительно-распорядительной деятельности. И это есть первый признак. Второй, то, что они регулируются нормами административного права. Согласие сторон для возникновения правоотношения не требуется (третий признак). Был указан и еще один признак (четвертый) — это способность разрешения споров в административном, а не в судебном порядке, посредством издания распоряжения полномочного на то государственного органа¹.

Таким образом, согласно версии, которая была выдвинута С.С. Студеникиным, гражданин не есть субъект административного правоотношения. Субъектами советского административно-правового отношения «выступают государственные учреждения и организации». В правоотношения они вступают в процессе исполнительно-распорядительной деятельности, на которую они уполномочены государством. В свою очередь, исполнительно-распорядительные органы действуют не просто по полномочию государства, а выступают от его (государства) имени. Соответственно, распоряжения исполнительно-распорядительного органа обязательны для всеобщего исполнения. Так просто С.С. Студеникин дал объяснение того, почему административно-правовые отношения имеют управленческий характер. Потому, что граждане были субъектами правоотношений, не были самостоятельными в определении своих прав и обязанностей. То есть, даже не в том суть, что Конституциями 1918, 1936, а позже и в Конституции 1976 года была закреплена система органов, осуществляющая в стране государственное

¹ Примечание: нумерация проставлена М.Н. Кобзарь-Фроловой.

управление, а в том, что государство устанавливало для граждан их субъективные права и вменяло должностования, обязанности, вводило запреты. И никакого отступления, свободы выбора, никакой диспозиции. Нужно признать, что ни один из современных теоретиков административного права, не дал в своих работах подобного объяснения.

Не смотря на краткость изложенных ученым признаков административно-правовых отношений, именно эта система характерных черт (признаков) станет основой дальнейшему развитию теории административного права в целом в т.ч. административных правоотношений на долгие годы вперед.

В своих последующих учебниках 1949–1952 года С.С. Студеникин уже решил на определение — «административно-правовое отношение». Уместно отметить, что его взгляды на понятие суть административно-правового отношения за прошедшие четыре года несколько изменились. Он пишет: административно-правовое отношение — это общественное отношение, урегулированное административно-правовой нормой в процессе исполнительно-распорядительной деятельности государственного органа [17, С. 24]. «...административно-правовое отношение представляет собой особую связь между его участниками, заключающуюся в том, что один из участников отношения при данных обстоятельствах обладает правом требовать от другого участника такого поведения, которое указано в административно-правовой норме и охраняется государством» [17, С. 24–25]. Далее С.С. Студеникин выделяет признаки (характерные черты) административно-правового отношения и уточняет: административно-правовое отношение не может сложиться между двумя гражданами, ибо никто из них не наделен правом вступать в правоотношение. К тому же граждане не наделены правовой нормой обязанностями осуществлять исполнительно-распорядительную деятельность. Административно-правовые отношения вытекают из властного характера государственного управления, и подкрепляет свои выводы цитатой В.И. Ленина: «Мы не «мечтатели» о том, как бы сразу обойтись без всякого управления, без всякого подчинения» [17, С. 26–27]. При этом, ученый обходит стороной тему и не называет напрямую: кто управляет (властвует), кто подчиняется. Также он обходит стороной вопрос о содержании административно-правового отношения.

Идеи С.С. Студеникина о понятии, сути и характерных признаках административно-правового отношения были развиты его учеником и последователем — Юрием Марковичем Козловым, который в 1976 году выпускает монографию «Административные правоотношения». Несомненным достоинством этой научной

работы Ю.М. Козлова является то, что ученый подробно исследует каждый элемент и признаки административно-правового отношения, показывает место административно-правового отношения в системе иных правоотношений. Но ученый не выводит собственную, как ошибочно указано в большинстве научных трудов, теорию о понятии и признаках административного правоотношения. Существенно нового, отличного от того, что было в трудах его учителя, он не вносит. К числу четырех признаков, названных С.С. Студеникиным, его ученик добавляет признак о том, что объектом административного правоотношения являются действия людей, так как они есть участники управленческих процессов [10, С. 104–144]. Однако, тут сложно согласиться — действия людей не могут быть объектом правоотношения. Это заблуждение.

Между тем, 70-м годам прошлого века сложилось устойчивое представление о том, что теория административного правоотношения сформировалась, это есть фундаментальное учение, и оно не подлежит доработке или опровержению. А именно, к середине 70-х годов утвердилось 2 концепции о сути и содержании административных правоотношений. Первая — властная (управленческая). Она отражала идеи В.И. Кобалевского и развивала труды С.С. Студеникина. Вторая — либеральная. В основе второй, проявление свободы, воли, на вступление в административное правоотношение. И главное отличие от первой концепции в том, что административное правоотношение может возникнуть между двумя равными по статусу субъектами и даже между двумя (и более) гражданами.

Разработчиком второй концепции выступил Г.И. Петров. В противоположность учению В.И. Кобалевского, который утверждал, что государственный орган — активный субъект, наделенный правом публичного властвования. Потому правовая форма содержит в себе исходящие от государственного органа приказы и распоряжения, а основная черта публичного правоотношения — его односторонний характер [14; 7, С. 30, 31, 34, 37.]. Георгий Иванович Петров в своих трудах доказывал, что такой подход является узким по отношению ко всему разнообразию административных правоотношений. Ученый выделял две группы публичных (административных) правоотношений. Первая группа — это властные отношения, в них одна сторона подчинена другой (отношения власти и подчинения). Вторая группа — это отношения, где стороны не находятся в подчинении по отношению друг к другу. Между ними отношения равноправия [14, с. 41–68]. К сожалению, теория Г.И. Петрова не нашла широкой поддержки.

Школа административного правоотношения, в которой сердцевинной является государственное управ-

ление, набирала силу и пережила перестройку 80–90-х годов, развал советской политической системы, административные реформы 2003, 2005, 2010 годов и многое другое.

В середине 80-х — начале 90-х произошел распад советской социалистической политической системы. Этот процесс нанес сокрушительный удар по советской академической науке. В это время даже отмечалось замедление в развитии фундаментальных наук. И это было объяснимо. Опять ученые столкнулись с отсутствием понимания о государственном праве. Российская Конституция 1993 года дала некоторый импульс научным исследованиям. Однако, управленческие идеи отношений власти-подчинения в теории административного права пережили и этот этап развития общества. Можно лишь предположить, что на рубеже 80 в начале 90-х годов, в трудные, а возможно и голодные для многих жителей страны дни, только исключительно увлеченные люди продолжали заниматься наукой. К сожалению, новых научных идей эти годы стране не дали. Так, Ю.М. Козлов в 1996 году, рассматривая административное правоотношение, крепко в своей позиции, что в их основе продолжает главенствовать государственное управление, с неизменной формулой «власть — подчинение», где власть — управляющий (доминирующий) субъект, человек — управляемый и находится в положении неравенства [11, с.71]. Согласно учению Ю.М. Козлова, гражданин не равен в отношениях не только с исполнительной, но и законодательной властью и т.д. Остается непонятным, почему от ленинской идеи «управления страной», так легко ушли советские административисты. Почему управление страной переросло в стойкое учение об управлении людьми?

Между тем, нельзя не отметить, доклад Н.Г. Салищевой, который был сделан ею в 2011 году в Институте государства и права РАН, где состоялась конференция посвященная вопросам модернизации административных правоотношений [15, С. 18–42]. Видный ученый обратила внимание присутствующих на то, что сфера, в которой складываются административно-правовые отношения наиболее политизирована. Административно-правовые отношения отличаются высокой мобильностью и динамизмом, они отражают реальные связи участников. И что наиболее важно: административно-правовые отношения отражают качество жизни человека в своей стране, процессы демократизации и др. [15, С. 23–25]. Анализируя нормы статьи 18 Конституции Российской Федерации, акты Президента РФ и российского Правительства, Н.Г. Салищева делает вывод, что страна взяла курс на обеспечение баланса между свободами и правопорядком. Государство призвано обеспечивать поддержку и защиту законной деятельности граждан. Правительство принимает меры,

направленные снижение и/или полную ликвидацию административных барьеров, на обеспечение открытости и гласности деятельности органов государства и местного самоуправления,— так говорила Надежда Георгиевна в своем докладе [15, С. 27–28]. Если принять, что в основе демократии лежит *способность государства защитить своих граждан от преступных посягательств на их права и свободы* [15, С. 30–32], то предназначение административно-правовых актов состоит в том, чтобы *обеспечить гарантии защиты прав и свобод граждан*. На множестве примеров Н.Г. Салищева показывает суть перестройки системы административно-правовых отношений. Суть перестройки в том, что произошла «перезагрузка» полномочий федеральных и региональных органов исполнительной власти, сместился «центр тяжести» в отношениях между государством и гражданским обществом [15, С. 35–38].

Надежду Георгиевну поддержала Л.А. Мицкевич, которая отметила происходящие перемены в выстраивании отношений государства с институтами гражданского общества. Государство стремится к равноправию и согласованию в решении социально значимых задач. Сфера властного влияния государства на граждан, властного вмешательства государства в жизнь граждан повсеместно сужается. Отсюда Людмила Абрамовна делает вывод о том, что сущность государственного управления изменилась [13, С. 43–47].

Нужно заметить, что научные труды на тему «административные правоотношения...», встречаются крайне редко. Это вызывает некоторое недоумение, поскольку эволюционные перемены, произошедшие в российском обществе, ряд проведенных административных реформ, трансформации в системе и структуре исполнительной власти, принятие поправки к Конституции в июле 2020 года [22], все это не могло не повлиять на качество административно-правовых отношений. В тех немногочисленных трудах, которые выходили в 2011–2020 годы продолжает проецироваться идея «государственного управления», «власти-подчинения» и подобное. Особенно сильно почувствовали себя сторонники теории управления в административно-правовых отношениях, в момент распространения угрозы Covid-19, когда государство приняло на себя ответственность выработать и применить меры, направленные на защиту населения. Многие восприняли защитные меры государства, как угрозу, как подавление личной свободы...

Оценивая, насколько наша страна продвинулась вперед на пути к демократии, приходит понимание того, насколько сильно изменилась идеология и суть отношений государство — общество — человек. Ныне

действующая Конституция Российской Федерации была принята в 1993 году. Конституционно установлено, что высшей ценностью государства является человек, его права и свободы (статья 3). Вероятно, в 90-е годы еще сложно было принять и осознать то, что произошел переход от государства диктатуры, с системой власти, осуществляющей государственное управление своим народом, к демократическому обществу, где парламент формируется из представителей многонационального народа, а принимаемые законы отражают концептуальные стратегические ориентиры социально-экономического развития страны и направлены на обеспечение прав и свобод граждан.

Вместе с тем, с сожалением можно констатировать то, что наши современники продолжают лелеять идею об административно-правовом отношении как властном отношении, возникающем в сфере государственного управления, с доминированием властного субъекта над человеком. То есть тиражировать, переработанную С.М. Берцинским, А.И. Елистратовым теорию полицейского права.

Среди однотипных, ничем не выделяющихся новизной идей, интерес вызывает глубокая статья П.И. Кононова «Дискуссионные вопросы теории административных правоотношений» [12, С. 76–78]. Обращая внимание на идентичность подходов к пониманию административных правоотношений, ученый и практик — Павел Иванович Кононов, отмечает консервативность взглядов современников, и ссылки на монографию Ю.М. Козлова при описании их характерных черт. Павел Иванович в своей статье уверенно утверждает, что эти идеи уже давно не соответствуют ни действующему административному законодательству, ни современной действительности.

Последовательно анализируя каждый признак административного правоотношения, Павел Иванович приводит яркие примеры, свидетельствующие об отсутствии актуальности устоявшихся представлений об их сути, доказывает несостоятельность укоренившихся догм, в отношении характерных черт административно-правовых отношений, применительно к современному этапу развития российской государственности. И поддерживает в целом идеи, выдвинутые Г.И. Петровым.

В завершении работы, хотелось бы привести собственные аргументы и сделать некоторые выводы о сути административно-правовых отношений на современном этапе развития российской государственности.

1. В Российской Федерации административно-правовые отношения производны от конститу-

ционно-правовых отношений. Нормы административного права развивают и наполняют, закрепленные в Конституции нормы-принципы. Нормы административного права устанавливают общие правила, общий для всех порядок взаимоотношений в обществе. Нормы административного права имеют четкую *направленность* — *обеспечить реализацию прав и свобод человека и гражданина*.

Конституция Российской Федерации [19] 1993 года, принятая на рубеже XX–XXI века заложила предпосылки к переходу от командной, властной системы управления к формированию свободного социально-ориентированного общества. Российская Конституция закрепила приоритет законности и демократии. В российской системе власти нет, и не формируются органы, осуществляющие государственное управление. Единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ (статья 3).

2. Административно-правовые отношения возникают, изменяются и прекращаются под воздействием норм административного права. Нормы административного права устанавливают общий для всех участников порядок (правила) вступления в административные правоотношения и порядок прекращения этих отношений. Задачами законодательства об административных правонарушениях являются защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина и др. [20] Соответственно задачами *административного законодательства* является *обеспечение и защита прав и свобод граждан*.
3. В административно-правовых отношениях не менее 2-х сторон (участников). Каждая из сторон обладает субъективными правами и обязанностями, несет юридическую ответственность. Представитель органа власти, обладает не только полномочиями, но и несет ответственность за принимаемые решения, за бездействие [21]. Правительство Российской Федерации обязано обеспечить защиту общества от любых угроз. Когда действия одних людей посягают на здоровье и безопасность других, государство обязано реагировать и вводить меры, направленные на защиту и обеспечить безопасность других граждан, чьим правам и свободам может быть нанесен вред. Это особая группа административно-правовых отношений — *защитные*. Несоблюдение вводимых государством защитных мер, обеспечивается административной ответственностью.
4. **Объект** административно-правовых отношений есть *общественные связи, возникающие по поводу: обеспечения конституционных прав и свобод граждан и их объединений; ис-*

полнения, реализации, защиты, обеспечения безопасности; контроля за своевременным и полным обеспечением, исполнением, реализацией обязанностей участников отношений.

5. Утверждение о том, что административное правоотношение это отношение, которое возникает в сфере государственного управления в корне

не верно. Государство не управляет людьми. Это подтверждается примером, когда инициатором отношения является человек. Эта теория должна кануть в лету, как пал когда-то советский политический режим. Управлять можно процессами (например, бюджетным), даже отраслями, можно управлять механизмами, кадрами (внутриаппаратное управление), но не свободными людьми!

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.С. Теория права. Изд-е второе, перераб.// М.: Из-во БЭК, 1995, 320с.
2. Берцинский С. К вопросу о методологии советского управления// Советское государство и революция права. — М.: Изд-во Ком. Акад., 1930, № 10.— С. 22–40.
3. Евтихийев А.Ф. Основы советского административного права// Харьков: Юрид. изд-во НКЮ УССР, 1925.
4. Елистратов А.И. Основные начала административного права / 2-е изд., испр. и доп. — М.: Изд-во: Г.А. Леман и С.И. Сахаров, 1917. 305 с.
5. Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву: Правоотношение по советскому гражданскому праву. Спорные вопросы учения о правоотношении — М.: «Статут», 2000.665 с.
6. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права /- СПб.: магазин Н.К. Мартынова, 1909 /Режим доступа: ГПИБ [Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. — СПб., 1909.] shpl.ru- 354 с.
7. Кобалевский В.Л. Очерки советского административного права, Харьков: Гос. изд-во Украины, 1924. — 258 с.
8. Кобалевский В.Л. Советское административное право. Харьков: Юрид. изд-во Наркомюста УССР, 1929. 418 с.
9. Кобзарь-Фролова М.Н. От государственного права до административного права и административного процесса: путь длиною в 85 лет// М. Государство и право, № 10, 2021, С. 77–85
10. Козлов Ю.М. Административные правоотношения. — М.: Юридическая литература, 1976. 184 с.
11. Козлов Ю.М. Административное право: учебник, Изд-во Юристъ, 1999, 320 с.
12. Кононов П.И. Дискуссионные вопросы теории административных правоотношений // Административное право и процесс. 2021. № 2. С. 76–88.
13. Мицкевич Л.А. Новые тенденции в развитии административно-правовых отношений/в сборнике научных трудов: Административно-правовые отношения в условиях модернизации Российского государства: под ред. Н.Ю. Хаманевой. М.: ИГП РАН, 2011.
14. Петров Г.И. Советские административно-правовые отношения. Уч. зап. Ленингр. юрид. ин-та. Изд. ЛГУ, 1954
15. Салищева Н.Г. Направления развития административно-правовых отношений/в сборнике: Административно-правовые отношения в условиях модернизации Российского государства: сборник научных трудов под ред. Н.Ю. Хаманевой. М.: ИГП РАН, 2011. С. 18–42
16. Студеникин С.С. Советское административное право: учебник//М.: Изд-во НКЮ СССР, 1945,, 145с.
17. Студеникин С.С. Советское административное право: учебник//М.: Гос.изд-во Юридической литературы, 1949, 308с.
18. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. Учебное пособие, Изд-во ГУ, 1910 г, Т. 2, вып.2, 362с.
19. Конституция Российской Федерации// Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
20. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.07.2021)//Собрание законодательства РФ, 2002, № 1 (ч. 1), ст. 1.
21. Указ Президента РФ от 12 августа 2002 г. № 885 «Об утверждении общих принципов служебного поведения государственных служащих»// Собрание законодательства Российской Федерации, 2002 г. № 33. Ст. 3196.
22. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»//Собр. законодательства, 2020, № 11, ст. 1416.

© Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна (adminlaw@igpran.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ СТРАНАМИ-УЧАСТНИЦАМИ ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА В НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ СФЕРЕ В СИСТЕМЕ МЕР ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ, ЭКСТРЕМИЗМУ И СЕПАРАТИЗМУ В ЕВРАЗИИ¹

DEVELOPMENT OF INTERACTION BETWEEN THE COUNTRIES-PARTICIPANTS OF THE SHANGHAI ORGANIZATION OF COOPERATION IN THE SCIENTIFIC AND TECHNICAL SPHERE IN THE SYSTEM OF MEASURES FOR COUNTERING TERRORISM, EXTREMISM AND SEPARATISM ON EURASIA

E. Kulikov

Summary. The article analyzes the problems of countering terrorism, separatism and extremism in the Eurasian space; among the directions of such counteraction, the development of cooperation between the SCO member states in the scientific and technical sphere is especially highlighted. The international legal basis of interaction within the SCO in terms of the fight against the “three evils” — terrorism, separatism, extremism is studied in detail, the problems and prospects for the development of such interaction are considered. The significance of the development of cooperation in the scientific and technical sphere is assessed.

Keywords: extremism, separatism, terrorism, combating crime, Shanghai Cooperation Organization, scientific and technical sphere.

Куликов Егор Алексеевич

*К.ю.н., доцент, Алтайский государственный университет (Барнаул)
kulikoveg@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируются проблемы противодействия терроризму, сепаратизму и экстремизму на евразийском пространстве, среди направлений такого противодействия особо выделяется развитие сотрудничества между государствами — участниками ШОС в научно-технической сфере. Подробно изучается международно-правовая основа взаимодействия в рамках ШОС в части борьбы против «трех зол» — терроризма, сепаратизма, экстремизма, рассматриваются проблемы и перспективы развития такого взаимодействия. Оценивается значимость развития сотрудничества в научно-технической сфере.

Ключевые слова: экстремизм, сепаратизм, терроризм, борьба с преступностью, Шанхайская организация сотрудничества, научно-техническая сфера.

Шанхайская организация сотрудничества (далее — ШОС) является активно действующим объединением стран Евразии. Трудно согласиться с А. Муратбековой, по мнению которой, «данная международная организация может деградировать до уровня регулярных, но бессмысленных с точки зрения практических результатов саммитов и встреч» [17,

с. 153]. Р.А. Курбанов пишет, что, «ШОС утвердилась в качестве одного из влиятельных участников системы международных отношений, сформирована нормативно-правовая база, успешно функционируют механизмы многостороннего взаимодействия, установлены партнерские отношения с государствами, международными организациями и структурами, разделяющими

¹ Статья выполнена при финансовой поддержке РФФИ (научный проект № 18–29–15011 «Принципы, источники и особенности правового регулирования международного научного и научно-технического сотрудничества и международной интеграции в области исследований и технологического развития в России и зарубежных странах Шанхайской организации сотрудничества»).

принципы и ценности ШОС» [15, с. 326]. Ли Вэй указывает открытость, прозрачность и расширяющееся партнерство ШОС, которые позволят ШОС стать мощной силой для развития международного сотрудничества» [2, с. 220–221].

ШОС создавалась в целях обеспечения региональной безопасности в Евразии [21, с. 15]. 15 июня 2001 г. была принята Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. В развитие ее положений 16 июня 2009 г. принимается Конвенция ШОС против терроризма, а 9 июля 2017 г. — Конвенция ШОС по противодействию экстремизму. Борьбе против «трех зол» также уделяется внимание в Стратегии развития ШОС до 2025 г., в декларациях саммитов глав государств — членов ШОС. Проблемы обеспечения региональной безопасности и противодействия терроризму на пространстве ШОС приобрели новое звучание в связи с недавними событиями в Афганистане и Казахстане.

Значимость развития научно-технического сотрудничества под эгидой ШОС подчеркивается в Душанбинской декларации двадцатилетия ШОС (от 17 сентября 2021 г.), где сказано, что «сотрудничество в области науки и техники отвечает интересам всех государств-членов и имеет важное значение для развития их экономик» [5]. Объединяет противодействие угрозе «трех зол» на пространстве ШОС и развитие взаимодействия в научно-технической сфере между странами-участниками ШОС ряд обстоятельств.

А.И. Коробеев говорит «о высокой адаптированности преступности к происходящим в социуме изменениям, новейшим достижениям научно-технического прогресса, перерождению в новых формах, методах и способах совершаемых преступных посягательств в сферах, сложных для осуществления социального контроля» [14, с. 232]. Противодействие преступности должно быть адекватным с позиций технической оснащенности и интеллектуальной подготовленности. Такое соответствие невозможно без развития научно-технического сотрудничества. Н.Ш. Козаев подчеркивает необходимость учета научно-технических достижений при решении вопросов противодействия преступности [11, с. 6–7]. П.В. Жестеров констатирует, что современные технологии существенно облегчают возможности вербовки террористов, решение вопросов о финансировании, координации и т.п. [6, с. 63–64]. Аналогично рассуждают Ю.С. Горбунов [3, с. 103–104], а также Е.А. Капитонова и Г.Б. Романовский [9, с. 134], применительно к организованным преступным формированиям — А.Н. Мондохонов [16, с. 17]. Государственная деятельность по противодействию угрозе «трех зол» приобретает, вследствие этого, наукоемкий характер,

что обуславливает важность взаимодействия между различными государствами в научно-технической сфере.

Основным международным документом выступает Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 года (далее — Шанхайская конвенция). Она определяет терроризм как любое деяние, направленное на то, чтобы вызвать смерть какого-либо гражданского лица или любого другого лица, не принимающего активного участия в военных действиях в ситуации вооруженного конфликта, или причинить ему тяжкое телесное повреждение, а также нанести значительный ущерб какому-либо материальному объекту, равно как организация, планирование такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, когда цель такого деяния в силу его характера или контекста заключается в том, чтобы запугать население, нарушить общественную безопасность или заставить органы власти либо международную организацию совершить какое-либо действие или воздержаться от его совершения; соответствующие деяния должны быть признаны уголовно наказуемыми в национальном уголовном праве [20]. В приведенном определении содержатся указание на возможные последствия, потерпевших, характер деяния, цель совершения деяния, а также на варианты соучастия в этом деянии.

Сепаратизм Шанхайская конвенция определяет как «какое-либо деяние, направленное на нарушение территориальной целостности государства, в том числе на отделение от него части его территории, или дезинтеграцию государства, совершаемое насильственным путем, а равно планирование и подготовка такого деяния, пособничество его совершению, подстрекательство к нему, при условии, что такие деяния уголовно наказуемы в национальном уголовном праве» [20]. Сложность при формулировании трактовки сепаратизма связана с тем, что сталкиваются два международных принципа — уважения и сохранения территориальной целостности государств и права нации на самоопределение вплоть до отделения.

Экстремизм, в соответствии с Шанхайской конвенцией, — это «какое-либо деяние, направленное на насильственный захват власти или насильственное удержание власти, а также на насильственное изменение конституционного строя государства, а равно насильственное посягательство на общественную безопасность, в том числе организация в вышеуказанных целях незаконных вооруженных формирований или участие в них, при условии признания их уголовно-наказуемыми в национальном уголовном праве» [20]. Это определение ставит экстремизм в один ряд с терроризмом

и сепаратизмом по характеру и степени общественной опасности. Смысл приведенных положений Шанхайской конвенции состоит в понимании «трех зол» как деяний, подрывающих конституционный строй, безопасность государства, территориальную целостность и общественную безопасность. В связи с этим необходимым становится взаимодействие государств, особенно граничащих между собой, в целях пресечения возможности виновным укрыться от уголовного преследования на территории другого государства.

В Аналитической записке по Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 21 сентября 2020 года (далее — Аналитическая записка) такой подход подвергнут критике, сказано, в частности, что «некоторые аспекты определений терминов «терроризм», «сепаратизм» и так называемый «экстремизм» в Шанхайской конвенции, а также масштабы упомянутых в ней подготовительных или вспомогательных действий представляются расплывчатыми, чрезмерно широкими и неограниченными, и не дают представления о преступном умысле, который является необходимым элементом уголовного преступления; это вызывает озабоченность по поводу соблюдения принципов законности и определенности, предусмотренных уголовным правом и международными стандартами в области прав человека» [4, с. 12].

Авторы Аналитической записки уточняют далее свои замечания. «Наиболее проблематичным с точки зрения прав человека является требование об установлении уголовной ответственности за так называемый «экстремизм» или «сепаратизм», поскольку эти термины носят неопределенный и субъективный характер и могут обозначать широкий диапазон действий, а также то, какое воздействие это требование может оказать на свободу мысли, совести, религии или убеждений, свободу выражения мнения, свободу ассоциаций и мирных собраний, свободу участия в политической жизни и свободу самоопределения. Более того, отсутствие обязательных определений таких терминов и возможность принятия государствами-участницами собственных национальных определений в контексте Шанхайской конвенции считаются особенно проблематичными на международном уровне» [4, с. 13]. Последнее обстоятельство вряд ли вообще следует признать существенным недостатком Шанхайской конвенции, поскольку она определяет вопросы сотрудничества ее участников, а непосредственные меры уголовно-правового реагирования предусматриваются национальным правом. Что же касается универсальных прав человека, то они отражены в основополагающих международных актах о правах человека, на которые Шанхайская конвенция активно ссылается.

Шанхайская конвенция в ст. 6 предусматривает способы сотрудничества: обмен информацией; разработка и принятие согласованных мер для предупреждения, выявления и пресечения терроризма, сепаратизма и экстремизма, и взаимоуведомление о результатах их осуществления; обмен нормативными правовыми актами и материалами по практике их применения; обмен опытом работы по предупреждению, выявлению и пресечению проявлений терроризма, сепаратизма и экстремизма; подготовка, переподготовка и повышение квалификации своих специалистов в различных формах, и др. [20]. Необходимость взаимодействия в научной и научно-технической сфере прямо не названа в тексте документа, но перечисленные направления вряд ли осуществимы без развития научно-технического сотрудничества между странами-участницами ШОС. То же самое можно сказать и про предусмотренную в ст. 7 возможность обмена информацией между участниками Шанхайской конвенции о формах, методах и средствах совершения деяний, представляющих собой проявления терроризма, сепаратизма и экстремизма. Речь идет о сотрудничестве, например, в области криминалистической техники и тактики, напрямую связанных на достижениях естественных и технических наук. Взаимодействие в научно-технической сфере способно выступить важной составной частью совместных усилий по противодействию угрозе «трех зол».

Положения Шанхайской конвенции развивают два договора. Во-первых, Конвенция ШОС против терроризма от 16 июня 2009 года (далее — Конвенция против терроризма). В этом документе разграничиваются понятия «терроризм» и «террористический акт», терроризм определяется как «идеология насилия и практика воздействия на принятие решения органами власти или международными организациями путем совершения либо угрозы совершения насильственных и (или) иных преступных действий, связанных с устрашением населения и направленных на причинение ущерба личности, обществу и государству» [12]. Наблюдается гармонизация международного и национального права в части определения терроризма и его проявлений. Интересна также трактовка в Конвенции против терроризма террористической организации: «преступная группа, незаконное вооруженное формирование, банда, преступное сообщество, создаваемые для совершения преступлений и (или) совершающие преступления, охватываемые настоящей конвенцией; юридическое лицо, от имени, по указанию или в интересах которого осуществляется планирование, организация, подготовка и совершение хотя бы одного из преступлений, охватываемых настоящей Конвенцией» [12]. Обращает на себя внимание двойственность в понимании террористической организации — это и изначально преступное объединение, и юридическое лицо, изна-

чально не являющееся преступным объединением, но совершающее преступления террористической направленности. Наблюдается некоторое расхождение с установленными УК РФ составами преступлений: по национальному праву юридическое лицо оценивается как террористическая организация после судебного акта о признании ее таковой.

Ст. 7 Конвенции против терроризма устанавливает основные направления сотрудничества: «Стороны поощряют межрелигиозный и межкультурный диалог, охватывающий, где это необходимо, неправительственные организации и другие институты гражданского общества, при условии соблюдения национального законодательства в целях предупреждения ситуаций напряженности, которые могут привести к совершению преступлений, охватываемых настоящей Конвенцией» [12]. Необходимым условием успешности такого диалога выступают глубокие социально-антропологические, культурологические и религиоведческие исследования, дабы наметить общие взгляды, точки соприкосновения и общее направление взаимодействия в целом. Такие исследования невозможны, в свою очередь, без развития взаимодействия в научной и научно-технической сфере между странами — участницами ШОС. Аналогичной наукоемкостью обладают и такие меры, как: периодическая оценка правовых документов, регулирующих противодействие терроризму, и практических мер с точки зрения их эффективности; повышение профессионального уровня сотрудников правоохранительных и иных органов, осуществляющих противодействие терроризму; улучшение защиты физических лиц и объектов, включающее внедрение стандартов, предназначенных для повышения защищенности физических лиц и объектов; создание и внедрение критериев идентификации физических и юридических лиц, причастных к совершению преступлений, охватываемых настоящей Конвенцией; просвещение общественности об опасности терроризма и его негативных последствиях, а также об ответственности за совершение преступлений, охватываемых настоящей Конвенцией; обеспечение возможности населения информировать государственные органы, в том числе анонимно, о любых деяниях, которые могут рассматриваться в качестве преступлений, охватываемых настоящей Конвенцией [12]. Названные направления предполагают достаточно высокий уровень развития научной и научно-технической сферы в том или ином государстве. Учитывая, что террористические преступления признаются преступлениями международного характера [19, с. 68], взаимный обмен опытом в части научных достижений позволит странам-участницам ШОС, по меньшей мере, не отставать от террористических формирований в освоении и использовании достижений научно-технического прогресса.

Во-вторых, Конвенция ШОС по противодействию экстремизму от 9 июля 2017 г. (далее — Конвенция по противодействию экстремизму). Экстремизм в этой конвенции определяется как «идеология и практика, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий» [13]. Конвенция также определяет понятие «экстремистский акт», не известное на УК РФ, ни федеральному закону от 25 июля 2002 г. N114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (в случае с последним наблюдается и некоторое расхождение в общем понятии экстремизма, которое он определяет перечневым путем, и перечень этот шире по объёму, чем определено Конвенцией по противодействию экстремизму) [18]. Названные обстоятельства способны вызвать сложности в организации сотрудничества по противодействию экстремизму, а также требуют дополнительных научных исследований.

Ряд положений ст. 7 Конвенции по противодействию экстремизму практически идентичны уже рассмотренным положениям ст. 7 Конвенции против терроризма. Отметим, однако, также ещё такие направления в Конвенции по противодействию экстремизму, как усиление пропагандистской деятельности по противодействию экстремизму и контрпропаганды против распространения экстремистской идеологии, в том числе в средствах массовой информации и сети Интернет; мониторинг средств массовой информации и сети Интернет в целях своевременного выявления и пресечения распространения экстремистской идеологии; ограничение доступа к экстремистскому материалу, размещенному в информационно-телекоммуникационных сетях, в том числе в сети Интернет; укрепление культурных традиций, духовного, нравственного и патриотического воспитания, призванного побудить граждан осознанно противостоять экстремизму [13]. Речь идет о развитых информационных технологиях, массовости и всеохватности сети Интернет, которая стала удобной площадкой для экстремизма. Темпы развития информационных технологий, глобальный характер информационно-телекоммуникационных сетей, усложняют противодействие преступлениям, совершаемым в сети Интернет, на национальном уровне. Необходим взаимнообмен научно-технологическими разработками и взаимодействие правоохранительных органов нескольких государств.

Конвенция по противодействию экстремизму в п. 10 ч. 2 ст. 7 содержит прямое указание на необходимость научного сотрудничества между странами-участницами — в качестве одной из мер рассматривается «проведение исследований в сфере противодействия экстремизму, в том числе на между-

народных площадках, участниками которых являются Стороны» [13]. Думается, это выражение определенной тенденции в информационную эпоху по повышению роли науки, по интернационализации науки и по ее проникновению во все сферы социальной жизни. Научные исследования рассматриваются в качестве одной из составляющих политики противодействия социально вредным явлениям, в том числе угрозе «трех зол».

В пользу признания существования такой тенденции свидетельствует принятие в 2020 году Советом глав государств-членов ШОС Заявления о противодействии распространению террористической, сепаратистской и экстремистской идеологии, в том числе в сети Интернет, в котором сказано, в частности, что «одним из важных направлений сотрудничества по противодействию распространению террористической, сепаратистской и экстремистской идеологии должно стать совместное формирование подходов, направленных на дискредитацию терроризма, сепаратизма и экстремизма» [7]. Формирование таких подходов предполагает не только проведение специальных научных исследований, но и взаимодействие между государствами в процессе их проведения, поскольку подчеркивается совместный характер подходов.

В другом документе «государства-члены ШОС признают беспрецедентный прогресс в развитии и использовании информационно-коммуникационных технологий, формирующих глобальное информационное пространство, и их растущее влияние на повседневную жизнь, а также политическую, экономическую, социально-культурную и другие составляющие, которые также могут оказывать воздействие на национальный и международный мир и безопасность» [8]. Неслучайно Н.Ш. Козаев настаивает на комплексном характере правовых средств противодействия преступности, связанной с использованием достижений научно-технического прогресса [10, с. 336]. Необходимость разви-

тия сотрудничества между государствами признается ШОС, это следует из текстов ее основных ее документов. Специфика же мер противодействия угрозе «трех зол» делает необходимым развитие сотрудничества в научно-технической сфере. Преступность активно использует достижения науки в различных областях. Развитие информационного пространства, массовизация Интернета довольно быстро выступили новым полем для проявлений терроризма, сепаратизма и экстремизма. Эффективно же противодействовать им на этом поле возможно только при условии объединения усилий различных государств и развития взаимодействия между ними в научно-технической сфере.

ШОС изначально формировалась как стержень системы региональной безопасности [1, с. 64]. Анализ основных документов ШОС в данной сфере показывает, что среди направлений противодействия угрозе «трех зол» вначале косвенно, а затем и прямо признается развитие взаимодействия в научно-технической сфере. «Шанхайский дух» выступил здесь необходимой предпосылкой здоровой и разумной оценки обстановки, требующей новых решений, научных поисков и научного сотрудничества на паритетных началах. В связи с этим важно постоянное взаимодействие для более полного учета достижений научно-технического прогресса. Потенциал ШОС как организации, основывающейся на конструктивистских началах, в условиях многополярности мира только начинает разворачиваться в полной мере. Представляется необходимым согласиться с авторами, рассматривающими расширение состава организации как благо, как инструмент повышения ее эффективности [21, с. 302]. Современная преступность не знает ни границ государств, ни рамок международных организаций, в связи с чем для успешного ей противодействия и взаимодействие систем противодействия преступности тоже должно быть трансграничным. Здесь значительную роль может играть научная сфера, носящая интернациональный и трансграничный характер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василенко В.И., Василенко В.В., Потеенко А.Г. Шанхайская организация сотрудничества в региональной системе безопасности (политико-правовой аспект): монография. М.: Проспект, 2018. 192 с.
2. Вэй Ли. Китай и международное сотрудничество в борьбе с терроризмом / пер. с англ. И. Сиренко. М.: Серебряные нити, 2021. 296 с.
3. Горбунов Ю.С. Терроризм и правовое регулирование противодействия ему: монография. М.: Молодая гвардия, 2008. 460 с.
4. Даффи Х., Грин А. Аналитическая записка по Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Варшава: Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека, 2020. 35 с.
5. Душанбинская декларация двадцатилетия ШОС // <http://rus.sectscsco.org/>
6. Жестеров П.В. Манифест уголовной репрессии эпохи дополненной реальности: монография. М.: Проспект, 2017. 224 с.
7. Заявление Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о противодействии распространению террористической, сепаратистской и экстремистской идеологии, в том числе в сети Интернет. г. Москва, 10 ноября 2020 г. // URL: <http://rus.sectscsco.org/>
8. Заявление Совета глав государств-членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности. г. Москва, 10 ноября 2020 г. // URL: <http://rus.sectscsco.org/>

9. Капитонова Е.А., Романовский Г.Б. Современный терроризм: монография. М.: Юрлитинформ, 2015. 216 с.
10. Козаев Н.Ш. Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом: монография / под ред. А.В. Наумова. М.: Юрлитинформ, 2019. 480 с.
11. Козаев Н.Ш. Современные проблемы уголовного права, обусловленные научно-техническим прогрессом: дисс. д-ра юрид. наук: 12.00.08. Краснодар, 2016.
12. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества против терроризма. Заключена в г. Екатеринбурге 16 июня 2009 г. // URL: <http://rus.sectscsco.org/>
13. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму. Заключена в г. Астана 9 июля 2017 г. // URL: <http://rus.sectscsco.org/>
14. Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 352 с.
15. Курбанов Р.А. Евразийское право: учебник для магистратуры. М.: Проспект, 2021. 600 с.
16. Мондохонов А.Н. Преступные объединения в уголовном праве России: закон, теория, практика: монография. М.: Проспект, 2021. 288 с.
17. Муратбекова А. Кризис идентичности Шанхайской организации сотрудничества: что будет дальше? // Вестник международных организаций. 2019. Т. 14. № 4. С. 138–160.
18. О противодействии экстремистской деятельности: федеральный закон от 25 июля 2002 г. N114-ФЗ // <https://internet.garant.ru/#/document/12127578/paragraph/119:1>
19. Уткин В.А. Международное право борьбы с преступностью: учебное пособие. М.: ЮСТИЦИЯ, 2019. 188 с.
20. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 15 июня 2001 г. // URL: <http://rus.sectscsco.org/>
21. Шанхайская организация сотрудничества: новые приоритеты развития: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: ИНФРА-М, 2017. 304 с.

© Куликов Егор Алексеевич (kulikoveg@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Алтайский государственный университет

ПРИМЕНЕНИЕ ОБЩИХ ПРАВИЛ УПРОЩЕННОГО АРБИТРАЖНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА К ПРОЦЕДУРАМ БАНКРОТСТВА

APPLICATION OF THE GENERAL RULES OF SIMPLIFIED ARBITRATION PROCEEDINGS TO BANKRUPTCY PROCEDURES

D. Pilchina

Summary. The article deals with the issues of simplified court proceedings in Russia, with the justification of the need to unify simplified arbitration proceedings regulated by the Agro-industrial Complex of the Russian Federation and the rules of simplified bankruptcy procedures, primarily bankruptcy procedures of liquidated and absent debtors. Simplified proceedings under the rules of the Agro-industrial Complex of the Russian Federation and simplified bankruptcy procedures are common in the law enforcement practice of arbitration courts. Taking into account the current epidemiological conditions associated with the long-term spread of a new coronavirus infection, written proceedings without the face-to-face appearance of participants in the process have advantages, which contributes to its wider application. The author concludes that the concept of simplified proceedings in Russian legislation is ambiguous, since for arbitration proceedings it includes a written process in absentia with fixed limitations on the procedural capabilities of the parties, and bankruptcy legislation considers simplified bankruptcy procedures as procedures applicable to special bankrupt entities, primarily to liquidated and absent debtors. However, all simplified procedures, in comparison with standard procedures, are characterized by a relatively low conflict of the process, which indicates the possibility of applying the rules of simplified arbitration proceedings to simplified bankruptcy procedures, for the purpose of improving the quality of the bankruptcy process.

Keywords: bankruptcy law, insolvency, bankruptcy, simplified procedures, absent debtor, liquidated debtor, simplified proceedings, correspondence proceedings, arbitration process, unification of arbitration process.

Пильчина Дамира Жангазыевна
Аспирант, Международный юридический институт, Москва
Damira03@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы упрощенного судопроизводства в России, с обоснованием необходимости унификации упрощенного арбитражного судопроизводства, урегулированного АПК РФ, и правил упрощенных процедур банкротства, в первую очередь процедур банкротства ликвидируемого и отсутствующего должников. Упрощенное производство по правилам АПК РФ и упрощенные процедуры банкротства распространены в правоприменительной практике арбитражных судов. С учетом текущих эпидемиологических условий, связанных с длительным распространением новой коронавирусной инфекции, письменное судопроизводство без очной явки участников процесса имеет преимущества, что способствует его более широкому применению. Автором сделан вывод, что понятие упрощенного производства в российском законодательстве является неоднозначным, поскольку для арбитражного судопроизводства включает в себя заочный письменный процесс с фиксированными ограничениями процессуальных возможностей сторон, а банкротное законодательство рассматривает упрощенные процедуры банкротства как процедуры, применимые к особым банкротным субъектам, в первую очередь к ликвидируемым и отсутствующим должникам. Однако, все упрощенные процедуры, по сравнению со стандартными процедурами, характеризуются относительно низкой конфликтностью процесса, что свидетельствует о возможности применения правил упрощенного арбитражного судопроизводства к упрощенным процедурам банкротства, для целей повышения качества банкротного процесса.

Ключевые слова: конкурсное право, несостоятельность, банкротство, упрощенные процедуры, отсутствующий должник, ликвидируемый должник, упрощенное судопроизводство, заочное судопроизводство, арбитражный процесс, унификация арбитражного процесса.

Упрощенные судебные процедуры получили свое признание в процессуальном законодательстве достаточно давно, начиная с дореволюционного законодательства. В Уставе гражданского судопроизводства 1864 года [1] предполагался специальный сокращенный порядок рассмотрения дел, в разрешении которых не усматривалось значительных сложностей, что послужило началом специальным упрощенным судебным процедурам. Наличие судебных процедур,

адекватных существу возникшего спора, является важным и в настоящее время, поскольку обеспечивает реализацию задачи надлежащего, своевременного и всестороннего рассмотрения судебного спора. По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации на первую половину 2021 года количество рассмотренных дел упрощенного судопроизводства, применительно к арбитражным судам, составляет 33,75% от общего количества рассмотренных дел [2],

что свидетельствует о том, что упрощенное производство является значительной частью современного арбитражного процесса.

Если рассматривать законодательство о банкротстве, действующее в России с 90-х годов XX века, то первый закон о банкротстве, Закон РФ от 19.11.1992 N3929-1 «О несостоятельности (банкротстве) предприятий», кратко указавший основные направления для правового регулирования банкротных правоотношений, не включил в себя особенности упрощенных процедур банкротства. Однако уже по тексту данного законодательного акта отмечалось, что должник, находящийся в ликвидации, может быть подвергнут специальной внесудебной процедуре — конкурсному производству, управляемому кредиторами такого должника. Первый закон о банкротстве рассматривал внесудебные процедуры банкротства как более перспективные, по сравнению с упрощенными (сокращенными) банкротными процедурами.

Следующий Закон о банкротстве, Федеральный закон от 8 января 1998 г. N6-ФЗ, включил в свой состав главу X, посвященную упрощенным процедурам банкротства, среди которых предлагалось различать две процедуры — ликвидируемого и отсутствующего должника. Данные правовые нормы по своему содержанию близки к современному правовому регулированию [3]. Ликвидируемый должник был определен как организация (юридическое лицо) — должник, в отношении которого уполномоченным органом принято решение о ликвидации. Федеральный закон N6-ФЗ указывал на такой признак ликвидируемого должника как недостаточность его имущества для полного погашения требований всех кредиторов в ходе процедуры добровольной ликвидации. Существовала возможность осуществления полномочий арбитражного управляющего в деле о банкротстве такого должника непосредственно ликвидатором, даже если по своим характеристикам он не соответствовал предъявляемым к арбитражному управляющему требованиям. «Упрощение» банкротной процедуры в отношении ликвидируемого должника означало применение к такому должнику исключительно конкурсного производства, при этом процедура конкурса упрощалась в части порядка предъявления требований кредиторов (срок заявления в реестр устанавливался в один месяц).

Необходимо отметить, что Федеральный закон N6-ФЗ предполагал возможность применения к ликвидируемому должнику еще одной процедуры — добровольное объявление о ликвидации — банкротстве, что регулировалось главой XII указанного законодательного акта. При этом данная процедура рассматривалась вне рамок упрощенных процедур банкротства.

Современное правовое регулирование, изложенное в Главе XI Федерального закона от 26.10.2002 N127-ФЗ, посвященной упрощенным процедурам в деле о банкротстве, основываясь на конструкции упрощенного банкротства, ликвидируемого и отсутствующего должников, заложенной Федеральным законом N6-ФЗ, имеет тенденцию к большей унификации с обычными банкротными процедурами. Это подтверждается тем, что какие-либо внесудебные процедуры банкротства Федеральным законом N127-ФЗ не предусмотрены, возможность возложения исполнения обязанностей на иное лицо, помимо арбитражного управляющего, исключается. Законодательное регулирование отходит от сокращения процессуальных сроков на включение в реестр требований кредиторов. Так, в отношении отсутствующего должника в 2004 году Пленумом ВАС РФ было разъяснено, что к таким должникам в ряде случаев применим общий срок закрытия реестра, составляющий два месяца [4]. В отношении ликвидируемых должников правило о сокращении срока на включение в реестр требований кредиторов должника утратило силу на основании Федерального закона от 29.12.2014 N482-ФЗ.

Состав субъектов, упрощенных банкротных процедур с 2013 года дополнен установлением особенностей банкротства специализированного общества и ипотечного агента, соответственно, Федеральный закон N127-ФЗ был дополнен новым параграфом 3 Главы XI, посвященным новой банкротной процедуре. Специальные правила банкротства специализированного общества и ипотечного агента включают в себя ограничения на стадии возбуждения дела о банкротстве, а также специальный порядок формирования и распределения конкурсной массы. Следовательно, особенности банкротства специализированного общества и ипотечного агента связаны, в первую очередь, с особенностями правового статуса данных субъектов, что определяет не упрощение их банкротства, а специализированный подход к процедуре конкурсного производства [5].

Необходимо сделать вывод, что основной составляющей упрощенных процедур банкротства является отказ от применения к должнику наблюдения и восстановительных процедур, по существу конкурсного производства существенных отклонений от хода обычного конкурсного производства законом не предусмотрено.

Данный подход к правовому регулированию упрощенных процедур банкротства отличается от правового регулирования упрощенного порядка судопроизводства, предусмотренного АПК РФ. По своему существу упрощенный порядок арбитражного судопроизводства представляет собой вид заочного судопроизводства [6], отличный от общеискового порядка

рассмотрения дел, осуществляемый без вызова сторон с установлением фиксированного порядка предоставления доказательств.

Упрощенное арбитражное судопроизводство представляет собой исключительно письменный процесс, где стороны лишены личного представления своей правовой позиции, судебное разбирательство осуществляется арбитражным судом единолично исходя из письменных доказательств, представленных сторонами в строго обозначенные арбитражным судом процессуальные сроки. Упрощенному судопроизводству подлежат ограниченная категория споров, для которых определены имущественные пределы.

Наличие и совершенствование упрощенного судопроизводства отвечает основным трендам европейского правосудия [7]. В научной литературе отмечается [8], что в период пандемии новой коронавирусной инфекции упрощенное арбитражное судопроизводство очевидно проявило свои преимущества.

По общему правилу, нормы, регулирующие упрощенное арбитражное судопроизводство, не применимы к банкротным правоотношениям. С целью разъяснения применения норм АПК РФ, Верховным Судом РФ издано Постановление Пленума от 18.04.2017 № 10 по отдельным вопросам практики применения данных процедур арбитражными судами и судами общей юрисдикции, в связи с возникающими в практике их работы вопросами. В пункте 16 указанного Постановления прямо предусматривается, что общесудебные правила упрощенного искового производства не применяются к банкротству в силу специфики правового регулирования банкротных процедур. Текущая редакция статьи 227 АПК РФ прямо исключает применение правил упрощенного судопроизводства к рассмотрению дел о несостоятельности (банкротстве).

В научной литературе ранее высказывалось мнение [9] относительно необоснованности подобных ограничений, возможности применения правил упрощенного арбитражного судопроизводства к банкротным правоотношениям в части регулирования порядка рассмотрения требований кредиторов на стадии проверки их обоснованности для целей включения в реестр требований кредиторов должника.

Необходимо отметить, что упрощенное арбитражное судопроизводство имеет большие перспективы положительного практического применения именно в области упрощенных банкротных процедур.

Характерной чертой упрощенных процедур банкротства является их относительная бесспорность,

прежде всего в части отсутствующих должников [10], и, как правило, прекращение дальнейшей деятельности при отсутствии значительного объема собственных активов. Так, в соответствии со статистическими данными, представленными Верховным Судом РФ по итогам первого полугодия 2021 года [2], общее количество дел о банкротстве, завершаемых в отношении ликвидируемых должников, составляет 592 дела, из них завершено в связи с отсутствием имущества, достаточного для покрытия судебных расходов, 353 дела, то есть 59,6% от общего количества. Общее количество дел о банкротстве, завершаемых в отношении отсутствующих должников, составляет 393 дела, из них завершено в связи с отсутствием имущества, достаточного для покрытия судебных расходов, 110 дел, то есть 27,98% от общего количества. Общее количество завершаемых процедур конкурсного производства за указанный период составляет 3676 дел. Общий процент погашения требований кредиторов в процедурах банкротства ликвидируемых должников за указанный период составляет 7,48%, а отсутствующих должников — 2,04%. Приведенные показатели свидетельствуют о низком уровне имущественных активов, отсутствии реальной финансово-хозяйственной деятельности данных должников, что приводит к снижению уровня конфликтности упрощенных процедур банкротства.

Применение к упрощенным процедурам банкротства правил упрощенного арбитражного судопроизводства будет содействовать достижению их целей, так как по упрощенным должникам изначально очевидна цель банкротства — скорейшее прекращение деятельности, с прекращением долговых обязательств конкретного лица — должника [11]. Отказ от явки лиц, участвующих в деле о банкротстве, в судебное заседание, переход к письменному процессу, установление сокращенных процессуальных сроков рассмотрения и обжалования, сокращение процессуальных действий в рамках упрощенных процедур банкротства непосредственно способствуют более эффективному практическому применению данных процедур. При этом правила упрощенного арбитражного судопроизводства не лишают арбитражный суд возможности осуществить переход к обычной исковой процедуре, если этого требуют интересы рассматриваемого дела (ст. 227 АПК РФ). Аналогичную возможность целесообразно предусмотреть и для суда, рассматривающего банкротное дело.

Таким образом, необходимо отметить, что существующее правовое регулирование банкротных правоотношений, не предусматривающее применение к ним правил упрощенного арбитражного процесса, не соответствует целям и особенностям упрощенных процедур банкротства, а также приводит к излишнему усложнению данных процедур, их затягиванию и ро-

сту судебных расходов на их проведение. Применение общих правил упрощенного арбитражного судопроизводства к упрощенным процедурам банкротства также

позволит более рационально распределять судебную нагрузку на арбитражные суды в части рассмотрения дел о банкротстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пирко Г.О. Упрощение гражданского судопроизводства: вектор развития // Юрист. 2019. N11. С. 49–59.
2. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов за 1 полугодие 2021 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5897> // Дата обращения: 27.12.2021 г.
3. Габов А.В. Ликвидация юридических лиц. История развития института в российском праве, современные проблемы и перспективы. М.: Статут, 2011. 303 с.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 15.12.2004 N29 (ред. от 21.12.2017) «О некоторых вопросах практики применения Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «Консультант Плюс». Дата обращения: 27.12.2021 г.
5. Иванов О.М. Секьюритизация кредита: три вызова праву // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. N2. С. 58–77.
6. Кондюрина Ю.А. Реализация принципов арбитражного и гражданского процесса в упрощенном производстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. N1. С. 55–59.
7. Крымский Д.И. Упрощенные производства по гражданским делам в зарубежном законодательстве и судебной практике // Российский судья. 2020. N12. С. 51–55.
8. Макеева Е.Б. Упрощенное производство в арбитражном процессе: корпоративно-правовые аспекты // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. N3. С. 30–34.
9. Шевченко И.М. К вопросу о необходимости упрощенного порядка рассмотрения требований кредиторов в делах о банкротстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2018. N1. С. 48–52.
10. ВС РФ меняет практику банкротства «пустых» компаний в пользу ФНС // Практическая бухгалтерия. 2021. N7. С. 67–69.
11. Иванова С.П., Земляков Д.Н., Баранников А.Л. Несостоятельность (банкротство) юридических и физических лиц: учебное пособие. М.: Юстиция, 2018.

© Пильчина Дамира Жангазыевна (Damira03@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Международный юридический институт

СООТНОШЕНИЕ УСТАНОВЛЕНИЯ ИСТИНЫ В УГОЛОВНОМ ДЕЛЕ С НАЗНАЧЕНИЕМ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА И ПРИНЦИПОМ СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ

CORRELATION OF ESTABLISHING THE TRUTH IN A CRIMINAL CASE WITH THE APPOINTMENT OF CRIMINAL PROCEEDINGS AND THE PRINCIPLE OF COMPETITIVENESS

V. Proshin

Summary. The proclamation in the conviction of the fact of establishing «objective truth» in the case raises the question of its correlation with the results of solving problems that determine the purpose of criminal proceedings, both in terms of protecting the rights and legitimate interests of persons and organizations who have suffered from crimes, and protecting the individual from illegal and unfounded accusations, convictions, restrictions on her rights and freedoms. The assumption of the existence of «objective truth» in any case sets the vector movement of the evidentiary process towards its establishment, during which the purpose of criminal proceedings moves to the background, acquiring the form of a normative declaration of indirect application. The orientation of the court towards the need to establish the truth in the case encourages the prosecution to search for it, and not to the process of proving in the adversarial regime, because the purpose and constitutional meaning of the adversarial principle of criminal proceedings is emasculated.

Keywords: criminal offense; circumstances subject to proof in a criminal case; assessment of evidence; crime event; collection, verification and assessment of evidence; admissibility, relevance, reliability and sufficiency of evidence; participant in criminal proceedings; objective truth; relative truth; judge; jurors; criminal sentence, criminal proceedings, appointment of criminal proceedings, adversarial.

Прошин Владимир Михайлович

*Д.ю.н., профессор, Московский государственный
областной университет; адвокат, Московская
коллегия адвокатов «Защита»
advokat.proshin.v.m@gmail.com*

Аннотация. Провозглашение в обвинительном приговоре факта установления «объективной истины» по делу ставит вопрос о её соотношении с результатами решения задач, определяющих назначение уголовного судопроизводства, как в части защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод. Допущение факта существования «объективной истины» в любом деле задаёт векторное движение доказательного процесса к её установлению, в ходе которого назначение уголовного судопроизводства перемещается на второй план, приобретая форму нормативной декларации непрямого применения. Ориентирование суда на необходимость установления истины по делу, подвигает сторону обвинения на её поиск, а не на процесс доказывания в режиме состязательности, ибо назначение и конституционный смысл принципа состязательности уголовного судопроизводства выхолащивается.

Ключевые слова: уголовное преступление; обстоятельства, подлежащие доказыванию по уголовному делу; оценка доказательств; событие преступления; сбор, проверка и оценка доказательств; допустимость, относительность, достоверность и достаточность доказательств; участник уголовного судопроизводства; объективная истина; относительная истина; судья; присяжные заседатели; уголовный приговор, уголовное судопроизводство, назначение уголовного судопроизводства, состязательность.

Анализ материалов многих уголовных дел позволяет выявить одну особенность правоприменительной практики: достаточно часто судьи в обвинительных приговорах делают утверждение, что по делу установлена «объективная истина». Об установлении истины в уголовном судопроизводстве писали многие учёные-юристы, а именно: об истине, как результате разрешения уголовно-правового конфликта [1], об истине, как цели доказывания [2], о материально-правовых основах формирования принципа материальной (объективной) истины [3] и т.д. По нашему мнению, необходимо заметить, что провозглашение

факта установления «объективной истины» по делу есть не что иное, как субъективно оценочный вывод об объективности и достоверности установленных обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также об иных обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 74 УПК РФ). Субъективность в данном случае вытекает из процессуально установленных условий оценки, в соответствии с которыми судья, присяжные заседатели, прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном

деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью (ст. 17 УПК РФ). Субъективное суждение исследователя об объективном, как итог анализа сведений об обстоятельствах предмета исследования, всегда носит субъективный характер. Поэтому истина в данном случае носит не объективный, а субъективный характер, то есть она относительна, так как производна от субъективного оценочного суждения лица принимающего решение по делу. [4]

При допущении, что по каждому находящемуся в уголовном судопроизводстве делу должна быть установлена «объективная истина», как итог нормативно регламентированного процесса доказывания, встаёт вопрос о её соотношении с результатами решения задач, определяющих назначение уголовного судопроизводства, как в части защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений, так и защиты личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения её прав и свобод (ч. 1 ст. 6 УПК РФ).

По большинству уголовных дел лицо, совершившее преступление, установлено, вина его доказана и в обвинительном приговоре суд провозглашает, что «объективная истина» по делу установлена, виновность подсудимого в совершении преступления полностью подтверждена имеющимися в деле доказательствами, исследованными в ходе судебного рассмотрения. Но, как часто бывает, имущество, похищенное у лица (или организации), потерпевшего от преступления, не найдено и не возвращено владельцу. Следовательно, нарушенные законные права данного лица (или организации) не восстановлены, а значит полного решения задач назначения уголовного судопроизводства не достигнуто.

Поэтому, опираясь на выработанный правоприменительной практикой подход на целеполагание установление «объективной истины» в ходе доказательного процесса при производстве по уголовному делу, следует отметить, что её установление по делу не есть основание для утверждения о достижении назначения уголовного судопроизводства в расследованном преступлении, а является неправовой формой обличения результата субъективного суждения суда об установлении по делу всех обстоятельств, подлежащих доказыванию, путём их сбора, проверки и в конечном счёте оценки с точки зрения относимости, допустимости и достоверности каждого из доказательств, а всех собранных доказательств в совокупности — достаточности для разрешения уголовного дела (ч. 1 ст. 73; ст. 88 УПК РФ).

Так следует ли суд нормативно ориентировать на установление «объективной истины» по делу? Ори-

ентирование суда на установление «объективной истины» в уголовном деле возлагает на судью обязанность активно участвовать в доказательном процессе, как средстве её установления. Но согласно ч. 3 ст. 15 УПК РФ суд не является органом уголовного преследования, не выступает на стороне обвинения или стороне защиты. Суд создаёт необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав. Следовательно, как и было выше указано, суд участвует в установлении «объективной истины» по делу в основном путём субъективной оценки собранных и проверенных доказательств, руководствуясь при этом понимаемыми судьёй в ходе конкретного разбирательства законом и совестью (ст. 17 УПК РФ).

Если под истиной в уголовном деле понимать исключительно только достоверность и достаточность сведений об обстоятельствах события преступления, установленных и нашедших своё подтверждение в ходе судебного рассмотрения, и с их оценкой согласились суды вышестоящих инстанций, то какова степень ответственности суда в условиях, когда доказательства, положенные в обоснование обвинения подсудимого, не нашли своего подтверждения по итогам оценки на стадии судебного разбирательства? Ведь вынесение оправдательного приговора (подп. 2 и 3 ч. 1 ст. 302 УПК РФ) ставит судью в положение лица не сумевшего установить истину по делу, если требование её установления возложить на судью. Уголовное преступление не раскрыто, но защищена личность от незаконного и необоснованного обвинения и осуждения, то есть решена одна из задач назначения уголовного судопроизводства.

Если исходить из выше предложенного допущения и полагать, что истина в условиях нераскрытого преступления не установлена, то получается конечным участником на стадии судебного разбирательства, принимавшим участие в уголовном судопроизводстве и взявшим ответственность за неустановление истины по делу, но обеспечившим достижение назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), явился судья, рассмотревший это дело. То есть, ориентирование доказательного процесса на установление нормативно не предусмотренной «объективной истины» по делу, достаточно часто может приводить к коллизии с назначением уголовного судопроизводства, дезориентируя ход уголовного преследования.

Допущение факта существования «объективной истины» в любом деле задаёт векторное движение доказательного процесса к её установлению, в ходе которого назначение уголовного судопроизводства перемещается на второй план, приобретая форму нормативной

декларации непрямого применения. Данное обстоятельство толкает суд на занятие позиции обвинительного уклона в ходе судебного рассмотрения уголовного дела, позволяющего спрятать следственные ошибки и сгладить упущения, неполноту и односторонность предварительного расследования. Ибо провозглашённое статьёй 6 УПК РФ назначение уголовного судопроизводства в виде двух неразрывных задач, подлежащих решению в каждом уголовном деле, как оценочные критерии качества его расследования, в работе следственных органов и органов дознания трансформировались в количественные оценочные критерии статистики раскрываемости (ведомственный критерий). В итоге для следователей истина превратилась в лозунговую словесную форму, формирование содержания которой подчинено не поиску истины, а решению задач ведомственных интересов, основанных на статистической отчётности высокой раскрываемости преступлений.

И в условиях векторного целеполагания процесса уголовного преследования не на решение задач уголовного судопроизводства, а на установление истины по делу, правоприменительная практика фокусирует внимание и усилия стороны обвинения, а затем и судей на косвенных доказательствах, в большинстве своём основанных на отсутствии у подвергнутого уголовному преследованию лица алиби и наличии у него же мотива в совершении преступления. Все иные версии отвергаются, даётся обвинительная оценка сведений об обстоятельствах события преступления применительно к участию в данном событии лица, подвергнутого уголовному преследованию, и в завершении провозглашается факт установления «объективной истины» по делу, как самостоятельный аргумент раскрытия преступления, подтверждающий качества полноты и достоверности доказательств, положенных в обоснование обвинения.

Ориентирование суда на необходимость установления истины по делу, подвигает сторону обвинения на её поиск, а не на процесс доказывания в режиме состязательности. Усилия стороны обвинения фокусируются на формировании понимания истины в расследуемом деле с позиции ведомственного интереса, а не на процессе доказывания обстоятельств, обязательных к установлению. Происходит не криминалистическая реконструкция события преступления на основе процесса доказывания, а реконструкция истины в расследуемом деле на основе её понимания в рамках ведомственного интереса. Выхолащивается назначение и конституционный смысл принципа состязательности уголовного судопроизводства (ст. 15 УПК РФ), ведь действия представителей стороны защиты воспринимается стороной обвинения как противодействие ходу расследования и установлению истины, ибо монопольное право её

понимания и установления по итогам расследования принадлежит, как считают многие следователи и прокурорские работники, стороне обвинения.

«Абсолютная истина» непознаваема в силу бесконечности мироздания. То, что понимается под истиной в любом деле, как было замечено выше, является относительной истиной, а значит юридически значимое содержание этой истины может меняться в ходе производства по уголовному делу, и результат её влияния на итоговое оценочное суждение судьи по делу зависит от успешности действий сторон в доказательном процессе по сбору, проверке и оценки доказательств. Поэтому процессуально-правовой смысл принципа состязательности сторон даёт основание для понимания истины в любом деле, как результат доказанности всех обстоятельств, подлежащих установлению по делу, оцененный судьёй с позиции закона и совести.

Постановка вопроса о наличии «объективной истины» в любом расследуемом уголовном деле заменяет отношения состязательности сторон в установлении обстоятельств, подлежащих доказыванию, режимом поиска этой истины, ибо сам факт её наличия в деле даёт основание полагать возможным её нахождение и вне рамок состязательности. Ведь направление доказательного процесса на установление «объективной истины» по итогам оценки судьёй как каждого из доказательств отдельно, так и в совокупности, позволяет облечь ошибочный субъективизм в толковании закона и в понимании совести (ст. 17 УПК РФ) в форму нормативно не предусмотренного понятия «объективной истины».

А процесс состязательности всегда предполагает нормативно регламентированный результат доказанности или недокazanности лица в совершении преступления. Доказанность либо недокazanность виновности лица, подвергнутого уголовному преследованию, в совершении преступления в условиях состязательности в любом случае отвечает назначению уголовного судопроизводства ст. 6 УПК РФ), способствует обеспечению презумпции невиновности (ст. 14 УПК РФ), обеспечению гарантий защиты прав, свобод и личной неприкосновенности (ст.ст. 22, 45, 46 Конституции РФ). [5]. Провозглашение наличия «объективной истины» в деле и необходимости её найти заранее предполагает наличие порока в правовой позиции одной из сторон, подмывая гарантированное их равноправие перед судом (ч. 4 ст. 15 УПК РФ). Целеполагание процесса расследования на установление истины по делу размывает нормативно установленные рамки назначения уголовного судопроизводства, заменяя нормативно заданный процесс обязательности доказывания определённых законом обстоятельств нормативной неопределённостью процесса поиска истины в деле.

ЛИТЕРАТУРА

1. Л.Н. Масленникова, «Юридическая истина как результат разрешения уголовно-правового конфликта о нарушении уголовно-правового запрета». С. 35–45. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 16–17 марта 2018 г. Верховный Суд Российской Федерации. Северо-западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».
2. А.М. Баранов, «Цель доказывания — цель уголовного процесса?». С. 59–63. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 16–17 марта 2018 г. Верховный Суд Российской Федерации. Северо-западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».
3. Ф.А. Воскресенский, «Материально-правовые основы формирования принципа материальной (объективной) истины в континентальной модели уголовного процесса». С. 79–85. Материалы Всероссийской научно-практической конференции 16–17 марта 2018 г. Верховный Суд Российской Федерации. Северо-западный филиал ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия».
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (в редакции от 24.04.2020).
5. Конституция Российской Федерации от 12.12.1993 (с учётом поправок от 14.03.2020 № 1-ФЗ).

© Прошин Владимир Михайлович (advokat.proshin.v.m@gmail.com).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московский государственный областной университет

К ВОПРОСУ О НАРУШЕНИИ ПРИНЦИПА НЕЗАВИСИМОСТИ АДВОКАТУРЫ ПОПРАВКАМИ, ПРЕДЛОЖЕННЫМИ ПРОЕКТОМ ФЗ «О ВНЕСЕНИИ ИЗМЕНЕНИЙ В ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «ОБ АДВОКАТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И АДВОКАТУРЕ» В ЧАСТИ ДИСЦИПЛИНАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ АДВОКАТА

ON THE ISSUE OF VIOLATION OF THE PRINCIPLE OF INDEPENDENCE OF THE BAR BY AMENDMENTS PROPOSED BY THE DRAFT FEDERAL LAW "ON AMENDMENTS TO THE FEDERAL LAW "ON ADVOCACY AND ADVOCACY" REGARDING THE DISCIPLINARY RESPONSIBILITY OF A LAWYER

**O. Ryabova
N. Kuznetsova**

Summary. The article is devoted to the analysis of the draft Federal Law "On Amendments to the Federal Law "On Advocacy and Advocacy in the Russian Federation", developed by the Ministry of Justice of the Russian Federation. The authors consider the legislative initiative proposed by the department in terms of the possibility of participation, and in fact the influence of the latter on the implementation of the norms concerning the disciplinary responsibility of lawyers. This innovation is assessed by the authors as unacceptable interference in the affairs of the legal community and violation of the principle of independence of the bar by the state (state bodies).

Keywords: the bar, the lawyer, the state. the principle of independence, disciplinary proceedings, disciplinary responsibility.

Рябова Ольга Алексеевна

Преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт ФСИИ России»
frau.lilya2012@yandex.ru

Кузнецова Наталья Владимировна

Старший преподаватель, ФКОУ ВО «Владимирский юридический институт ФСИИ России»
kuznezova-1963@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу проекта Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», разработанного Министерством Юстиции РФ. Авторы рассматривают предлагаемую ведомством законодательную инициативу в части возможности участия, а по сути влияния последнего на реализацию норм, касающихся дисциплинарной ответственности адвокатов. Указанное нововведение оценивается авторами как недопустимое вмешательство в дела адвокатского сообщества и нарушение принципа независимости адвокатуры со стороны государства (государственных органов).

Ключевые слова: адвокатура, адвокат, государство. принцип независимости, дисциплинарное производство, дисциплинарная ответственность.

В декабре 2021 года Правительством РФ был одобрен проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», разработанный Министерством Юстиции РФ. Анонсируемые изменения носят комплексный характер и затрагивают разные положения Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». (далее Закон об Адвокатуре).

Одна из поправок касается расширения полномочий Минюста РФ в лице его федеральных и региональ-

ных органов в отношении дисциплинарной ответственности адвокатов. Для этого предлагается дополнить Закон об Адвокатуре новой статьей 17.1., упразднив при этом подпункты 6 и 7 ст. 17 закона, действующие на настоящий момент времени.

Суть указанных нововведений заключается в том, что в случае принятия предлагаемых изменений и вступления их в законную силу, не только территориальные органы юстиции, но и федеральный орган сможет вносить представления о прекращении статуса адвоката и возбуждении дисциплинарного производства в отношении адвоката, как это указано в актуальной ре-

дакции Закона об Адвокатуре. [4] При этом Минюст РФ в пункте 3 ст. 17.1 проекта поправок в Закон об Адвокатуре оговаривает, что при внесении подобных представлений вышеуказанными органами юстиции, Федеральная палата адвокатов РФ (далее ФПА РФ) и палата адвокатов субъекта РФ не может отказать в возбуждении дисциплинарного производства. Также предусматривается возможность органов юстиции обжалования в судебном порядке решений адвокатских палат о прекращении дисциплинарного производства в отношении адвокатов и об отказе в применении к ним мер дисциплинарной ответственности, в том числе, и прекращении статуса адвоката.

На настоящий момент времени внесенные поправки находятся в стадии общественного обсуждения, однако велика вероятность того, что в конечном итоге они будут приняты именно в том виде, в котором и представлены первоначально. Адвокатское сообщество отреагировало на предлагаемые изменения, указанные выше, в основном негативно.

На наш взгляд поправки, касающиеся расширения полномочий органов юстиции в отношении дисциплинарной ответственности адвокатов представляют опасность для одного из основополагающих принципов адвокатуры — принципа независимости, а, в конечном итоге, и для самого института адвокатуры. Корректность и мера, с точки зрения объема полномочий, с которой изложено участие органов юстиции в дисциплинарной ответственности адвокатов, учитывая лишение статуса адвоката, в ныне действующих нормах Закона об Адвокатуре, является более, чем достаточной. Пожалуй, это одна из норм закона, которая не требует каких-либо изменений.

Негативные последствия, которые таятся в указанных поправках, видятся в том, что государство в лице органов юстиции пытается таким образом усилить контроль за адвокатами и адвокатской деятельностью, а также законодательно закрепить рычаги давления на адвокатское сообщество, что является недопустимым. Реализация такой возможности в данном конкретном случае, путем принятия данных поправок, откроет государственным органам дорогу к дальнейшему вмешательству в деятельность адвокатов.

Отсутствие у ФПА РФ и адвокатских палат субъектов РФ возможности отказывать в возбуждении дисциплинарных производств в отношении адвокатов по представлениям органов юстиции, с одной стороны, угрожает независимости адвокатского сообщества, с другой — предоставляет органам юстиции, в данном случае, реальный механизм вмешательства в деятельность адвокатуры.

Принцип независимости — основополагающий принцип адвокатуры [2]. А.В. Рагулин определяет независимость в узко юридическом смысле, как известную меру правовой свободы, свободного усмотрения в деяниях. [6] Этот принцип предполагает отсутствие каких — либо внешних воздействий в виде контроля или иного вмешательства в дела адвокатского сообщества, имеющее своей целью корректировать деятельность адвокатов в чьих — либо интересах, в том числе и в государственных. Весьма правильным, на наш взгляд, является позиция П.Е. Коротковой, которая отмечает, что данный принцип характеризует правовую природу и статус адвокатуры. [5] Отсутствие подчинения адвокатов при исполнении своих профессиональных обязанностей по защите прав и интересов указаниям со стороны государственных или иных органов, выражает сущность адвокатской деятельности.

Во всех ведомствах дисциплинарные расследования в отношении их работников являются внутренней прерогативой данных организаций. Привлечение или непривлечение к дисциплинарной ответственности адвоката также должно остаться прерогативой только лишь адвокатского сообщества. Вовлечение в процесс в данном случае государства в лице органов юстиции разного уровня недопустимо более, чем в рамках тех полномочий, которые имеются в действующем Законе об Адвокатуре.

Невозможность отказа со стороны ФПА РФ и региональных адвокатских палат в возбуждении дисциплинарного производства приведет к тому, что каждый отрицательный результат при рассмотрении таких производств (отказ в привлечении адвоката к дисциплинарной ответственности по итогам рассмотрения дисциплинарного производства) приведет к обжалованию таких решений в суде со стороны органов юстиции. Складывается впечатление, что данная законодательная инициатива, отраженная в ст. 17.1 проекта, выражает недоверие квалификационным комиссиям ФПА РФ и региональных палат адвокатов субъектов РФ, рассматривающим поступающие представления. По сути дела, мы сталкиваемся с ситуацией, когда инициатором возбуждения дисциплинарного производства будет являться орган юстиции, который направит в ФПА РФ или региональную палату адвокатов представление на адвоката, закрепив за собой тем самым это право. Такая позиция опасна, так как в будущем могут последовать более смелые попытки, например возможность государственных органов присутствовать при решении каких-либо вопросов адвокатского сообщества и т.п., что противоречит самой сути адвокатуры как института независимого и не входящего в систему государственных органов и органов местного самоуправления. Любая попытка государства навязать контроль в той или

иной сфере осуществления адвокатской деятельности опасна тем, что будет подорван статус адвокатуры, как института независимого и благодаря этому имеющему возможность оказывать юридическую помощь и в тех случаях, когда права физических и юридических лиц нарушаются государством в лице тех или иных органов. Следует отметить, что имеющееся взаимодействие с государственными органами и органами местного самоуправления, основанное на отраженных в законе об Адвокатуре нормах, носит в достаточной мере сбалансированный характер, в том числе это касается и участия органов юстиции в процедуре привлечения адвокатов к дисциплинарной ответственности.

Ныне действующая исключительная компетенция ФПА РФ и адвокатских палат субъектов РФ в привлечении адвокатов к дисциплинарной ответственности, в том, числе прекращения статуса адвоката, обеспечивает необходимую эффективность этой процедуры, в том числе, с точки зрения соблюдения презумпции добросовестности адвоката.

В пояснительной записке к рассматриваемому в настоящей статье законопроекту указано, что анонсируемые изменения направлены на повышение гарантий реализации, содержащихся в Конституции РФ норм о праве на квалифицированную юридическую помощь. Однако данная законодательная инициатива в части рассматриваемых в настоящей статье изменений, на наш взгляд, противоречит Конституции. Это усматривается в нарушении норм закона об Адвокатуре, а именно, нарушении основополагающих принципов адвокатской деятельности.

Юридическая помощь, оказываемая адвокатами в РФ, представляет собой сложный комплекс юридических мероприятий и постоянной борьбы за соблюдение законов со стороны всех без исключения субъектов правоотношений. Именно благодаря независимости адвокатуры, возможна реализация юридической помощи в полной мере. В противном случае зависимое положение адвоката делает его лишь формальным юридическим советником по правовым вопросам. Адвокат, на которого у государства имеются рычаги воздействия не сможет оказывать квалифицированную юридическую помощь в полной мере. И если указанные поправки будут приняты, то мы можем столкнуться с постоянным желанием органов юстиции разного уровня вмешиваться в работу адвокатов.

Государственные органы находятся в постоянной взаимосвязи между собой, а адвокатура является независимым институтом гражданского общества и позволяет довольно часто не соглашаться с мнением государственных органов по тем или иным вопросам,

отстаивать свою позицию, неизменно указывая на верховенство закона, а не корпоративные желания чиновников уложить все в удовлетворяющую их формулу. При таких обстоятельствах, жалобы (представления, обращения), поступающие на адвокатов в органы министерства юстиции как со стороны неудовлетворенных доверителей, так и со стороны представителей государственных структур, будут направляться в виде представлений в палаты адвокатов без права отказа в возбуждении дисциплинарного производства, что может привести к необоснованному росту дисциплинарных разбирательств, учитывая, что на настоящий момент времени адвокатские палаты могут отказать в возбуждении дисциплинарного производства, если не найдут в действиях адвоката заявленных в жалобе (представлении, обращении) нарушений или не будут признаны допустимыми для возбуждения дисциплинарного производства. На наш взгляд регламент рассмотрения дел о привлечении адвокатов к дисциплинарной ответственности посредством возбуждения дисциплинарного производства, предусмотренный Кодексом профессиональной этики адвоката [3] в комплексе с нормами Закона об Адвокатуре, о которых мы высказали свое мнение выше, являются вполне логичными и правильными с точки зрения их соответствия принципам адвокатской деятельности, в частности принципу независимости в соотношении с действительностью нарушений со стороны адвокатов.

Справедливым будет отметить тот факт, что потенциальные представления органов юстиции в органы адвокатуры о возбуждении дисциплинарных производств в отношении адвокатов в основном являются результатами жалоб (обращений заинтересованных лиц), которые считают, что в ходе оказания им юридической помощи (представления интересов) адвокатом в той или иной мере со стороны последнего было допущено нарушение их прав. В этой связи следует обратить внимание, что действующее законодательство содержит достаточный спектр способов защиты своих прав лицами, полагающими, что таковые в отношении них нарушены.

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод о том, что внесение рассматриваемых поправок в процедуру привлечения (непривлечения) адвокатов к дисциплинарной ответственности, в том числе прекращение статуса адвоката, в частности посредством вовлечения в данный процесс каких бы то ни было органов, имеющих не только право вносить представления о прекращении статуса адвоката и возбуждении дисциплинарного производства, но и влиять на принимаемые адвокатурой решения по данным вопросам, объективно необоснованно. Указанная законодательная инициатива в части введения в закон об Адвокатуре

статьи 17.1. проекта, может создать угрозу реализации права на независимое оказание профессиональной юридической помощи. Государство, делая попытки осуществления контроля за адвокатурой, должно по-

нимать, что тем самым нарушает основополагающие начала адвокатской деятельности, без соблюдения которых невозможно говорить о таком государстве как о демократическом и правовом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года) // Российская газета. № 237 25.12.1993 г.
2. Федеральный Закон от 31.05.2002 № 63 — ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (в ред. от 29.07.2017) // Российская газета. № 100 05.06.2002.
3. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят первым Всероссийским съездом адвокатов 31 января 2003 г.) (с изменениями и дополнениями, утв. II Всероссийским съездом адвокатов 8 апреля 2005 г.; III Всероссийским съездом адвокатов 5 апреля 2007 г.; VI Всероссийским съездом адвокатов 22 апреля 2013 г.; VII Всероссийским съездом адвокатов 22 апреля 2015 г.; VIII Всероссийским съездом адвокатов 20 апреля 2017 г.; X Всероссийским съездом адвокатов 15 апреля 2021 г.) // официальный сайт Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации <http://www.fparf.ru> (дата обращения 17.01.2021)
4. Проект Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» <http://regulation.gov.ru/p/123062> (дата обращения 20.01.2022)
5. П.Е. Короткова Принцип независимости адвокатской деятельности // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), № 1, 2014, стр.34–37
6. А.В. Рагулин Независимость как принцип российской адвокатуры // Евразийская адвокатура, № 4, 2019, стр.19–28
7. Кучерена А.Г. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». М.: Деловой двор, 2009.

© Рябова Ольга Алексеевна (frau.lilya2012@yandex.ru), Кузнецова Наталья Владимировна (kuznezova-1963@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Владимир

ТРЕБОВАНИЯ К ЛИЦУ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩЕМУ ФУНКЦИИ ТЕХНИЧЕСКОГО ЗАКАЗЧИКА

Савченко Юлиана Юрьевна

Аспирант, Московский гуманитарный университет
jul828@yandex.ru

REQUIREMENTS FOR THE PERSON PERFORMING THE FUNCTIONS OF THE TECHNICAL CUSTOMER

J. Savchenko

Summary. This article discusses the legislative regulation of the need for professional skills to perform the functions of a technical customer in terms of developing a “customer task” and exercising construction control, as provided by law during the construction (reconstruction) of an object.

Having considered the legislative regulation of the requirements for the person performing the functions of the technical customer, some functions of the technical customer, determine their sufficiency for the safe operation of the completed construction facility. To achieve this goal, the author has set tasks to study the concepts of “Customer”, “Builder”, “technical customer”, “construction control”.

As a result of consideration of legislative acts in terms of requirements for a person performing the functions of a technical customer and for objects completed by construction, it was determined that it was necessary to introduce into the legislation a list of requirements for a person performing the functions of a technical customer.

The conclusion obtained as a result of the study is to establish the need for the safe operation of objects completed by construction, to develop a list of requirements for a person who can be entrusted with the implementation of the functions of a technical customer.

Keywords: construction, technical customer, technical customer functions, customer task, construction control, developer, customer.

Аннотация. В настоящей статье рассматривается законодательное регулирование необходимости наличия профессиональных навыков для выполнения функций технического заказчика в части разработки «задания заказчика» и осуществления строительного контроля, как предусмотрено законодательством при строительстве (реконструкции) объекта.

Рассмотрев законодательное регулирование требований к лицу, осуществляющему функции технического заказчика, некоторых функций технического заказчика, определить их достаточность для безопасной эксплуатации законченного строительством объекта. Для достижения указанной цели автором поставлены задачи по исследованию понятий «Заказчик», «Застройщик», «технический заказчик», «строительный контроль».

В результате рассмотрения законодательных правовых актов в части требований к лицу, осуществляющему функции технического заказчика, и к объектам, завершённым строительством, была определена необходимость внесения в законодательство перечня требований к лицу, осуществляющему функции технического заказчика.

Вывод, полученный в результате исследования, заключается в установлении необходимости для безопасной эксплуатации объектов завершённых строительством, разработки перечня требований к лицу, которому можно поручить осуществление функций технического заказчика.

Ключевые слова: строительство, технический заказчик, функции технического заказчика, задание заказчика, строительный контроль, застройщик, заказчик.

Введение

В гражданском обороте договор строительного подряда имеет широкое применение. Граждане и организации не могут самостоятельно произвести объем работ необходимый для обеспечения процесса деятельности. Для выполнения общестроительных и специальных строительных работ, граждане и организации привлекают лиц, обладающих профессиональными навыками, имеющих необходимую техническую базу.

Заказчик строительных работ, являясь участником гражданского оборота, имея желание и средства для строительства объекта (в том числе капитального ремонта, реконструкции и т.п.) не всегда: обладает специальными знаниями, необходимыми для составления задания на выполнение строительных работ; располагает временем для осуществления строительного контроля.

Гражданским кодексом РФ определен предмет договора строительного подряда, где прямо указано, что подрядчик осуществляет строительство именно по «за-

данию заказчика». Понятие «Задание заказчика» прямо не определено законодательством, однако, «задание заказчика» является определяющим условием для получения результата строительных работ.

Каждая из сторон, заключая договор строительного подряда, преследует свои интересы: заказчик — своевременное получение качественного результата работ, подрядчик — получение вознаграждения за выполненные работы, но по общему правилу, указанные потребности сторон невозможно удовлетворить без «задания заказчика» и строительного контроля, которые необходимо компетентному лицу.

Градостроительным кодексом РФ дано определение Застройщика, а определение Заказчику строительных работ, как предусматривается параграфом 3 Гражданского кодекса РФ, в законодательстве отсутствует.

Согласно Градостроительного кодекса РФ, Застройщик, являясь физическим или юридическим лицом обеспечивает, в том числе, но не ограничиваясь этим, выполнение инженерных изысканий, подготовку проектной документации для осуществления строительства, реконструкции, капитального ремонта, а также осуществляет строительный контроль.

Федеральным законом от 22.12.2020 N435-ФЗ «О публично-правовой компании «Единый заказчик в сфере строительства» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» дано определение «Единому заказчику в сфере строительства» как публично-правовой компании, осуществляющей функции государственного заказчика и застройщика при обеспечении строительства объектов, которые находятся или будут находиться в государственной собственности Российской Федерации.

Позволив применить законодательство по аналогии, можно сделать вывод, о том, что Заказчик, как предусмотрено Гражданским кодексом РФ, и Застройщик, как определено Градостроительным кодексом РФ — это одно лицо.

Обязательное наличие у Застройщика/заказчика специальных навыков для составления «задания заказчика» и осуществления строительного контроля, законодательством не предусмотрено. Градостроительным кодексом РФ для Застройщика предусмотрена возможность реализации права передать свои функции, предусмотренные законодательством о градостроительной деятельности, техническому заказчику. Следовательно, Заказчик, как таковой предусмотрен третьим параграфом Гражданского кодекса РФ, также может передать свои функции техническому заказчику. Статьей 749

Гражданского кодекса РФ предусмотрено право Заказчика передать свои функции в части контроля и надзора за строительством, инженеру (строительной организации).

Для контроля за строительством физические и юридические лица, как правило, привлекают технического заказчика. Согласно п. 2, ст. 53 Градостроительного кодекса РФ, строительный контроль, проводится лицом, осуществляющим строительство. Во избежание противоречий целям и задачам строительного контроля, Письмом Минстроя России от 20.12.2018 N55067-ОГ/08 даны разъяснения о лицах, которые могут удостоверить факт надлежащего выполнения работ: независимое лицо, не заинтересованное в их сдаче. Указанное письмо Минстроя не содержит рекомендаций для заказчика строительства по выбору кандидатуры технического заказчика. Статьями 748 и 749 Гражданского кодекса РФ также прямо не указаны требования к кандидатуре технического заказчика для выполнения строительного контроля. Пунктом 1 статьи 55.8 Градостроительного кодекса РФ, строительный контроль не указан как вид работ, для выполнения которых, требуется членство в СРО. Следовательно, можно сделать вывод, что осуществление строительного контроля может выполнять лицо, не имея профессиональных навыков и не являясь членом СРО.

Понятие «задание заказчика» Гражданский кодексом РФ не определено, но исходя из законодательства можно предложить следующее краткое определение: документ, определяющий: результат работ, требования к работам, к порядку их выполнения, качество материалов. Раскрывая предложенное краткое определение следует перечислить много нюансов, необходимых для получения безопасного в эксплуатации построенного объекта.

В случае, когда для строительства объекта требуется получение от компетентных органов разрешения на строительство, есть гарантия для Застройщика/Заказчика, что «задание заказчика» будет рассмотрено профессионалами строительного дела и планируемый объект будет соответствовать требованиям, установленным статьей 51 Градостроительного кодекса РФ, иным строительным нормам и правилам. Указанный выше вариант, т.е. ситуацию, в которой возникает необходимость получения разрешения на строительство, обозначим «Ситуация 1»

Если строительство объекта планируется на земельном участке, на который действие градостроительных регламентов не распространяется или для которого градостроительные регламенты не устанавливаются, у Застройщика/Заказчика есть риск получить результат

работ не соответствующий его потребностям, и самое недопустимое — не соответствующий строительным нормам и правилам для безопасной эксплуатации. Указанную модель ситуации, т.е. ситуацию в которой не возникает необходимость получения разрешения на строительство обозначим «Ситуация 2»

Для делегирования Застройщиком/Заказчиком функций технического заказчика другому лицу можно заключить договор агентирования (выполнение лицом по поручению Застройщика/Заказчика действий, направленных на составление «задания заказчика», осуществление строительного контроля).

Застройщик/Заказчик, заключая договор с агентом на составление «задания заказчика» и осуществление строительного контроля по правилам договора поручения, поручает действовать от своего имени и за счет Заказчика в период строительства объекта Застройщика/Заказчика.

При моделировании «Ситуации 2», агент, не являясь членом СРО, не имея профессиональных навыков, исполняя условия договора агентирования, будет составлять «задание заказчика» для строительства объекта и осуществлять строительный контроль, возможно, не имея представления о строительных правилах и нормах. В результате такой работы агента, объект, который изначально планировал получить Застройщик/Заказчик, не будет удовлетворять потребностям Застройщика/Заказчика.

Законодателем не определены требования к лицу, которое может осуществлять строительный контроль. Уточним, что согласно п. 2 ст. 53 Градостроительного кодекса РФ, строительный контроль может осуществлять технический заказчик. При моделировании «Ситуации 1» и «Ситуации 2» осуществление строительного контроля может быть поручено техническому

заказчику. В «Ситуации 1» недостатки работы агента в части осуществления строительного контроля могут быть выявлены на первых этапах строительства органами государственного строительного надзора. Но при моделировании «Ситуации 2» может наступить обрушение недостроенного объекта из-за недостаточной компетенции агента. Надлежащий Строительный контроль имеет существенное значение для безопасной эксплуатации зданий и сооружений, а поручая важную функцию агенту, возможно, не осознающему всей важности последствий недостатков своих действий, может привести к гибели людей.

Результаты

Представляется необходимым законодательно установить требования к техническому заказчику, позволяющие разрабатывать «задание заказчика», осуществлять строительный контроль и выполнять иные функции, по перечню Приложения № 1 к Методике определения затрат на осуществление функций технического заказчика, утвержденной приказом Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации от 2 июня 2020 г. N297/пр.

Заключение

Исследовав понятия «Заказчик», «Застройщик», «технический заказчик», «строительный контроль», рассмотрев некоторые функции технического заказчика, существующее требования, предъявляемые законодательно к лицу, которому можно поручить выполнение функций технического заказчика, смоделировав ситуации в одной из которых законодательно требуется получение разрешения на строительство, а в другой не требуется, становится очевидной необходимость для эффективного и безопасного строительства, установления законодательно требований к компетенции и, возможно, к специальному статусу, технического заказчика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 22.12.2020 N435-ФЗ «О публично-правовой компании «Единый заказчик в сфере строительства» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021)
3. «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N190-ФЗ (ред. от 30.12.2021)
4. Приказ Министерства Строительства И Жилищно-Коммунального Хозяйства Российской Федерации от 2 июня 2020 г. N297/пр

© Савченко Юлия Юрьевна (jul828@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НОВЕЛЛЫ УГОЛОВНОГО И АДМИНИСТРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА, СВЯЗАННЫЕ С ПАНДЕМИЕЙ КОРОНАВИРУСНОЙ ИНФЕКЦИИ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ МЕЖОТРАСЛЕВОЙ КОНКУРЕНЦИИ

NOVELTIES OF CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE LEGISLATION RELATED TO THE CORONAVIRUS PANDEMIC: PROBLEMATIC ISSUES OF INTERSECTORAL COMPETITION

V. Safonov
L. Dondukova

Summary. The article analyzes the novelties of criminal and administrative legislation related to the pandemic of coronavirus infection. Having analyzed the constructive features of legislative novelties, the authors come to the conclusion that the dispositions of the norms provided for in Articles 207.1 and 207.2 of the Criminal Code of the Russian Federation enter into an interdisciplinary conflict with the provisions of Parts 10.1, 10.2 of Article 13.15 of the Administrative Code of the Russian Federation. Attention is drawn to the negative consequence of the indistinctness of the boundary between the components of these crimes and administrative offenses, when similar actions in one case are qualified according to the norms of the Criminal Code of the Russian Federation, and in the other — according to the norms of the Administrative Code of the Russian Federation, which is a significant violation of the principles of legality and justice. The authors believe that the real public danger of the act is a landmark separating criminal and administrative jurisdiction.

Keywords: pandemic, coronavirus infection, dissemination of deliberately false information, publicity, criminalization.

Сафонов Владимир Николаевич

К.ю.н., доцент, Северо-Западный филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет
правосудия» (Санкт-Петербург)
svn205@gmail.com

Дондукова Лидия Александровна

Северо-Западный филиал ФГБОУВО «Российский
государственный университет правосудия»
(Санкт-Петербург)
lidspb18@gmail.com

Аннотация. В статье предпринят анализ новелл уголовного и административного законодательства, связанного с пандемией коронавирусной инфекции. Проанализировав конструктивные признаки законодательных новелл, авторы приходят к выводу о том, что диспозиции норм, предусмотренных статьями 207.1 и 207.2 УК РФ, вступают в междисциплинарную коллизию с положениями частей 10.1, 10.2 статьи 13.15 КоАП РФ. Обращается внимание на негативное последствие нечёткости границы между составами указанных преступлений и административных правонарушений, когда схожие действия в одном случае квалифицируются по нормам Уголовного кодекса РФ, а в другом — по нормам КоАП РФ, что является существенным нарушением принципов законности и справедливости.

Ориентиром, разводящим уголовно — правовую и административно — правовую юрисдикции, считают авторы, является реальная общественная опасность деяния.

Ключевые слова: пандемия, коронавирусная инфекция, распространение заведомо ложной информации, публичность, криминализация.

После начала коронавирусной инфекции усугубилась проблема распространения заведомо ложной информации, которая дезориентирует граждан и препятствует мерам по преодолению пандемии. Реакцией государства стало введение Федеральным законом от 01.04.2020 г. № 100-ФЗ уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, путем добавления в УК РФ статьи 207.1 и статьи 207.2, определяющей ответственность за те же деяния, но с тяжкими последствиями.

Параллельно Федеральным законом № 99-ФЗ статья 13.15 КоАП РФ дополнилась частью 10.1, предусматривающей административную ответственность за распространение в средствах массовой информации, а также в информационно-телекоммуникационных сетях под видом достоверных сообщений заведомо недостоверной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территории, приемов и способов защиты от указанных обстоятельств. В указанную статью была также добавлена часть 10.2, устанавливающая ответ-

ственность за аналогичные обстоятельства, но с тяжкими последствиями.

Насколько данные новеллы удачны, позволяет понять их сравнительный анализ. Нетрудно заметить, что диспозиции статей 207.1 и 207.2 УК РФ во многом схожи с частями 10.1 и 10.2 КоАП РФ, что создает конкуренцию указанных норм и проблемы их правоприменения. Тем более, что в частях 10.1, 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ отсутствует привычная для административных норм юридико-технический приём — «если эти действия лица не содержат уголовно наказуемого деяния», разрешающий вопрос отграничения норм административного и уголовного права.

Вскоре после вступления в силу рассматриваемых законодательных новелл один из авторов настоящей публикации считал неоправданным, что «столь узкий объект правового регулирования сконцентрировал вокруг себя множество норм, относящихся к разным отраслям права» [8, с.112–120].

Обращаясь к указанной проблеме, Верховный суд Российской Федерации (далее — ВС РФ) выпустил Обзоры по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) под номерами 1, 2, 3, утвержденные Президиумом ВС РФ 21.04.2021 г., 30.04.2020 г., 17.02.2021 г. соответственно.

В частности, одним из критериев разграничения ответственности конкурирующих норм ВС РФ признает субъектный состав деяния. Так, административная ответственность за действия, предусмотренные частями 10.1 и 10.2 статьи 13.15 КоАП РФ, установлена только для юридических лиц. Граждане, в том числе должностные лица, руководители юридического лица, при наличии в их действиях состава преступления, предусмотренного статьей 207.1 или ст. 207.2 УК РФ, могут быть привлечены к уголовной ответственности [3].

Примечательно, что судебная практика по ч. 10.1 и 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ отсутствует, а физические лица активно привлекаются к ответственности по ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ, предусматривающей ответственность за «распространение недостоверных общественно значимых сведений под видом достоверных сообщений, создавшее угрозу причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения правопорядка и (или) общественно безопасности либо угрозу создания помех функционированию или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредит-

ных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи, если действия лица не содержат признаки преступления» [2]. При этом в Обзоре № 1 высший судебный орган страны разъясняет, что при разграничении административной ответственности физических лиц за деяния, предусмотренные ч. 9 и ч. 10 ст. 13.15 КоАП РФ и уголовной ответственности по ст. 207.1 УК РФ необходимо учитывать следующее: «действия лица образуют признаки преступления по ст. 207.1 УК РФ, если они состоят в публичном распространении заведомо ложной информации под видом достоверной об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, в том числе об обстоятельствах распространения коронавирусной инфекции и (или) о принимаемых в связи с этим мерах, а также приемов и способов защиты от таких обстоятельств, с учетом условий, целей и мотивов действий лица» [3]. Заметно то, что данные разъяснения перекликаются с диспозицией ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ и могут быть применимы и к данной норме. Отличительным признаком является ложность информации для уголовного деяния или ее недостоверность, характерная для административного правонарушения. Однако толкование этих терминов приводит к выводу о сложности такого отграничения.

Еще одной проблемой в разграничении ст. 207.1, 207.2 УК РФ, с одной стороны, и ч. 10.1, ч. 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ, с другой, является понимание категория «заведомо ложная информация». Верховный Суд ответил на вопрос о том, что следует понимать в диспозициях статей 207.1 и 207.2 УК РФ под заведомо ложной информацией и ее распространением под видом достоверных сообщений. По его мнению, под заведомо ложной следует понимать такую информацию (сведения, сообщения, данные и т.п.), которая изначально не соответствует действительности, о чем достоверно было известно лицу, ее распространявшему. Причем, форма, способ, а также использование ссылок на компетентные источники, высказывания публичных лиц, поддельные документы и др. являются признаком того, что лицо выдает заведомо ложную информацию в качестве достоверной [4].

Чем отличается заведомо ложная информация от заведомо недостоверной информации, предусмотренной диспозициями частей 10.1 и 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ, не совсем понятно, так как отсутствуют четкие отграничения такой информации. Напрашивается вывод о том, что происходит дублирование конструктивных признаков в рассматриваемых нормах уголовного и административного права, что также дает определенные сложности для правоприменителей.

Важно отметить, что Верховный Суд в Обзоре № 2 разъясняет, что в случае добросовестного заблуждения

лица, распространяющего заведомо ложную информацию под видом достоверной, ответственность не наступает [4]. Однако, на наш взгляд, не всегда возможно установить в соответствующих преступлениях, в том числе и в правонарушениях, наличие умысла, то есть доказать, что лицо точно знало о недостоверности информации, а также предвидело и желало наступление общественно опасных последствий. Если наличие умысла не будет учитываться судами, это повлечёт нарушение конституционных прав граждан на свободу мысли и слова, свободу массовой информации и приведёт правоприменителя на путь объективного вменения, что недопустимо.

В контексте рассматриваемой проблемы довольно противоречивым является решение по делу Кондратьевой Е.А., которая разместила комментарий на своей странице в социальной сети «Одноклассники» с содержанием: «У нас в Киселевске два случая коронавируса», тем самым представив недостоверную информацию под видом достоверной. Рассматривая дело, судья Киселевского городского суда не усмотрел в действиях Кондратьевой умысла на совершения правонарушения, предусмотренного ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ, руководствуясь тем, что на момент размещения комментария гражданкой, достоверная информация о наличии заболевших коронавирусом в городе не была известна, следовательно, для Кондратьевой информация о количестве заболевших не являлась заведомо недостоверной. С такой позицией согласился и суд второй инстанции, отклонив жалобу участкового на постановление первой инстанции [6].

Полагаем, что выводы судов неоднозначны, так как судами неверно определены обстоятельства, имеющие значения для дела. В частности, отсутствие достоверной информации о наличии заболевших коронавирусом в г. Киселевск только подтверждает факт недостоверности написанного Кондратьевой комментария и ее умысла на распространение указанной в нем информации, в виду того, что гражданка знала и осознавала, что нет официально подтвержденной информации о заболевших, но несмотря на это, желала распространить и распространила заведомо недостоверные сведения о двух заболевших. Данным обстоятельством доказывается умысел Кондратьевой на распространение заведомо недостоверной информации под видом достоверной, а, следовательно, усматриваются признаки правонарушения, предусмотренного ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ [6].

Мы можем лишь предположить, что решающим в судебных решениях стал излишне широко понимаемый принцип презумпции невиновности. Стоит отметить, что в указанном случае спорным является не только наличие или отсутствие умысла, а также оценочная

категория информации, которая проявляется в невозможности определить, была ли для Кондратьевой распространенная ею информация заведомо ложной или заведомо недостоверной, а также имело ли место добросовестное заблуждение о ложности или недостоверности сведений. Данные факторы позволяют усомниться в обоснованности и справедливости решения по указанному делу, что отсылает нас к вопросу удачности законодательных новелл. Впрочем, несложно заметить, что межотраслевая коллизия рассматриваемых норм в свою очередь является следствием их недостаточно четкой междисциплинарной границей.

Изучение судебной практики показывает, что физические лица активно привлекаются к административной ответственности по ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ, а не к уголовной по ст. 207.1 и 207.2 УК РФ, что ставит под сомнение разъяснения ВС РФ в рамках вопроса разграничения ответственности по субъектному составу, где ВС РФ по отношению к физическому лицу, должностному лицу, руководителю юридического лица отдает предпочтение уголовной ответственности. В то время как, на практике суды к данным субъектам применяют более мягкий вид ответственности — административной.

Еще одним критерием разграничения конкурирующих норм является обязательный для уголовных деяний, предусмотренных ст. 207.1 и 207.2 УК РФ признак публичности, который по тексту нормы выражается в том, что заведомо ложные сведения образуют преступное деяние, когда такая информация распространена публично, что отсутствует в диспозициях ч. 10.1 и 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ. Однако, какой смысл вложен с категорию публичности из текста норм не понятно, в связи с чем ВС РФ уточнил в чем состоит публичность информации в диспозициях ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ.

Стоит отметить, что указанный признак является объектом научных дискуссий. Верховный Суд не раз давал разъяснения по вопросу о содержании признака публичности для достижения единства в его понимании. Так, признак публичности являлся предметом рассмотрения в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», а также в постановлении от 09.02.2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам террористической направленности». Анализ позиций указанных постановлений Пленума ВС дает возможность понять, что мнение Верховного Суда по поводу «публичности» неизменно и сводится к тому, что публичность обуславливается «распространением обращений путем массовой рассылки сообщений абонентам мобильной связи и т.д.» [7].

Применительно к ст. 207.1 и 207.2 УК РФ ВС РФ в Обзоре № 2 разъясняет, что «распространение заведомо ложной информации следует признавать публичным, если такая информация адресована группе или неограниченному кругу лиц и выражена в любой доступной для них форме» [4]. Верховный суд РФ также замечает, что публичность может проявляться в массовой рассылке электронных сообщений абонентам мобильной связи, а также в распространении путем выступления на собрании, митинге и т.п. [4].

Данная позиция была подвержена критике рядом ученых. В частности, Чернявский Д.О. полагает, что термины «публичный» и «массовый» при схожем значении все-таки не равнозначны. Он отмечает, что публичности, как уголовно-правовой категории присуще то, что адресатом выступает множество лиц, причем для них одновременно доступно восприятие отправленной им информации. Именно это ограничивает публичные сообщения от массовых, при которых отсутствует одновременное восприятие информации двумя и более лицами [11, с. 11–12].

В свою очередь, А.И. Трахов и З.М. Бешукова не поддерживают точку зрения Д.О. Чернявского, справедливо отмечая, что «при определении публичности главным является не одновременность восприятия информации двумя или более лицами, а возможность ее восприятия» [10, с. 2].

И.Е. Воронцова и В.Д. Росляков замечают: «Подобное разделение не столь важно для судебной практики, так как последствия как у публичности, так и массовости одно — это получение информации большим кругом лиц» [1, с. 849].

А.И. Трахов и З.М. Бешукова акцентируют, что Президиум Верховного суда РФ выделяет количественный и количественно-персонифицированный критерий публичности. В свою очередь, количественный предполагает, что лицо осознает численность группы и при этом можно установить число лиц, которым была распространена заведомо ложная информация [10, с. 2]. Второй критерий обозначает, что «субъект не только осознает численный состав группы, но и владеет знаниями, характеризующими эту группу и (или) ее отдельных членов», что обуславливает распространение среди персонифицированного круга лиц [10, с. 2].

Но все же данные критерии охватывают лишь понятие «группа» и не применимы к «неопределенному кругу лиц», в рамках которого субъект, распространяющий информацию, не может конкретизировать, какому количеству лиц она направлена. Это указывает на то, что толкование публичности значительно шире, но законодатель это не учитывает.

При этом, необходимо подчеркнуть, что Верховный суд РФ оставляет право судам самостоятельно определять наличие публичности с учетом места, способа, обстановки и других обстоятельств, что отмечено в Обзоре № 2 [4]. Однако на практике суды по-разному квалифицируют схожие действия, считая, что в каком-то из них отсутствует публичность.

Так, гражданин разместил посредством мессенджера «WhatsApp» в групповом чате, участниками которого являются 253 человека, голосовое сообщение, содержащее заведомо ложную информацию о распространении новой коронавирусной инфекции на территории г. Буйнакска Республики Дагестан посредством вертолетов. Эта информация была распространена и в других групповых чатах мессенджера, а также в иных социальных сетях, что соответствует неопределенному кругу лиц. По данному факту органами следствия было возбуждено уголовное дело по ст. 207.1 УК РФ. Уголовное дело поступило в суд с ходатайством следователя о прекращении уголовного дела с назначением судебного штрафа. Признавая данное деяние преступным, а не административным нарушением, руководствуясь уголовно-правовыми нормами, в частности ст. ст. 25.1, 446.2 УПК РФ, ст. 76.2 УК РФ, суд удовлетворил ходатайство следователя и прекратил уголовное дела, назначив меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа [5].

По другому делу гражданин разместил в социальной сети «Instagram» видеозапись, содержащую заведомо ложную информацию о том, что новая коронавирусная инфекция является запланированной акцией по утилизации населения. Полиция установила, что информация размещена на публичной сетевой площадке в силу доступности контента для неограниченного круга лиц (3945 подписчиков), а также иных лиц, не являющихся подписчиками. Несмотря на то, что действия гражданина попадают под критерии публичности, характерной для ст. 207.1, суд квалифицировал деяние по ч. 9 ст. 13.15 КоАП РФ.

Исходя из данных примеров, следует, что широкое толкование публичности, абстрактность ее понимания требует уточнений и четкой дифференциации между распространением информации в группе и для неопределенного круга лиц. На этот счет И.В. Воронцова и В.Д. Росляков полагают, что такое разграничение позволяло оценить степень общественной опасности деяния, в виду того, что рассылка под видом достоверной заведомо ложной информации в группе несет в себе меньшую степень общественной опасности, чем совершение тех же действий в отношении неопределенного круга лиц [1, с. 849]. Так, при распространении ложной информации, адресованной конкретной группе лиц, возникает возможность предопределения и предотвра-

щения наступления общественно опасных последствий, тем самым исключается общественная опасность, присущая только преступлению, поэтому в данном случае можно говорить лишь об общественном вреде, характерному административному правонарушению. В случае размещения ложной информации для неограниченного круга лиц, вероятность предотвращения общественно опасных последствий значительно сужается в виду неопределенного количества лиц, которым обращена информация. С учетом этого, законодателю следует разделить уголовную ответственность за распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, предусматривающих угрозу для жизни и безопасности граждан для неопределенного круга лиц, и административную ответственность за схожие действия, но в отношении определенной группы лиц.

И всё же уместно задаться вопросом: неужели только «степенью публичности» и субъектным составом определяется преступность или неправомерность рассматриваемых действий и их отграничение от смежных административных правонарушений? Здесь необходимо обратиться к иногда забываемому материальному признаку преступления — его общественной опасности. Не случайно высший судебный орган страны в последние годы не единожды напоминал об этом правоприменителю. В частности, такое настоятельное напоминание мы встречаем в положениях постановления от 25.12.2018 г. N46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)». А в п. 2 постановления Пленума от 25 июня 2019 г. № 18 «О судебной практике по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации» высший судебный орган страны рекомендовал связывать основания уголовной ответственности по ст. 238 УК РФ с наличием *реальной* (курсив наш — В.С., Л.Д.) общественной опасности преступления [9, с. 222,223].

А потому стоит задаться вопросом: учёл ли законодатель в полной мере этот конститутивный признак, криминализируя деяния в статьях 207.1 и 207.2 УК РФ?

Предпринятый анализ позволил авторам прийти к следующим выводам.

1. Диспозиции составов преступлений, предусмотренных статьями 207.1 и 207.2 УК РФ, вступают в межотраслевую конкуренцию с частями 10.1 и 10.2 ст. 13.15 КоАП РФ. Причинами такой конкуренции послужили изъяны юридической техники, а также несоблюдение законодателем принципов и критериев криминализации деяний. Это вызвало у судов проблемы по разграничению конкурирующих норм. Правовые позиции ВС РФ по данной теме неполно разъяснили вопросы правоприменения анализируемых норм, что способствовало расхождению позиций ВС РФ и правоприменительной практики судов общей юрисдикции.

Для разрешения сложившейся ситуации, законодателю следует сделать акцент на признаке публичности преступлений, предусмотренных статьями 207.1 и 207.2 УК РФ, зафиксировав четкие критерии, способствовав ее единообразному толкованию. В этом числе следует учитывать и общественную опасность указанных деяний во избежание нарушения конституционных прав граждан и незаконного привлечения лиц к уголовной ответственности.

2. Конституционные, межотраслевые и отраслевые принципы права, в том числе соображения межотраслевой системности российского права оставляют актуальным вопрос о сомнительности конструирования близких норм в административном и уголовном праве РФ, регулирующих однородные правоотношения, когда их конструктивная схожесть затрудняет правоприменительный процесс и является следствием нарушения принципов криминализации деяний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронцова И.Е., Росляков В.Д. Новшества уголовного законодательства Российской Федерации в период пандемии: вопрос разграничения и толкования уголовно-правовых норм // Вопросы российской юстиции № 9 2020 г.: URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novshestva-ugolovnogozakonodatelstva-rossiyskoy-federatsii-v-period-pandemii-voprosy-razgranicheniya-i-tolkovaniya-ugolovno> (дата обращения 15.10.2021)
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 г. № 195-ФЗ, (ред. от 01.07.2021 г. с изм. от 09.11.2021 г.) // «Российская газета» № 256, 31.12.2001 г.: URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=387517&dst=1659#kJ13koSaQwgbGf9o1> (дата обращения: 15.10.2021)
3. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020) // «Бюллетень Верховного Суда РФ» № 5, май, 2020: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_350813/ (дата обращения: 15.10.2021).

4. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020) // «Бюллетень Верховного Суда РФ» № 6, июнь, 2020: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_351691/ (дата обращения 15.10.2021).
5. Постановление Буйнакского районного суда Республика Дагестан от 02.07.2020 г. № 1–110/2020 // <https://sudact.ru/regular/doc/X2WNaWceee5g> (дата обращения 27.10.2021).
6. Постановление Кемеровского областного суда от 10.08.2020 г. № 12–335/2020 // <https://sudact.ru/regular/doc/s8Q4NzCKmqxB> (дата обращения 27.10.2021).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 г. № 11 (ред. от 20.09.2018) «О судебной практике по уголовным делам экстремистской направленности» // «Российская газета» № 142, 04.07.2011: URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115712/ (дата обращения: 15.10.2021).
8. Сафонов В.Н. Вопросы интерпретации уголовно-правовых мер по противодействию распространению новой коронавирусной инфекции (COVID-19) // Уголовное право России: состояние и перспективы (преступления против здоровья населения и общественной нравственности): материалы VI Всероссийской научно-практической конференции «Волженкинские чтения», Санкт-Петербург, 27 ноября 2020 года / Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации; под общ. ред. А.А. Сапожкова. — Санкт-Петербург: СПбЮИ (ф) УП РФ, 2021. С. 112–120.
9. Сафонов В.Н. К вопросу о реальной общественной опасности деяния // Научная сессия ГУАП: гуманитарные науки. Сборник докладов Научной сессии, посвященной Всемирному дню авиации и космонавтики. Санкт-Петербург, 2020. С. 223–224.
10. Трахов А.И., Бешукова З.М. Распространение заведомо ложной информации (ст. 207.1 и ст. 207.2 УК РФ): новые составы преступлений с признаками публичности // Теория и практика общественного развития 2020 г.
11. Черняковский Д.О. Уголовно-правовая характеристика публичных призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации // Автореферат дис. ... канд. юрид. наук, М. 2017: URL: [https://www.dissercat.com/content/ugolovno-pravovaya-kharakteristika-publicnykh-prizyvov-k-narusheniyu-territorialnoi-tselost/read](https://www.dissercat.com/content/ugolovno-pravovaya-kharakteristika-publicnykh-prizyvov-k-narusheniyu-territorialnoi-tselost/) (дата обращения: 15.10.2021).

© Сафонов Владимир Николаевич (svn205@gmail.com), Дондукова Лидия Александровна (lidspb18@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Санкт-Петербург

ПОЛНОМОЧИЯ АДВОКАТА ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ ПРАВ ПОДЗАЩИТНОГО НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Селина Елена Александровна

Аспирант, Российский Государственный
Университет Правосудия (РГУП), г. Москва
9265857758@mail.ru

THE POWERS OF THE LAWYER TO ENSURE THE RIGHTS OF THE CLIENT AT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE

E. Selina

Summary. This article focuses on the analysis of the stage of initiation of a criminal case as one of the key stages of the criminal process and the role of the lawyer to ensure the rights of the defendant at this stage of criminal proceedings. The study is subject to the legal essence, the purpose of the stage of initiation of a criminal case; verification of a crime report as an independent institution; the powers of a lawyer at the initial stage of the criminal process; the differential nature of the exercise of the right to use the services of a lawyer at the stage of verification of a crime report; the figure of the person against whom the crime report is being checked. Through this article, the author suggests a way to make up for the omissions of the legislator, which will contribute to the genuine protection of the rights and legitimate interests of the person against whom the crime report is being checked, including serving as a guarantor of the right to protection in its fullest manifestation.

Keywords: stage, initiation of a criminal case, lawyer, right to defense, verification of a crime report, preliminary investigation bodies, criminal proceedings, gaps in legislation.

Аннотация. Настоящая статья ориентирована на анализ стадии возбуждения уголовного дела, как одного из ключевых этапов уголовного процесса и роли адвоката по обеспечению прав подзащитного на данной стадии уголовного судопроизводства. Исследованию подлежат правовая сущность, цель стадии возбуждения уголовного дела; проверка сообщения о преступлении как самостоятельный институт; полномочия адвоката на первоначальном этапе уголовного процесса; дифференциальный характер реализации права на пользование услугами адвоката в стадии проверки сообщения о преступлении; фигура лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении. Посредством данной статьи автор предлагает способ восполнения упущений законодателя, который способствует подлинному обеспечению прав и законных интересов лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, в том числе послужат гарантом права на защиту в самом полном его проявлении.

Ключевые слова: стадия, возбуждение уголовного дела, адвокат, право на защиту, проверка сообщения о преступлении, органы предварительного расследования, уголовный процесс, пробелы в законодательстве.

Возбуждение уголовного дела — самостоятельная, первоначальная стадия уголовного процесса, в рамках которой органы уголовного преследования, руководствуясь поступившей информацией о совершенном или готовящемся преступлении путем осуществления проверочных действий, устанавливают наличие или отсутствие достаточных фактических данных, свидетельствующих о наличии признаков деяния, запрещенного уголовным законом. Целью данной стадии, по сложившейся общепринятой научной концепции считается установление достаточных оснований для возбуждения уголовного дела.

Исходя из основных концептов понятия «возбуждение уголовного дела» правовая сущность стадии сводится к следующему: доследственная проверка по поступившему сообщению о преступлении, позво-

ляет отграничить преступные деяния от непроступных и сконцентрировать внимание органов предварительного расследования на деяниях, запрещенных уголовным законом. Однако, мера реагирования государства на подготавливаемые, совершаемые и совершенные деяния, запрещенные уголовным законом должна осуществляться при неукоснительном соблюдении прав и законных интересов всех участников уголовного процесса.

На стадии доследственной проверки подлежит разрешению главный вопрос: будет ли в данном конкретном случае начата уголовно-процессуальная деятельность в полном объеме или нет. Возбуждение уголовного дела как самостоятельная стадия предрасполагает к формированию полноценной доказательственной базы. Осуществляется первичный сбор

доказательств, которые определяют, будет ли возбуждено уголовное дело или в его возбуждении будет отказано. С данного момента приводится в действие процессуальный механизм уголовного преследования и непосредственно с данного этапа начинается реализовываться назначение уголовного судопроизводства, выраженное в защите личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод.

«Уголовно-процессуальное доказывание осуществляется уже на первой стадии уголовного судопроизводства» [16]. Применительно к полномочиям лиц, осуществляющих проверку сообщения о преступлении, они, согласно действующему законодательству, были существенным образом расширены.

Функционирование уголовно-процессуального правозащитного механизма берет свое начало именно на этапе первичного рассмотрения сообщений о преступлении. С.В. Купрейченко отмечает, что защита имеет место, если существует угроза, а это возможно только применительно к лицу, в отношении которого предстоит разрешить вопрос о его виновности [14, с. 74].

Вопрос о реализации права на адвоката с момента, предшествующего появлению у фактически задержанного статуса подозреваемого, неоднократно поднимался как среди ученых-процессуалистов, так и в решениях судебных инстанций. Конституционный Суд РФ в своем постановлении сформулировал позицию, содержащую ответ на обсуждаемую проблему. Суд установил, что гарантируемое Конституцией РФ право на получение квалифицированной юридической помощи не связано как с формальным признанием лица подозреваемым или обвиняемым, так и с моментом принятия какого-либо процессуального акта органом дознания, следствия или прокуратуры [5]. Данное постановление имело место быть еще до вступления в законную силу действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ. В более поздних конституционных определениях подчеркивалось, что задержанный не лишен права на пользование услугами адвоката с момента фактического задержания или иного реального ограничения прав, что не связывает реализацию права на защиту посредством адвоката с присвоением статуса подозреваемого [6].

Не вдаваясь в общие вопросы последственной проверки, проанализируем такой метод проверки сообщения о преступлении как получение следователем, дознавателем объяснения. Данный метод, сложившись в практике задолго до своего законодательного закрепления, сначала был урегулирован приказом Следственного комитета РФ от 3 мая 2011 г. № 72 «О по-

рядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации» [4] в дальнейшем с внесением изменений в Уголовно-процессуальное законодательство, нашел свое отражение в Уголовно-процессуальном кодексе РФ [2].

Касаясь доказательственного значения объяснений, высказывали свою точку зрения многие ученые-процессуалисты. Так среди сторонников использования объяснений в качестве доказательства выступает В.В. Терехин, не являясь сторонником «чистоты средств процессуального доказывания» [11, с. 16–22], однако причисляя объяснение, полученное на этапе последственной проверки к допустимому доказательству при условии обеспечения подлинной реализации прав и законных интересов участников проверочных действий и установлении достоверности полученных сведений.

А.В. Чуркин занимает схожую позицию применительно к вопросу доказательственного значения полученных на стадии возбуждения уголовного дела объяснений, полагая, что объяснения будут выступать полноценными допустимыми доказательствами в случае соблюдения практическими работниками в осуществляемой правоприменительной деятельности процессуальной формы объяснений [15].

Среди ученых-процессуалистов сторонниками использования полученных на стадии последственной проверки объяснений в качестве доказательств также выступают В.М. Быков, В.С. Балакшин, А.И. Григорьев [9, с. 145–148].

Ряд авторов выдвигают мнение о том, что на стадии возбуждения уголовного дела создаются предпосылки для дальнейшего успешного производства расследования уголовного дела [13, с. 6].

Положения Уголовно-процессуального кодекса РФ также допускают использование полученных в ходе проверки сообщения о преступлении сведений в качестве доказательств [1]. Таким образом, еще до возбуждения уголовного дела со стороны законодателя допускается проведение полноценного расследования по обстоятельствам материала последственной проверки с получением потенциальных доказательств виновности лица, в отношении которого проводятся проверочные действия.

Следует обратить внимание, что на данном этапе сторона защиты еще не сформирована, что не позволяет в полной мере обеспечить реализацию принципа равноправия и состязательности сторон уголовного

процесса. Изобличительная деятельность же, направленная на проверку причастности к преступлению, берет свое начало с момента начала производства процессуальных действий, закрепленных в ст. 144 УПК РФ, в той или иной мере затрагивая конституционные права и свободы человека, особенно при фактическом задержании и доставлении лица в отдел внутренних дел.

Часть 1.1. ст. 144 Уголовно-процессуального кодекса РФ, наряду с иными возможностями лица, участвующего в производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении, предусматривает право пользоваться услугами адвоката [1]. Применительно к данной гарантии Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума от 16.04.2013 №9 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года №8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» отметил, что каждое лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, в порядке, предусмотренном ст. 144 УПК РФ, имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента начала осуществления процессуальных действий [3].

Из этого следует бесспорный вывод о том, что, согласно действующему законодательству, специально уполномоченное на проведение процессуальных действий лицо обязано разъяснить конкретному участнику проверки сообщения о преступлении его права и обязанности. Более того, должны быть, созданы надлежащие условия для реализации предусмотренных правомочий, чтобы лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, имело реальную возможность ими воспользоваться в полном объеме. Должны быть созданы условия беспрепятственного осуществления предусмотренных прав, в том числе и возможностью пользоваться услугами адвоката. И проблема даже не в том, что должностные лица не исполняют данную обязанность, она глубже, в отсутствии предусмотренной возможности участия адвоката в качестве защитника по назначению до возбуждения уголовного дела.

В одном из регионов РФ, должностными лицами предпринимались неоднократные попытки назначить защитника лицу, не имеющему статуса подозреваемого или обвиняемого, для чего в Адвокатскую палату субъекта РФ направлялись соответствующие заявки. Решением Совета Адвокатской палаты субъекта РФ на многочисленные уведомления от инициаторов поступили разъяснения по вопросу возможности участия адвоката в качестве защитника на стадии проверки сообщения о преступлении по назначению дознавателя или следователя. Из содержания указанных разъясне-

ний следует, что представители Адвокатской палаты по приему уведомлений и распределений между адвокатами поручений об участии в делах по назначению не обладают правом распределения между адвокатами поручений об участии в качестве защитников лиц, не обладающих статусом подозреваемого или обвиняемого по уголовному делу [7]. По смыслу разъяснения, квалифицированная юридическая помощь на стадии возбуждения уголовного дела может быть оказана только на основании соглашения, заключенного между адвокатом и доверителем. Представители Адвокатской палаты в своем решении акцентировали внимание, что действующее уголовно-процессуальное законодательство РФ не предусматривает ни назначение адвоката до возбуждения уголовного дела ни оплату издержек государственному защитнику за счет средств федерального бюджета.

В действительности далеко не каждое лицо, в отношении которого проводится проверка о совершенном преступлении, располагает условиями для реализации своего права на заключение соглашения с адвокатом на оказание юридической помощи. Стадия возбуждения уголовного дела не предполагает предоставление государственного адвоката, поскольку назначение последнего возможно только в рамках уже возбужденного уголовного дела.

Таким образом, если лицо не располагает материальными средствами, достаточными для заключения соглашения с адвокатом, оно не сможет реализовать предоставленное право на защиту. Точнее, защищаться лицо будет вынуждено самостоятельно, а вот услугами адвоката воспользоваться не сможет. Реализация гарантированного права, вопреки конституционным положениям, поставлена в зависимость от уровня материального положения. Лицу, в отношении которого проводится проверка, остается возможность лишь пригласить адвоката, а не рассчитывать на помощь государства. Ситуация образует существенный пробел в законодательстве, лишая практической возможности по реализации предоставленного права.

Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 27 июня 2000 года отметил, что пользоваться помощью адвоката, а значит, в определенной степени обладать правом на защиту, может любое вовлеченное в сферу уголовного процесса лицо, независимо от его формального процессуального статуса [5].

Применительно к самому лицу, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, в силу характера проводимых действий, имеющегося подозрения о причастности к совершению преступления, в отсутствие статуса подозреваемого, представ-

ляется правильным наделить подобное лицо определенными правами, которые можно закрепить как в отдельной статье Уголовно-процессуального кодекса РФ в главе 7 среди участников уголовного судопроизводства со стороны защиты, так и путем дополнения статьи 144 УПК РФ, регламентирующей порядок рассмотрения сообщения о преступлении.

В числе подобных прав правовое закрепление должны получить следующие: право знать основания проверки сообщения о преступлении; право давать объяснения по предмету проведения проверки либо отказаться от дачи объяснений; право давать объяснения на родном языке или языке, которым владеет; право пользоваться услугами переводчика бесплатно; право пользоваться помощью адвоката, в том числе бесплатно; право собирать и представлять доказательства; право знакомиться с протоколами процессуальных действий, произведенных с его участием а также защищаться иными средствами и способами не запрещенными УПК РФ.

Касательно права пользоваться помощью адвоката, принимая во внимание письменность как устоявшуюся уголовно-процессуальную форму отечественного досудебного производства, факт его разъяснения должен быть, зафиксирован в процессуальном акте. Представляется правильным, если подобного рода документ будет именоваться «Протокол разъяснения прав на защиту лицу, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении», и выступать самостоятельным процессуальным актом. Протокол позволит лицу, в отношении которого проводятся проверочные действия получить полное представление об объеме предоставленных ему процессуальных прав, в том числе ознакомиться с правом на защиту, реализуемом либо приглашением адвоката лично или через третьих лиц, либо направлением просьбы обеспечить защитника на государственной основе. Такой институциональный принцип досудебного производства как письменность накладывает определенные обязательства по оформлению принимаемых процессуальных решений и производимых процессуальных действий, а надлежащее качество итогового документа напрямую служит достижению назначения уголовного процесса.

Обращаясь к ст. 144 УПК РФ, регламентирующей порядок рассмотрения сообщения о преступлении, можно отметить ряд прав стороны обвинения, тогда как полномочия адвоката не получили своего закрепления. Иванов, справедливо подмечает, что «сторона обвинения сегодня обладает разнообразными эффективными процессуальными средствами сбора информации доказательственного характера еще на этапе проверки заявления (сообщения) о преступлении [12, с. 107–108].

По мнению автора необходимо урегулировать полномочия адвоката конкретно на этапе проверки сообщения о преступлении, что отвечало бы принципу состязательности уголовного процесса, распространяющегося на все его стадии. С позиции автора будет рассмотрен более серьезный пробел в уголовно-процессуальном законодательстве, ставящий под угрозу обеспечение прав и законных интересов лиц, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении. Речь пойдет о не урегулировании на законодательном уровне возможности деятельности адвоката по назначению на стадии проверки сообщения о преступлении. Несмотря на то, что путем внесения изменений в Уголовно-процессуальный кодекс РФ путем закрепления в статье 144-ой возможности участия адвоката до возбуждения уголовного дела, были обеспечены права и законные интересы лиц, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении, анализ деятельности адвоката по оказанию юридической помощи последним показывает ее ограниченный характер.

По мнению автора необходимо внести определенные изменения в ч. 2 ст. 50 Уголовно-процессуального кодекса РФ, изложив его в предложенной автором редакции: «По просьбе подозреваемого, обвиняемого или лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении участие защитника обеспечивается дознавателем, лицом, уполномоченным на проведение доследственной проверки органом дознания, следователем или судом».

Следующим шагом в обеспечении подлинной состязательности на стадии возбуждения уголовного дела станет установление полномочий адвоката на этапе проверки сообщения о преступлении.

Автор предлагает дополнить статью 144 УПК РФ полномочиями адвоката, а именно закрепить, что при проверке сообщения о преступлении адвокат вправе собирать сведения, необходимые для оказания юридической помощи, в том числе запрашивать справки, характеристики и иные документы от органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и иных организаций, опрашивать с их согласия лиц, предположительно владеющих информацией, относящейся к материалу проверки, по которому адвокат оказывает юридическую помощь, собирать и представлять предметы и документы, привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи.

Предоставляя лицу, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении возможность пользоваться помощью адвоката, необходимо

в Уголовно-процессуальном кодексе РФ урегулировать отказ от защитника данным субъектом.

Дальнейший анализ уголовно-процессуального законодательства позволяет сделать вывод о упущении со стороны законодателя при составлении статьи 51 УПК РФ. Обязательное участие защитника не распространяется на лицо, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, что необходимо изменить, приведя в соответствие с вновь закрепленным правовым статусом адвоката.

В целях единообразного понимания и точного соблюдения уголовно-процессуального закона, автор предлагает расширить, данное в части 1 статьи 49 УПК РФ определение защитнику, дополнив субъектов, которым гарантирована юридическая помощь лицом, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

Принимая во внимание одно из оснований для отказа в назначении защитника лицу не имеющему статуса подозреваемого или обвиняемого из ранее проанализированного Решения адвокатской палаты на неоднократные случаи направления со стороны дознавателей уведомлений подобного рода, а именно ссылку на отсутствие правового урегулирования возмещения процессуальных издержек адвокатам в случаях участия последних до приобретения доверителями статуса подозреваемых или обвиняемых по уголовному делу, автор диссертационного исследования приходит к выводу о необходимости закрепления подобной компенсации за счет средств федерального бюджета.

Автором была исследована начальная стадия уголовного процесса — возбуждение уголовного дела,

назначением которой выступает проверка сообщения о преступлении на наличие признаков деяния, запрещенного уголовным законом, в рамках которой проводятся процессуальные и иные действия, направленные на установление причастности конкретных лиц к совершению преступного деяния либо непричастности.

При проведении проверочных действий в рамках доследственной проверки в отношении конкретного лица должно приниматься во внимание назначение уголовного судопроизводства, предписывающее равное обеспечение защиты прав и законных интересов как пострадавших от преступлений лиц, так личности, в отношении которой проводится проверка сообщения о преступлении, так как при проведении проверочных действий

происходит ускоренный сбор сведений, указывающий на причастность, либо непричастность лица к совершению преступного деяния, и не исключается возможность применения мер процессуального принуждения, ограничивающие в той или иной мере права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка.

Урегулирование полномочий адвоката на стадии проверки сообщения о преступлении потребовало редакции ряда норм, непосредственно регламентирующих участие адвоката. Автору представляется возможным, что предложенные изменения и дополнения в действующее уголовно процессуальное законодательство, в случае их одобрения выступят гарантом подлинного обеспечения прав и законных интересов лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении, в том числе права на защиту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N174-ФЗ (ред. от 08.12.2020) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19.12.2020) // URL: www.consultant.ru, 09.01.2022.
2. Федеральный закон РФ от 4 марта 2013 г. № 23-ФЗ «О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Российская газета. — 2013. — 6 марта. — № 48.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 16 апреля 2013 г. № 9 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» // URL: www.consultant.ru, 13.01.2022.
4. Приказ Следственного комитета РФ от 3 мая 2011 г. № 72 «О порядке приема, регистрации и проверки сообщений о преступлении в следственных органах (следственных подразделениях) системы Следственного комитета Российской Федерации» (в ред. от 05.03.2012 г.) «// URL: www.consultant.ru, 10.01.2022.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова»// URL: www.consultant.ru, 09.01.2022.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 17 ноября 2011 г. № 1579-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дядченко Сергея Валентиновича на нарушение его конституционных прав пунктами 11 и 15 статьи 5 и статьей 92 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» «// URL: www.consultant.ru, 10.01.2022.

7. Решение Совета Адвокатской палаты Ростовской области от 30 октября 2020 года // URL: https://apro.fparf.ru/documents/resheniya_soveta_apro_11.01.2022.
8. Балашкин В.С. Объяснение как доказательство в уголовном и административном судопроизводстве//Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 124–126.
9. Быков В.М. Новый закон о порядке рассмотрения следователем и дознавателем сообщения о преступлении//Российская Юстиция. 2013. № 5 С. 27.
10. Григорьев А.И. Допустимость объяснений в качестве доказательств по уголовному делу//Российский юридический журнал. 2013. № 5. С. 145–148.
11. Доля Е. Правовое значение результатов гласных оперативно-розыскных мероприятий для уголовного дела и реформы уголовного процесса.//Законность. 2011. № 4 С. 16–22.
12. Иванов И.И. Участие адвоката-защитника в уголовно-процессуальном доказывании: проблемы, тенденции, перспективы// Уголовное право, уголовный закон: теория и практика: сб. науч. ст. СПб., 2017. С. 107–108.
13. Коробков А.Н., Токарева М.Е./ Прокурорский надзор в стадии возбуждения уголовного дела. — М., 2002. С. 6.
14. Купрейченко С.В. Защитник в уголовном процессе на стадии предварительного расследования: Дисс. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. — С. 74.
15. Терехин В.В. Допустимость материалов проверки как доказательств.//Российский Следователь. 2013. № 13.
16. Яшин В.Н. Возбуждение уголовного дела: теория, практика, перспективы: учеб. пособие для вузов. М., 2002; Березина Л.В. Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела по УПК Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2003.

© Селина Елена Александровна (9265857758@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный университет правосудия

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПНОСТИ: РАСПРОСТРАНЕННОСТЬ, ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

TERRITORIAL AND REGIONAL FEATURES OF CRIME: PREVALENCE, PROBLEMS OF STUDYING

N. Teplay

Summary. Crime in Russia annually acquires incredible scales and sophisticated forms of existence, the mechanism of criminal activity is constantly being improved, the undesirable orientation of the current crime is its territorial and regional prevalence.

The author, based on the analysis of statistical data and materials of judicial practice, analyzed the current territorial and regional prevalence of crime, identified the specific features of its prevalence. Based on the study of the territorial prevalence of crime, the problems of its study are identified and some measures are outlined to prevent regional crime, increase measures to combat it effectively.

Keywords: territorial differences of crime, regional criminology, territorial specifics of crime, territorial-regional features of crime, criminological characteristics of crime.

На протяжении всего цивилизационного и исторического развития информационного общества и его сознания преступность являлась реальной угрозой национальной и международной безопасности и стабильности не только на территории России, но и на глобальном мировом уровне.

Криминологическая ситуация в России сложная, как негативное социальное явление имеет достаточно высокие и стабильные показатели, затрагивает все сферы жизнедеятельности общества в целом, нанося тем самым значительный ущерб. Поэтому вопросам территориальной распространенности преступности и проблемам ее изучения уделяется первостепенное внимание в современной криминологии, криминологических исследованиях, научных и практических разработках.

Комплексный анализ закономерностей территориальных различий преступности способствует проведению криминологической классификации регионов. Обобщение результатов позволяет разработать меро-

Теплая Нина Владимировна
К.э.н., доцент, Ростовский филиал ФГБОУВО
«Российский государственный университет
правосудия», г. Ростов-на-Дону
TeplaySurgut@mail.ru

Аннотация. Преступность в России ежегодно обретает невероятные масштабы и изощренные формы существования, постоянно совершенствуется механизм преступной деятельности, нежелательной направленностью нынешней преступности является ее территориально-региональная распространенность.

Автором, на основе анализа статистических данных и материалов судебной практики проанализирована современная территориально-региональная распространенность преступности, выявлены специфические особенности ее распространенности. На основе изучения территориальной распространенности преступности установлены проблемы ее изучения и обозначены некоторые меры по предупреждению региональной преступности, повышению мер эффективности борьбы с ней.

Ключевые слова: территориальные различия преступности, региональная криминология, территориальная специфика преступности, территориально-региональные особенности преступности, криминологическая характеристика преступности.

приятия в организации дифференцированной борьбы с преступностью, учитывая их региональные особенности, причины и условия, улучшить возможность глубокого проникновения в механизм детерминации преступности и ее изменений, установить цикличность возникновения и функционирования преступности по социально-экономическим, социокультурным и другим характеристикам региона, выделить общие и специфические особенности. Все это является необходимым условием для разработки стратегических мер борьбы с преступностью.

Отметим, что территориально-региональный анализ преступности является обязательным атрибутом криминологических исследований. По мнению Д.В. Горбань и О.С. Ефремовой, «в составе региональной криминологии должно быть четыре основных раздела: 1) характеристика преступности; 2) причины и условия преступности; 3) личность преступника; 4) меры предупреждения и профилактики преступности. Также региональная криминология как самостоятельное направ-

ление должна включать в себя развитый понятийный аппарат» [3, с. 230–238].

В рамках криминологических исследований преступность важно рассматривать как интегративный результат сложного взаимодействия всех социальных явлений и процессов, происходящих не только в обществе в целом, но и имеющих территориально-региональную специфику. Необходимо осознавать, что преступность как социальное явление имеет определенные закономерности — присущие только ей, повторяющиеся существенные признаки, отражающие ее взаимосвязь с другими социальными явлениями. Результатом таких закономерностей являются политическая ситуация в России и регионах, социально-экономические и государственно-правовые преобразования, межнациональные отношения и этнические конфликты, эффективность деятельности правоохранительных органов, особенности социальной и национальной психологии, отметим также национальные, религиозные, семейно-бытовые традиции и обычаи и др.

При изучении территориально-региональных особенностей преступности и их причин не отменяется значимость учета специфики преступности на социальном и социально-групповом уровнях, в контексте трансформации различных сфер жизнедеятельности общества. Стоит отметить, что комплексное изучение преступности и явлений, их порождающих, в пределах различных регионов имеет определенную значимость для совершенствования мер борьбы с этими антиобщественными проявлениями. Только преступность как социальное явление имеет такую специфическую особенность, как территориальная неравномерность, которая наиболее тесно связана с факторами, влияющими на нее. Учет этих обстоятельств необходим при разработке эффективных механизмов профилактики преступности в конкретной административно-территориальной единице, поскольку в противном случае реализуемые меры по предупреждению этого негативного явления будут малоэффективны. В этом аспекте важно не только обладать информацией, отражающей специфику существующей в конкретном регионе системы криминогенных факторов и интенсивность негативного воздействия каждого из них, но и сосредоточить усилия всех субъектов социального управления (административно-хозяйственных единиц, общественных организаций и т.д.), в борьбе с преступностью.

Полагаем, что преступность как вид социального поведения обладает признаками территориальности и здесь необходимо отметить, имеет крайне непостоянное распределение, и в каждом регионе выглядит по-своему, имея те или иные специфические черты, связанные с этнокультурными, историческими, при-

родно-географическими, экономическими, демографическими условиями жизни общества. Проблемы территориально-региональных особенностей преступности, ее существенных различий и ранее являлись предметом криминологических исследований. Полезность этих исследований определяется, прежде всего, возможностью изучения региональной преступности и мер по повышению эффективности борьбы с ней. Соответственно, предупреждение региональной преступности должно быть четко ориентировано на особенности конкретной территориальной единицы.

Автор разделяет мнение Л.М. Щербаковой, «социальные факторы демографического, экономического, геополитического порядка и т.д. влияют на показатели преступности конкретной территории. Характер и интенсивность влияния того или иного криминогенного фактора в их системе существенно различаются в зависимости от особенностей региона. Различия в уровне, структуре и динамике преступности в разных регионах обусловлены тем, что либо социальные, экономические и психологические факторы, влияющие на поведение людей, различны, либо их интенсивность не одинакова, либо, наконец, эти факторы действуют в разных сочетаниях. Поскольку процессы криминализации в России характеризуются значительной территориальной неоднородностью и по-разному проявляются в различных регионах страны, путем сравнения определенных показателей можно особенности того или иного региона» [8, с. 48–57].

М.А. Сутурин считает, что «территориальные различия, определяющие региональную специфику преступности, можно рассматривать как всю совокупность свойств (географических, демографических, исторических, социокультурных и др.), характеризующих тот или иной регион (территорию), в котором реализуется преступное поведение. Наиболее работоспособным представляется термин «региональная преступность», который отражает как раз территориальные, социальные, исторические и иные различия тех явлений, которые отражают преступность в целом и специфику ее конкретного проявления на определенной территории» [6, с. 115–119].

Согласно Конституции Российской Федерации [1], каждое территориальное образование Российской Федерации (субъект Российской Федерации) — наделено определенными полномочиями в области охраны общественного порядка, обеспечения безопасности территории и, соответственно, предупреждения преступности. Отсюда вывод, что особенности географического положения государства и его территориальные особенности определяют многогранную и неоднозначную картину преступности — преступность имеет свои территориально-региональные особенности и специ-

фику. Этими обстоятельствами выделены особенности преступности и ее существенные различия в том или ином регионе нашей страны. Так, в одних регионах наблюдается рост преступности, а в других — снижение; в одних регионах большинство тяжких преступлений совершается против личности, а в других — экономических, в составе организованных преступных групп и т.д.

Неоднородность территориальных различий по объему, интенсивности, структуре, динамике, характеру преступности, а также их прямая связь с уровнем социально-экономического развития отдельных регионов страны: национальные традиции, обычаи, культурно-просветительная работа, организация быта и досуга населения, качество правоохранительной деятельности — учитываются при определении задач общества по борьбе с преступностью, как важнейших индикаторов профилактики.

Д.Е. Ваничкин отмечает, что «для выявления тенденций и закономерностей региональной преступности необходимо изучить масштабы ее распространения, распределение по территориям отдельных видов преступлений, их уровень, а также персональный состав, совершающий эти преступления. При этом важным аспектом является учет показателей изменений в конкретной социальной среде» [2, с. 134–135].

Э.Э. Раски считает, «характеристика региональной преступности включает: криминологическую характеристику региональных образований; выявление в них дестабилизирующих факторов, источников дезорганизации и социальной напряженности как результата взаимодействия всех основных компонентов и сфер рассматриваемой социальной среды» [5, с. 28].

Исключительную важность при выявлении тенденций и закономерностей региональной преступности, составляет учет специфических условий и особенностей каждого региона их региональных различий: экономический статус, географическое положение и другие параметры. Особенность регионов и их различия, естественно, оказывают значимое влияние на характеристику поставленных исследовательских задач, эти особенности и различия необходимо учитывать при предупреждении региональной преступности.

По мнению автора «криминологическая характеристика преступности, необходимая для изучения ретроспективного и текущего анализа ее основных показателей, текущего состояния и вероятностных изменений тенденций и закономерностей ее развития, криминологически значимых факторов, является целевой основой для разработки и реализации мер, направленных на предупреждение и профилактику преступности.

В то же время изучение региональной статистики и судебной практики позволяет выявить некоторые факторы географического распределения преступности, связанные с социально-экономическими и социально-психологическими различиями в конкретном регионе» [7, с. 108].

В зависимости от целей и задач территориально-региональных исследований на практике выделяют два основных подхода в направлении изучения преступности: конкретно-криминологический и комплексный социально-криминологический. Знания о криминологических объектах, на которые планируется последующее профилактическое воздействие, аккумулируются в криминологической характеристике преступности (преступлений) определенного вида.

Здесь необходимо отметить, что к преимуществам данного подхода могут быть отнесены: сопоставимость, высокая оперативность информации, простота методологии исследования, возможность анализа социальной обусловленности преступности в районах ее локализации, широкий спектр практического использования результатов. В то же время, следует отметить недостатки конкретно-криминологического исследования — это социальная природа (причины) преступности, изучаемые через территориальные проявления преступности (следствие) как совокупность преступлений.

Целью социально-криминологических исследований является изучение влияния социально-территориальных факторов на уровень, динамику, структуру и характер преступности в пределах конкретного региона. Прежде всего, при исследовании вопросов предупреждения региональной преступности необходимо провести подробную и обоснованную классификацию субъектов Российской Федерации (регионов) по различным основаниям. Это позволит наиболее полно и качественно охарактеризовать особенности преступности на их территории и, соответственно, предложить наиболее эффективные меры по ее предупреждению. В данном случае речь идет об определении типологии субъектов Российской Федерации в области предупреждения преступности.

Справедливо будет сказать, что единый субъект Российской Федерации — это своего рода социально-экономическая пространственная система, которая является катализатором всех социальных процессов, происходящих в обществе. Эти территориальные единицы не являются механическим набором отдельных компонентов и сфер. Они представляют собой единое целое, в котором изменение одного элемента или отношений между элементами приводит к изменению всей системы. Следует исходить из того, что преступ-

ность в социальных сообществах не является результатом действия конкретных факторов, а скорее отражает определенное состояние данного сообщества. Это требует детального изучения феномена региональной преступности в рамках субъекта как системы [4, с. 3].

Изучение методик различных социально-экономических группировок регионов показало, что одним из важнейших их моментов является взвешенный и глубоко продуманный выбор показателей, которые будут положены в основу той или иной типологии. Основными требованиями к таким показателям являются: полное соответствие конечному назначению типологии объектов; полный охват содержания явлений, для изучения которых создается типология; отсутствие противоречивости выделенных характеристик; относительная простота получения необходимой информации; исключение необходимости сложных расчетов при выполнении вычислительных операций с показателями; простота содержательной интерпретации результатов.

Указанные требования могут быть конкретизированы рядом факторов, влияющих на преступность в регионе, для осуществления социально-криминологической типологии субъектов Российской Федерации.

Факторные показатели условно можно разделить на две группы:

1. экономическая среда (валовой внутренний продукт (ВВП); средняя заработная плата и доля заработной платы в ВВП; прожиточный минимум, уровень бедности, уровень инфляции, уровень безработицы; годовые темпы роста ВВП; индексы промышленного производства и потребительских цен; дефицит бюджета; структура собственности; уровень монополизации; прямые и косвенные налоги; платежный баланс; степень криминализации экономики);
2. социально-политическая среда (темпы роста доходов и расходов населения; средний уровень потребления основных продуктов питания; степень обеспеченности жильем и другими условиями, необходимыми для жизнедеятельности (учреждения здравоохранения, социально-культурные объекты); уровень образования; продолжительность жизни, рождаемость, смертность, заболеваемость; степень миграции населения и др.). Столь обширный охват сторон жизнедеятельности региона с точки зрения оценки его социально-экономического положения необходим в связи со сложностью процессов, которые в немалой степени сказываются на состоянии преступности в нем.

Особая криминологическая группа состоит из показателей криминологической ситуации в регионе.

Объективным показателем здесь является уровень преступности: объем, структура и динамика. Как правило, структура преступности в регионе может быть объяснена соотношением между ее активностью и интенсивностью. В этом случае динамика интенсивности соответствует динамике активности.

Исследуя и анализируя криминологическую обстановку в России, ее основные современные тенденции, следует обратить внимание на статистические показатели территориальной преступности.

По данным официальной статистики Министерства внутренних дел Российской Федерации и Федеральной службы государственной статистики (РОССТАТ), криминогенная ситуация в стране по итогам 2020 года продолжает оставаться стабильной, наблюдается общий рост количества зарегистрированных преступлений — 2044221, что на 1,0% больше относительно 2019 года, несмотря на то что наблюдается тенденция к снижению общего количества выявленных преступлений, в период с 2016–2020 годы — на 13,1% [9].

Рейтинг регионов России с самым большим ростом преступности в 2020 году возглавляет город Севастополь, преступность в регионе по сравнению с 2019 годом выросла на — 6,1 тыс. (+ 44%); на втором месте Санкт-Петербург — рост преступности составил — 61,3 тыс. (+26%) по сравнению с аналогичным периодом 2019 года, третье почетное место заняла Ленинградская область — рост преступности составил — 27,4 тыс. (+ 12,8%). В пятерку лидеров вошли также Республика Алтай (11,6%) и Костромская область (10,4%).

При этом в некоторых регионах, по оценкам Генпрокуратуры Российской Федерации, криминогенная обстановка улучшилась. Так, тройку лидеров по этому показателю возглавили Чеченская республика, республика Северная Осетия — Алания и Адыгея, где преступность по итогам года упала соответственно на 16,9%, 15% и 12,4%.

По результатам анализа состояния преступности в Российской Федерации за первое полугодие 2021 года, зарегистрировано 1 022 000 преступлений, что на 1,1% больше, чем в аналогичном периоде 2020 года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 46 субъектах Российской Федерации, снижение — в 39 субъектах.

Детальное изучение состояния и развития преступности в разрезе отдельных административно-территориальных образований анализируемого региона выявило наличие у них переменность по характеру криминогенной обстановки, что служит мотивом не только

для процедур, связанных с выделением однородных субпопуляций, но и для изучения системы факторов дифференциации преступности на мезоуровне.

В зависимости от разработанной классификации российских регионов по уровню преступности следует предложить определенные меры по предупреждению преступлений на их территории. По мнению автора, в субъектах Российской Федерации с максимальным коэффициентом преступности (группа риска) следует предпринимать более интенсивные меры по ее профилактике, в том числе повышение интенсивности профилактических мер на уровне законодательства.

Обобщая вышеизложенное, отметим, что особенность федеративного устройства России определяет

актуальность и необходимость изучения территориально-региональных аспектов преступности. Территориально-региональная преступность Российской Федерации имеет свои особенности и специфику, зависящие от различных факторов (экономических, социальных, демографических и т.д.);

Стоит также отметить, что важным аспектом в предупреждении региональной преступности является разработка классификации (типологии) субъектов Российской Федерации с учетом характерных признаков. При этом необходимыми мерами по предотвращению территориальной преступности должно стать принятие комплексных региональных программ, с учетом криминальной специфики, четко сформулированными мерами и конкретными исполнителями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Ваничкин, Д.Е. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности в регионе (на материалах Ставропольского края): диссертация ... кандидата юридических наук. — Ставрополь, 2004. С. 134–135.
3. Горбань, Д.В., Ефремова, О.С. Основы предупреждения региональной преступности: проблемы и пути их решения // Актуальные проблемы российского права. — 2018. — № 11 (96). — С. 230–238.
4. Корниенко, А.В. Криминологическая характеристика и предупреждение преступности в регионе: По материалам Брянской области: автореферат диссертации ... кандидата юридических наук. — Рязань, 2005. С. 3.
5. Раска, Э.Э. Преступность как показатель состояния социального пространства // Теоретические проблемы изучения территориальных различий в преступности. — Тарту, 1987. С. 28.
6. Сутурин, М.А. Региональное изучение преступности (Теоретические аспекты) // Вестн. Том. гос. ун-та. — 2008. — № 310. — С. 115–119.
7. Серегина, Е.В., Теплая, Н.В. Криминологическая характеристика преступности в регионе: состояние и тенденции развития (на примере Ростовской области) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. — 2021. — № 5 (132). — С. 103–108.
8. Щербакова, Л.М. Некоторые характерные особенности преступности и ее детерминации в Северо-Кавказском федеральном округе // Проблемы детерминации и предупреждения преступности / под редакцией профессора А.И. Долговой. — М., Российская криминологическая ассоциация, 2017. С. 48–57.
9. Федеральная служба государственной статистики (Росстат): Российский статистический ежегодник. — М., 2020. — URL: <http://www.demoscope.ru> (дата обращения 03.01.2022)

© Теплая Нина Владимировна (TeplaySurgut@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ НАЛОГОВОГО ПРАВА ОРГАНАМИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ (СУДАМИ)

SPECIFIC FEATURES OF THE APPLICATION OF TAX LAW BY THE JUDICIAL POWER BODIES (COURTS)

T. Tretyakova

Summary. The article provides an assessment of judicial activity in the field of application of the rules governing tax legal relations. The author emphasizes that at this stage in the development of tax legislation, as well as its application in resolving various disputes, including those related to deliberate tax evasion, there is a steady trend of humanization, the goal of which is to simplify the specified range of relations as much as possible, as well as to make it open and understandable for taxpayers. Defining the features of judicial practice in this matter, the author focuses on the insufficiency of the measures taken by the legislator, as well as the controversy and inconsistency of some regulatory prescriptions. Special attention is paid to the practice of using this basis in the field of tax crimes.

Keywords: taxation, offense, compensation for damage, tax crimes, judicial practice.

Третьякова Татьяна Олеговна

*К.с.н., доцент, Санкт-Петербургский институт
(филиал) ФГБОУ ВО «ВГУЮ РПА Минюста России»
tretyakova-t@mail.ru*

Аннотация. В статье дается оценка судебной деятельности в сфере применения норм, регулирующих налоговые правоотношения. Автором подчеркивается, что на данном этапе развития налогового законодательства, а также его применения в части разрешения различных споров, в том числе и связанных с сознательным уклонением от уплаты налогов, наблюдается устойчивая тенденция гуманизации, цель которой максимально упростить указанный спектр отношений, а также сделать его открытым и понятным для налогоплательщиков. Определяя особенности судебной практики в данном вопросе, автор акцентирует внимание на недостаточности мер, принятых законодателем, а также спорности и непоследовательности некоторых нормативных предписаний. Отдельное внимание в статье уделяется практике использования данного основания в сфере совершения налоговых преступлений.

Ключевые слова: налогообложение, правонарушение, возмещение ущерба, налоговые преступления, судебная практика.

Экономическая сфера, несмотря на то, что современное представление о её функционировании может формироваться исключительно с учетом вносимых преобразований, между тем, представляет собой сложный социальный институт, включающий в себя не только алгоритмы реализации прав субъекта коммерческой деятельности, к примеру, на справедливое налоговое бремя, но и различные механизмы воздействия на его волю при условии, что предоставленная возможность исполнения обязанностей положений закона или договора со стороны последнего оказывает пагубное влияние на основы общественного регулирования.

В то же время, как показывают исследования, анализ вопроса должного исполнения своих обязанностей в сфере предпринимательства и коммерческого интереса с различных позиций (обоснованности, своевременности, соразмерности и др.) нередко приводит к пониманию о необходимости защиты функционирования экономики, что, как следствие, сводится к формирова-

нию не просто новых правил регулирования указанной сферы, но и последовательному созданию различных санкционных механизмов, направленных на защиту, прежде всего, интересов её участников. Логично, что не последнюю роль в использовании этих механизмов играют суды [Великанова, Горнова, с. 267].

Сфера налогообложения справедливо относится к одной из основных составляющих всей системы экономического устройства страны. Общим посылом к развитию данной сферы, как указывалось выше, послужило развитие современного бизнеса (предпринимательства). И нельзя не отметить, что главной причиной проблем, которые возникают в указанном направлении, является слабость законодательного внимания к тем вопросам, которые напрямую связывают развитие экономики и функционирования системы налогообложения.

К примеру, если более детально проанализировать взаимосвязь между действиями налоговых аген-

тов (служб) и обязательствами налогоплательщиков, то можно обнаружить, что за последние годы её конъюнктура обросла новыми гранями, что, с одной стороны, расширило возможности налогоплательщиков и полномочия агентов, с другой, усложнило указанные отношения, включив в них новые механизмы расчета налоговых отчислений и ответственности за невыполненные обязательства [5, с. 572].

Как справедливо отмечает исследователь И.Д. Ксиропулос, отрасль налогового права в силу, прежде всего, широкого развития в стране налоговых отношений и многообразия возникающих на данном фоне обязательств (и, как следствие, выявления значительного количества нарушений в указанной сфере), находится в тесной взаимосвязи с иными отраслями правового регулирования. Это, в свою очередь, послужило толчком к тому, что институты контроля за указанными отношениями стали обрастать новыми правовыми принципами, а судебное разрешение таких споров стало затрагивать значительное количество процессуальных аспектов, включающих в себя такие вопросы, как: юридическая оценка налоговых отношений, документальное сопровождение налогообложения и его влияние на формирование силы доказательственного значения при подтверждении нарушения налоговых обязательств, а также определение меры юридической ответственности за нарушение данных обязательств и порядок освобождения от неё [6, с. 24].

В частности, суды, применяя положения административного и уголовного законодательства в сфере налогового обложения, нередко выносят на передний план такой принцип оценки неисполненных налоговых обязательств, как неотвратимость наказания, по сути перенося разрешение возникшего спора в русло определения степени вины, а не определения обстоятельств их проявления. В некоторой части, это связано с неверным представлением об эссенции доказательственной базы в оценке налоговых отношений, которая является основой для выводов относительно совершенных действий в указанной области, и определении вектора её дальнейшего развития.

В контексте рассмотрения обозначенной проблемы стоит отметить, что суды, применяя положения налогового права в спорах, к примеру, о неуплате налогов, не всегда могут правильно определить сущность нарушений и дать последовательную оценку действиям нарушителя, поскольку положения действующего законодательства не содержат достаточно полного отображения того, когда должна возникать необходимость вмешательства со стороны правоохранительных органов в такие отношения, а также не позволяет точно установить, — в каких именно случаях указанные от-

ношения должны оканчиваться наказанием виновного лица.

Примером такого положения дел служит вопрос судебного определения освобождения от ответственности за совершение налоговых правонарушений.

Рассматривая вопросы такого характера, отдельное внимание исследователей было привлечено к практике использования основания для освобождения от ответственности при совершении преступлений в сфере налогообложения, в частности, перспективы её применения затрагивали положения ст.ст. 198–199.1, 199.3, 199.4 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ) [2], ответственность по которым, согласно ч. 1 ст. 76.1 УК РФ, не наступает для лиц, впервые совершивших указанные деяния, а также при обязательном условии, что ущерб, причиненный действиями таких лиц в результате преступления, на момент вынесения решения о виновности, возмещен в полном объеме.

Здесь практика применения рассматриваемого основания, по сути, сталкивается с теми же проблемами, которые налоговое законодательство выделяет в качестве основных вот уже длительное время [7, с. 318].

К примеру, таким же неконкретизированным остается вопрос определения тех лиц, которые по закону имеют право возместить вред, причиненный действиями налогоплательщика. По нашему мнению, нельзя согласиться с тем, что обязанность возместить вред может быть реализована любым лицом, в том числе и тем, которое не имеет отношения к совершенному деянию.

Кроме того, такой подход в разрешении вопросов, связанных с регулированием налоговых отношений, противоречит логике самой инициативы внедрения ст. 76.1 УК РФ. Здесь логика законодателя изначально строилась на формировании в субъекте налогового права позитивных и ответственных качеств, выражающихся в его поведении, в особенности, в части сохранности бюджетных средств. Следовательно, основной акцент регулирования должен делаться на действие самого виновника, так как правовое стимулирование подразумевает под собой ответную реакцию, вызванную определенной заслугой [8, с. 34]. Логичным подтверждением сделанному выводу служит Постановление № 1–56/2020 1–935/2019 от 11 февраля 2020 г. по делу № 1–56/2020, вынесенное Выборгским районным судом Санкт-Петербурга, о прекращении уголовного дела в отношении директора ООО «Союз» Е.Н. Разуvalова, признанного виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 199 УК РФ на основании ст. 76.1 УК РФ, — в связи с неуплатой налоговых отчислений за период 2017 года, произведенных с согласия Раз-

увалова, на момент вынесения настоящего решения, другим лицом. Этим же решением Разувалов, несмотря на то, что не им подавались ложные сведения о налоговой отчетности, был признан виновным в совершении вышеуказанного налогового преступления [11].

Вместе с тем, позиция, отраженная в п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 19 от 27 июня 2013 года [10], где говорится о том, что такой порядок добровольного возмещения вреда распространяется и на налоговые отношения, служит доказательством того, что заложенная законодателем цель регулирования отходит на задний план, отдавая приоритет пополнению бюджета любыми способами.

Немаловажно будет отметить, что на данный момент возникают трудности, связанные с особенностями толкования примечаний к статьям 198–199.1 УК РФ, где уже содержатся указания на возможность освобождения от ответственности, и определяющие размеры ущерба, подлежащего возмещению. Нужно заметить, что особенностью данных примечаний стало то, что, несмотря на включение оснований, предусмотренных ст. 76.1 УК РФ в Общую часть УК РФ, их действие не имеет приоритета над теми, которые заложены законом в указанных статьях его Особенной части. Доказательством такого приоритета являются относительно недавние изменения действующего уголовного законодательства, затронувшие содержания таких примечаний [3], последствием которых стала соответствующая судебная практика. Так, решением Оренбургского областного суда решение Александровского районного суда, рассматривающего уголовное дело в части уклонения от уплаты налогов со стороны физического лица, было отменено, поскольку судом неверно были применены положения действующего законодательства в части исчисления размеров сумм, необходимых к выплате при реализации права, предусмотренного ст. 76.1 УК РФ [13].

Вместе с тем, сложно понять — для чего собственно законодателю изначально понадобилось вводить такое «дублирование», однако можно предположить, что оно стало либо следствием технической ошибки, которая, по всей видимости, может быть устранена в дальнейшем путем исключения из положений ст.ст. 198–199.1 УК РФ вышеуказанных оснований, либо это стало следствием выражения желания представительного органа акцентировать внимание правоприменителя в практике на приоритете «налоговых» норм, как положений, формирующих одну из основных конституционных обязанностей гражданина (ст. 57 Конституции России [1]).

Доказательством устойчивости приведенной позиции является решение Верховного Суда РФ, которое нашло свое выражение в том, что вопрос о наличии

оснований, предусмотренных ст. 76.1 УК РФ в конкретном налоговом преступлении, должен разрешаться судами с учетом именно тех примечаний, которые являются составной частью ст.ст. 198–199.1 УК РФ. Кроме того, судам следует быть внимательными при определении признаков указанных деяний. К примеру, лицо, совершившее такое преступление, вправе признаваться впервые его совершившим при условии, что на момент принятия процессуального решения о виновности, не имеет неснятую или непогашенную судимость по той статье, от ответственности по которой оно освобождается [9]. Также, на формирование оснований для освобождения от ответственности за налоговые правонарушения не может влиять то обстоятельство, что указанные преступления были совершены умышленно, а также лицами в группе, либо по предварительному сговору. Ходатайство об освобождении от ответственности на основании ст. 76.1 УК РФ может быть заявлено в ходе судебного рассмотрения непосредственно теми, кто является обвиняемыми по делу. Так, на основании положений ст. 76.1 УК РФ Октябрьским районным судом г. Иркутска подсудимые Петров А.А. и Ушакова М.В. были освобождены от уголовной ответственности, так как возместили ущерб, причиненный бюджетной системе РФ, в полном объеме, о чем в суде ими было заявлено соответствующее ходатайство (Постановление № 1–408/2019 от 12 декабря 2019 г. по делу № 1–408/2019) [12].

Подводя итог проведенному анализу, можно отметить определенную тенденцию в том, что сфера налоговых отношений остается одной из самых сложных в части создания совершенного механизма её законодательного регулирования, а судебная практика, при использовании норм налогового права во взаимосвязи с предписаниями иных правовых институтов, пока еще носит противоречивый и неустойчивый характер. Между тем, видится, что законодатель, преследуя цель максимально продуктивно влиять на отношения между государством и представителями предпринимательской среды в вопросах оптимизации налогообложения, и стараясь избавить последних от неблагоприятных последствий, связанных с несвоевременной уплатой налогов, оставляет именно за первыми право считать налоговые нарушения крайне негативными для экономики. В свою очередь, судебная деятельность в указанной области показывает, что несмотря на четкие правовые очертания современного понимания к разрешению налоговых споров, связанных, прежде всего, с выявлением нарушителей, тенденция применения норм налогового права в данном вопросе будет определенно меняться и скорее всего приведет к расширению мер, которые законодатель выработал для того, чтобы налоговое законодательство развивалось по пути гуманизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 №63-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. №25. ст. 2954.
3. Федеральный закон от 01.04.2020 №73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 06.04.2020. №14 (часть I). ст. 2003.
4. Великанова Т.С., Горнова Н.В. Влияние экономических преступлений на экономическую безопасность страны / Т.С. Великанова, Н.В. Горнова // Экономика и социум. 2020. № 3 (70). С. 265–268.
5. Гаврилов, Д.Г. Проблемы и перспективы развития налоговой системы российской федерации / Д.Г. Гаврилов // Сборник научных статей по итогам Недели Российской науки в Рязанском филиале Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, Рязань, 01–04 февраля 2021 года. — Рязань: Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. — С. 571–574.
6. Ксиропулос И.Д. Развитие налогового инструментария социальной поддержки населения: дисс. . . канд.экон.наук. ВАК РФ 08.00.10. Финансы, денежное обращение и кредит. Москва. 2020. 169 с.
7. Курманова, Л.Р. Современные проблемы налоговой безопасности Российской Федерации / Л.Р. Курманова, Р.А. Хазиахметов // Инновационное развитие экономики. — 2021. № 1(61). С. 312–321.
8. Сумароков А.И., Сумарокова Н.А. Формирование правового поведения граждан России на современном этапе / А.И. Сумароков, Н.А. Сумарокова // Вестник МНЭПУ. 2019. Т. 1. № 5. С. 374–375.
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.11.2019 №48 «О практике применения судами законодательства об ответственности за налоговые преступления» // Российская газета. №276. 06.12.2019.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 №19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Российская газета. №145. 05.07.2013.
11. Постановление № 1–56/2020 1–935/2019 от 11 февраля 2020 г. по делу № 1–56/2020 // [Электронный ресурс]. Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». Доступ: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 24.09.2021).
12. Постановление № 1–408/2019 от 12 декабря 2019 г. по делу № 1–408/2019 // [Электронный ресурс]. Сайт «Судебные и нормативные акты РФ». Доступ: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 24.09.2021).
13. Решение Оренбургского областного суда № 23–2/2020 от 23.05.2020 года // Документ опубликован не был. (Обзор судебной практики Оренбургского областного суда РФ по итогам апелляционного рассмотрения коллегией по уголовным делам за II квартал 2020 года).

© Третьякова Татьяна Олеговна (tretyakova-t@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ДОГОВОРА ПОЖИЗНЕННОГО СОДЕРЖАНИЯ С ИЖДИВЕНИЕМ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

PROBLEM ASPECTS OF THE CONTRACT OF LIFE MAINTENANCE WITH DEPENDANTS AND WAYS TO SOLVE THEM

E. Tumanov

Summary. In this study, an analysis is carried out aimed at establishing the features of the functioning and development of such a civil law institution as a contract of lifelong maintenance with a dependent. The author, building a model of logical understanding of the activities of such an institution through the prism of problems arising in connection with its use in civil relations, gives examples of what causes entail the consequences of improper use of its mechanisms and what is the difference between this institution and others similar to it in civil law. In addition, the author touches on the development of modern contractual relations and the role of this agreement in their assessment and resolution.

Keywords: life maintenance, rent, recipient, payer, civil law.

Туманов Эльдар Валерьевич

*К.ю.н., доцент, Российский университет транспорта, г. Москва
tumanov_roat_dot@bk.ru*

Аннотация. В настоящем исследовании проводится анализ, направленный на установление особенностей функционирования и развития такого гражданско-правового института, как договор пожизненного содержания с иждивением. Автор, выстраивая модель логического осмысления деятельности такого института через призму проблем, возникающих в связи с его применением в гражданских отношениях, приводит примеры того, какие именно причины влекут за собой последствия неправильного использования его механизмов и в чем отличие данного института от других, схожих с ним по гражданско-правовым признакам. Кроме этого, автор затрагивает вопрос развития современных отношений договорного типа и роль указанного соглашения при их оценке и разрешении.

Ключевые слова: пожизненное содержание, рента, получатель, плательщик, гражданское право.

Договор пожизненного содержания с иждивением, несмотря на то, что механизмы его действия (применения) в современной модели гражданско-правового регулирования уже имеют устоявшиеся основы, по-прежнему является одной из проблемных зон гражданского права по части применения его на практике. На это, как показывают различные исследования, указывает несоответствие (расхождение) некоторых позиций законодателя, когда речь заходит о необходимости совершенствования данного института. Более того, последние исследования, а также правовая практика использования содержания с иждивением по вопросам, прежде всего, социального развития показывают, что отсутствие конкретики при определении некоторых аспектов цивилистической основы, а также некоторые особенности его юридической идентификации не позволяют в полной мере реализовать притязания участников договорных отношений [1, с. 226].

Как справедливо отмечает Я.А. Ключеникова, активное развитие гражданского законодательства, которое, в свою очередь, достаточно сильно затронуло аспекты складывания отношений в сфере рентных обязательств, так и не стало новым качественным

толчком в вопросе его дальнейшего становления. Как следствие, институт гражданско-правового регулирования вопросов, связанных с использованием договора пожизненного содержания с иждивением, оказался одним из проблемных в современной практике. Исследователи перманентно обнаруживают в нем различные противоречия, а анализ правовой определенности его использования подчеркивает наличие различных пробелов в действующем законодательстве. Кроме того, по причине изначального отсутствия в нормах права хотя бы примерного перечня обязательств плательщика ренты, указанный договор мог заключаться сторонами при условиях явно неконкретного характера, ставших в дальнейшем предметом разнообразных судебных споров [2, с. 5].

Между тем, если более детально подходить к проблеме использования такого института, то следует отметить, что основной причиной сложившегося положения дел стала слабость законодательного понимания того, какие именно отношения он должен регулировать. Также законодательное представление о роли рассматриваемого института на данный момент фактически лишено устойчивой правовой опоры, что подталкивает участников таких отношений к необходимости

действовать скорее интуитивно, нежели руководствоваться какими-то определенными правилами или принципами. Вместе с тем в совокупности изученных оценок напрашивается вывод о необходимости продолжения исследования правовой обусловленности применения договора пожизненного содержания с иждивением и, как следствие, внесения в законодательные акты определенных изменений.

Справедливо было бы заметить, что логика выявленных нарушений при использовании рассматриваемого института указывает прежде всего на то, что реализация договора пожизненного содержания с иждивением сопровождается неверной оценкой со стороны субъектов собственной правовой сущности. Так, в разнообразных исследованиях неоднократно обращалось внимание, что иждивение — это форма социально-правового взаимодействия, где один субъект вправе заключить соглашение с другим субъектом на том условии, что последний примет на себя обязательства по его пожизненному содержанию. При этом, именно в рамках такого соглашения, за предоставление лицом, находящимся на таком содержании, своего дома, участка земли или иного объекта недвижимости в собственность, который впоследствии продолжает использоваться обеими сторонами, в том числе и для совместного проживания, плательщик вносит соответствующую ренту [3, с. 94]. Стоит отметить, что в таком понимании оценка сложившихся отношений может быть несколько размытой, так как по представленным признакам указанные отношения могут быть отнесены и к другим типам договорных конструкций, тем более что в некоторых формах договорного права вопросы внесения рентной платы также предусмотрены.

В частности, если учесть, что путаница с использованием данного института возникает довольно часто, логично было бы прибегнуть к сравнительному анализу использования договора пожизненного содержания с иждивением (по части схожести и отличий) в различных отношениях, в том числе и в тех, где применяются иные формы гражданско-правового регулирования. Попробуем рассмотреть проблемы схожести в сфере отношений, связанных с действием завещательного отказа.

К примеру, автор одного из диссертационных исследований по части применения форм, где предметом соглашения могут выступать рентные обязательства, М.Н. Рахвалова указывает на неконкретизированность правовых положений, определяющих порядок использования «содержания с иждивением», обращает внимание на то, что причиной такого положения дел являются пробелы в жилищном законодательстве. Исследователь отмечает, что именно в рамках завещательного от-

каза при передаче недвижимого имущества становится понятно, что механизм должного исполнения в вопросе указанного содержания практически отсутствует. Здесь истинной причиной стало слишком частое внесение в жилищное законодательство всевозможных корректив, прежде всего затрагивающих аспект определения такого понятия (правовой категории), как «титульный собственник». Кроме этого, законодатель продолжает менять уже, по сути, устоявшуюся систему оценки состояния недвижимого имущества, внося изменения в классификационный реестр его типов, а также отдельные виды жилых и нежилых помещений. В результате этого правовой статус отказополучателя, в контексте использования именно содержания с иждивением, не смог получить должного законодательного закрепления в первую очередь с точки зрения последующей защиты его прав и интересов [4, с. 18].

К примеру, если затронуть квалифицирующие признаки правового положения отказополучателя в рамках договора ренты, то можно увидеть, что юридическая основа реализации полномочий такого субъекта фрагментарно, но все же достаточно сильно совпадает с возможностями аналогичного участника только уже другого договора — договора пожизненного содержания с иждивением. Это вызвано тем, что на практике договор пожизненного содержания, ввиду отсутствия необходимости заверять его нотариально, нередко используют вместо договора ренты, несмотря на то, что сравнительная характеристика элементов обязательств по данным типам соглашений, включая случаи, когда статус некоторых видов помещений может изменяться, достаточно категорично указывает на их характерное отличие. И в данном случае это происходит из-за того, что отличия, которые могли бы помочь в нужной оценке обстоятельств, законодательно не отражены и, как следствие, в практике имеют одинаковые начала толкования различных по правовой природе отношений.

Учитывая сказанное, попробуем затронуть вопрос определения особенностей реализации права на отказ от ренты, при условии, что указанное лицо формально имеет право на совместное проживание с тем субъектом, который данную ренту платить обязан. В частности, право на отказ от получения ренты обусловлено положениями жилищного законодательства, где в статье 34 Жилищного кодекса Российской Федерации (далее — ЖК РФ) [5] указано, что в порядке действия ст. 33 ЖК РФ осуществляется пользование жилым помещением на основании договора пожизненного содержания с иждивением. Однако указанное пользование находится в зависимости от одного условия, в соответствии с которым установленный порядок такого пользования может быть изменен самими сторонами. Этот принцип

только подтверждает, что логика законодателя в данном вопросе полностью строится на праве сторон — самостоятельно определять алгоритм развития договорной конъюнктуры отношений.

Вместе с тем в ст. 33 ЖК РФ установлено, что со стороны отказополучателя такое право реализуется через призму соблюдения установленного срока, отраженного в завещании, и может быть прекращено, если он истечет. Из чего следует, что прекращение права в пользовании может реализовываться посредством истечения определенного срока, указанного в соглашении или в завещании. В свою очередь, положениями ст. 601 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [6] установлен порядок, согласно которому договор пожизненного содержания с иждивением относится к такому типу договоров, который должен подлежать нотариальному удостоверению. Из чего можно сделать вывод о двойственности применяемых положений, где, с одной стороны, отказ может быть реализован самостоятельно (в том числе и путем устной договоренности), с другой — это делать недопустимо без участия нотариуса.

Еще одним проблемным аспектом представляется вопрос оценки действий одной из сторон, если она намеренно пытается приблизить конец прекращения договорных отношений, всячески воздействуя на состояние второго участника. Здесь логично было бы внести изменения в законодательство, которое, с одной стороны, содержало бы указание на применение жестких санкций в отношении недобросовестного плательщика ренты, с другой — предусматривало бы основание для досрочного расторжения заключенного (действующего) между такими сторонами соглашения [7, с. 104].

Исследователями такая точка зрения повсеместно разделяется, тем более что в действующем законодательстве уже имеются примеры использования такой модели оценки последствий. В частности, п. 1 ст. 1117 ГК РФ [8] установлена возможность лишения наследства кого-либо из наследников, если им при жизни предпринимались меры для устранения наследода-

теля именно по причине умысла его скорейшего получения. При этом законодатель указывает не только на физическое воздействие, но и на психологическое, что, к примеру, может привести к банальному самоубийству. Вполне логично, что такая позиция должна найти свое отражение не только в нормах гражданского права. Например, Е.С. Душков предлагает ввести ответственность по ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации для тех лиц, которые совершили убийство получателя ренты по причине необходимости досрочного прекращения её выплаты. А в случае, если данное не может быть реализовано законодательно по причине сложности оценки (выявления причин) обстоятельств совершаемого, следует в нормах гражданского права предусмотреть условие, которое будет допускать прекращение возникших обязательств, если одна из сторон действует в нарушение основных принципов договорного права: законность, добросовестность, разумность и справедливость [9, с. 32].

Подводя итог проведенному исследованию, можно отметить следующее: в настоящее время договор пожизненного содержания с иждивением является одной из основных форм договорного права, посредством которого решается социальный аспект необходимого обеспечения граждан, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. В силу указанного становится понятно, что некоторые вопросы, в том числе и нашедшие свое отражение в различных исследованиях, необходимо решать уже сейчас. В частности, к одному из таких следует отнести необходимую категоризацию понятий, используемых в области договорных отношений, где предметом исполнения возникших обязательств является уплата ренты. Другим проблемным вопросом является создание условий для эффективной защиты участников таких отношений. К примеру, если отклонить предложения специалистов по части введения необходимых санкций уголовно-правового характера, то следует хотя бы рассмотреть возможность внесения в гражданское законодательство новых оснований для расторжения такого договора, при условии, что одна из сторон действует недобросовестно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голышев В.Г. Недвижимое имущество в гражданском праве и сделки с ним. — Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство Прометей», 2021. — С. 220–248.
2. Ключеникова Я.А. Правовое регулирование договора пожизненного содержания с иждивением: дис. . . . канд. юрид. наук. Специальность: 12.00.03 — гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право. Москва 2005. 209 с.
3. Лобзова К.Ю. Проблемы определения места и роли договора пожизненного содержания с иждивением / К.Ю. Лобзова, Е.А. Шергунова // Концепция развития частного права: стратегия будущего: Всероссийская национальная научная конференция с международным участием студентов, магистрантов и аспирантов, Курск, 20 мая 2021 года / Юго-Западный государственный университет. — Курск: Юго-Западный государственный университет, 2021. — С. 93–99.

4. Рахвалова М.Н. «Отказополучатели и получатели ренты как субъекты жилищных правоотношений»: дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. М., 2008. 210 с.
5. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 N188-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 28.12.2021) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2022) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. N1 (часть 1). ст. 14.
6. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 N14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 29.01.1996. N5. ст. 410.
7. Кузина С.В. Проблемные аспекты договора пожизненного содержания с иждивением и пути их решения / С.В. Кузина, О.С. Серегина, В.М. Неживова // Экспериментальные и теоретические исследования в современной науке: сборник статей по материалам LXV международной научно-практической конференции, Новосибирск, 31 мая 2021 года. — Новосибирск: Общество с ограниченной ответственностью «Сибирская академическая книга», 2021. — С. 99–104.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N146-ФЗ (ред. от 18.03.2019) // Собрание законодательства РФ. 03.12.2001. N49. ст. 4552.
9. Душков Е.С. Актуальные проблемы договора пожизненного содержания с иждивением: сравнительный анализ законодательства стран СНГ / Е.С. Душков // Державинский форум. — 2020. — Т. 4. — № 14. — С. 30–39.

© Туманов Эльдар Валерьевич (tumanov_roat_dot@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский университет транспорта (МИИТ)

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ ПРИ СТРУКТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ РЫНКА ТРУДА

IMPLEMENTATION OF COLLECTIVE LABOR RIGHTS OF EMPLOYEES DURING STRUCTURAL CHANGES IN THE LABOR MARKET

L. Filushchenko

Summary. The problematic aspects of the implementation of collective labor rights of employees are considered. Changing labor relations under the influence of digitalization, robotization and other technological changes leads to the separation of employees, reduces the willingness to act in solidarity and complicates the implementation of collective labor rights of employees. The strengthening of the influence of the trade union movement is possible with a change in the forms and methods of work of trade unions and a decrease in the rigidity of legal regulation of social partnership relations.

Keywords: trade unions, compromise, agreement, social partnership, protection of rights, guarantees.

Филущенко Людмила Ивановна

*К.ю.н., доцент, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (г. Екатеринбург)
L.I.filushchenko@urfu.ru*

Аннотация. Рассматриваются проблемные аспекты осуществления коллективных трудовых прав работников. Изменение трудовых правоотношений под влиянием процессов цифровизации, роботизации и других технологических изменений приводит к разобщению работников, снижает готовность к солидарным действиям и затрудняет реализацию коллективных трудовых прав работников. Усиление влияния профсоюзного движения возможно при изменении форм, методов работы профсоюзов и снижения жесткости правового регулирования социально-партнерских отношений.

Ключевые слова: профсоюзы, компромисс, соглашение, социальное партнерство, защита прав, гарантии.

Вопросы трансформации рынка труда и трудовых отношений в условиях цифровизации экономики, внедрения искусственного интеллекта привлекают внимание как зарубежных, так и российских ученых. К проблемам нетипичных трудовых отношений, платформенной занятости и возможным изменениям в институтах трудового права в связи со структурными изменениями рынка труда обращались Н.Л. Лютов, К.Л. Томашевский, И.А. Филипова, О.В. Чесалина и другие ученые. Цель настоящей статьи — изучение, анализ законодательства и определение перспектив развития коллективных трудовых прав работников в условиях технологических и иных изменений в экономике.

Коллективные трудовые права производны от индивидуальных трудовых правоотношений и, если последние претерпевают изменения, это не может не сказаться на осуществлении коллективных трудовых прав работников. К коллективным трудовым правам принято относить право на объединение в союзы для защиты своих прав и свобод, законных интересов, право на ведение коллективных переговоров и заключение коллективных договоров, право на разрешение коллективных трудовых споров, право работников на участие в управлении организацией, право на коллективную форму самозащиты (на забастовку) [4, с. 226]. Эти пра-

ва оказались под угрозой. Изменения, происходящие в экономике и обществе в результате технологических достижений порождают нестабильность трудовых отношений, ведут к разобщению работников, затрудняют коллективные действия. Защитные возможности профсоюзов снижаются, а риски, наоборот, возрастают. Так, например, в ближайшее время прогнозируют замену людей роботами в сфере оказания услуг. Каждый пятый работающий россиянин опасается замены роботом. Происходит понижение уровня гарантий и защищенности, возрастают риски потери работы, утраты заработка. Традиционные механизмы представительства и защиты нуждаются в обновлении, приспособлении к новым реалиям жизни.

Важнейшим среди коллективных трудовых прав работников можно признать право на объединение, в том числе право на создание профессиональных союзов. От него производны право на ведение коллективных переговоров и заключение соглашений, иные коллективные права. Временная занятость, «заемный труд», удаленная работа и насаждение индивидуализма не способствуют объединению работников, полноценной работе профсоюзов, снижают готовность к солидарным действиям. Общей тенденцией как для зарубежных, так и для российских объединений

профсоюзов является сокращение численности профсоюзов. Например, численность членов профсоюза крупнейшего объединения — Федерации независимых профсоюзов России — на 01.01.2021 г. составляла более 19 млн. чел. [10]. Размывание системы традиционных трудовых договоров, новые формы занятости и контроля работодателей за выполнением трудовых обязанностей разрушают сложившиеся механизмы представительства и защиты трудовых прав. Опасным симптомом является появление значительного числа первичных профсоюзных организаций, охватывающих менее 50 процентов работников, что может сказаться на представительских полномочиях. Не способствует приращению членов профсоюзов правило ТК РФ о распространении коллективных договоров на всех работников, которое не вполне соответствует международным нормам, допускающим возможность его действия только в отношении членов профсоюза, и не мотивирует работников к вступлению в профсоюз [5, с. 55–56]. Высказываются предложения о расширении сферы действия трудового права за счет самозанятых и иных категорий трудящихся и увеличении численности профсоюзов [9, с. 408]. С расширением сферы действия трудового права можно согласиться, но вряд ли это автоматически приведет к пополнению рядов членов профсоюза. Предпочтительным было бы объединение по территориальному признаку и предложение защиты работникам (консультации, обучение, создание фонда солидарности). Для привлечения в профсоюз необходимо расширять формы и методы работы, искать и брать лучшие практики, использовать разнообразные акции (флэшмоб, пикетирование, видеоролики и проч.). Стоит согласиться с мнением ученых, полагающих, что нельзя рассматривать как злоупотребление правом предпринимаемые профсоюзами шаги по отстаиванию своих интересов и защите прав членов профсоюза [1, с. 118]. При этом акцент должен быть смещен на защиту работников. Хотя эта идея сформулирована в законодательстве (глава 58 ТК РФ), по сложившейся с советских времен практике профсоюзы еще продолжают рассматривать как помощника работодателя, распределителя материальных благ и канал передачи настроений работников. Переориентация на защиту прав и интересов работников идет медленно. Не всегда осознается, что цель в нахождении компромисса. Профсоюзные органы идут на компромиссы и практике известны такого рода договоренности. Так, представители профсоюза настаивали на индексации заработной платы, а работодатель со своей стороны предложил доплачивать к отпуску каждому работнику приличную сумму в несколько десятков тысяч рублей. Профсоюзная сторона согласилась на такой вариант, хотя может быть это решение спорно с точки зрения ст. 134 ТК РФ. Исходя из понимания социального партнерства, можно сделать вывод, что между работниками и работода-

телями возможны любые договоренности, направленные на достижение компромисса и взаимных уступок, а не нагнетание конфликтных ситуаций. При этом должен соблюдаться принцип недопустимости ухудшения положения работников. Профсоюзные организации сами должны инициировать обсуждение проблемных вопросов и включение в коллективный договор соответствующих положений. Работодатели не спешат разрабатывать уточняющие и конкретизирующие положения, даже если закон прямо на это указывает. Так, ТК РФ предусматривает обеспечение оборудованием, программно-техническими средствами, средствами защиты и прочим при удаленной работе, но в организациях такой механизм отсутствует. Компенсировать использование работниками своего оборудования и другие затраты работодатели тоже не спешат. Выборному профсоюзному органу не остается ничего другого как формулировать свои предложения для включения в коллективный договор, инициировать подготовку проекта локального нормативного акта и предложить его для обсуждения.

Право на объединение принадлежит как работникам, их представителям, так и работодателям, особенно на уровнях партнерства, не относящихся к локальному. Проявлением права на объединение является право на ведение коллективных переговоров и заключение коллективных договоров. Справедливо замечено, что реализация права на объединение в профессиональные союзы без возможности заключить коллективное соглашение с работодателем будет иметь значение лишь в качестве основы для создания некоего «дискуссионного клуба работников», организующего обсуждение насущных проблем без возможности их реального разрешения и защиты интересов граждан, объединившихся в профсоюз [8, с. 78]. Коллективно-договорное регулирование рассматривают как способ реализации управленческой власти работодателя, состоящий в регулировании социально-трудовых отношений не единоличным решением работодателя, а решением, принятым с представителем (представителями) работников. В существующих условиях реализация права на коллективные переговоры, коллективно-договорное регулирование оказывается затруднена. Однако от использования механизмов социального партнерства и коллективных переговоров законодатель не отказывается. Так, многие аспекты удаленной работы (глава 49.1 ТК РФ) решаются в коллективно-договорном порядке или с помощью локальных нормативных актов, принимаемых с учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации: определение порядка взаимодействия работников с работодателем, порядка ознакомления с локальными нормативными актами, распоряжениями работодателя (ст. 312.3, ст. 312.4); определение порядка, сроков и размеров вы-

платы компенсации за использование принадлежащих работнику или арендованных им оборудования, программно-технических средств, средств защиты информации и иных средств, а также возмещение расходов, связанных с их использованием. С учетом мнения выборного органа первичной профсоюзной организации работодатель принимает локальный нормативный акт о временном переводе работников на дистанционную работу при исключительных обстоятельствах (ст. 312.9). Введение электронного документооборота работодатель также осуществляет с помощью механизмов социального партнерства (ст. 22.1–22.3 ТК РФ).

В предмет коллективных переговоров входит, помимо регулирования собственно трудовых отношений, решение проблем управленческого характера таких, как принятие решения о сокращении штатов, изменение графиков работы, переобучение работников в связи с их высвобождением из-за технологических изменений. Исчерпывающего круга обсуждаемых в соглашениях вопросов ст. 46 ТК РФ не содержит. Положительным является опыт тех профсоюзов, которые в процессе переговоров привлекают независимых экспертов для экономических расчетов и обоснования своих предложений, например, по поводу индексации заработной платы. Современные реалии диктуют и другие вопросы для переговоров. Профсоюзы участвуют в принятии решений о привлечении и использовании труда иностранных работников. Предметом обсуждения должно стать определение количества рабочих мест, замещаемых роботами, поиск оптимального баланса между роботизацией и живым общением (с клиентами, заказчиками). В коллективных договорах необходимо регламентировать эти вопросы и продумать меры по содействию в трудоустройстве высвобождаемых работников, создание новых рабочих мест. Должна найти отражение и такая ныне актуальная проблема как ограничение вмешательства работодателя в свободное время, в личное пространство работников. Социально-партнерские соглашения могли бы дать и дают работникам некоторые гарантии, пока законодатель не отреагировал на изменяющийся рынок труда.

Процессы глобализации, стирание границ национальных рынков труда, поставили вопросы о развитии уровней социального партнерства (соглашений) транснациональных компаний и международных профсоюзных объединений. В европейских странах переговоры ведутся на отраслевом и наднациональном уровне. Крупнейшие российские компании участвуют в корпоративных соглашениях, заключаемых на международном уровне. В условиях развития транснациональных компаний внимания заслуживают более высокие уровни объединений профсоюзов и уровни социального

партнерства, хотя ТК РФ традиционно уделяет внимание статусу первичной профсоюзной организации. Некоторые изменения были внесены в Федеральный закон от 12.01.1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» в 2014 г. В том числе речь идет о создании территориальных, межрегиональных и иных объединений (ассоциаций) организаций профсоюзов. Территориальная организация профсоюза, межрегиональный или общероссийский профсоюз могут объединять работников различных организаций, связанных общими производственными, профессиональными интересами по роду их деятельности [7]. Это положительный момент, т.к. в крупных компаниях бывают объединены организации и профсоюзы разной отраслевой принадлежности. Так, межрегиональная профсоюзная организация ПАО «Лукойл» Нефтегазстройпрофсоюза России объединяет 116 507 членов профсоюза (из числа работающих) в 34 субъектах России. МОПО взаимодействует с национальными профсоюзами стран, где находятся предприятия ПАО «Лукойл», а зарубежные профорганизации МОПО ПАО «Лукойл» действуют в рамках национальных отраслевых профсоюзов. Взаимодействие осуществляется с профсоюзами ряда стран (Азербайджан, Белоруссия, Болгария, Молдавия, Румыния, Сербия). Профобъединение взаимодействует с IndustriALL Global Union, крупнейшей на сегодня глобальной федерацией профсоюзов, в составе которой более 50 миллионов работников из 140 стран мира [6]. Одна из крупнейших в стране профсоюзных организаций, включающая 650 профсоюзных организаций, созданная по производственному принципу, Межрегиональная профсоюзная организация «Газпромпрофсоюз». Она представляет интересы всех работников при ведении коллективных переговоров в ПАО «Газпром». Результатом социального партнерства является заключение Генерального коллективного договора ПАО «Газпром» и его дочерних обществ, действие которого продлено на 2022–2024 годы.

Стремительное развитие транснациональных компаний делает необходимым внесение изменений в ТК РФ. Гибкость правового регулирования предполагает, что будущее за коллективными соглашениями различных уровней. Пока в трудовом законодательстве довольно жестко регламентированы уровни, формы социального партнерства и в определенной степени содержание соглашений. Это ограничивает свободу переговоров, сдерживает развитие и обедняет смысл партнерства. Формально ни ст. 40, ни ст. 45 ТК РФ не предусматривают заключение коллективных договоров в транснациональных компаниях. Поэтому, например, в Генеральном коллективном договоре ПАО «Газпром» оговорено, что в дочерних компаниях (являющихся юридическими лицами) заключаются коллективные договоры, при этом устанавливает приоритет за Генеральным коллектив-

ным договором как актом социального партнерства более высокой юридической силы. Общества имеют возможность адаптировать социальный пакет к условиям своей производственной деятельности, учесть региональные особенности и сложившуюся практику. Неопределенность необходимо преодолеть, расширив перечень соглашений и уровней партнерства. Обращая внимание на трансграничное действие коллективных договоров компаний, Л.В. Зайцева отмечает, что для их существования нет формального запрета, их появление обусловлено экономической целесообразностью, связанной с необходимостью унификации условий труда в группе взаимозависимых компаний с целью повышения их конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности. Для решения вопроса об экстерриториальном применении коллективного трудового права предлагается унифицировать законодательство государств, входящих в Евразийский экономический союз [2, с. 176]. Социальное партнерство на уровне транснациональных компаний должно быть отражено в ТК РФ. Пока законодатель раздумывает, пробел пытаются устранить сами социальные партнеры. Так, Коллективный договор ОАО «РЖД» содержит важное правило, определяющее действие коллективного договора. В нем отмечается,

что Договор является единым для ОАО «РЖД», включая филиалы, структурные подразделения и представительства, за исключением Петропавловского отделения Южно-Уральской железной дороги — филиала ОАО «РЖД», расположенного на территории Республики Казахстан, в котором, на основе настоящего Договора и с учетом особенностей законодательства Республики Казахстан, заключается отдельный коллективный договор на 2020–2022 годы [3]. Определено, что от имени работников в данном филиале договор подписывает руководитель филиала и уполномоченный в соответствии с законодательством Республики Казахстан представитель работников. При этом подчеркивается, что ухудшение положения работников не допускается.

Коллективные трудовые права переживают непростой период. Они трансформируются вместе с изменением трудовых правоотношений и структуры рынка труда. Это требует новых подходов к деятельности профсоюзов и совершенствования некоторых норм трудового законодательства. В отсутствие законодательных решений соглашения, принятые на различных уровнях социального партнерства, позволяют предоставлять работникам определенные гарантии и защиту.

ЛИТЕРАТУРА

1. Драчук М.А. Правовые способы ограничения профсоюзами управленческой свободы работодателя / За права трудящихся! Повышение качества трудовой жизни как стратегическая задача государства и профсоюзов. Материалы пятой международной научно-практической конференции (Екатеринбург. 18–19 декабря 2019 г.). — Екатеринбург: УрГЮУ, 2019. — С. 112–119.
2. Зайцева Л.В. Применение коллективного договора транснациональной корпорации на территории Евразийского экономического союза // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. — С. 171–177.
3. Коллективный договор ОАО «Российские железные дороги» на 2020–2022 годы (утв. ОАО «РЖД» от 28 октября 2019 г.) / URL: http://rosprofzhel.rzd.ru/article_files/art_2607_1.pdf (дата обращения: 20.11.2021).
4. Лушникова М.В., Лушников А.М. Очерки теории трудового права. — СПб., 2006. — 940 с.
5. Лютов Н.Л., Герасимова Е.С. Международные трудовые стандарты и российское трудовое законодательство: монография. 2-е изд. — М., 2015. — 190 с.
6. Межрегиональное объединение профсоюзных организаций ПАО «Лукойл» / URL: <https://mopo.lukoil.ru/about/580/index.html> (дата обращения: 18.11.2021).
7. Сафаралеев М.Р., Шаронов С.А. Комментарий к Федеральному закону РФ от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» / URL: <https://internet.garant.ru/#/multilink/10105872/paragraph/1073743432/number/0:1> (дата обращения: 18.11.2021).
8. Сафонов В.А. Социальное партнерство в сфере труда: некоторые конституционные аспекты // Российский юридический журнал. 2019. № 2. — С. 76–88.
9. Томашевский К.Л. Цифровизация и ее влияние на рынок труда и трудовые отношения (теоретический и сравнительно-правовой аспекты) // Вестник СПбГУ. Право. 2020. Т. 11. Вып. 2. — С. 398–411.
10. Федерация независимых профсоюзов России / URL: <https://fnpr.ru/> (дата обращения: 18.11.2021).

© Филющенко Людмила Ивановна (L.I.filushchenko@urfu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОКАЗАНИЯ ГОСТИНИЧНЫХ УСЛУГ В РОССИИ

SOME ASPECTS OF THE LEGAL REGULATION OF THE PROVISION OF HOTEL SERVICES IN RUSSIA

S. Chernyakov

Summary. The article analyzes the current state of certain aspects of the legal regulation of the provision of hotel services in the Russian Federation. The author has made a detailed legal description of the concept of hotel services, investigated the issues of regulation of contractual relations for the provision of hotel services under the law of Russia, including the study of certain aspects that determine some problems in this area and recommendations for their elimination.

Keywords: services, hotel, contract, service, tourism, tourist activity.

Чернякова Светлана Александровна

*К.ю.н., доцент, филиал в г. Сергиев Посад
Московского университета им. С.Ю. Витте
ChernaykovaS@mail.ru*

Аннотация. В статье проанализировано современное состояние отдельных аспектов правового регулирования деятельности по оказанию гостиничных услуг в Российской Федерации. Автором детально произведена правовая характеристика понятия гостиничной услуги, исследованы вопросы регламентации договорных отношений по оказанию гостиничных услуг по праву России, в том числе исследованы отдельные аспекты, определяющие некоторые проблемы в данной сфере и даны рекомендации по их устранению.

Ключевые слова: услуги, гостиница, договор, сервис, туризм, туристская деятельность.

Гостиничная индустрия в России развивалась в контексте общеевропейского процесса и повторяла в своих основных чертах этапы становления европейских отелей. Развитие предприятий индустрии гостеприимства в России связано с развитием туризма. На морских побережьях, в живописных местах, в культурных центрах развивалось строительство больших и малых гостиниц. Их техническое оснащение постепенно совершенствуется, создаются комфортные условия для гостей, меняются формы и методы обслуживания. Туризм и гостиничная база, которая растет с каждым годом, превратились в индустрию услуг, которая в сочетании с индустрией развлечений стала источником большого дохода и прибыли.

Люди стали нуждаться в гостиничных услугах с тех пор, как они начали путешествовать. Поэтому появились предприятия, обеспечивающие людей услугами размещения, питания и дополнительными услугами. Гостиничные услуги, их количество и количество людей, которые ими занимаются, зависят как от размера отеля, так и от его статуса. К основным гостиничным услугам относятся прием гостей, обслуживание номеров, доставка еды и напитков, в том числе рестораны в отеле, а также охрана. Иногда в небольших отелях обязанности охранника, повара и уборщицы выполняет сам хозяин.

Основным правовым актом, регулирующим деятельность гостиниц, является Постановление Прави-

тельства РФ «Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации» [3], которое вступило в силу с 1 января 2021г и действует по 31 декабря 2026 года, подписанное Председателем Правительства РФ М.М. Мишустиним. Постановление регулирует права и обязанности между исполнителем и заказчиком, основания и порядок предъявления претензий, ответственность за нарушения обязанностей, причинение вреда и другие условия. В первую очередь заказчик является слабой стороной по отношению к исполнителю, поэтому постановление правил гостиничных услуг содержат ряд норм, обеспечивающих защиту интересов клиента.

В общих положениях указанного Постановления раскрываются такие понятия, как бронирование, время заезда и выезда, заказчик, потребитель. Данные понятия являются настоящими правилами, которые должны в доступной форме доводиться до исполнителя. Главным признаком гостиничных услуг является неразрывность производства и потребления, неосвязаемость, несохраняемость, непостоянство качества (изменчивость), отсутствие права собственности на услуги [20]. Процесс оказания и потребления услуги происходит в едином временном промежутке, что для оказания гостиничной услуги необходимо включить в процессе расходования для потребителя и исполнителя. Чтобы клиент получил свою услугу, ему нужно вступить в контакт с персоналом гостиницы, который для клиента является неотъемлемой частью самой услуги.

Гостиничные предприятия различаются по классификациям, которые включают в себя вместимость, число мест для проживания и число номеров. Помещение в гостинице- это состоящее из одного или более мест пребывания, предназначенное для временного проживания и оборудованное в соответствии с требованиями, предъявляемыми к гостинице данной категории. Поэтому отель предлагает гостям отдых для определенных групп туристов, чтобы предоставить подходящий для них номер. Например, для отдыха людей с ограниченными возможностями предоставляются номера со специальным оборудованием, на территории предусмотрены наличие пандусов и специальные места для парковки автотранспорта с пометкой для инвалидов [21]. Благодаря таким условиям гостиница предоставляет комфортный отдых.

Чтобы гарантировать уровень и качество сервиса, безопасность размещения гостей все средства размещения должны получить свидетельство о классификации, действующее три года. Все виды гостиниц классифицируются по системе звезд, в которой предусмотрено 6 категорий: «пять звезд», «четыре звезды», «три звезды», «две звезды», «одна звезда», «без звезд». Высшей категорией является категория «пять звезд», низшей- «без звезд». Благодаря классификации потребитель будет уведомлен достоверной информацией о соответствии объекта туристской индустрии предусмотренной категории и повышения конкурентоспособности туристских услуг и привлекательности объектов туристской индустрии. «Звездочная» классификация распространяется на такие виды гостиниц, как: отель, гостиница, расположенная в здании, являющемся объектом культурного наследия, курортный отель, апарт-отель, комплекс апартаментов, мотель, хостел, база отдыха, загородный отель.

Помимо классификации отелей, устанавливаются категории гостиничных номеров: Номера высшей категории Сюит (Suite), апартамент (Apartment), люкс (Lux), джуниор сюит (Junior suite), студия (Studio), стандартные номера различных категорий.

Потребитель услуг как правило, пользуется ими на протяжении ограниченного количества времени, но не может ими владеть. Таким образом можно констатировать, что права собственности на услуги отсутствуют. Так, каждая гостиница предоставляет выбор даты планируемого пребывания, а по окончании периода проживания гостю необходимо сдать номер администратору. Еще одним из важных факторов является обслуживание потребителя, связанное с предоставлением номера во временное пользование с коммунальными удобствами и мебелью соответствующими с действующими нормативно-правовыми актами. Суть

предоставления гостиничной услуги состоит в том, что для потребителя предоставляются специальные помещения, имеется ввиду гостиничные номера, к которым предоставляются услуги, выполняемые персоналом гостиницы. Наиболее распространенными сотрудниками в данных заведениях являются администраторы, менеджеры гостиницы, горничные, повара, официанты, охранники. Главным элементом услуги размещения являются гостиничные номера. Например- гостиница делового назначения, должна обладать важнейшей функцией, обеспечение возможности сна. Значимость других функций гостиничных номеров, зависит от назначения гостиницы и потребностей гостей. Гостиница должна предоставлять в обязательном порядке ряд услуг бесплатно: вызов скорой помощи, пользование медицинской аптечкой, доставка писем, в номер, адресованных гостю, сигнал о подъеме к определенному времени, предоставление кипятка, возможен ряд других бесплатных услуг, предусмотренных по усмотрению гостиницы. Стоит выделить несколько общих классификационных признаков, что в каждой гостинице должно быть хорошее состояние мебели, инвентаря, наличие предприятий питания, состояние здание, которое имеет подъездные пути, электричество, обеспечение предоставление дополнительных услуг [22].

Правовое регулирование оказания гостиничных услуг в Российской Федерации осуществляется множеством нормативно-правовых актов: Конституцией Российской Федерации, Гражданским кодексом РФ, Постановлением Правительства РФ «Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации», ФЗ «Об основах туристской деятельности», Закон РФ «О защите прав потребителей», Федеральный закон «О техническом регулировании», Постановление Правительства РФ «Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации», Закон РФ «О Государственной границе Российской Федерации», ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», Постановление Правительства РФ «Об утверждении перечня отраслей российской экономики, в наибольшей степени пострадавших в условиях ухудшения ситуации в результате распространения новой коронавирусной инфекции» и др.

Все договорные отношения в Российской Федерации по оказанию каких-либо услуг регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации[1]. Отношения по предоставлению гостиничных услуг, возникающие между исполнителем гостиничных услуг и туристом, устанавливаются гражданско-правовым договором по возмездному оказанию услуг. В соответствии с ч. 1 ст. 779 ГК РФ: «По договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определенные дей-

ствия или осуществить определенную деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги». В ходе анализа данной статья получен следующий результат, что договор возмездного оказания услуг распространяет действие в одинаковой мере на любой договор оказания услуг. На основании такого договора исполнителем будет являться гостиница, которая обязуется предоставить гостиничный номер для временного прибывания гостя и комплекс услуг, входящие в стоимость номера либо приобретенные за отдельную плату. Что касается заказчика, то он обязуется произвести оплату и соблюдать правила проживания в гостинице.

Исходя из анализа возмездного договора, следует сделать следующие выводы, что договор является двусторонним, так как без согласия двух сторон сделка будет считаться незаключенной и в пользу друг друга исполнитель и заказчик будет нести обязанности [2]. Договор об оказании гостиничных услуг является консенсуальным, поскольку договор считается заключенным сторонами с момента согласования существенных условий. Согласно п. 1 ст. 432 ГК РФ: «Существенными являются условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида, а также все те условия, относительно которых по заявлению одной из сторон должно быть достигнуто соглашение». Договор на оказание гостиничных услуг согласно ст. 423 ГК РФ является возмездным. Это означает, что договор, по которому сторона должна получить плату или иное встречное предоставление за исполнение своих обязанностей. Оплата предоставляется, либо по взаимному согласию двух сторон по факту предоставления услуг, либо на момент заезда в гостиницу.

Предметом договора на оказании гостиничных услуг является предоставление исполнителем гостиничного номера во временное размещение, а также основные и дополнительные услуги, предоставляемые заказчику. Правила предоставления гостиничных услуг в РФ гласят, что исполнитель обязан довести до сведения потребителя информацию о всех услугах, которые входят в стоимость номера и уведомить о перечне дополнительных платных услугах [3].

В зависимости от цены существуют разные категории номеров, к которым прилагается пакет услуг, исходя из этого следует сделать вывод, что каждый из гостей заключивший договор с исполнителем об оказании гостиничных услуг в конкретной гостинице, размещенного в номере одной категории, получит одинаковый пакет услуг входящих в стоимость номера. Так, согласно Приложению 1 Приказа Министерства культуры РФ «Об утверждении порядка классификации объектов туристской индустрии, включающих го-

стиницы и иные средства размещения, горнолыжные трассы и пляжи, осуществляемой аккредитованными организациями» туристам, разместившимся в номерах категории «5 звезд» и «4 звезды», предоставляется возможность аренды (проката) автомашины. Для туристов, проживающих в номерах низших категорий и категории «без звезд», услуга аренды (проката) автомашины будут считаться дополнительными, и будут им предоставлены за дополнительную плату. Отметим, что помимо предмета договора об оказании гостиничных услуг, важным аспектом рассматриваемого обязательства являются существенные условия касающихся порядка осуществления расчетов с туристом. Это указано в п. 1 ст. 781 ГК РФ и ст. 37 Закона РФ «О защите прав потребителей»: «Заказчик обязан оплатить оказанные ему услуги в сроки и в порядке, которые указаны в договоре возмездного оказания услуг». Помимо, включающих, услуг в стоимость номера, исполнитель вправе требовать оплаты номера и сопутствующих услуг по факту [4]. После порядка осуществления расчетов вытекает еще одно существенное условие — цена договора.

Цена гостиничных услуг для туристов одинаковая, отличием является только категория номера. Как указано в статье 426 ГК РФ исключением могут быть только случаи, когда законом предоставляется льгота для отдельных категорий потребителей. Например, некоторые гостиницы предоставляет льготы при проживании для следующих категорий граждан: Ветеранам ВОВ, Инвалидам ВОВ и группам детей до 14 лет в количестве 10 и более человек. В этих случаях гостиница предоставляет скидки от действующего тарифа в размере, установленном Гостиницей.

В отношении цены номера, то она устанавливается исключительно исполнителем, на том основании, что сервис включается в себя помимо проживания комплекс сопутствующих услуг, а цена номера единая. В добавление к предыдущим условиям, следует учесть, что договор об оказании гостиничных услуг относится к группе договоров присоединения, так как условия договора прописаны одной из сторон, к группе публичных договоров. Здесь уместно обратить внимание и на то, что договор об оказании гостиничных услуг относится к группе договоров присоединения и группе публичных договоров. Публичность заключается в том, что исполнитель обязан заключить договор об оказании гостиничных услуг в отношении любого, кто к нему обратится.

Договор об оказании гостиничных услуг содержит в себе права и обязанности сторон. Ссылаясь на статью 780 ГК РФ «Если иное не предусмотрено договором возмездного оказания услуг, исполнитель обязан оказать услуги лично». Из чего можно сделать вывод,

что исполнитель не может возлагать свои права и обязанности на третьих лиц, если такое не предусмотрено договором, благодаря этому услуги отражают интерес туриста, который может выбрать исходя из отзывов, репутации, известности на рынке определенной гостиницы, и замена исполнителя была бы для потребителя крайне нежелательна.

Ряд авторов [5] связывает личностный фактор оказания услуг с направленностью деятельности услугодателя на личность услугополучателя. Следует учесть, что юридическое лицо может привлечь, на условиях трудового договора или гражданско-правового, физическое лицо для выполнения или оказания каких-либо услуг. Учитывая данный фактор, это не будет являться заменой исполнителя. В результате исследования можно смело сказать, что «неличное» исполнение договора об оказании гостиничных услуг не предусматривается.

В обязанности исполнителя входит предоставление заказчику гостиничного номера во временное пользование. Главная задача заключается в том, что с конкретным лицом на определенный срок заключен договор. За заказчиком закрепляется подготовленный гостиничный номер, ему предоставляется ключ от номера на срок проживания в гостинице. Необходимо отметить, что в случае заключения договора путем оформления размещения в момент заезда заказчика момент заключения договора совпадает с моментом предоставления гостю подготовленного номера. В этом случае заказчик имеет право требовать, а исполнитель обязан предоставить номер в любой час календарного дня, который обозначен в договоре как дата начала срока оказания гостиничных услуг [6]. В круг обязанностей исполнителя по договору входит предоставление потребителю надлежащей информации об услугах и самой гостинице, так как согласно п. 1 ст. 8 Закона РФ «О защите прав потребителей» заказчик имеет полное право потребовать предоставление информации об исполнителе, услугах и гостинице. В дополнение к обязанностям исполнителя входит хранение вещей, которые оказались на территории гостиницы. Что указано в статье 925 ГК РФ «Гостиница отвечает как хранитель и без особого о том соглашения с проживающим в ней лицом (постояльцем) за утрату, недостачу или повреждение его вещей, внесенных в гостиницу, за исключением денег, иных валютных ценностей, ценных бумаг и других драгоценных вещей». Данный закон не распространяется на Ценные бумаги, драгоценности, деньги, иные валютные ценности. Кроме того, помимо вышесказанного, к обязанностям гостиницы дополняются другие права и обязанности: право на предоставление льгот, для граждан входящих в категорию льготников; предоставление военнослужащим вне очереди место в гостинице по командировочному удостоверению согласно п. 6

ст. 20 ФЗ «о статусе военнослужащих» [7]; право на получение бесплатных услуг, входящих в услуги гостиницы; право на получение платных, дополнительных услуг; право на расторжение договора при нарушении обязательств предусмотренных договором, а так же а также право на расторжение договора в любое время при уплате гостиницы части цены пропорционально части оказанной услуги до получения извещения и возмещив гостинице расходы, произведенные ею до этого момента в целях исполнения договора [8].

Если при предоставлении услуг причинен вред здоровью потребителя, которые не отвечают требованиям или условия договора, то это подлежит возмещению исполнителем в соответствии с законодательством Российской Федерации. Что касается заказчика, то по договору об оказании гостиничных услуг, самой главной обязанностью гостя является оплата, которая выплачена своевременно как указано в договоре [6]. Обязанность оплатить предоставленные исполнителю гостиничные услуги по общему правилу лежит на заказчике. Однако на практике возможны ситуации, когда оплата услуг совершается гостем. Например, в случаях, когда гостиничные услуги приобретаются юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем для своих сотрудников и последние оплачивают гостиничные услуги самостоятельно из денежных средств, выделенных им на командировочные расходы [9].

Еще одной немаловажной обязанностью заказчика является оплата гарантированной брони [3]. В случае несвоевременного отказа от бронирования, опоздания или незаезда потребителя с него или с заказчика взимается плата за фактический простой номера (места в номере), но не более чем за сутки. При опоздании более чем на сутки договор прекращается. Заказчик имеет право заселения в гостиницу в любое время суток, так же как имеет право в любое время в одностороннем порядке отказаться от исполнения договора, при условии, что гость оплатит все фактические расходы, которые понес исполнитель. Правом на односторонний отказ от договора имеет не только заказчик, но и исполнитель. Так, в силу п. 2 ст. 782 ГК РФ: «Исполнитель вправе отказаться от исполнения обязательств по договору возмездного оказания услуг лишь при условии полного возмещения заказчику убытков» [11].

Поскольку договор об оказании гостиничных услуг носит двусторонний характер, то права исполнителя соответствуют обязанностям заказчика, также наоборот. Если какая-либо из сторон не исполняет условия договора, то она привлекается к гражданско-правовой ответственности. Вдобавок ко всему прочему, если исполнитель после заключения договора не выполнил свои обязанности об информировании заказчика,

то клиент в одностороннем порядке должен отказаться от договора об оказании гостиничных услуг и потребовать уплаченной суммы и других убытков, понесенных им в связи с ненадлежащим оказанием гостиничных услуг.

Особых правил об ответственности по данному договору не предусматривается гл. 39 ГК РФ, это является недостатком в правовом регулировании, поскольку особый характер гостиничной услуги требует специального подхода к решению вопроса об ответственности [12]. Оказание гостиничных услуг является предпринимательской деятельностью, это является основным фактором того, что вся ответственность за оказание услуг лежит на исполнителе ссылаясь на ст. 401 ГК РФ. Но если не исполнение обязательств стало невозможным, то исполнитель вправе сослаться на это. Причиной может стать природное стихийное явления или обстоятельства общественной жизни, в пример можно поставить COVID-19 затронувший весь мир, помимо эпидемий поводом могут стать забастовки, военные действия, террористические акты и т.д.[13]

Еще одним основанием освобождения от ответственности исполнителя является невыполнение условий по вине заказчика. Тогда ссылаясь на ст. 781 ГК РФ, исполнитель имеет полное право потребовать возмещение денежных средств за фактически понесенные расходы. Не предоставление гостю номера в определенный срок исполнителем, он нарушает договор с заказчиком что приводит к просрочке. В таком случае в соответствии ст. 28 ФЗ «О защите прав потребителей» потребитель вправе назначить исполнителю новый срок, поручить оказание услуги третьим лицам за разумную цену или выполнить ее своими силами и потребовать от исполнителя возмещения понесенных расходов, потребовать уменьшение цены за услуги, отказаться от исполнения договора об оказании гостиничных услуг или потребовать полного возмещения убытков, причиненных ему в связи с нарушением сроков выполнения работы.

Если недостатки обнаружены в самой оказанной услуге, например, грязные полотенца и постельное белье, не принесли заказанный обед или ужин, то заказчик полноправно может потребовать от исполнителя безвозмездное устранение недостатков. За некачественно выполненную работу стоимость услуги уменьшается либо возмещается стоимость понесенных им расходов [14]. Согласно статье 31 Закона РФ «О защите прав потребителей» возмещении убытков, причиненных в связи с отказом от исполнения договора, подлежат удовлетворению в десятидневный срок со дня предъявления соответствующего требования. Указанной срок слишком затянут, если учесть, что потребитель чаще

всего находится в гостинице меньше указанного срока, тем самым приносит неудобства как заказчику. Следует иметь в виду ограничительный характер нормы ст. 1084 ГК РФ, поскольку речь в ней идет лишь об объеме ответственности, способах возмещения вреда, основаниях освобождения от ответственности и др., если оказание услуги осуществляется в потребительских целях, что имеет место при оказании гостиничной услуги. Вред причиненный здоровью или имуществу заказчика из-за недостатков услуги, подлежит возмещению независимо от того, состоял потерпевший с ним в договорных отношениях с ним или нет [12]. Как уже упоминалось ранее гостиница берет на себя ответственность за сохранность вещей потребителя, но отдельный договор о хранении вещей заключать не нужно. Каждая гостиница на территории Российской Федерации оказывает услуги хранения вещей согласно ст. 925 ГК РФ. Если исполнитель вдруг уведомляет гостя о том, что гостиница не несет ответственность за сохранность вещей, то это не освобождает его от ответственности. Примером из судебной практики может послужить Решение Красноармейского районного суда г. Волгограда, в котором истец обратился в суд с иском о возмещении убытков и компенсации морального вреда мотивируя

свои требования тем, что вместе со своей семьей он прибыл в гостиницу «Аврора». При заселении, в предоставленном ему номере, были размещены его личные вещи, в том числе цифровой фотоаппарат. Пропажу фотоаппарата истец обнаружил после уборки номера сотрудником гостиницы. Сразу же в этот день он обратился к администрации гостиницы с требованием вернуть украденную, на что получил отказ. После чего истцом было подано заявление в полицию г. Адлера о факте кражи цифрового фотоаппарата. Оспаривая иск, ответчик сослался на то, что гостиница не заключала с истцом договора хранения имущества. Однако суд в отношении этого довода обоснованно сослался на п. 1 ст. 925 ГК РФ, согласно которому гостиница отвечает как хранитель без особого на то соглашения с постояльцем за утрату его вещей, внесенных в гостиницу [15]. В дополнение необходимо отметить, что гостиница может отвечать за хранение ценных бумаг, драгоценностей, денег, валюты и т.д. при условии, что они были приняты гостиницей на хранение, либо помещены в сейф, который мог располагать где угодно на территории гостиницы. Гостиница освобождается от ответственности за несохранность содержимого такого сейфа, если докажет, что по условиям хранения доступ кого-либо к сейфу без ведома туриста был невозможен либо стал невозможным вследствие непреодолимой силы. В случае ненадлежащего хранения вещей туриста в сейфе гостиницы на последнюю должна возлагаться ответственность, аналогично правилам п. 2 ст. 925 ГК РФ.

Важным аспектом характеристики правовой регламентации вопросов по оказанию гостиничных услуг является определение основных проблемных направлений данного обязательства. В современных условиях развития социума первостепенной проблемой оказания гостиничных услуг является эпидемия. Туристская отрасль является одной из тех отраслей российской экономики, которая в числе первых попала под удар новой коронавирусной инфекции. COVID-19 [16] — это инфекционное заболевание потенциально тяжёлая, острая респираторная инфекция, вызываемая коронавирусом. Представляет собой опасное заболевание, которое может протекать как в форме острой респираторной вирусной инфекции лёгкого течения, так и в тяжёлой форме. Вирус способен поражать различные органы через прямое инфицирование или посредством иммунного ответа организма. Наиболее частым осложнением заболевания является вирусная пневмония.

Помимо вирусного заболевания весь мир столкнулся с кризисом. Первая вспышка заболеваемости сподвигла всех путешествующих граждан вернуться на территорию Российской Федерации. Из-за распространения COVID-19 текущие на 2020 год туры пришлось прервать, остальные туры нужно было переносить или отменять. Согласно Распоряжению Правительства Российской Федерации в целях предупреждения проникновения на территорию Российской Федерации новой коронавирусной инфекции и в соответствии со статьей 9 Закона Российской Федерации «О Государственной границе Российской Федерации» [17] и статьей 31 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» [18] Минтранс России совместно с ФСБ России, ФТС России и Роспотребнадзором с 00 часов 00 минут по московскому времени 30 марта 2020 г. временно ограничить движение через автомобильные, железнодорожные, пешеходные, речные и смешанные пункты пропуска через государственную границу Российской Федерации, а также через сухопутный участок российско-белорусской государственной границы. В последствии чего туроператоры, турагенты, гостиницы и другие участники оказывающие туристские и гостиничные услуги понесли огромные убытки. По данным Международной Организации Труда во время самоизоляции более 80 процентов всех трудящихся в мире либо не работали, либо были заняты не полный день. Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш заявил: «пандемия COVID-19 стала крупнейшим глобальным кризисом со времен Второй мировой войны». В гостиничных секторах, которые в наибольшей степени пострадали, увольнения, снижение оплаты труда и сокращение рабочего времени коснулись почти каждого. Многие из сотрудников были заняты на низкооплачиваемой работе, и для них внезапная потеря дохода стала катастрофой.

По общим данным, около трети небольших гостиниц и хостелов закрылись в Москве в период пандемии. Самыми пострадавшими городами стали Москва и Санкт-Петербург. Проблемы начались с января, когда перестали приезжать гости из Китая. Снизил цены, но во времена самоизоляции отели, хостелы, гостиницы начали закрываться. В столице из нескольких тысяч хостелов и малых гостиниц около тысячи закрылось. Основная статья расходов в хостелах и малых отелях — это арендная плата (30% от выручки и больше) и персонал, говорит руководитель департамента гостиничного бизнеса и туризма Марина Смирнова: «Запаса прочности у этих средств размещения нет. Туриста нет — нечем платить аренду и зарплату, хостел закрывается» [19]. В пандемию, по данным Смирновой, было закрыто не менее 30% хостелов и малых гостиниц.

Средневзвешенная загрузка о гостиничного предложения Москвы по итогам периода до мая 2021 г. составила 26,5% в сравнении с 85,6% «до-пандемийным» периодом. Тариф снизился на 11% с 7463 рублей году до 6600 рублей, средняя выручка на номер — на 73% с 6387 до 1750 рублей.

В Санкт-Петербурге средний тариф упал до 6142 рублей, что на 40% ниже. Вместе с тем в августе и сентябре был крайне высокий уровень спроса. Это объясняется смещением летнего отпускного периода, который начался из-за пандемии лишь в июле, и закончился только в сентябре благодаря теплой погоде.

Несмотря на то, что вирус стал одной из главных проблем в оказании гостиничных услуг в недавний период времени, важным аспектом по оказанию гостиничных услуг остается по-прежнему качество и уровень сервиса [20]. Учитывая, что гостиничный бизнес является одним из самых распространенных бизнесов в России, то уровень конкуренции довольно высокий. В таких условиях чаще всего сервису недостаточно уделяется внимание, что приводит к быстрой потере своей клиентуры, плохим отзывам, переходу гостиницы на класс ниже из которого потому трудно подняться. В большинстве случаев, жалобы связаны с грязными номерами, старым ремонтом, негативным отношением персонала. Во многих гостиницах годами не проводился ремонт, который оставляет негативное впечатление о самой гостинице. Многие специалисты в области сервиса констатируют проблемы, связанные с невыполнением санитарных и пожарных норм, установленных, которые в ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» характерной чертой закона является осуществление безопасности здоровья и жизни. Также, что касается сервиса, большой проблемой является нехватка квалифицированных кадров среди персонала. Особенно остро это заметно в региональных отелях,

где профессиональные навыки сотрудников не отвечают нужной компетенции.

Для решения данной проблемы гостиница должна иметь профессиональный штат, который нужно поддерживать и стимулировать для выполнения качественной работы и исполнения обязательств. Необходимо желание отельеров обучать новых специалистов, постоянно следить за тем, как исполняются обязанности. Ведь в результате из-за негативного мнения о персонале владельцы гостиничного бизнеса потеряют свои деньги, так как вряд ли недовольные посетители вернутся туда в следующий раз. Также для исправления подобной ситуации важно проверить наличие ремонта и чистоты во всех помещениях гостиницы или отеля, а также соблюдение всех норм. Исправить неполадки, на которые жалуются постояльцы, и привлечь последних возможными бонусами и будущими скидками в качестве извинения за подобные обстоятельства.

Важным направлением, требующим регулирования, является избыточное бронирование. Нередки случаи, когда количество проданных номеров превышает количество имеющихся. Из-за этого возникает накладка бронирования, что приводит к неприятным инцидентам, после чего у посетителей появляются негативные впечатления о самом месте. Происходит это вследствие либо нескоординированной работы автоматических компьютерных систем бронирования, либо благодаря неаккуратной работе самих служащих гостиниц (также, если гостиница не имеет автоматического обновления наличия свободных номеров на своём сайте, возможна такая же проблема).

Кроме того, зачастую гостиницы терпят убытки из-за того, что туроператоры, практикующие предварительное бронирование мест для своих групп, не всегда выкупают забронированные номера. Поздняя аннуляция заказов (т.е. отказ от ранее произведенных бронирований в предельно короткие сроки, что не позволяет повторно выставить номера на продажу) является одним из факторов риска в гостиничной индустрии в целом. Для решения этой проблемы необходимо усовершенствования компьютерных систем и, соответственно, самой системы бронирования, чтобы свести подобные казусы к нулю. В противном случае, гостиница потеряет основной источник прибыли, так как в настоящее время почти вся бронь проходит с помощью сети Интернет.

Достаточно сложным проблемным направлением остается хронический дефицит площадок под строительство. Построить новую гостиницу в центре города, если говорить, например, о Москве, практически невозможно. Земля и недвижимость настолько дорогая, что проживание в номерах такого отеля будет стоить

баснословных денег. Если говорить о бизнес-туристах, то далеко не все компании готовы оплачивать такие командировочные расходы, а обычные туристы и вовсе не будут рассматривать такой вариант проживания. Наиболее популярным вариантом размещения являются гостиницы категории «Три звезды», а строительство отелей этого сегмента в самом центре столицы невозможно.

За последние несколько десятилетий гостиничная индустрия в России изменилась до неузнаваемости. На смену стандартному гостиничному продукту «проживание и питание» пришли комплексные, тщательно продуманные продукты, ориентированные на клиента, его интересы и уникальные потребности, требования к персоналу перестали ограничиваться приятным внешним видом и знанием иностранного языка, материально-техническая база отелей претерпела значительные технические и технологические преобразования. Но, пожалуй, самые большие изменения произошли в сознании потребителя гостиничных услуг — он стал более опытным, взыскательным, требующим адресного внимания и предвосхищения своих потребностей. Всё это, безусловно, не только сказывается на векторе и скорости развития гостиничной индустрии, но и стимулирует её к постоянному прогрессу и совершенствованию, обостряя тем самым конкурентную борьбу. Сегодня с уверенностью можно сказать, что сфера гостиничного бизнеса в России хорошо развита и конкурентоспособна в сравнении с западными предприятиями гостеприимства.

По данным Федеральной службы государственной статистики по состоянию на июнь 2021 г. в стране насчитывается почти 22 тысячи отелей, большинство из которых сосредоточены в крупных городах и городах-курортах. Их уровень сервиса, материально-технической базы, профессиональной подготовки кадров, по разным данным репутационных ресурсов, оценивается как «выше среднего» и «высокий». Однако это не означает, что гостиничная индустрия перенасыщена, а стремительное развитие может быть приостановлено. Напротив, именно сегодня в этой сфере деятельности, как никогда, открываются большие возможности и перспективы для наращивания успеха. Современные гостиницы предоставляют своим гостям не только проживание и питание, но и широкий спектр услуг, связанных с отдыхом, развлечениями, оздоровлением, спортом, бизнесом. Открываются новые направления, популяризирующие здоровый образ жизни, правильное питание, саморазвитие, экологичное потребление и заботу об окружающем мире и природе, поддержку семейных ценностей, патриотизм и многое другое. Отельеры всего мира трудятся над созданием таких гостиничных продуктов, которые бы точно соответствовали ожиданиям гостей, оставляли позитивные

эмоции, долговременные впечатления, заставляли их возвращаться вновь. Представляется вполне закономерным, что спрос на гостиничные услуги определяется желанием людей воспользоваться определенными услугами, подкрепленным их платежеспособностью. Вместе с тем, не оспорим и тот факт, что, несмотря на свою нематериальность и неосвязаемость, именно качество оказываемых услуг формируют чувство удовлетворенности или разочарования у гостей. И именно качество оказываемых услуг становится, в этой связи, краеугольным камнем, определяющим успех и эффективность гостиничного предприятия. Арсенал современного отеля сегодня включает огромное количество инструментов, которые позволяют анализировать, систематизировать, апробировать, улучшать, адаптировать и контролировать систему качества оказываемых услуг. Для контроля качества нужно проходить обязательную сертификацию гостиниц. Сертификация — это предоставление независимым органом письменного подтверждения (сертификата) о том, что продукция, услуги или соответствующая система отвечают определенным критериям. Сертификация является полезным инструментом создания доверия потребителя услуг к компании. Орган по сертификации должен быть аккредитован в установленном порядке.

Таким образом, говорить о отсутствии системы контроля качества сервиса в российских гостиничных предприятиях было бы несправедливо. Современные гостиницы, действительно заинтересованные в качественном обслуживании, отдают все силы на стандартизацию своих услуг, которая больше коррелируется с миссией предприятия, корпоративными традициями, национальными особенностями региона и т.п., тем самым создавая уникальную, неподражаемую атмосферу, и получая таким образом свой конечный результат — удовлетворенного гостя. Под стандартами обслуживания или стандартами операционных процедур понимается совокупность процедур и ежедневных операций, выполняемых персоналом и способствующих максимальному удовлетворению гостей. Принимая во внимание всеобщее стремление, как гостиничных предприятий, так и государственных органов по стандартизации и сертификации, к созданию стройной системы оказания

гостиничных услуг такого уровня и качества сервиса, который позволил бы не только удовлетворять потребности гостей, но и привлекать, продвигать отечественный рынок туристских услуг на мировых площадках туристической индустрии, становится очевидной необходимостью, в первую очередь, популяризации самой системы сертификации, и далее, всесторонней поддержки со стороны государства тех предприятий, которые будут подтверждать высокий уровень и качество предоставляемых услуг в международных системах сертификации.

Анализируя актуальные проблемы в индустрии гостеприимства нельзя не упомянуть о важности ее кадрового обеспечения. В современном мире трудовые ресурсы имеют качественный, а не количественный приоритет, т.е. речь идет о необходимых профессиональных навыках работников. В связи с этим дополнительная ответственность ложится на учреждения высшего профессионального образования. Туризм является сферой деятельности, на которую особенно сильно влияют текущие экономические, политические, социальные и другие процессы локального, регионального и глобального уровня, поэтому работникам сферы гостеприимства необходима способность гибко реагировать на изменения внешней среды и оптимально адаптироваться к ней. Подобные способности следует закладывать уже в процессе обучения по соответствующему направлению.

На современном этапе Россия выходит на новый уровень развития. В стране имеется потенциал, используя который, можно будет удивить даже самых искушенных туристов. Отвечая на вопрос о перспективах развития, можно с уверенностью говорить о том, что потенциал индустрии гостеприимства велик. Необходимо направить пристальное внимание общественности на решение данного вопроса и со временем РФ займет одну из лидирующих позиций по уровню желающих ее посетить. В России работают крупные мировые гостиничные цепи. На первом этапе освоения мировыми гостиничными цепями российского рынка создавались дорогие и престижные отели. На втором этапе стали создаваться отели более низких категорий, в частности трехзвездочные.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 01.07.2021, с изм. от 08.07.2021) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410.
2. Чудновский А.Д. Индустрия гостеприимства: основы организации и управления. 2017 г. С. 26.
3. Постановление Правительства РФ от 18.11.2020 N1853 (ред. от 01.04.2021) «Об утверждении Правил предоставления гостиничных услуг в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 23.11.2020, № 47, ст. 7552.
4. Архангельская О.М. Роспотребнадзор о предоставлении гостиничных услуг. Туристические и гостиничные услуги: бухгалтерский учет и налогообложение. 2016. С. 46.

5. Глуценко В.В. Развитие научного обеспечения гостиничной деятельности Международный научно-инновационный центр (Москва) 2021. С. 14.
6. Вотинцева Н.А. Договорные обязательства в сфере туристического и гостиничного бизнеса. 2019. С. 117.
7. Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 г. № 76-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ, № 22, 02.06.1998, ст. 2331.
8. Стригунова Д.П. Правовые основы гостиничного и туристского бизнеса: учебное пособие. 2021. С. 156.
9. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договоры о выполнении работ и оказании услуг. 2018. С. 436.
10. Тихомирова А.В. Оказание гостиничных услуг по российскому гражданскому праву: учебное пособие. 2020. С. 61.
11. Решетина Е.Н. Проблемы гражданско-правовой ответственности // Российская юстиция. 2015. С. 64.
12. Осипова, Л.Б. Гостиничный и туристический бизнес во время пандемии коронавируса COVID-19 / Л.Б. Осипова, В.Н. Прокопьев. 2020 С. 429–433.
13. Жмулина Д.А. Правовое регулирование деятельности по оказанию гостиничных услуг. СПб, 2019. С. 83.
14. Решение Красноармейского районного суда г. Волгоград по делу № 2–4308/2016 от 27 октября 2016 г. [Электронный ресурс]. Официальный сайт Красноармейского районного суда г. Волгоград URL: <http://krasn.vol.sudrf.ru> (дата обращения 22. 08. 2021).
15. Учебно-методическое пособие «Новая коронавирусная инфекция (COVID-19): этиология, эпидемиология, клиника, диагностика, лечение и профилактика». 2020, 70 с.
16. Закон РФ «О Государственной границе Российской Федерации» от 01.04.1993 N4730–1 (ред. от 11.06.2021)// Российская газета, № 84, 04.05.1993.
17. Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 N52-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собрание законодательства РФ, 05.04.1999, № 14, ст. 1650.
18. Трубилина М.В. Российская газета. Столичный выпуск № 239 (8293) URL: <http://www.finmarket.ru/main/article/> (дата обращения: 20.08.2021г).
19. Зверева А.О. Ильяшенко Е.Ю. Методика оценки и факторы повышения качества обслуживания в розничной торговле. Учебное пособие для бакалавров. 2020.С.138.
20. Писаревский Е.Л. Безопасность гостиниц: вопросы теории и практики российского законодательства. 2017. С. 43.
21. Бураковская, Н.В. Обслуживание в гостиничном комплексе особых категорий клиентов. 2019. 98 С.

© Чернякова Светлана Александровна (ChernaykovaS@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

г. Сергиев Посад

ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ОБОРОТОМ ОРУЖИЯ, СКЛАДЫВАЮЩИХСЯ НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ РАССЛЕДОВАНИЯ

THE CONCEPT AND ESSENCE OF COUNTERING THE INVESTIGATION OF CRIMES RELATED TO ILLEGAL TRAFFICKING IN WEAPONS ACCUMULATED AT THE INITIAL STAGE OF THE INVESTIGATION

K. Sharov

Summary. This article discusses the concept and essence of counteraction in the investigation of crimes related to illegal arms trafficking, which are formed at the initial stage of the investigation. The paper describes the nature and degree of counteraction provided in situations arising during the investigation of crimes related to illegal arms trafficking, and also identifies the average subject committing such crimes. Also, the article pays special attention to the methods and stages of the theft of weapons and their components from the places where weapons are manufactured and (or) stored. In addition, the article focuses on the features and types of subjects of crimes, as well as objective and subjective factors in the investigation of crimes related to illegal arms trafficking.

Keywords: illegal circulation of weapons, counteraction, weapons, crime.

Шаров Константин Викторович
Аспирант, Байкальский государственный университет
kostia_sharov55@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются понятие и сущность противодействия при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, складывающихся на первоначальном этапе расследования. В работе описаны характер и степень противодействия, оказываемого в ситуациях, возникающих при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, а также обозначен средне-статистический субъект совершающий такого рода преступления. Также, в статье особое внимание уделяется способам и стадиям хищения оружия и комплектующих деталей к нему с тех мест, где производится и (или) хранится оружие. Кроме того, в статье акцентируется внимание на особенностях и типах субъектов преступлений, а также объективных и субъективных факторах при расследовании преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия.

Ключевые слова: незаконный оборот оружия, противодействие, оружие, преступление.

Расследование преступления представляет собой процесс познания преступной деятельности субъектом расследования. При этом одним из способов упорядочения деятельности следователя является планирование расследования по уголовному делу. Успех расследования преступлений, в том числе и в области незаконного оборота оружия, в значительной мере зависит от знания и понимания сущности следственной ситуации, периодизации расследования преступления, а также организационной деятельности по планированию расследования (в том числе построению алгоритмов действий в различных следственных ситуациях).

Проблема незаконного оборота оружия в РФ — это рецидив данного преступления. При систематизации раскрытых преступлений в области незаконного обо-

рота оружия, ранее в предыдущих исследованиях нами было выявлено: «среднестатистический субъект правонарушения — это мужчина в возрасте от 25 до 45 лет, обладающий средним социальным статусом. При этом во многих случаях данный субъект уже отбывал срок в местах лишения свободы за совершение аналогичных преступлений» [1, с. 191–198].

Таким образом, общий процент рецидивистов, совершивших преступления в области незаконного оборота оружия, в настоящее время на территории России остается высоким.

Поэтому, сущности рецидивной преступности вытекает профессионализация преступников по данному виду преступлений, которые ранее привлекались к уголовной ответственности, и не изменили свое поведе-

ние в силу не достижения целей наказаний, назначенных судами для осужденных.

Отечественным автором Щеголевой М.В. в первой монографии по данной теме обоснованно отмечено, что «в обыденном смысле термин «противодействие» употребляется в значении действия, препятствующего другому действию; а термин «противодействовать» — значит оказывать противодействие, сопротивление, препятствовать. Это позволяет сделать вывод, что противодействие — это определенные действия, которые могут рассматриваться как часть деятельности человека. Общение при осуществлении противодействия заключается в следующем» [2, с. 10].

Во-первых, участники общения, стремясь понимать друг друга, воздействуют на деятельность или отдельные действия друг друга.

Во-вторых, между партнерами по общению происходит обмен информацией. Субъект противодействия должен располагать информацией о намерениях и действиях противостоящей стороны. С учетом этих сведений он и избирает направления и средства противодействия. С другой стороны, он может для достижения своих целей скрывать, маскировать свою деятельность и намерения, а также может передавать ей определенную информацию.

Полагаем, что процессам детерминации реальных видов противодействия присущи свои особенности. Вместе с тем, противодействию расследования каждого вида преступлений характерны некоторые специфические для него факторы. Обратимся к анализу наиболее существенных из них, которые обуславливают деятельность по оказанию противодействия предварительному расследованию вообще и расследованию незаконного оборота оружия в частности. Знание этих факторов позволит в известной мере оптимизировать тактико-криминалистическую деятельность следователя в условиях противодействия и процесс расследования в целом.

Представляется, что рассмотрение таких факторов требует предварительного анализа криминалистической характеристики незаконного оборота оружия [3, с. 589].

Рассмотрение в едином блоке преступлений, предусмотренных ст.ст. 222–226 УК РФ, под названием «незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств», диктуется некоторой общностью криминалистических значимых черт этих преступлений, которые используются в их криминалистической характеристике. Так, для этой группы преступлений характерно некоторое единство и спец-

ифическая особенность предмета преступного посягательства (оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства), их одинаково высокая общественная опасность, схожесть обстановки, в которой совершаются эти преступления, а также общие, типичные для всех них способы совершения. Близки типологические черты субъектов этих преступлений. Им свойственен также сходный порядок образования материальных и идеальных следов.

Анализ практики расследования незаконного оборота оружия показывает, что наибольшее значение для оценки криминалистической сущности данной группы преступлений имеют особенности обстановки их совершения и типы преступников. При этом наиболее важными специфическими типовыми структурными элементами обстановки являются данные о месте, времени, производственно-бытовых факторах, о ее вещественных элементах. Так, по данным Павликова С.Г., изготовление огнестрельного оружия самодельным способом чаще всего совершается в условиях промышленного производства с наличием необходимого оборудования (в 70–80% случаев). По нашим данным, сюда же следует включить и оружие, изготовленное в кустарных условиях с использованием деталей, похищенных на производстве. В таких условиях изготавливается более 85% взрывных устройств.

Хищение оружия и комплектующих деталей к нему, с оружейных заводов, как свидетельствует обобщение практики, совершается вследствие слабой технической укрепленности и охраны объектов, на которых производится и хранится оружие. Хищение комплектующих деталей оружия с различных участков технологической цепочки его производства производится в основном до того момента, как они берутся на строгий учет. Возможность совершения такого хищения обусловлена высокой технологичностью производства оружия, которая позволяет из отдельных деталей после несложной их механической доработки в домашних условиях с использованием самого простейшего слесарного инструмента собирать вполне боееспособное оружие.

Для характеристики способа хищения оружия с заводов — изготовителей необходимо учитывать особенности следующих четырех стадий хищений.

На первой стадии происходит непосредственное хищение комплектующих деталей в процессе их производства [4, с. 156].

Далее, (вторая стадия) используя нелегальные каналы, детали переправляют за охраняемый периметр нередко с помощью работников ВОХР или транспортных предприятий.

Затем (третья стадия), в домашних условиях осуществляется сборка оружия.

Наконец, четвертая завершающая стадия представляет собой реализацию готового оружия.

Что касается особенностей субъектов преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, то следует различать следующие типы: «случайный», «ситуационный», «злостный».

Тип «случайного» преступника характеризуется отсутствием антисоциальной направленности, совершением преступлений под влиянием случайно возникших факторов, например, в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств. Тип «ситуационного» преступника характеризуется тем, что он совершает преступления при наличии определенных факторов, например, предложений изготовить, перевезти оружие за соответствующее вознаграждение и т.п.

Типу «злостного» преступника, как правило, свойственно осознанное и целенаправленное совершение преступления с целью прямого или опосредованного получения нелегальных доходов при совершении незаконного оборота оружия. Часто эти лица являются членами организованных преступных формирований [5, с. 79–84].

Знание типологических особенностей субъектов таких преступлений обеспечивает успех розыскной работы, помогает спрогнозировать возможные проявления новых таких преступлений и принять меры к их предупреждению или пресечению, а также противодействию расследования. В последнем случае также наибольшее значение имеют факторы, относящиеся к характеристике обстановки противодействия и субъектов противодействия.

Это обстоятельство позволяет рассматривать указанные факторы, разделив их на две группы — объективного и субъективного характера [6, с. 480].

К объективным факторам, детерминирующим противодействие расследованию, следует в первую очередь отнести обстановку противодействия, под которой понимается совокупность условий, объектов и отношений, существующих в период воспрепятствования выполнению задач предварительного расследования. В результате изучения уголовных дел по фактам краж оружия в учреждениях и организациях установлено, что в 78% таких случаев имели место серьезные нарушения в учетной документации, в 62% — в организации охраны мест его хранения.

Таким образом, характер и степень противодействия в ситуациях при расследовании, требует учитывать объективные и субъективные факторы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шаров К.В. Противодействие незаконному обороту оружия в Российской Федерации // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. — 2019. — № 1. — С. 191–198.
2. Щеголева М.В., Противодействие расследованию незаконного оборота оружия и криминалистические методы его преодоления. Монография. М. 2001 г., 10 с.
3. Аверьянова Т.В., Криминалистика: учебник для вузов / под ред. Р.С. Белкина. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2010. 589 с.
4. Асташкина Е.Н., Квартирные кражи: проблемы оптимизации и алгоритмизации первоначального этапа расследования. — М., 2005. 156 с.
5. Бритвич Н.Г. Первоначальные следственные действия и их роль в построении методики расследования // Методика расследования преступлений: (Общие положения). — М., 1976. С. 79–84.
6. Белкин Р.С. Курс криминалистики: в 3 т. М., 1997. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. 480 с.

© Шаров Константин Викторович (kostia_sharov55@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СЕТЬ КАК ФОРМА ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ В ИНТЕРНЕТЕ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА

Архангельский Иван Андреевич

Аспирант, Дальневосточный Федеральный

Университет

arhaiv@gmail.com

THE NETWORK AS A FORM OF SPATIAL ORGANIZATION ON THE INTERNET AND SOCIAL STRUCTURE

I. Arkhangelsky

Summary. The article considers the problem of the development of a special subspace of social space, which is the Internet. Evidence of this is the presence in it: 1) social factors (individual and collective); 2) the designated actors occupy certain unequal social positions; 3) in the course of their interaction there is cooperation and struggle for influence, information, statuses, various kinds of capital; 4) in the Internet space there is social inequality and mobility, institutional structures, social phenomena, for example, public opinion; 5) social institutions penetrate into the Internet and function there, influencing the functioning of institutions offline; 6) for a social actor, the conditions of the Internet, even with all freedom of action, have signs of elements of social reality, which affect the further positions and interaction of actors, what external conditions relative to them. The involvement of the Internet in social transformations is confirmed by the fact that the attitude to the Internet becomes an indicator of attribution to a particular social class, the formation of structures of inequality in society. The author proves that the mechanisms of social selection have already been developed on the Internet as a medium of social interaction, ensuring the mobility and orientation of actors when choosing subjects of interaction that can be trusted. The inequality of the resources of objects and actors is determined by search engines.

Keywords: network, Internet space, network interaction, social reality, inequality, center and periphery.

Аннотация. В статье рассмотрена проблема развития особого субпространства социального пространства, которым является Интернет. Свидетельством этого является наличие в нем: 1) социальных факторов (индивидуальных и коллективных); 2) обозначенные актеры занимают определенные неравные социальные позиции; 3) в ходе их взаимодействия происходит кооперация и борьба за влияние, информацию, статусы, разного рода капитал; 4) в пространстве интернета имеется социальное неравенство и мобильность, институциональные структуры, общественные феномены, например, общественное мнение; 5) в Интернет проникают и функционируют там социальные институты, осуществляя влияние на функционирование институтов офлайн; 6) для социального актера условия Интернета, даже при условии всей свободы действий, имеют признаки элементов социальной реальности, что влияют на дальнейшие позиции и взаимодействие актеров какие внешние относительно них условия. Включенность интернета в общественные преобразования подтверждается тем, что отношение к интернету становится индикатором отнесения к тому или иному социальному классу, образования структур неравенства в обществе. Автором доказано, что в интернете как среде социального взаимодействия уже выработаны механизмы социальной селекции, обеспечивающие мобильность и ориентацию актеров при выборе субъектов взаимодействия, которым можно доверять. Неравенство ресурсов объектов и актеров определяется поисковыми системами.

Ключевые слова: сеть, Интернет-пространство, сетевое взаимодействие, социальная реальность, неравенство, центр и периферия.

В ходе анализа пространства Интернета нельзя обойти вниманием вопрос иерархии, то есть преобладающей горизонтальности или вертикальности организации, и связанное с этим вопрос о наличии центра и периферии. Невозможно рассматривать этот вопрос вне рассмотрения феномена сети и характеристик обменных процессов в ней. В социологии предшественниками сетевого анализа К. Лазарсфельд, Я. Морено. Концепция социальных сетей разрабаты-

лась в трудах Л. Фримана, П. Марсдена, С. Вассермана, Б. Веллмана, С. Берковоца и др. [4].

Г. Градосельская предлагает следующую последовательность для определения сути сети (рис. 1):

Заметим, что в приведенном алгоритме есть определенная несогласованность в употреблении понятий «позиция» и «актер», когда сначала идет речь о связи

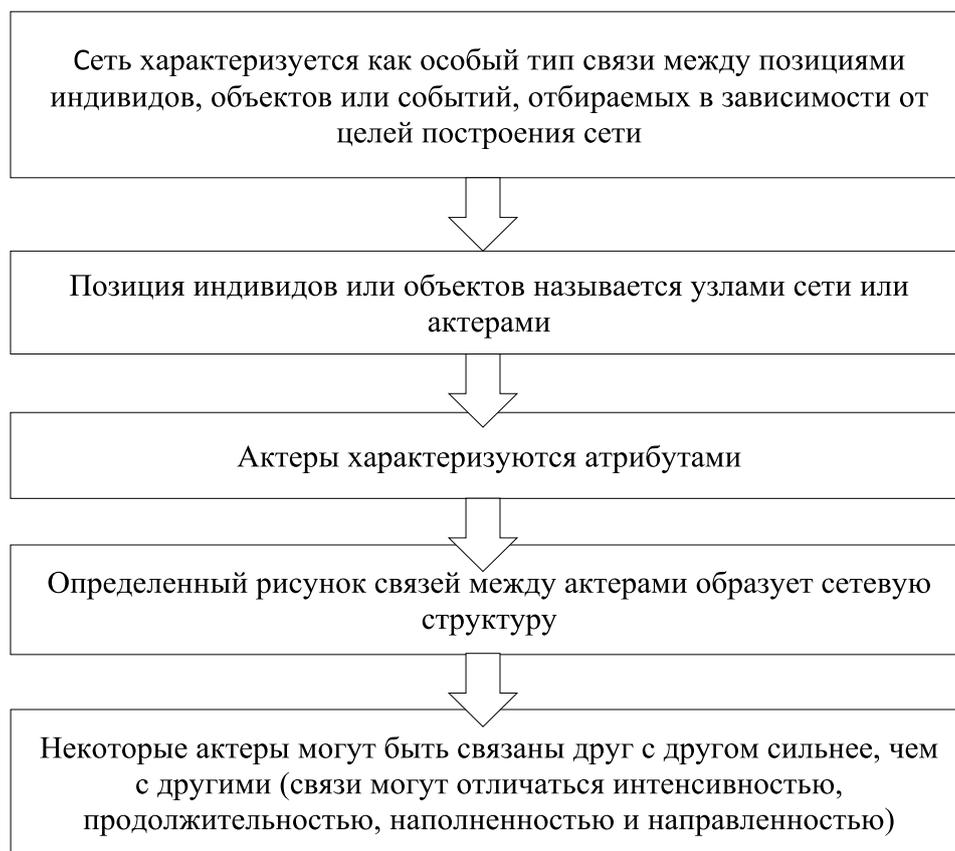

Рис. 1. Сущность сети
Источник: составлено автором по [4]

между позициями, а далее между актерами. Но мы понимаем, что между позициями в сети существуют определенные отношения, а связи устанавливают актеры, занимающие соответствующие позиции.

Такое «сгущение» можно рассматривать как узел на следующем этапе анализа, а наиболее важными, с точки зрения, как отдельных элементов, так и системы в целом, является структура отношений между актерами и позиции отдельных актеров в сети.

Графически подобные структуры изображают как точки (это актеры), которые сочетаются между собой линиями (изображают связи). Подобный графический объект называется графом. Математическая теория, изучающая свойства таких объектов называется теорией графов. В ней точки называются вершинами, а линии связей — ребрами [4]. Конечно, отражение социальных актеров и связей таким способом является упрощением, и применение этого метода имеет в социологии определенные ограничения.

Рассмотрение социальных сетей зародилось в антропологии, и было методологией рассмотрения

родственных и статусных связей. То есть, говоря «социальные сети» или «сети» в работе, в зависимости от контекста мы будем иметь в виду, или совокупность связей между людьми в реальной жизни или в интернет-пространстве, или тип электронного социального сервиса, позволяющего устанавливать между собой связи пользователям.

В работе российских исследователей Д. Губанова, Д. Новикова, А. Чхартишвили дается следующее определение: «под социальной сетью на качественном уровне понимается социальная структура, которая состоит из множества агентов (субъектов — индивидуальных или коллективных, например, индивидов, семей, групп, организаций), и определенного на ней множества отношений (совокупности связей между агентами, например, знакомства, дружбы, сотрудничества, коммуникации)» [5]. Авторы, специализирующиеся на математическом анализе таких структур, отмечают, что формально — социальная сеть представляет собой граф $G(N, E)$, где N — это количество вершин (агентов), а E — количество ребер, отражающих количество взаимодействий. Как видим, у этих авторов понятие агент является синонимом актера.

Определенный интерес представляют теоретические положения Д. Иванова о природе сети как структуры и соотношения сетей и потоков. По его мнению, концепции сетей является своеобразным ответом на проблему соотношения «структуры» и «действия». «В социологии предметный сдвиг к сетям, начавшийся в конце 1980-х, стал результатом двойного давления агентного фундаментализма и структурного прагматизма на ритуальную конфигурацию «структура-действие» [8]. Первый заменяет детерминирующую роль структур рациональным выбором индивидов, взаимодействующих избирательно и поддерживают взаимодействия на основе доверия между участниками. «В результате агентность индивидов предстает как их способность создавать социальные сети, в которых взаимодействия селективны, требуют доверия (и, соответственно, взаимной идентификации и оценки репутации участников) и устойчивы во времени» [8].

В сетях нет тотальной нормативности институтов, но в них больше нормативности и структурности, чем в интеракциях, обусловленных ситуативными интерпретациями участников взаимодействия. Хотя некоторые ученые отмечают, что интеракции в большинстве случаев опираются на стабильные формы взаимодействия и такое противопоставление не всегда возможно.

Структурный прагматизм видит в сетях новый тип структур. «Гибкие, селективные и поддерживаемые в большей степени символическими коммуникациями, а не физическими действиями, сети являются новой моделью структурности, отличающейся от институтов и групп, но такую, что не редуцируется до агентности» [8].

Рассмотрение сети как своего рода мезосоциального феномена образует континуум «интеракции — сети — институты». В неинституциональной теории подобный континуум выглядит как «рынки — сети — иерархии». Д. Иванов считает сети хорошим концептуальным решением для ситуации, когда институты виртуализируются. Он пытается рассмотреть соотношение «сетей» и «потоков». Сетевой анализ, как он считает, «дает лишь топологию социальных явлений, в которой ключевые элементы — узлы и связи образуют картину сложившегося положения» [8], то есть сеть — это фиксация отношений, но не установление процессов.

Д. Иванов отмечает, что поточный характер структур, предполагает подвижность, направленность, темпоральность. Потоки — это всегда движение «через»: через границы институтов и групп, движение вещей, людей, событий и тому подобное. Потоки образуют трансструктуры, пересекающих границы; они нарушают привычный ход событий, создавая транс-событийность. Любой поток такого рода описывается тре-

мя характеристиками: направленностью, плотностью и интенсивностью. Направленность потока возникает от того, что в среде существует т.н. градиент, то есть неравномерность показателей определенного признака в среде, которая обуславливает направление изменений или движения, например, разница в уровне жизни обуславливает направление миграций.

В качестве примеров применения концепции потоков Д. Иванов приводит структуры «сверхновой экономики» (например, глэм-капитализм, сочетающий производства различных отраслей, но ориентированный на производство «статусных» вещей, услуг) и «сверхновых движений» («пираты», хакеры, антиглобалисты). Последние он характеризует как хаотические, конфликтные, brutальные, ориентированные на событийность, а не рутинность. «Возвращать «грубую» реальность вещей и действий в перенасыщенности имиджами и коммуникациями экономику и политику, сверхновые движения не возвращают к ним привычную социальность как интегрированность, нормативность, солидарность» [8]. Скорее они создают альтерсоциальность, в которой проявляются черты, характерные для потоков.

Теории потоковых структур нужны там, где: «... вместо регулярных и рутинных контактов в постоянных по составу и месту функционирования коллективах присутствию и сопричастности обеспечивается разовыми, но интенсивными по динамике действиями, событиями, скоординированными через сети коммуникаций» [8].

Что касается соотношения интеракции, института, сети и потока, Д. Иванов предлагает рассматривать эти понятия в виде матрицы по соотношению пар «интеграция — селекция» и «нормативность — креативность». Сеть связана с вопросами наличия или отсутствия иерархии, и того, возможно ли выделить в сетевых структурах центры и периферию, а следовательно, с властными отношениями как возможностями воздействия.

Считается, что в сетевых структурах на первый план выходит отсутствие любого центра и иерархии. В философском плане выражением этой тенденции является описание Ж. Делезом и Ф. Гваттари ризомы [7]. Многие процессы в сети Интернет можно представить именно как ризому, например, общение в электронных социальных сетях, сеть гиперссылок между различными сайтами и тому подобное. Анализируя ризому как определенное тело без органов [7], Ж. Делез и Ф. Гваттари пытаются определить ее приблизительные свойства (табл. 1):

Ризома составляет карту, а не последовательность калек и репродукций. Авторы отмечают, что на ризоме вырастают иерархии-деревья, а деревья могут разрас-

Таблица 1. Принципы ризомы

Принципы	Описание
1) принцип соединения и неоднородности	Любая точка ризомы может быть присоединена к любой другой ее точке
2) принцип множественности	Множественность действительно рассматривается как субстантив, и нет больше никакого отношения с единым как с естественной или духовной реальностью, как с образом и миром
3) принцип незначающего разрыва	Выступает против всех слишком значимых разрезов, итак ризома может быть сломана в любом месте, но она восстановится, следуя своим линиям
4) принцип картографии и декалькомани	Заключается в том, что ризома не является ответственной ни за какую структуральную или генеративную модель; она чужда всякой идеи генетической оси в качестве глубинной структуры

Источник: составлено автором по [7]

таться в ризомы. Однако в целом ризома является «нецентрированной системой, неиерархической и незначающей, без Генерала и без организующей памяти или центрального автомата ...» [7]. Дерево — это наследственность, а ризома — это союз, альянс. Чертами ризомы являются потенциальная незавершенность и скорость изменений.

Действительно, в интернет-пространстве мы не можем найти иерархических центров, которые бы определяли в приказном порядке, кому и как действовать. Пользователь сам решает, какая информация и партнеры для общения ему нравятся или нет, он свободен «подключаться» и «отсоединяться», как от интернета вообще, так и от пользования определенным интернет-ресурсом. Гибкость и адаптабельность сети тем и обеспечивается, что к ней легко приобщиться и легко отсоединиться. В ней нет определенного координационного центра, который бы обеспечивал контроль, воля которого имела бы однозначную определяющую роль. Обратной стороной этого является то, что многое дается на откуп самоорганизации, нет центра, который был бы ответственным перед кем-то или должен был бы заботиться о ком-то. Отметим лишь, что при всей свободе действующий актер не свободен от уже существующих структур в Интернете, которые влияют на его действия. Так что в ряде случаев в Интернете власть наличествует как принуждение структуры.

Дж. Нейсбит определяет среди десяти основных тенденций современного мира движение от централизации к децентрализации и от иерархий к сетевым структурам [16]. Эти тенденции как можно ярче находят отражение в Интернете. Но, понимая сложность выделения в сетевых структурах организационных уровней, мы утверждаем, что в интернет-образованиях есть зоны, которые мы могли бы отождествить или рассматривать по аналогии с центром, периферией, а также определенными иерархическими неравенствами (стратификации).

В сети центральность и периферийность, думаем, определяется несколько иначе, если рассматривать сеть по модели «Полей» П. Бурдьё, где взаимодействуют и борются социальные актеры, и с позиции М. Фуко: «... власть находится повсюду не потому, что она все собой охватывает, а потому, что она исходит отовсюду» [10]. То есть каждый из элементов сети имеет неодинаковый вес (возможность воздействия, привлечение внимания, авторитетность), неодинаковое количество связей с другими элементами и тому подобное. И именно там, где будем наблюдать наибольшую плотность связей, наиболее влиятельных актеров (сайты интернет-изданий, самые популярные блоги, ресурсы), мы будем находить центральные образования. Противоположные явления: потеря связей, внимания, авторитетности будет перемещать актеров на периферию.

В Интернете центральность имеет функциональный характер, а следовательно — ситуационный. Приведем определение центра за Е. Шилзом. «Термин «центр» обозначает тот сектор общества, где некоторые виды деятельности и функции более сконцентрированы или более интенсивно проводятся, чем в других секторах, и который в большей степени, чем другие секторы являются фокусом внимания, озабоченности, покорения, почета или подражание» [10]. Центры, по его мнению, образуются из-за неравномерности распределения власти, богатства, знания, творческого потенциала, религиозного дара, моральных различий и т.д., а также потому, что люди обеспокоены всеми этими вещами и их накоплением. Мы считаем, что именно это определение дает возможность приблизительно определить центральные образования в достаточно изменчивой среде сети. Также ученый отмечает роль центра в формировании центральной ценностной системы» (CVS) и «центральной институциональной системы» (CIS), которая является комплексом институтов, легитимирующей CVS и ретранслирует ее [10]. Таким образом, «центры ... это, прежде всего, локусы концентрации наиболее значительных социальных действий; это такая точка (или

точки) общества, где идеи или институты, в ней доминируют, образуют пространство осуществления событий, создающих критически важные воздействия на членов общества» [10].

Понятно, что такие центры являются множественными, разными по значению и временем существования, часто ситуационными (например, деятельность лидеров мнений в социальных медиа, пропагандирующих определенную идею). Периферия перенимает определенные ценности, идеи и способы действия из центра. Так, англоязычный сектор Интернета стал местом, из которого заимствовали удачные идеи в другие сектора. Например, создание блогерской площадки «Живой журнал» как копии с «Live Journal», распространение в других секторах Интернета проектов, похожих на американский Facebook (например, VK (ВКонтакте) китайские аналоги), Classmates (российские «Одноклассники») и др.

И пусть теперь центры интернет-образований больше нельзя четко локализовать в пространстве (разве что по преимущественному месту нахождения владельцев, пользователей или тем, где именно находится сервер ресурса, в какой зоне зарегистрирован), часто они нестабильны и почти невидимы, однако в социальном пространстве Интернета мы все-таки можем определить черты центральности и периферийности.

Раньше для эффективного воздействия на структуру можно было осуществлять воздействие через высшие ступени иерархии, через единый центр. В случае сетевых структур интернета такой способ не может быть применен, потому что мы или не имеем иерархических ступеней или не можем найти единого центра. Можно предположить, что на сеть можно повлиять через наиболее весомых актеров (например, влиятельных блогеров, или активных членов сети, являющихся лидерами мнений для своего окружения), значительные узлы (сайты, занимающие топовые места в поисковике), и добиваясь, чтобы в сети нужная информация активно циркулировала.

Приведем примеры последнего. Человеку даже в анонимной сети часто присуща конформность, он стремится узнать мнение окружающих или подсознательно ориентируется на это. Поэтому актер в электронной социальной сети будет наблюдать за своим окружением: сколько именно и насколько авторитетных для него людей высказается в поддержку той или иной идеи. Если пользователь прочитает новость, и его заинтересуют комментарии к ней, то исходя из подавляющего тона комментариев и аргументов, которые в них высказываются, он может сформировать или откорректировать собственное впечатление, мнение. Именно

на этом основываются разнообразные техники манипулирования общественным мнением, специфичные для Интернета. Таковы, например, практика оставления проплаченных комментариев определенного характера. Таким занималась, например, «пятицентровая армия» в КНР: суммой в пять центов вознаграждался каждый комментарий, отрицавший определенную негативную информацию об этой стране или дискредитировал ее источник. Позже эта практика стала распространенной и в других странах. Это явление часто называют «астротурфинг», по названию компании, выпускавшей искусственную траву, которая выглядела, как настоящая. Подобное «искусственное общественное мнение» может создаваться в интересах отдельных государств, политических сил, коммерческих структур. Согласно эффекту «спирали молчания», даже если пользователь не изменит собственного мнения, он более вероятно уже не высказается в поддержку мнения, что окажется в меньшинстве или не захочет вступать в интернет-обсуждения, чтобы избежать неприятных впечатлений.

Каким же образом происходит отбор на центральные позиции и их сохранение? Селекция происходит за счет определенной самоорганизации: полезный ресурс, интересный блог привлекает пользователей, следовательно, приобретает влияние; наоборот, если сайт прекращают обновлять ресурс, имеет некачественный контент, если форум оставляют постоянные корреспонденты, например из-за засилья троллей или слишком жестких модераторов, то Интернет-ресурс передвигается на периферию. Поэтому та функция центров, что в реальном пространстве заключается в определении целей, направлении ресурсов на их решение и распределении властных полномочий действительно редуцируется в сети. Центр сгущения быстро концентрируется и разрушается.

Не все элементы сети одинаково связаны с окружающими, поэтому в социальной сети образуются своего рода кластеры, между элементами которых связи (дружественные отношения, ссылки и перепосты в соцсетях и блогах) куда более интенсивные, чем с окружающими. На циркулирование информации в таком случае влияет размер кластеров, количество связей, сочетающихся скопления с другими кластерами и отдельными пользователями. Существующие программные средства позволяют, например, визуализировать блогосферу определенной страны или ее часть и выделить в ней наиболее важные элементы, исследовать однородность сетей или их кластеризованность.

Обратимся к истории анализа социальных сетей. Первые попытки применить сети в качестве социологической концепции были сделаны еще в 30-х годах XX века. После перерыва проблема была поднята

в 1960-х английскими антропологами. Исследователи Манчестерского университета начали рассматривать сети как конкретную форму социальной структуры [17]. К. Митчел описывал социальные сети в терминах «персонального порядка» — образце связей между индивидом и остальными и связей, существующих между остальными. Ученый отмечал, что сети развиваются из взаимодействий (коммуникативных и инструментальных). Этот исследователь популяризировал ряд концепций для понимания процессов в сети: обратил внимание на реципроктность (взаимный обмен), степень, в которой связи и связанные с ними обязанности признаются участниками; силу/интенсивность — прочность, стабильность связей, где «сильные связи» обычно означают повторяющиеся, многочисленные, и частично пересекаются обязанности; продолжительность связей во времени [17].

Но манчестерские исследователи столкнулись с аналитическими проблемами, ибо у социальной жизни все взаимосвязано и физически невозможно рассмотреть все связи и подсети, вычленив их. В результате они склонялись к варианту, когда сетевой анализ рассматривает лишь интерперсональную сферу, остающуюся после отвержения формальных экономических, политических ролей и т.п. [17]. Существенными чертами анализа социальных сетей выступают следующие положения:

1. анализ концентрируется на поведении и действиях индивидов в сетях;
2. сети принципиально универсальные (склонность к изучению эгоцентрических сетей была скорее методологическим, а не онтологическим принципом);
3. сети не влияют на идентичность их индивидуальных компонентов, люди объединены в структуры, но сохраняют индивидуальные цели и идентичности;
4. сети формируются стихийно, под собственным выбором через взаимодействие индивидов, но их модели специфичны в культурном отношении;
5. сети не могут быть сведены к стремлениям индивидов, их образующих [17].

Значительное распространение анализ социальных сетей получил в США. Он представителем является М. Грановеттер, который исследовал роль «сильных» и «слабых» связей в поисках работы. Он рассматривал связи как ресурс, который можно активизировать по необходимости. Коммуникационный базис сетей в рамках американской традиции привел к отказу от британского разграничения организационных и межличностных сетей. В американской традиции отошли в тень концепции «реципроктности» и «прочности», оставив на пер-

вом месте «силу» или «интенсивность». Если в британской традиции ограничение сетей выступает скорее методологической необходимостью, а не описанием их природы, то у представителей американской — сети ограничены и являются формой социального капитала, дающие возможность действовать. Как и британцы, американцы считали, что идентичность индивидуальных компонентов сохраняется после вхождения в сеть, и действие выходит из узлов, а не связей или сети в целом [17].

Следующим шагом стало появление актер-сетевой теории. Для нее центральной стал тезис о том, что материальное и социальное взаимообуславливают друг друга, сплетаясь в разветвленную сеть социально-технических отношений. Б. Латур призывает рассматривать предметы как «актанты». Последние определяются как «существа или предметы, участвующие в процессе в любом виде и в любой роли, пусть даже в качестве простых фигурантов или самым пассивным образом» [3]. Вещь понимается здесь как «ансамбли отношений» (Б. Латур) или «эффекты отношений» (Дж. Ло).

«Актантное» описание объекта позволяет рассматривать его не просто как элемент в гетерогенной сети отношений, но как составляющую сети действий и взаимодействий. Так, деятельность конторы невозможна без дверей, стен, стульев, стоек, задают рамки взаимодействия, а также бумаги, формуляров. Все это создает фреймы, «задающие ограничение взаимодействия в пространстве и времени, выступая одновременно и как «матрица возможных событий» и как «схема интерпретации происходящего» индивидами, которые взаимодействуют» [3]. Если фреймы локализуют деятельность, то социальные действия имеют и характеристики, глобализирующие ее, связывая с другими элементами, местами, временами, актерами — «если «фрейм» — это «редуктор интеракции», то «сеть» — ее «дистрибьютор» [3].

В фокусе внимания подхода «гетерогенные сети», состоящие из людей и предметов, находящихся в постоянном взаимодействии. Общество здесь рассматривается как ассоциации материальных и нематериальных элементов, приобретающих свои свойства благодаря индивидуальности каждого элемента, их отношений [3]. Относительно пространства в этом подходе отдается абсолютное преимущество лейбницанской точке зрения, то есть пространство не предшествует телам. Пространство и время порождаются отношениями между самими сущностями, поэтому они являются множественными и разными. Например, пространство Интернета создается, когда добавляются новые сайты, которые при помощи ссылок сочетаются с другими, привлекают новых пользователей в свои со-

общества — сайт начинает функционировать как место в социальном пространстве Интернета; пространство социальной сети создается, когда новые пользователи присоединяются к сервису, устанавливая связи с другими пользователями, основывают новые группы внутри сети. Если бы сайтов в Интернете не существовало, если бы из-за них не могли бы взаимодействовать люди, то и социального пространства Интернета не существовало бы.

На определенном этапе сети начали рассматриваться как образование глобального масштаба. Эту проблематику исследовали М. Кастельс, М. Хард и А. Негри [14; 15]. М. Хард и А. Негри отмечают, сети в современном обществе включают все элементы, а не только избранные как у М. Кастельса. Сети для них плюралистичны, основаны на включении и конкуренции. Компоненты сети могут действовать более или менее самостоятельно, производя пространство, значение и намерения. У этих авторов сеть более всего реализована на примере бунта, где индивидуальное поведение спонтанно, но порядок — продукт множества, разнообразия, а не индивидуальных актеров. Логика сетей проявляется на наднациональном уровне, через распространение наднациональных организаций (ЕС, НАТО, МВФ и др.). Эти организации, по мнению авторов, объединены логикой, по которой их можно назвать империалистическими, ибо они ориентированы на построение «всеобщих республик», сетей власти и контр власти, структурированных архитектурой, ориентированной на включение и рост, а также на логику капитала, ориентированная на экспансию. В таких «империях» трудно сказать, где локализована власть. Здесь себя проявляет сетевой эффект: власть распространяется не от центра или нескольких центров, она распределяется постоянно, неравномерно и независимо. Узлы сети гетерогенные в плане цели и состава. Даже главные враги общества имеют сетевой характер: террористические сети, сети наркотрафика и тому подобное.

М. Хард и А. Негри отмечают, что сеть — это также способ организации атакующей толпы. Ибо в ней нет центра, она анархична, случайна, не наделена разумом. Авторы сравнивают такую толпу с нападением насекомых в фильмах ужаса. Функция мышления перемещается между несколькими узлами, то есть разум локализован в связях.

Для анализа сетей широко применяются математические методы и программное обеспечение, которое их реализует. Как сети представляются интернет-сообществу, блогосфере, электронные социальные сети, интернет-страницы и гипер-ссылки, их связывают. Анализ социальных сетей или Social Network Analysis на Западе направлением активно развивающейся прикладной

социологии [6]. Для сетевого анализа применяют такие программные продукты как Gephi, NodeXL, ORA и много других. Эти программы позволяют визуализировать социальный граф сети [9].

Природа интернет-структур не может быть рассмотрена вне специфики интернет-взаимодействий и субъектов, включенных в них. Интернет предоставляет возможность пользователям формировать, создавать контент, способствует распространению горизонтальной коммуникации, базируется на возможности и часто необходимости, самому искать и выбирать необходимую информацию. Всемирная сеть предполагает, что ее пользователь активным субъектом, хотя его активность обусловлена многими факторами (это может быть и активность в смысле избегания), и не свободна от манипуляций [1].

М. Кастельс обращает внимание, что интернет дает больше возможностей найти или создать для себя место, позицию в виртуальном социальном пространстве, найти единомышленников, например, через общение на форуме, ведение блога и др. [11].

Интернет также создает условия для кооперации. Разнообразные краудфандинговые и краудсорсинговые проекты демонстрируют, как Интернет становится пространством создания новых структур, в том числе тех, которые выходят за пределы виртуального пространства. Интернет, сводя к минимуму расходы на социальные интеракции, связанные с преодолением физического пространства, дает возможность взаимодействовать, не находясь физически рядом [12]. Последнее не может не влиять на изменение качества взаимодействий.

Сетевые структуры Интернета, с одной стороны, чрезвычайно расширяют возможности для взаимодействия, а с другой, делают связи поверхностными, такими, что продолжают пока есть выгода, в значительной степени убирают компонент ответственности [2].

К фактам, также не способствующим кооперации, относится проблема «безбилетников», то есть лиц, пользующихся ресурсом, созданным коллективными усилиями, но сами не делают вклада в существование определенного общественного блага.

М. Кастельс и Б. Уэлманн предлагают термин «сетевого индивидуализма» для характеристики ситуации в современном западном мире в реальной социальной жизни и Интернете. Это тип социальной структуры, при котором «именно индивидуумы строят свои сети, онлайн-овые и оффлайн-овые, опираясь на свои интересы, ценности, склонности и проекты» [11]. Несмотря

на удачность этой концепции для описания структур интернет-пространства, абсолютизация индивидуализма является несколько преувеличенной, ведь характеристики индивидов как членов социальных групп с определенным опытом и ценностями влияют на их поведение в Интернете. Сайт или страница в соцсети, позиционирует себя как форум или группа определенного города, будет объединять, прежде всего, жителей города; пользователи посещают сайты своей профессиональной граждане стран и в интернете часто действуют, исходя из позиций своих стран.

Большинство современных сообществ — это предметы выбора, не существующие долго или не очень долго владеют вниманием своих членов [2]. Это касается и интернет-сообществ.

Б. Уэллман предложил определение сообщества: «это сети межличностных связей, обеспечивающих социальное взаимодействие, поддержку, информацию, ощущения принадлежности к группе и социальную идентичность» [11]. Это же мы можем отнести и к интернет-сообществу. Согласимся, что сообщество можно изобразить как совокупность связей, однако природа сообщества и сети все-таки различается.

М. Кастельс вслед за Б. Уэллманом подчеркивает, что главным моментом здесь является переход от общества к сети как основной формы организации взаимодействия. И если сообщество основывалась преимущественно на общности ценностей и социальной организации, то сети строятся на основе выбора и стратегии социальных деятелей, которыми могут выступать отдельные лица, группы [11].

Важным фактором для понимания функционирования подобных сетей-сообществ в интернете является

рассмотрение индивидуализма, как фактора, способствующего подобным структурам. Интернет дает возможность завязать слабые связи через общение на форумах, в социальных сетях и тому подобное. Интернет также может помочь в поддержании и прочных связей. Например, общение с родственниками и близкими людьми через соцсети, Skype, когда обстоятельства (например, трудовая миграция) делают такую связь наиболее доступной по сравнению с другими на довольно продолжительное время [13].

Итак, вместо выводов ответим на главный исследовательский вопрос: Как согласуются между собой институты, сети и потоки в виртуальном пространстве? Все три элемента порождают структуры в интернете и связаны с порядками неравенства. Сети и потоки могут, как функционировать внутри институтов и институциональных комплексов, так и пересекать их границы, включаться в их деятельность лишь определенными аспектами. Потоки могут быть многослойными и иметь своих операторов. Так, в рамках онлайн-медиа видим разные уровни: локальные и региональные медиа, общегосударственные и глобальные СМИ, которые связаны между собой потоками информации. Они соединены в общую сеть ссылками, включенностью в социальные сети. В то же время сервисы социальных медиа не могут быть отнесены однозначно ни к институтам. Изменения экономических политических, культурных институтов, но включены в деятельность институтов всех сфер, становясь средой движения потоков разного рода капитала. Можно сделать предположение, что взаимодействие сетей и потоков, пересекающих границы институтов, кое-где «размывает» их границы (а, следовательно, и возможности институциональной регуляции), выступает источником институтогенеза, изменений в институтах, «институализирующих действий» индивидов и сообществ индивидов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арсланова А.И. Сообщества в сети Интернет: формирование и развитие (социально-философский анализ) ... дис. канд. философ. наук. Уфа, 2014. 148 с.
2. Бауман З. Текучая современность; пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочкова. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
3. Вахштайн В. Возвращение материального. «Пространства», «сети», «потоки» в акторно-сетевой теории // Социологическое обозрение. 2004. Т. 3, № 4. С. 94–115.
4. Градосельская Г.В. Анализ социальных сетей: автореф. дис. на соискание науч. степени канд. социол. наук: спец. 22.00.01 «Теория, методология и история социологии». М., 2001. 21 с.
5. Губанов Д.А., Новиков Д.А., Чхартишвили А.Г. Социальные сети: модели информационного влияния, управления и противоборства. М.: Физматлит, 2010. 228 с.
6. Давыдов А. Системная социология: Social Networks Mining. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1033.
7. Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: Капитализм и шизофрения; пер. с франц. и послесл. Я.И. Свирского; науч. ред. В.Ю. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 895 с.
8. Иванов Д.В. К теории потоковых структур // Социс. 2012. № 4. С. 8–16.
9. Исследование социальных сетей как площадки социальной коммуникации рунета, используемой в целях предвыборной агитации / М.Д. Розин, В.П. Свечкарев, С.Д. Конторович, С.В. Литвинов, В.И. Носко. URL: http://ivdon.ru/uploaddir/articles.397.big_image.doc.

10. Каспэ С. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. М.: Московская школа политических исследований, 2007. 320 с.
11. Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе; пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У-Фактория, 2004. 328 с.
12. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура; пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: Гос. ун-т. Высш. шк. экономики, 2000. 606 с.
13. Митичева Т.И., Маслова В.С. Проблема активности молодежи в социальных сообществах Интернет-сети // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота. 2015. № 5(95). С.126–128.
14. Негри А., Хардт М. Империя; пер. с англ., под ред. Г.В. Каменской, М.С. Фетисов. М.: Праксис, 2004. 440 с.
15. Негри А., Хардт М. Множество: война и демократия в эпоху империи; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. М.: Культурная революция, 2006. 559 с.
16. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Мысль, 2010. URL: <http://iph.ras.ru/elib/0628.html>.
17. Cavanagh A. Sociology in The Age of The Internet. Maidenhead, Open University Press, 2007. 224 p.

© Архангельский Иван Андреевич (arhaiv@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Дальневосточный федеральный университет

МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОХОДОВ НАСЕЛЕНИЯ С УЧЕТОМ СОЦИАЛЬНОЙ СТРАТИФИКАЦИИ

Беляев Станислав Прокофьевич
Аспирант, Мурманский Арктический
Государственный Университет
belmurm@mail.ru

THE MECHANISM OF SOCIO-ECONOMIC REGULATION OF INCOME OF THE POPULATION TAKING INTO ACCOUNT SOCIAL STRATIFICATION

S. Belyaev

Summary. The article proves the influence of income differentiation of the population on the social stratification of society. The list of factors of differentiation of incomes of the population has been clarified due to the allocation of an additional group on the basis of "distribution of the population by quality of work", which includes socio-psychological and socio-geographical factors, which makes it possible to take into account, respectively, the psychological characteristics of the individual and the climatic features of the place of residence when assessing monetary income and household expenses by economic regions of Russia. Methodological approaches to the analysis of the social stratification of modern society and its criteria are considered. A mechanism for regulating the incomes of the population has been developed, taking into account stratification elements, within which principles, goals and objectives, forms and methods, as well as tools for its implementation are defined, the interaction of which can ensure effective regulation of the incomes of the population. The implementation of this mechanism will make it possible to balance the economic interests of the state in the process of taxation of the working population and enterprises, to intensify the development of entrepreneurship on the principles of solidarity of social responsibility, taking into account the development of relevant social, economic, legal and political institutions, which will ensure the growth of both income and the level and quality of life of the population of the country.

Keywords: stratification, income differentiation, labor quality, mechanism of regulation of income of the population, state support, standard of living.

Аннотация. В статье доказано влияние дифференциации доходов населения на социальную стратификацию общества. Уточнен перечень факторов дифференциации доходов населения за счет выделения дополнительной группы по признаку «распределение населения по качеству труда», в состав которой входят социально-психологические и социально-географические факторы, что дает возможность учитывать соответственно психологические особенности индивида и природно-климатические особенности места жительства при проведении оценки денежных доходов и расходов домохозяйств по экономическим регионам России. Рассмотрены методологические подходы к анализу социальной стратификации современного общества и ее критерии. Разработан механизм регулирования доходов населения с учетом стратификационных элементов, в пределах которого определены принципы, цели и задачи, формы и методы, а также инструменты его реализации, взаимодействие которых может позволить обеспечить эффективное регулирование доходов населения. Реализация указанного механизма позволит сбалансировать экономические интересы государства в процессе налогообложения работающего населения и предприятий, активизировать развитие предпринимательства на принципах солидарности социальной ответственности, учитывая развитие соответствующих социальных, экономических, правовых и политических институтов, что обеспечит рост как доходов, так и уровня и качества жизни населения страны.

Ключевые слова: стратификация, дифференциация доходов, качество труда, механизм регулирования доходов населения, государственная поддержка, уровень жизни.

Переход российской экономики к рыночным отношениям привел к резкой социальной дифференциации общества. Нередко непредсказуемые, трансформационные процессы в рыночной экономике, которые происходят в Российской Федерации, требуют изучения состояния и перспектив развития социальной дифференциации и введение научно

обоснованных мер по ее регулированию. Для изучения и определения эффективных рычагов регулирования стратификации доходов населения необходимо определить факторы, влияющие на это явление.

Российские ученые [3] приводят следующие факторы социальной стратификации общества (рис. 1):

Рис. 1. Факторы социальной стратификации общества
 Источник: составлено автором на основе [3]

Рис. 2. Квартальная динамика реальных располагаемых доходов населения, заработных плат работников организаций и пенсий в 2014–2021 годах, в% к соответствующему периоду предшествующего года
 Источник: [11]

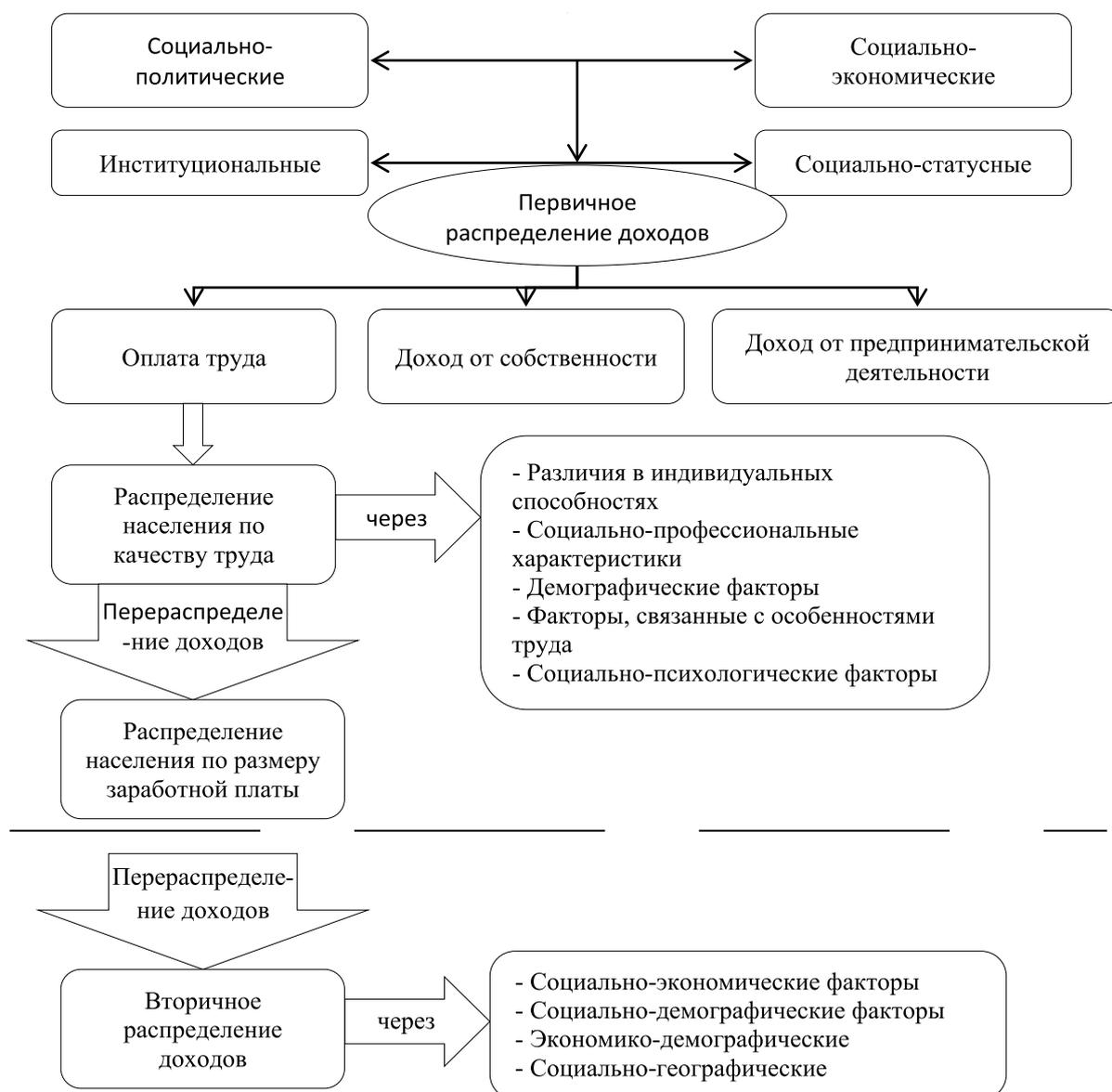

Рис. 3. Влияние факторов дифференциации на первичный и вторичный распределение доходов населения
Источник: составлено автором

Автор считает, что такой перечень факторов не является достаточно полным, поэтому развитие классификации факторов не прекращает быть актуальным направлением в данной области исследования.

На сегодня оплата труда остается основным источником дохода большей части населения (рис. 2), поэтому необходимо отдельно рассмотреть механизм и факторы ее дифференциации.

Основным источником денежных доходов населения России являются доходы от работы по найму, в общем объеме которых, в свою очередь, примерно

три четверти составляет заработная плата работников организаций. В номинальном выражении средняя заработная плата работников организаций во втором квартале 2021 г. составила 57 275 руб. в месяц, рост по сравнению с аналогичным периодом 2020 г. в реальном выражении составил 105,5% [11].

В условиях плановой экономики механизм распределения заработной платы описывали Т.В. Сабетова и Г.Н. Егорова [1]. В современных условиях механизм распределения заработной платы в основном изменился мало, ведь в рыночной экономике, как и в плановой, существуют те же регуляторы распределитель-

ных отношений: минимальная и средняя заработная плата.

С переходом к рыночным отношениям появились новые факторы, влияющие на оплату труда (различные формы собственности, конкурентоспособность отдельных предприятий и отраслей на рынке, рост региональных различий в сфере занятости населения, снижение спроса на квалифицированный труд, рост спроса на неквалифицированную рабочую силу), а некоторые факторы потеряли свое значение (отсутствие государственного регулирования оплаты труда на всех предприятиях), поэтому необходимо рассмотреть распределение оплаты труда, учитывая упомянутые факторы.

По нашему мнению, влияние факторов на дифференциацию денежных доходов населения целесообразно рассматривать по стадиям распределения доходов. Структурно влияние факторов на дифференциацию денежных доходов населения можно представить следующим образом (рис. 3).

На первом уровне распределения созданного продукта происходит первичное распределение доходов по факторам производства — на оплату труда, доход от собственности (дивиденды, проценты, рента), доход от предпринимательской деятельности (прибыль, смешанный доход). На этом уровне основными факторами, влияющими на распределение доходов, являются: макроэкономические (социально-политические), институциональные (уровень развития институтов, обеспечивающих деятельность всей экономической системы), социально-экономические (ВВП, цены, уровень безработицы, доходы, расходы), социально-статусные (собственник, предприниматель, работник).

Сначала происходит процесс распределения всех работников по категориям труда, который, в терминах теории вероятности, носит нормальный характер. На распределение населения по качеству труда действуют следующие факторы:

- ◆ расхождение в индивидуальных способностях, склонностях, предпочтениях, наличии таланта;
- ◆ социально-профессиональные (образование, профессия, специальность, уровень квалификации, опыт и т.д.);
- ◆ демографические (пол, возраст, выносливость, состояние здоровья и т.д.);
- ◆ факторы, связанные с прикладыванием труда (сфера занятости, вид производства, условия труда и т.д.).

При переходе от качества труда к категориям заработной платы форма распределения изменяется, по-

скольку формирование заработной платы относится к мультипликативным процессам. Многочисленные факторы, определяющие качество труда, действуют таким образом, что появление каждого нового усиливает эффект предыдущего — например, образование и опыт работника, квалификация и особые условия труда. В этом случае при переходе к высшей категории качества труда абсолютный прирост заработной платы зависит от уже достигнутого уровня и происходит в геометрической прогрессии. Далее под действием случайных причин, не имеющих отношение к квалификации (и отражается в надбавках, доплатах, премиях и т.д.), образуется непрерывное распределение работников по размеру начисленной заработной платы.

Таким образом, распределение доходов происходит под влиянием двух групп факторов: основных (относительно устойчивых) и постоянных (качество труда), и второстепенных, касающихся только отдельного случая (случайные обстоятельства). В целом, распределение заработной платы является сочетанием закономерной дифференциации оплаты труда со случайной вариацией.

На следующем уровне происходит перераспределение полученных доходов через систему сбора налогов с юридических и физических лиц, уплаты взносов в фонды социального страхования, социальных выплат, дотаций, субсидий населению, перераспределения доходов внутри домохозяйств и формирования индивидуального распределения доходов населения. Он формируется под воздействием социально-экономических (фискальная политика, бюджетная политика, социальная политика государства), социально-демографических (возраст домохозяйства, демографическая нагрузка на трудоспособное население (суммарная, с детьми и лицами пенсионного возраста)), экономико-демографических (экономическая нагрузка незанятого населения на занятое), социально-географических (природно-климатические особенности места обитания, плотность и характер расселения, национальные особенности) и других факторов [2].

Итак, стратификация населения по уровню доходов формируется под действием макроэкономических факторов. Если в развитых государствах большое значение имеют индивидуальные факторы, когда большинство населения имеет одинаковые стартовые возможности получения доходов, то в нашем государстве значительную роль играют макроэкономические, когда существуют значительные структурные диспропорции в экономике и значительно ограничен доступ большинства населения к экономическим факторам производства, то есть к возможности получения доходов.

Рис. 4. Инструментарий государственного регулирования доходов населения
Источник: составлено автором

Многие фундаментальные проблемы современного общества не могут быть решены исключительно рыночными механизмами и нуждаются в государственном участии. Регулируя распределение национального дохода между различными факторами производства, государственные институты чаще всего используют инструменты, которые влияют на уровень оплаты труда, а также налогообложение (рис. 4).

Для эффективного государственного регулирования доходов нужно знать степень неравенства распределения доходов в стране, а также масштабы бедности. Чаще всего для измерения неравенства в распределении доходов экономисты используют кривую Лоренца

и коэффициент Джини, децильный коэффициент концентрации доходов и коэффициент фондов.

Во всех экономических системах правительство перераспределяет доходы населения для уменьшения неравенства в их распределении и снижение уровня бедности. Масштабы этого перераспределения зависят от многих факторов, таких как тип экономической системы, исторически сложившаяся практика, приоритеты государственных расходов, политический процесс, фаза делового цикла, ценности населения и т.д. Инструментами перераспределения доходов населения являются личные налоги, государственные трансферные платежи, регулирование цен на товары и услуги и т.п.

Более мощными инструментами перераспределения доходов населения являются социальные трансферы, или программы социальной защиты населения. Социальные трансферы разделяют на две большие группы: программы социального страхования и программы социальной помощи. Различие между этими программами заключается в различных подходах к управлению социальными рисками. Программы социального страхования помогают людям ослабить влияние социальных рисков, тогда как социальная помощь предназначена по большей части для борьбы с последствиями социальных неурядиц. Много программ социального пособия предназначены для повышения уровня потребления различных групп населения. Под социальной защитой понимают все программы социального страхования и социальной помощи, а также программы активной политики на рынке труда.

Одним из важнейших показателей перераспределения доходов населения при помощи трансферов является доля расходов на социальную защиту в ВВП страны. В развитых странах эта доля колеблется от 18% в США до 26%. В Великобритании, 29% в Германии и более 35% в Швеции [4]. Еще одним показателем роли трансферов в перераспределении доходов является их доля в структуре расходов государственного бюджета. Доля социальных расходов в общих государственных расходах колеблется от 67% в Австралии до 90% в Швеции и Дании. Итак, от 67 до 90% всех государственных расходов в развитых странах идет на перераспределение доходов [10].

При анализе роли социальных трансферов в разных странах сравнивают уровень расходов на отдельные социальные программы, такие как пенсии, пособия по безработице, пособия семьям с детьми, помощи группам населения с низким уровнем доходов и тому подобное. Еще одним инструментом государственного регулирования доходов является вмешательство в действие рыночного механизма с целью регулирования цен на некоторые товары и услуги.

В большинстве стран с переходной экономикой этот инструмент регулирования доходов населения активно использовался, особенно на начальных этапах рыночных преобразований. Чаще всего правительство может регулировать цены на главные продукты питания, такие как хлеб, крупы, макароны, молоко и тому подобное. Довольно часто правительство устанавливает цены на услуги общественного транспорта.

Одним из самых распространенных способов поддержки граждан с низкими доходами использование жилищных субсидий, то есть правительство компенси-

рует часть расходов домохозяйств на оплату жилищно-коммунальных услуг.

Особенно важным инструментом государственного регулирования доходов населения является установление минимальной заработной платы (МРОТ). В мире накоплен немалый опыт использования МРОТ [5]. Впервые в мире закон о минимальной заработной плате был принят в Новой Зеландии в 1896 году. В этом же году в штате Виктория, Австралия поправкой к Закону о фабрике был создан Совет по установлению заработной платы. Этот совет не устанавливала всеобщей минимальной заработной платы, однако определяла базовое жалование в шести отраслях, где выплачивали низкую зарплату. С 1910 г. минимальную заработную плату начали устанавливать во всей Австралии и Новой Зеландии. В 1912 г. в штате Массачусетс было установлено МРОТ для женщин и детей, а обязательный национальный МРОТ в США был введен в 1938 г. В 60-х годах XX в. минимальная заработная плата была введена в странах Латинской Америки. В Европейском Союзе большая часть стран имеют обязательный МРОТ. В таких европейских странах как Норвегия, Швеция, Дания, Финляндия, Швейцария, Германия, Австрия, Италия и Кипр не существует законов о МРОТ, а его уровень устанавливается на основе переговоров между работодателями и профсоюзами.

Государство может регулировать дифференциацию доходов с помощью фискальной и социальной политики. К первой относится система налогообложения, которая существенно влияет на доходы граждан, систему льгот и социальную помощь, то есть государственная социальная политика, ориентирована на повышение уровня жизни всех слоев населения (независимо от их имущественного положения), должна быть связана с такими задачами стабильного экономического развития как обеспечения реального роста производства, улучшение ситуации на национальном рынке труда, запрет инфляционных процессов, эффективное использование бюджетных средств и средств специальных внебюджетных фондов [6]. Результатами исследования является определение ключевых проблем относительно неравного распределения доходов наемных работников; выявление основных причин этого неравенства; обоснование мер совершенствования дифференциации доходов работников.

Теневая экономика является одним из основных источников формирования доходов населения. Запретный для роста совокупных доходов населения характер подоходного налога и обязательных сборов в фонды социального страхования побуждает граждан регистрироваться индивидуальными предпринимателями и переходить на систему налогообложения по фиксированному или единому налогу. Из-за среднего уров-

ня доходов упрощенная система налогообложения, безусловно, более привлекательна для граждан [7]. Однако в этом случае имеем фискальную дискриминацию тех граждан, которые работают на условиях найма, по сравнению с гражданами, являющимися субъектами предпринимательской деятельности без создания юридического лица [8].

В период до 2014 года заметной была тенденция к росту уровня подоходного налогообложения граждан, что учитывая достаточно низкий уровень, их доход был крайне негативным фактором. Дело в том, что повышение роли подоходного налога в системе налогообложения должно было происходить не за счет повышения ставок налога и расширения объекта налогообложения, а путем роста налоговой базы, а именно совокупных доходов населения. Повышение совокупных легальных доходов населения требует совершенствовать структуру подоходного налога и обязательных сборов из фонда оплаты труда, в частности, значительного снижения их ставок [9].

Очевидным и общепризнанным является тот факт, что система налогообложения доходов граждан в Российской Федерации требовала существенного реформирования. Основой реформы налоговой системы в этом контексте могли быть два подхода. Первый подход заключается в уменьшении максимальной ставки налогообложения доходов граждан по дифференцированной шкале налогообложения. Альтернативным к прогрессивной системе налогообложения доходов граждан является пропорциональная система налогообложения, по которой применяется единая ставка налогообложения доходов населения независимо от их размера.

В проблеме поддержания социальной справедливости и сохранения социальной стабильности необхо-

димо придерживаться рационального распределения доходов для достижения, с одной стороны, целей социальной поддержки слабой части граждан, а с другой стороны — целей развития общества в целом, реализации которых обеспечивается в основном экономически сильными его членами. Именно это и обусловило необходимость разработки эффективного механизма социально-экономического регулирования доходов населения с учетом стратификационных элементов, в пределах которой определены принципы, цели и задачи, формы и методы, а также инструменты ее реализации, взаимодействие которых может позволить обеспечить эффективное регулирование доходов населения.

В зависимости от уровня управления, предлагаем использовать следующие формы регулирования доходов населения:

- ◆ на макроэкономическом уровне — государственный механизм на уровне страны в целом;
- ◆ на мезоэкономическом уровне — региональный механизм и механизм регулирования по видам экономической деятельности;
- ◆ на микроэкономическом уровне — внутрифирменный механизм;
- ◆ на уровне отдельных граждан и домохозяйств — с учетом институционального развития.

Реализация указанных механизмов позволит сбалансировать экономические интересы государства в процессе налогообложения граждан и предприятий, активизировать развитие предпринимательства на принципах солидарности и социальной ответственности, учитывая развитие соответствующих социальных, экономических, правовых и политических институтов, что обеспечит рост как доходов, так и уровня и качества жизни населения страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гончарова К.С. Структура социально-демографических факторов в моделях дифференциации доходов населения регионов России // Создание дохода, накопление национального богатства, формирующиеся рынки и новые мировые финансы: сборник тезисов докладов научной конференции молодых ученых. М.: Научный консультант, 2019. Вып. 2. С. 27–32.
2. Жаромский В.С., Мигранова Л.А., Токсанбаева М.С. Социально-экономическое неравенство в России: динамика и методы оценки // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 4. С. 79–94. DOI: 10.26653/1561-7785-2018-21-4-08
3. Константинова Л.В. Социальная политика как фактор конструирования неравенства: новая модель патернализма // Власть. 2017. Т. 25. № 2. С. 16–21.
4. Кремер К.И., Мамистова Е.А., Сабетова Т.В. Проблемы формирования и справедливого распределения доходов населения в современной России // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 11 (58). С. 74–77.
5. Малкина М.Ю. Институциональные основы неравенства доходов в современной экономике // Журнал институциональных исследований. 2016. Т. 8, № 1. С. 100–120.
6. Мониторинг социально-экономического положения и социального самочувствия населения: три квартала 2021 года / под ред. Л.Н. Овчаровой. М.: НИУ ВШЭ, 2021.
7. Руднев В.Д., Русскова А.В., Вишнякова В.А. Заработная плата в России: от интегральной политики к государственному регулированию // Социальная политика и социология. 2017. Т. 16. № 2(121). С. 88–95

8. Сабетова Т.В., Егорова Г.Н. Анализ факторов, формирующих наблюдаемую дифференциацию доходов населения России // Вестник ВГУИТ. 2018. Т. 80. № 2. С. 449–457. doi:10.20914/2310-1202-2018-2-449-457.
9. Самохвалов В.П. Бедность в России и пути ее преодоления // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2019. № 5. С. 83–87.
10. Федченко А.А., Будникова Н.О. Взаимосвязь концепции достойного труда и стратегии социально-экономического развития // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2017. № 1. С. 80–84.
11. Шкаратан О.И. Социально-экономическое неравенство в современном мире и становление новых форм социального расслоения в России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27. № 2. С. 6–35.

© Беляев Станислав Прокофьевич (belmurm@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Мурманский арктический государственный университет

ИНТРАКОММУНИКАЦИЯ КАК ТИП СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ОРГАНИЗАЦИИ

Игнатьева Ирина Александровна

Российский Университет Дружбы Народов
irign@bk.ru

INTRACOMMUNICATION AS A TYPE OF SOCIAL COMMUNICATION IN AN ORGANIZATION

I. Ignatieva

Summary. The article examines the trends of increased attention to the phenomenon of communication, which is due to the dependence of society on information and its use. This determines the social relevance of the communication process. The consideration of communication through the prism of interaction was carried out using a retrospective analysis and the concept of M. Weber, which allowed us to come to the conclusion about the dominance of goal-oriented and value-rational actions in communication. The study of social phenomenology has shown that the theoretical results of various scientific trends and concepts have their own potential for research. At the same time, it becomes important to understand the need for both general systemic aspects of this range of issues and micro-contextual ones.

The article shows that intracommunication is a kind of social communication in organizations that reproduces and constitutes a system of social interaction. The author's definition of the system of intracommunications as identification of the internal nature of the communication process is proposed.

Keywords: communication, social communication, intracommunication, organizational communication, social interaction.

Аннотация. В статье рассмотрены тенденции повышенного внимания к феномену коммуникации, которое обусловлено зависимостью общества от информации и ее использования. Это определяет социальную востребованность процесса коммуникации. Рассмотрение коммуникации сквозь призму взаимодействия осуществлено с использованием ретроспективного анализа и концепции М. Вебера, что позволило прийти к выводу о доминировании целерациональных и ценностно-рациональных действий в коммуникации. Исследование социальной феноменологии показали, что теоретические результаты различных научных течений и концепций имеют собственный потенциал для исследования. При этом важным становится понимание необходимости, как общих системных аспектов этого круга вопросов, так и микроконтекстных.

В статье показано, что интракоммуникация является разновидностью социальной коммуникации в организациях, которая воспроизводит и составляет систему социального взаимодействия. Предложено авторское определение системы интракоммуникаций, как идентификации внутреннего характера процесса коммуникации.

Ключевые слова: коммуникация, социальная коммуникация, интракоммуникация, организационная коммуникация, социальное взаимодействие.

Феномен социальной коммуникации имеет полипарадигмальный характер рассмотрения и изучения. С одной стороны, этот тезис детерминирует ракурс анализа процесса социальной коммуникации, потому что ее составляющие элементы, образующие целостную субъект-объектную систему, детерминирующую как иерархическую структуру коммуникативной деятельности, так и ее функциональную нагрузку. Этот тезис нашел свое применение в ходе осуществления нами анализа коммуникативной деятельности подходов, предложенных М. Вебером, Т. Парсонсом и Н. Луманом.

С другой стороны, общая полипарадигмальность анализа процесса социальной коммуникации детерминирует и саму структуру социальной интеракции между субъектами, что, по мнению Ю. Хабермаса, позволяет говорить о рациональности в понимании процесса со-

циальной коммуникации между социальными субъектами. Более того, рассмотрение процесса социальной коммуникации с позиции различных концепций и подходов позволяет делать вывод о том, что структурное единство элементов коммуникативного акта является сложным комплексом существующих взаимосвязей внутри самой системы коммуникации.

Данная система может быть обоснована с позиции различных научных подходов, что, в свою очередь, накладывает отпечаток на трактовку понятийно-категориального аппарата исследования коммуникационного акта в рамках всей системы социальной коммуникации.

С точки зрения предметной стороны нашего исследования, наряду с рассмотрением макроуровня понимания процессов социальной коммуникации, необхо-

димом также рассмотреть и более конкретный уровень коммуникативного процесса. А именно, речь идет о характере коммуникации в системе организационных взаимоотношений.

Конкретизация уровня осуществления коммуникации в формате взаимоотношений между субъектами путем осуществления между ними коммуникативной деятельности требует, по нашему мнению, более детального рассмотрения ее типологизаций и видовых характеристик.

Прежде всего отметим, что на уровне организационного взаимодействия мы ведем речь об организационных коммуникациях, под которыми понимаем «процессы передачи информации между сотрудниками организации с целью информирования, контроля, координации действий, мотивации и удовлетворения социальных потребностей сотрудников, что определяют условия функционирования и успешности данной организации, способствуют достижению ее целей. Информация в данном случае понимается в широком смысле: идеи, оценки, эмоции, сведения, знания и др.» [3].

Наряду с этим отметим, что сама организационная коммуникация не является монолитной, и, соответственно, ее анализ в контексте более новых тенденций предполагает рассмотрение видов и типов коммуникации. Свой анализ по обозначенной проблематике мы начнем с рассмотрения основных классификационных видов коммуникативного процесса, которые в своей совокупности образуют общую совокупность коммуникаций в организации. Такой анализ видится важным для корректного «встраивания» в интракоммуникационные общие теоретические конструкты коммуникаций в организациях.

Итак, среди видов и типов коммуникации выделяют несколько групп. Например, по месту осуществления бизнес-коммуникаций принято говорить о: внутренних коммуникациях, «когда стороны коммуникации находятся в рамках организации; внешних, когда одна из сторон относится к субъектам внешней среды организации» [2]. В этом аспекте весь поток коммуникативной деятельности можно разделять на внешний и внутренний.

Соответственно внутренние коммуникации — это любые коммуникации внутри организации.

Внешняя коммуникация — это коммуникация с субъектами, находящимися за пределами организации; это — коммуникации между организацией и внешней средой» [2].

Отметим, что оба этих вида являются структурным продолжением теории социального действия М. Вебера и теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, потому что по своей природе является рациональным выражением воли, осуществляемым субъектом действия и коммуникации. Кроме этого, и внутренняя, и внешняя коммуникации представляют собой совокупность иерархических элементов системного объекта организации и системного объекта коммуникации, что позволяет нам говорить об их системной и структурнофункциональной интерпретации в коннотациях Т. Парсонса и Н. Лумана.

Наряду с этим, отметим, что как внутренние, так и внешние коммуникации в организации могут образовывать «типологии на основаниях, связанных со средой организации — с личностными, групповыми, профессионально-квалификационными и организационными характеристиками, с отношениями равенства и иерархии, со статусами и социальными ролями: вне организации — с положением организации на рынке, с перспективами развития, с этапом развития, жизненным циклом, пережитым организацией и т.п.» [1].

В этом аспекте важность приобретают те особенности стратифицированных по различным признакам групп, которые определяют доминирующее содержание коммуникации и технологии ее осуществления. При этом важен для анализа интракоммуникаций такой ракурс типизации организационных коммуникаций, ибо он связан с субъектами интракоммуникационного взаимодействия.

По количеству участвующих в коммуникации сторон выделяют одностороннюю коммуникацию и многостороннюю, участниками которой выступают два и более субъектов. «В данном случае очевидно противоречие самому понятию коммуникации можно не принимать во внимание, поскольку наличие, с одной стороны, хотя бы только намерения наладить коммуникацию уже ведет к соответствующим поступкам, к подготовке к общению, которое рассматривается как неотъемлемый этап, начало коммуникации на ментальном уровне. По сути, любой процесс коммуникации начинается как односторонний» [8].

Такая типология организационной коммуникации определяет стратегические и тактические аспекты коммуникационного процесса в организациях, ибо очерчивает круг его субъектов и определяет необходимость выбора каналов, средств коммуникации и ее содержания.

По внешним признакам средств общения можно выделить вербальные коммуникации (письменная и уст-

ная речь) и невербальные (мимика, проксемика, тактильные формы, облик, предметы, изображения и т.п.), а также виды коммуникации по каналам и источникам коммуникации: устные, письменные, невербальные, формальные, неформальные, нисходящие (командные), восходящие, горизонтальные, технические, электронные т.п. Понимание возможных средств коммуникации, ее каналов и источников является важным для понимания вопросов конструирования системы интракоммуникаций в организациях.

С точки зрения управления, актуальность приобретает типологию коммуникаций по источниками регулирования. Здесь выделяют формальные (осуществляемые на основе прописанных и легитимных, как правило, зафиксированных в письменной форме источников) и неформальные коммуникации. По признакам времени коммуникации она может быть длительной, кратковременной, периодической, эпизодической. Или, по-другому осуществляться в реальном времени (устное общение, телефон, некоторые электронные системы) и с отсрочкой времени (письменная информация, факсимильная связь).

Для организационного контекста, безусловно важны все виды коммуникации по этому признаку. Только отметим, что для построения и развития системы коммуникаций в организации, повышение ее эффективности особую актуальность приобретает именно длительная коммуникация.

По специфике, влияющей на содержание и другие параметры коммуникаций, ученые выделяют «отраслевые особенности коммуникаций (коммуникации в промышленности, строительстве, сельском хозяйстве, науке, искусстве, армии, общественных организациях, органах управления и т.п.) и функционально управленческие особенности коммуникаций (коммуникации в сфере высшего, среднего и основного звена предприятия, коммуникации в маркетинге, рекламе, планировании, производстве, управлении персоналом и т.п.)» [10]. Таким образом, организационные коммуникации как разновидность социальных коммуникаций образуют определенную систему, в которой важность приобретают различные аспекты коммуникации как процесса, как системы и как результата.

Отметим, что рассмотрение социальных взаимоотношений на организационном уровне, предметными сторонами которых являются векторы субъект-объектных взаимосвязей, позволяет не только провести методологический анализ социальной коммуникации, но и предложить новые взгляды на проблематику, которая на сегодняшний день является актуальной в социальном управлении и изучение которой даст ощутимый

результат в его прикладном аспекте. Одним из таких новых взглядов на традиционные процессы социальной коммуникации в организациях представляют собой феномен интракоммуникации.

Нужно определить, что понятие «интракоммуникация» в научной литературе имеет разную смысловую нагрузку. Так, в психологии под интракоммуникацией понимается интраперсональная коммуникация как разговор с самим собой. Иногда интраперсональная коммуникация принимает очевидные формы обычной коммуникации. Например, «ведение личного дневника — это явная вербальная письменная коммуникация, в которой и отправителем, и получателем сообщения выступает один и тот же человек» [9].

Учитывая нашу методологическую позицию относительно расхождения между общением и коммуникацией, считаем целесообразным понимать под интракоммуникациями процесс трансляции информации между субъектами в организации с помощью различных форм, средств и целевой направленности с учетом возможностей и ограничений организационной среды.

Данный вид социальной коммуникации сегодня выступает, с одной стороны, тем «краеугольным камнем», который необходим для полноценного обмена, распространения, текущего циркулирования корпоративной информации и знаний. С другой, она призвана объединить «человеческий капитал» организации для понимания общих задач и целей, развития корпоративной культуры и формирования позитивного имиджа организации. Соответственно в любой организации они образуют систему, которая отражает специфику методов, форм и каналов аккумулирования и передачи информации.

На наш взгляд, такой аспект является важным, потому что в наше время ценность информации не просто объясняется результатом, который эта информация дает «здесь и сейчас». Построение системы интракоммуникации дает возможность качественно нового понимания процессов оценки эффективности процесса коммуникации с позиции удовлетворенности процессом и результатом самих актеров интракоммуникации. Это дает возможность управленцам в организации по-новому взглянуть на эффективность внутренней системы коммуникации организации.

Одним из средств оптимизации этого процесса является систематизация всех интракоммуникаций в организации. Использование общих классификаций коммуникации и их преломление на сферу интракоммуникаций позволяет говорить, что их можно классифицировать следующим образом:

Рис. 1. Классификация коммуникации по каналам общения
Источник: составлено автором

Наличие интракоммуникации в организации не связано с ее масштабом и видом ее деятельности. Их не может не быть даже в самой небольшой организации. Важнейшим компонентом коммуникационной системы организации в том числе и интракоммуникационной, выступают методы коммуникативного взаимодействия. Сегодня они могут быть охарактеризованы как гармоничное сочетание традиционных инструментов построения и развития интракоммуникаций с инновационными, в результате чего наблюдается появление новых возможностей, которые позволяют улучшить интракоммуникации в информационном пространстве организации и обеспечить эффективное управление человеческим капиталом, повысить уровень удовлетворенности, лояльности и привлечения персонала.

Таким образом, интракоммуникации образуют систему форм, методов, каналов, которые активно участвуют в развитии человеческого капитала организации. При этом акцентуация на этой роли, по нашему мнению, заложена в самих функциях организационных коммуникаций. Более того, явление интракоммуникации само по себе невозможно без наличия определенных социальных условий, таких, как социальная структура организации, наличие социальных актеров, выполняющих целенаправленные функции коммуникации, единой цели и других элементов.

Данная система имеет целерациональный и ценностно-рациональный характер действия. Также система интракоммуникаций в силу своего применения также имеет четкую структуру, как и социальное действие

согласно М. Веберу. Мы исходим из того, что во главу угла в построении общей системы интракоммуникации необходимо закладывать именно социальное действие, ведь, по сути, мы имеем дело с субъектом, осуществляющим коммуникативное действие внутри организационной системы, что обусловлено потребностью в определенной информации с четкими и определенными целями. В дальнейшем, в соответствии с общим алгоритмом коммуникации, осуществляется передача информации (или ее аккумуляция, или переработка, в зависимости от конкретности задачи). В итоге, мы приходим к результату интракоммуникационного действия в системе организационных коммуникаций, для анализа которой предлагаем ввести понятие «интракоммуникационная интеракция».

Отметим, что в качестве участника в этой цепочке может выступать как другой сотрудник организации, так и сама организация в целом, а также структурное подразделение, определяющее обратный процесс коммуникации или обратное действие, которое в научном обращении принято называть взаимодействием или интеракцией.

Таким образом, под интракоммуникационной интеракцией мы понимаем целерациональное и ценностно-рациональное взаимодействие субъектов системы интракоммуникаций в процессе осуществления коммуникативной деятельности в организации.

Проведенный анализ демонстрирует, что интракоммуникация является содержательной и имеющейся для

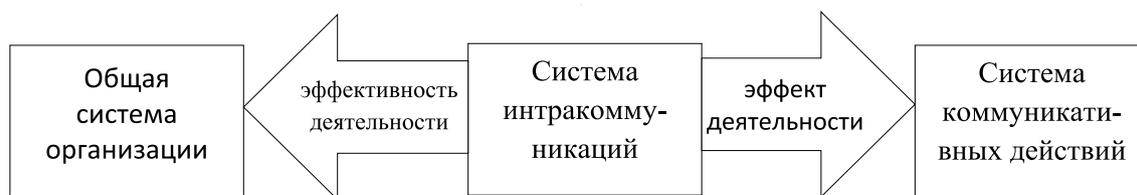

Рис. 2. Схема амбивалентности интракоммуникации
Источник: составлено автором

любых форматов социальных систем, как малых (конкретная организация), так и крупных (социальные институты и другие социальные системы). Данный факт объясняется тем, что коммуникационная деятельность как вид социального действия, имеет структурный и рациональный характер, который выражается в том, что системе необходимо постоянно развиваться и достигать необходимых результатов.

Эффективность результата, по нашему мнению, в такой сложной системе, как коммуникативная деятельность, зависит от формирования и функционирования самой социальной структуры (системы и подсистем субъекта) и от системы функционирования и развития коммуникативной деятельности (деятельности совокупности коммуникационных элементов). То есть, иными словами, в данном случае необходимо четко разграничить предметную сторону исследуемого нами типа коммуникации для дальнейшего детального его изучения.

Таким образом, под системой интракоммуникаций мы предлагаем понимать структурированную совокупность информационных инструментов, методов и каналов, позволяют получать и оптимально распределять информационные сообщения делового, интеллектуального и эмоционального содержания в организации целенаправленно и с заданной эффективностью.

Предложенное определение системы интракоммуникаций наиболее полно как структурно, так и содержательно определяет характер подобной системы как субъекта реализации коммуникационной деятельности и детерминирует ее внутренний вектор. Такой подход, по нашему мнению, позволяет также сфокусироваться на практическом аспекте функционирования подобной системы в организации, главной целью которой является эффективное функционирование самой системы и удовлетворенность своей коммуникативной деятельностью непосредственных субъектов коммуникации в ее рамках.

Графически это можно представить в виде схемы, где система интракоммуникаций через критерий эффективности деятельности достигает необходимых

целей для организации, как системы в целом, а через критерий, который мы предлагаем назвать как «эффект от деятельности», интракоммуникация достигает целей системы коммуникативных действий. Данную особенность системы интракоммуникации мы предлагаем называть «амбивалентностью интракоммуникации» (рис. 2).

Безусловно, подобного результата можно достичь только в том случае, когда речь идет о полном наборе элементов коммуникации, которые возможно применить во внутренней среде организации. То есть, по нашему мнению, в отличие от внешней коммуникации, для успешности осуществления интракоммуникации необходим влияние факторов, которые позволят ей быть наиболее эффективной. Более того, данные факторы позволяют однозначно идентифицировать именно внутренний характер самого процесса коммуникации.

В современном научном дискурсе нет единого мнения о существовании данных факторов в теории и реализации подобных факторов на практике, поэтому мы предлагаем ввести в научный оборот такую категорию, как «идентификационные факторы интракоммуникации» и предлагаем предоставить перечень данных факторов, а также на основе обозначенных факторов предложить базовую модель конструирования системы интракоммуникации в организации.

Для удобства анализа мы предлагаем разбить все факторы на условные подгруппы:

- ◆ идентификационные факторы при формировании системы интракоммуникаций;
- ◆ идентификационные факторы при развитии и функционировании системы интракоммуникаций;
- ◆ идентификационные факторы рестарта и создания нового цикла интракоммуникаций.

В группу идентификационных факторов при формировании системы интракоммуникаций входят:

1. общая стратегическая цель;
2. упорядочение первичных инструментов, каналов и методов коммуникаций;

3. валидность существующей информации.

К группе идентификационных факторов при развитии и функционировании системы интракоммуникаций входят факторы:

- ◆ влияния развития социальной организации;
- ◆ ритмичности коммуникативной деятельности;
- ◆ активности коммуникативных действий ключевых участников-стейкхолдеров.

К группе идентификационных факторов рестарта и создания нового цикла системы интракоммуникаций входят следующие факторы:

- ◆ оценка эффективности коммуникативной деятельности;
- ◆ преемственность действующих интракоммуникаций;
- ◆ контроль внедрения изменений.

Для уточнения понимания предложенных к рассмотрению факторов, раскроем их основное содержание. Итак, первая подгруппа факторов отвечает за процесс формирования системы интракоммуникаций. Сюда мы относим, во-первых, фактор общей стратегической цели. По нашему мнению, внутренний характер любого коммуникативного действия всегда отличает наличие своей специфической стратегии, которая, как правило, формулируется в одну или несколько конкретных целей. На эту стратегию работают абсолютно все внутренние субъекты, и выстраивается вся коммуникативная деятельность. Важно, что стратегическая цель социальной организации и коммуникаций — едины.

Следующий фактор — упорядочение первичных инструментов, каналов и методов коммуникаций. Для внутренней среды организации и его коммуникативной деятельности этот фактор является своего рода фиксатором начала конкретных действий. Анализ релевантности существующих каналов, инструментов и методов интракоммуникаций позволяет определить приоритеты и выстроить их в единую социальную плоскость, где все элементы упорядочены и связаны между собой.

Благодаря данным элементам устанавливается и «межличностная коммуникация», которая включает в себя «процесс обмена сообщениями и их интерпретация, наличие обратной связи и личностно-ориентированного взаимодействия» [7]. По нашему мнению, подобные факторы являются особенными именно для этого уровня и именно для системы интракоммуникаций.

Следующий фактор — валидность информации имеет достаточно простое объяснение, ведь без факта его наличия субъекты функционирования не смогут реаль-

но начать свою деятельность. В отличие от внешнего формата коммуникаций, где и достоверность и валидность могут сознательно пониматься как «ложная» характеристика, для внутренней системы коммуникативной деятельности это может привести к бесполезности осуществления самой деятельности и неэффективности результата.

Следующая подгруппа идентификационных факторов при развитии и функционировании системы интракоммуникаций начинается с факторов воздействия развития социальной организации. Сами по себе интракоммуникации, как отмечалось выше не связаны с масштабом социальной организации и видом ее деятельности. Главное — управляют или нет данной информацией в организации, и что происходит с интракоммуникациями на каждом этапе развития организации. Так, например, на этапе образования социальной организации, когда количество субъектов незначительное, проблем с коммуникациями, как правило, не возникает. По мере роста организации открываются новые возможности развития интракоммуникаций в контексте налаживания горизонтальных и вертикальных связей между структурными подразделениями. На этапе стабильности организации возникает необходимость в организации информационных обменов между субъектами. На этапе реорганизации роль интракоммуникаций особенно остро ощущается в снижении внутреннего уровня сопротивления субъектов социальной системы и преодолении их инертности.

Факторы ритмичности коммуникативной деятельности также являются важными в системе функционирования интракоммуникаций. «Коммуникации, обмен информацией, разговоры — все это также циклические и ритмические процессы. Все законы, принципы и приемы, касающиеся циклических и ритмических действий, действуют и в коммуникациях, и если уж стремиться к лучшему сотрудничеству, нужно строить лучшие коммуникации, в том числе за счет лучшей цикличности и ритмичности» [4].

Фактор коммуникативных действий связан с деятельностью ключевых участников-стейкхолдеров. В интракоммуникациях стейкхолдеры играют важную роль в построении системы, так как они являются носителями ключевой информации и источником формирования вектора развития организации.

Термин «стейкхолдер» в его современном понимании был предложен экономистом Робертом Эдвардом Фриманом. В своей книге «Стратегический менеджмент: стейкхолдерский подход» он определяет стейкхолдеров как «любого индивидуума, группу или организацию, оказывающих существенное влияние на принятые

социальной организацией решения или находящиеся под влиянием этих решений» [6, р. 46].

И наконец, группа идентификационных факторов рестарта и создания нового цикла системы интракоммуникаций. Первым фактором данной группы является фактор оценки эффективности существующей коммуникативной деятельности как мера достижения поставленных целей на этапе формирования системы интракоммуникаций. При этом оценка позволяет выявить зоны риска и пласт зон для развития интракоммуникаций. Все полученные данные представляют возможность получения уникальных знаний о проблеме численности и отсутствии систематизации методов.

Фактор преемственности действующих интракоммуникаций, по нашему мнению, является сугубо интракоммуникационным, так как только внутри системы, при завершении того или другого цикла, необходимо понимание относительно того, кто будет преемником реализации того или иного информационного контента и какие инструменты, каналы коммуникаций будут вновь создаваться для повышения их эффективности и результативности.

Фактор контроля внедрения изменений является важным для обеспечения роста и развития интракоммуникаций с учетом всех факторов в совокупности.

Таким образом, предложенные нами факторы идентификации системы интракоммуникаций позволяют анализировать данную систему как самостоятельную, со своими особыми характеристиками и своими критериями оценки деятельности. В продолжение анализа феномена интракоммуникативной деятельности нужно отметить, что по существующей классификации социальной коммуникации на основании масштабов применения коммуникативной деятельности предложена нами система интракоммуникаций относится к локальной коммуникации, потому что «локальная коммуникация протекает в трудовых, профессионально ограниченных группах» [5].

Таким образом отметим, что интракоммуникации являются разновидностью социальных коммуникаций, которые воспроизводятся в организациях и составляют систему интракоммуникационного взаимодействия. Эта система испытывает на себе действие различных факторов, которые необходимо учитывать при ее построении и функционировании. В целом отметим, что система интракоммуникаций является частью глобальной коммуникационной системы, с одной стороны, и конкретной частью общей организационной системы, с другой стороны. Данная система в структуре своего действия является амбивалентной и имеет специфические идентификационные факторы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баландина Т.М. Социальные коммуникации в системе организационной культуры предприятия // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Социология. Политология. 2017. Т. 17, Вып. 2. С. 166–169. DOI: 10.18500/1818–9601–2017–17–2–166–169.
2. Болдырева Н.В. Роль и значение внутренних коммуникаций в условиях современного бизнеса // Вестник Евразийской науки, 2018. № 1. URL: <https://esj.today/PDF/53ECVN118.pdf>.
3. Локоткова-Терновая О.Ю., Петрушко А.В. Коммуникации в организации как фактор развития человеческого капитала. Проблемы развития человеческого капитала в современном социальном поле: организационный аспект. Х., 2016. С. 126–146.
4. Русаков С. Не сбивайся с ритма! Соблюдай переговорную ритмику. URL: <https://delovoyimir.biz/ne-sbivaysya-s-ritma-eto-ploho-i-v-sekse-i-vrazgovorah-s-lyudmi-soblyuday-peregovornuyu-ritmiku.html> (дата обращения: 25.01.2022).
5. Шинкаренко Т.В., Смирнов Р.Г., Белошицкий А.В. (2020). Исследование эффективности организационной структуры компании на основе анализа внутренних коммуникаций // Управленец. Т. 11. № 2. С. 27–40. DOI: 10.29141/2218–5003–2020–11–2–3.
6. Freeman R.E. Strategic Management: A stakeholder approach. Boston, 1984.
7. Linke A., Zeffass A. Internal communication and innovation culture: Developing a change framework // Journal of Communication Management. 2011. Vol. 15. No. 4. 332–348. DOI: 10.1108/13632541111183361.
8. Lokotkova-Ternovaya O. Yu. The role of intracommunications in overcoming the procrastination phenomenon // Virtus: Scientific Journal. June № 45. 2020. P. 224–227.
9. Ryynänen H. A social network analysis of internal communication in a matrix organisation — the context of project business // International Journal of Business Information System. 2012. Vol. 11. No. 3. 324–342. DOI: 10.1504/IJBIS.2012.049569.
10. Wood J.T. Interpersonal Communication: Everyday Encounters. Rel. Lib, 2003. 349 p.

© Игнатъева Ирина Александровна (irign@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ХАРАКТЕРИСТИКА МАЛЫХ ГОРОДОВ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ И МИГРАЦИОННЫЕ НАСТРОЕНИЯ

Ипатьева Елена Александровна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет»
socela_ip@bk.ru

CHARACTERISTICS OF SMALL TOWNS: SOCIO-ECONOMIC SITUATION AND MIGRATION SENTIMENTS

E. Ipatieva

Summary. The article analyzes the sociological concepts of social mobility, in particular, four prerequisites for the study of social mobility / immobility are considered. As the first prerequisite, the dimension of social space-time is considered, which focuses precisely on the hourly parameters of various processes in social space. The second theoretical and methodological premise of the study of social mobility and social mobility analyzes the structure of spatial dimensions. The prerequisites for the study of social immobility here are the study of the stabilization of the population in settlements and the stabilization of personnel. After consideration and generalization of various sociological concepts of social mobility, a scheme of interpretation of social mobility/immobility was proposed, which includes such components as temporal, structural, reproductive and motivational, according to which the terminological field of this study is constructed. The outlined context of the study of mobile and immobile behavior of residents of a small town, which consists in the fact that a locality of this type, unlike a large city, is characterized by a strong dependence of various aspects of its functioning on the dominant industry.

Keywords: mobility, immobility, social mobility of the population, small town, big city, stabilization of movement.

Аннотация. В статье были проанализированы социологические концепции социальной мобильности, в частности, рассмотрены четыре предпосылки изучения социальной мобильности/иммобильности. Как первая предпосылка рассматривается размерность социального пространства-времени, что делает акцент именно на часовых параметрах различных процессов в социальном пространстве. Вторая теоретико-методологическая предпосылка изучения социальной мобильности и им мобильности анализируется структура пространственных измерений. Предпосылками изучения социальной иммобильности здесь являются исследование стабилизации населения в населенных пунктах и стабилизации кадров. После рассмотрения и обобщения различных социологических концепций социальной мобильности была предложена схема интерпретации социальной мобильности/иммобильности, что включает такие составляющие, как временная, структурнопросторная, воспроизводственная и мотивационная, согласно которой конструируется терминологическое поле данного исследования. Очерченный контекст исследования мобильного и иммобильного поведения жителей малого города, который заключается в том, что населенному пункту этого типа, в отличие от большого города, свойственна сильная зависимость различных аспектов его функционирования от доминирующей отрасли производства.

Ключевые слова: мобильность, иммобильность, социальная мобильность населения, малый город, большой город, стабилизация перемещения.

В социологических исследованиях миграционного поведения установлено, что, как правило, у коренного населения миграционная подвижность ниже, чем у приезжих [Рыбаковский, 2001]. Понятно, что жители, родившиеся на данной территории и которых связывают родственные связи с местом рождения и психологическая привязанность к нему, будут меньше склонны менять место проживания, чем те, кто переехал сюда. У последних остались родственные и другие связи с теми территориально-поселенческими образованиями, где они раньше проживали.

С точки зрения социально-экономических факторов коренное население «обжилось» на своей территории,

имеет собственное хозяйство, которое удерживает от территориальных перемещений. Поэтому в исследованиях миграционного поведения в первую очередь выделяются те, кто хотя бы раз мигрировал, и те, кто не имеет миграционного опыта [12].

Л. Корель, рассматривая миграцию населения из сел в города, пытается выделить факторы стабилизации жителей в их населенных пунктах. Автор разделяет стабилизирующие мотивы на три группы:

- ◆ мотивы, связанные с привлекательностью сельского образа жизни,
- ◆ мотивы, связанные с материальным положением семьи;

Таблица 1.1. Схема интерпретации социальной мобильности / иммобильности

Перспективы мобильности / иммобильности	Сущность перспективы	Терминологическое поле	Где фиксируется мобильность / иммобильность
Временная	<ul style="list-style-type: none"> П. Сорокин, изучение мобильности на больших промежутках времени, в разные эпохи; цикличность истории [14]; «четыре поколения» исследований мобильности, сравнительные исследования в разных странах; изучение межпоколенческих перемещений; Дж. Голдторп, постоянство текучести [19] 	цикличность, текучесть, устойчивость / неустойчивость, масштабность / немасштабность	<ul style="list-style-type: none"> между разными странами; периодами истории; между разными поколениями
Структурно-пространственная	<ul style="list-style-type: none"> изучение социальной структуры, различных ее срезов (подпространств); исследование различных типов мобильности, которые осуществляются в соответствующих подпространствах 	стратификация (порядок, иерархия), позиции, социальный статус, капиталы	<ul style="list-style-type: none"> между разными статусами, профессиональными группами, более престижными / менее престижными позициями; между организациями; между позициями в территориальном пространстве
Воспроизводственная	<ul style="list-style-type: none"> изучение изменений и стабильности в обществе; созидание и воспроизводство общества действиями индивидов (Э. Гиденс [18]); режимы воспроизведения (расширенное, простое, суженное); стратегии воспроизведения (П. Бурдье [1]) 	социальные изменения, трансформации, стабильность, межпоколенческая трансмиссия, стратегии воспроизведения (индивидуальные / семейные)	<ul style="list-style-type: none"> воспроизводство социальной структуры, статусов, профессиональных групп, территориальных сообществ
Мотивационная	<ul style="list-style-type: none"> исследование механизма индивидуальной мобильности, а также отдельных его составляющих (М. Шерешева и др. [15]); изучение образцов мобильного / иммобильного поведения 	<ul style="list-style-type: none"> цели, мотивы мобильности, стимулы; интересы, преференции, ориентации, ожидание; факторы мобильности/ факторы, тормозящие или препятствующие мобильности, «барьеры»; потенциальная / реальная мобильность 	<ul style="list-style-type: none"> изменение образцов мобильности; мотивов, установок, ценностей

Источник: составлено автором

- ♦ мотивы, связанные с производственными условиями.

«Эта группа мотивов безусловно содержит такие универсальные факторы стабилизации населения, как любимая работа, привычка к природной среде и социальной среде («к народу»), привязанность к данному месту жительства» [5]. При этом, по мнению автора, самые сильные стабилизирующие свойства имеют мотивы, связанные с привлекательностью выполняемого труда. Таким образом, в исследовании сделан вывод, что по результатам исследований ученых, неблагоприятные условия труда являются достаточно сильным

фактором, который способствует решению переехать в город.

Итак, исследование отечественных ученых механизма территориальной мобильности, стабилизации кадров и стабилизации жителей в населенных пунктах являются предпосылкой изучения территориальной иммобильности, которая будет предметом исследования в данной статье.

Представленный обзор актуальных публикаций исследователей социальной мобильности и иммобильности может быть сведено до четырех перспектив или

срезом, которые представлены ниже в виде схемы интерпретации социальной мобильности и имобильности (табл. 1).

В данном исследовании в фокусе внимания оказывается фрагмент структурно-пространственной перспективы (табл. 1), а именно территориальный срез социальной структуры.

Институализация социологии в XX в. в значительной мере была связана с исследованиями города и городской жизни представителей Чикагской школы (Р. Парк, Э. Берджес, Л. Вирт, У. Томас, Ф. Знанецкий и др.) [9]. И в этом смысле социология XX-го века была наукой преимущественно о городском социуме [7]. Обычно в социологических исследованиях поселенческий фактор является вспомогательным в интерпретации социального поведения. В 60–70-е гг. наблюдался повышенный интерес исследователей к проблематике малых городов, что было обусловлено стремительным ростом крупных городов, то есть в контексте урбанизации. Именно в указанный период выделены специфические признаки малых городов, которые дают возможность отличать их среди городов других категорий, рассматривались проблемы малых городов и предлагались способы их решения.

Какие города относятся к категории малых? Ответ на этот вопрос долгое время был неоднозначным. Впервые наиболее комплексно социально-экономические и демографические проблемы небольших городов освещаются в монографии, написанной коллективом авторов во главе с Б.С. Хоревым [17].

Пытаясь определить населенные пункты, которые будут принадлежать к малым городам, авторы указывают, что нельзя опираться лишь на один критерий, как это происходит в статистике, — количество жителей населенного пункта. Рассмотрение точек зрения различных ученых, приводимой в монографии, еще раз убеждает, что однозначного ответа на этот вопрос не существует. В целом авторы монографии приходят к выводу, что два ценза величины, которые чаще всего встречаются в литературе о количестве малых городов (20 и 50 тыс. жителей), могут вполне использоваться.

При определении характерных признаков малых городов во внимание принимается не только количество жильцов, но и другие признаки, такие как, например, наиболее типичные проблемы небольших городов. По этому показателю города с населением до 50 тыс. Б.С. Хоревым предложено относить к небольшим городам. Отметим также, что в этой категории авторы предложили выделять такие подкатегории: города с населением до 20 тыс. предложено называть малыми, а города с населением 20–50 тыс. жителей — полусредними, по-

скольку это якобы категория переходного типа между малыми и средними городами с наличием признаков, характерных и для тех и для других [13].

В других источниках отмечается, что разделение на большие и малые города осуществляется в соответствии с государственными строительными нормами «Градостроительство. Планировка и застройка городских и сельских поселений» (СНиП 2.07.01–89), согласно которыми к малым городам относят населенные пункты с количеством до 50 тыс., сюда же принадлежат и поселки городского типа; средние — 50–250 тыс. человек; крупные — 250–500 тыс. человек; значительные — 500 тыс. — 1 млн. человек и самые значительные — более 1 млн. [16].

Рассматривая динамику количества населения малых городов в целом, можно прийти к выводу, что в подавляющем большинстве регионов количество жителей в этих территориально-поселенческих образованиях уменьшилась, что является проявлением демографического кризиса и следствием общего уменьшения количества населения страны; частично это уменьшение связано с административно-территориальными изменениями.

По хозяйственным функциям, которые выполняют города, их делят на монофункциональные и полифункциональные, или однофункциональные и многофункциональные. Большое количество малых городов представляют собой монофункциональные населенные пункты (ведь в небольшом населенном пункте не могут быть развиты различные отрасли по объективным причинам). К монопрофильным (монофункциональным) относят города, в которых более 25% населения занято на одном предприятии или группе предприятий одной отрасли [3].

Некоторые исследователи даже отмечают, что понятие «моногород» близко к термину «город-завод», предполагающему существование тесной связи между функционированием городского поселения и предприятия, которое является достаточно масштабным, чтобы влиять на все основные аспекты жизни города, то есть градообразующим [21].

Итак, в зависимости от того, на чем «специализируется» город, в литературе предложены различные типологии малых городов. В таком случае главное — выявить градообразующую отрасль. Показателем может быть процент занятого населения в отраслях хозяйства и установление за ним функций города.

Выделяют такие типы городов по хозяйственным функциям, которые преобладают [11]:

- ◆ многофункциональные; с преимущественным развитием промышленных функций;

- ◆ с преобладанием промышленных и транспортных функций;
- ◆ с промышленными и рекреационными функциями;
- ◆ рекреационные центры;
- ◆ организационно-хозяйственные и промышленно-аграрные центры.

Одна из предложенных учеными типологий отличается среди небольших городов одноотраслевые; портовые; транспортные; курортно-рекреационные; научные; управленческие (организационно-хозяйственные); шахтерские; культурно-образовательные [2]. Более расширенная классификация монофункциональных городов может быть представлена таким образом: за основу ее берутся типологические признаки функциональных категорий, при этом в каждой категории выделяется профильная экономическая база. По этому признаку выделяются следующие типы городов:

- ◆ индустриальные центры;
- ◆ аграрно-индустриальные центры;
- ◆ транспортно-промышленные центры;
- ◆ лечебно-промышленные центры;
- ◆ лечебно-оздоровительные центры;
- ◆ культурно-исторические;
- ◆ туристические центры.

При этом среди городов, которые объединены в группу индустриальных центров, различают добывающие; центры добычи металлического и неметаллического сырья; центры обрабатывающей промышленности; промышленные энергетические центры [8].

Для города, который будет отнесен к определенному типу, характерен большой процент населения, которое занято в профильной экономической базе города, хотя это и не исключает того, что определенная часть его обитателей заняты в других сферах, при этом этот процент не такой многочисленный [20].

Территориальная близость малого города и села проявляется часто в сходстве образа жизни в этих территориально-поселенческих общностях. Так, например, Б.С. Хорев сельские поселения изображает как «тяготеющие» к небольшим городам; а также говорит, что малый город тесно связан с сельской периферией, часто является своеобразной «столицей» сельского района [17]. Как центр развития сельских территорий малые монофункциональные города развиваются во многом за счет привлечения ресурсов тех территорий, которые они обслуживают, в том числе и трудовых ресурсов [8].

Миграционные настроения можно считать своеобразным индикатором социально-экономической ситуации в населенном пункте [16]. Динамика их меняется

в зависимости от улучшения или ухудшения условий проживания в городе. В советские времена, рассматривая влияние миграции на изменение количества и состава населения небольших городов, исследователи констатировали, что в небольших городах увеличение населения за счет этого источника гораздо меньше по сравнению с городским населением в целом [15]. В трудах советского периода внимание уделяется ограничению роста крупных городов и административному лимитированию оттока населения из сельской местности.

Проблема административных ограничений миграционной мобильности рассматривается в трудах Т.В. Усковой [16], И.А. Секушиной [13], А.А. Ромашинной [11], Н.В. Ворошилова [2]. Однако начиная с конца XX в. такие факторы закрепления, как, например институт прописки, сменяются новыми.

Если говорить о территориально-иммобильном населении, которое не привлечено в трудовую миграцию, то здесь различия среди различных типов городов фиксируются в середине 2000-х годов. Жителей, которые не ездили ни разу за границу на заработки, было больше в больших городах и городах-миллионниках, чем в малых. В 2005 г. в малых городах 87,4% не ездили ни разу за границу (в городах-миллионниках — 92,6%, в крупных — 92%), в 2015 г. — 82,3% (94,6% и 89% соответственно) [10]. Таким образом, приведенные данные дают возможность утверждать, что с малых городов несколько больше населения выезжает на временные заработки за границу.

Рассматривая взрослое (30–54 лет) потенциально мобильное и иммобильное население Российской Федерации, очертим определенные различия в их оценках аспектов трудовой деятельности и социальной ситуации в целом, что может служить штрихами к социально-экономическому портрету этих двух подгрупп. Потенциально мобильное и иммобильное население отличается мерой удовлетворенности своим положением в обществе [10]: среди первых больше недовольных (61,5%), чем среди вторых (44,5%). Что же касается удовлетворенности своей жизнью в целом, то здесь наблюдается подобная тенденция: среди потенциально мобильных 40,4% «скорее не довольны» своей жизнью (27,5% этот показатель среди иммобильных) и лишь 24,2% — «скорее удовлетворены» (35,5% соответственно). У тех, кто хотели бы уехать из своих населенных пунктов, недовольство вызывают и разные стороны жизни в их населенных пунктах: они больше (по сравнению с иммобильными) недовольны работой органов местной власти, жилищно-коммунальной службы, благоустройством и санитарным состоянием дома, двора и состоянием улиц, парков, окружающей среды.

Тем, кто хотел бы уехать из своих населенных пунктов, не хватает работы, которая бы подходила, — так ответили 63,1% (51,7% среди имобильных).

Потенциально мобильные считают, что гарантии занятости и обеспечение работой «значительно ухудшились» (43,2%), в отличие от имобильных, которые считают, что они остались такими же (42,1%). Среди потенциально мобильного населения несколько выше процент таких, кто оценил свое материальное положение как «нищее» — 10,6% (лишь 5,1% — среди имобильных), а среди имобильных несколько больше тех, кто оценил свое материальное положение как «среднее» (52,6%, среди потенциально мобильных — 46,4%) [10].

Относительно оценок будущего, то потенциально мобильные считают, что никакого улучшения не будет (31,3%), а имобильные больше надеются, что жизнь более-менее наладится (33,3% — имобильные, 25,1% — потенциально мобильные).

Таким образом, территориально имобильное население является более удовлетворенным, как своим положением в обществе и своей жизнью в целом, так и отдельными сторонами жизни в своих населенных пунктах. Представители подгруппы имобильных выше оценивают свое материальное положение и больше надеются, что жизнь более-менее наладится. Потенциально мобильное население больше недоволено благоустройством местных условий и своей жизнью и положением в обществе. Этим людям больше не хватает работы, которая бы подходила, и они ниже оценивают свое материальное положение.

Данные мониторинга Института социологии РАН [4] демонстрируют проблемы, которые больше всего беспокоят жителей разных территориально-поселенческих образований. Жители малых городов больше, чем жители других населенных пунктов, боятся роста цен — 91% (в крупных городах таких 81,8%, в городах-миллионниках — 84,3%), невыплаты зарплат и пенсий — 77,5% (70,5% и 70,8% соответственно) и безработицы — 82,4% (79,9% и 75% соответственно).

Значительной части жителей малых городов не хватает подходящей работы: в 2020 г. так ответили 43,2%. Для городов-миллионников этот показатель не отличается и составляет тоже 43,2%, для крупных — 47,8%, а вот возможность иметь дополнительный заработок лучше реализуется в городах-миллионниках (ее не хватает для 37,3% жителей), а хуже всего — в малых городах и селах (48,3% и 54,6% соответственно). По данным мониторинга, по мнению жителей малых городов, ситуация с обеспечением работой в этих территориаль-

но-поселенческих образованиях остается сложной. Найти работу в небольшом городе по своей квалификации и с достаточным заработком сложно — так считают 87,2% жителей. Правда, в селах также трудно найти такую работу — так ответили 85%, а в городах-миллионных несколько проще — 73,3%. Работу согласно квалификации, но без достаточного заработка сложнее всего найти в малых городах по сравнению с другими типами городов: 68,7% жителей малых городов считают, что сложно найти такую работу. В городах-миллионниках этот процент составляет 42,6%, в крупных городах — 51,2%. Отличаются оценки работников частного и государственного секторов возможностей трудоустройства в их населенных пунктах. Среди работников частного сектора больше, чем среди государственного) считают, что найти работу согласно квалификации, но без достаточного заработка легко — 22% (среди государственно- — 12,1%) [4].

Малые города отличаются от больших не только ситуацией с обеспечением работой, миграционными настроениями жителей, но и условиями проживания населения. По опросу мониторинга в 2020 г. 20,4% жителей малых городов проживают в частных домах, что несколько больше по сравнению с городами-миллионниками, где таких жителей лишь 9,3%. В отдельных квартирах живут 74,7% жителей малых городов, в городах-миллионниках — 82,2%, в крупных городах — 64,1% [4].

Характеризуя условия проживания населения, рассмотрим оборудование жилищного фонда коммунальными удобствами (наличие центрального отопления, водопровода, канализации и др.). Показатели комфортности жилья в малых городах несколько уступают аналогичным показателям в крупных городах. Согласно данным мониторинга Института социологии РАН условия проживания в малых городах отличаются от более крупных городов по следующим показателям: горячая вода имеющаяся в домах чуть больше половины жителей — 55,6% (в городах-миллионниках — 87,3%, в крупных городах — 81,1%). Центральное отопление имеют в малых городах 57,9% (83,9% и 89,0% соответственно) [4]. Таким образом, из приведенных данных можно сделать вывод, что жители малых городов в целом несколько хуже обеспечены некоторыми коммунальными удобствами, чем жители больших городов.

Кроме объективных показателей оборудования удобствами домохозяйств можно охарактеризовать и субъективные ощущения жителей небольших городов. По данным мониторинга среди населения малых городов России меньше удовлетворенных проживанием в своих населенных пунктах, чем в других городах: здесь 29,3% «скорее довольных» (в городах-миллион-

никах таких 42,1%, в крупных — 36,2%); и 35,3% «скорее не довольных», что несколько выше аналогичных показателей в других городах (23,4% и 23,6% соответственно) [10].

Относительно удовлетворенности жильцами отдельными сторонами жизни в малых городах, то больше всего не довольны работой жилищно-коммунальной службы (68,4%), благоустройством и санитарным состоянием улиц, парков и окружающей среды (54,9%). Несколько меньшее недовольство вызывает у жильцов благоустройство и санитарное состояние дома (51,1%) и благоустройство и санитарное состояние двора (48,1%). Сравнивая оценки жителей разных сторон жизни у других населенных пунктах, можно обнаружить, что у жителей городов-миллионников и крупных городов, в отличие от малых, наибольшее недовольство вызывает благоустройство и санитарное состояние улиц,

парков и окружающей среды (72% у первых и 69,3% у вторых) [10].

Таким образом, опираясь на исследования ученых, посвященных таким территориально-поселенческим образованием, как малые города, а также на данные мониторингов Института социологии РАН, была освещена специфика населенных пунктов этого типа и очерчены различные аспекты социально-экономической ситуации в них.

Данные статистики и количественных исследований дают представление в целом о ситуации в всех малых городах РФ, а как перспектива будущих исследований данной тематики является оценка и анализ факторов, формирующих мобильность / иммобильность населения конкретных малых городов (наиболее ярких представителей каждого в своей группе согласно типологии и классификации).

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурдые П. Социология социального пространства. Москва: Ин-т экспериментальной социологии; Санкт-Петербург: Алетейя, 2007. 288.
2. Ворошилов Н.В. Подходы к оценке развитости агломераций на территории России // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 40–54. DOI: 10.15838/ptd.2019.4.102.2.
3. Зубаревич Н.В. Города на постсоциалистическом пространстве // Общественные науки и современность. 2010. № 5. 3–19.
4. Информационно-аналитический бюллетень (ИНАБ). 2020. № 1. Субъективное и объективное благополучие в современном российском обществе: результаты эмпирического исследования. 95 с. https://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=9089.
5. Корель Л.В. Перемещения населения между городом и селом в условиях урбанизации. Новосибирск: Наука, 1982. 192.
6. Моисеенко В.М. Внутренняя миграция населения М.: «ТЭИС». 2004.
7. Нефедова Т.Г., Покровский Н.Е., Трейвиш А.И. Урбанизация, дезурбанизация и сельско-городские сообщества в условиях роста горизонтальной мобильности // Социологические исследования. 2015. № 12. 60–69.
8. Оборин М.С., Шерешева М.Ю., Иванов Н.А. Обоснование стратегических ориентиров социальноэкономического развития малых городов России // Вестник Пермского университета. Экономика. 2017. Т. 12, № 3. 437–452.
9. Парк Р. Экология человека // Теоретическая социология: антология: в 2 ч. Москва: Книж. дом «Университет», 2002. Ч. 1. 384–400.
10. Рабочая сила, занятость и безработица в России (по результатам Р13 выборочных обследований рабочей силы). 2020 Стат.сб./Росстат. М., 2020. 145.
11. Ромашина А.А. Типология муниципальных образований России по специализации экономики и положению в системе расселения // Региональные исследования. 2019. № 3 (65). 42–52.
12. Рыбаковский Л.Л. Функции и последствия миграционных процессов // Социологические исследования. 2017. № 10. 56–63.
13. Секушина И.А. Тенденции социально-экономического развития малых и средних городов регионов Европейского Севера России // Научное обозрение. Серия 1: Экономика и право. 2019. № 5. 73–90. DOI: 10.26653/2076–4650–2019–5–07.
14. Сорокин П.А. Социальная мобильность. Москва: Academia: LVS, 2005. 588.
15. Социально-экономическое развитие малых городов на основе сетевого взаимодействия: коллективная монография / под ред. д-ра экон. наук, проф. М.Ю. Шерешевой. М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова. 2020. 394.
16. Ускова Т.В. О потенциале развития российских территорий // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). 7–17. DOI: 10.15838/ptd.2018.5.97.1.
17. Хорев Б.С. Проблемы городов. Москва: Мысль, 1971. 413.
18. Giddens A. Central Problems in Social Theory. London: Macmillan, 1979. 294.
19. Goldthorpe J.H. Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. Oxford: Clarendon Press, 1987. 377.
20. Mingaleva Z., Sheresheva M., Oborin M., Gvarliani T. Networking of small cities to gain sustainability // Entrepreneurship and Sustainability Issues. 2017. № 5(1). 140–156.
21. Roundy P.T. “Small town” entrepreneurial ecosystems: Implications for developed and emerging economies // Journal of Entrepreneurship in Emerging Economies. 2017. № 9(3). 238–262.

© Ипатьева Елена Александровна (socela_ip@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ФЕНОМЕНА СОЦИАЛЬНОГО ОЖИДАНИЯ

METHODOLOGICAL PRINCIPLES FOR THE STUDY OF THE PHENOMENON OF SOCIAL EXPECTATION

I. Kim

Summary. The article discusses the understanding and implementation of the practice of social expectation, which took place for quite a long time and finally ended at the beginning of the twentieth century. On the basis of the chosen vector of research work, the categorical apparatus of the socio-philosophical understanding of expectation was ordered. It is proved that social expectation has many common features with similar projections of the future, which significantly complicates the formulation of its definition. Its main difference is the volitional activity of a person, during which images of the desired future are created and "thrown out" into the external social space, which are comprehended and decomposed in the chronology of time coordinates. The presence of projection processes in social expectation is expressed in an extrapolation mechanism that transfers a person's confidence and readiness to function on the verge of a meaningful present period of social life. The analysis of the etymology of the word "social expectation" led to the identification of its sensory-analytical nature and the orientation of the subject to a clear definition of its place in the social world. The dualistic nature of social expectation is revealed in the mutual penetration of meanings into the picture of the desired future (in the context of the interaction "subject — environment") and the stimulation of volitional activity for its use in social space.

Keywords: sociology, social expectation, the future, the construction of the future, a tool of cognition.

Ким Иван Сергеевич

Аспирант, Иркутский Государственный

Университет

kimivan@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрено осмысление и внедрение практики социального ожидания, которое происходило довольно длительное время и окончательно завершилось в начале XX века. На основе выбранного вектора исследовательской работы было упорядочен категориальный аппарат социально-философского осмысления ожидания. Доказано, что социальное ожидание имеет много общих признаков с подобными проекциями будущего, что значительно усложняет формулировку его определения. Его основным отличием выступает волевая активность человека, во время которой создаются и «выбрасываются» во внешнее социальное пространство образы желаемого грядущего, которые осмысливаются и разлагаются в хронологии временных координат. Наличие в социальном ожидании проекционных процессов выражается в экстраполяционном механизме, который переносит уверенность и готовность человека в функционирование на грани осмысленного настоящего периода общественной жизни. Анализ этимологии слова «социальное ожидание» привел к выделению его чувственно-аналитической природы и направленности субъекта на четкое определение своего места в социальном мире. Дуалистическая природа социального ожидания раскрывается во взаимном проникновении смыслов в картину желаемого будущего (в контексте взаимодействия «субъект — среда») и стимулировании волевой активности ради ее использования в социальном пространстве.

Ключевые слова: социология, социальное ожидание, грядущее, конструирование будущего, инструментом познания.

Социальное ожидание является уникальной формой осмысления и преобразования будущего. Оно связано с добавлением собственного видения грядущего в общую картину потенциального существования и оценкой перспективы жизни, которая проводится в пределах темпоральных координат и приобретенного опыта. В процессе подобного конструирования происходит не только пассивное описание грядущего, а и приближение его к субъективно идеальному состоянию, создающему сложность в исследовании социального ожидания.

Указанный феномен находится как в кругу внимания участников философской дискуссии, так и в фокусе исследований социологов-практиков по формированию

целостной картины общества будущего. Исследование направлено на оформление целостной исследовательской стратегии, которая бы охватывала все проявления социального ожидания в социальном пространстве.

С самого начала человек ориентировался на чувственное восприятие будущего через созерцание течения времени в окружающем пространстве. Приобретенный исследователями опыт и научный потенциал позволили сформулировать рациональное отношение к перспективе существования. Ожидание стало инструментом для осмысления грядущего, который базируется на изучении имманентного ради работы на грани темпоральных горизонтов общественной жизни. Следовательно, анализ социального ожидания предпо-

лагает учет дуализма чувственного и аналитического, который раскрывается в нем во время проработки будущего события.

Началом любого исследования является «ухватывание» основного направления поисковой работы. Г. Гегель выделил в фундаменте науки принцип, имеющий свою детализацию в процессе познания. Он утверждал: «начало является логическим началом, поскольку оно должно быть сделано в стихии свободного для себя сущего мышления в чистом знании. Косвенно оно, предполагает то, что чистое знание является последней абсолютной истиной сознания» [4, с. 125]. Вместе с этим, рассмотрение ожидания как чистой мысленной модели является сложным, так как предполагает снятие его чувственной природы. Комплексный анализ чувственной и аналитической составляющей этой проекции будущего делает исследование ориентированным на основательное углубление в практику темпорального конструирования.

Обращаясь к изучению такого социального феномена, как «ожидание» стоит помнить, что имеешь дело с точкой зрения на окружающий мир. Это требует от исследователя придерживаться принципа объективности, который, по мнению В. Свириденко: «... обозначает отношение независимости от субъекта, от субъективного фактора» [13, с. 441]. Опираясь на то, что анализируются сложные человеческие отношения, приведенный принцип должен быть дополнен принципом беспристрастности, который позволяет понять истинные мотивы проектировщика будущего и его реальный взгляд на мир. Этот принцип важен для того, чтобы исследователь мог представлять себя на месте субъекта ожидания, и одновременно оставаться отстраненным искателем научной истины.

Сложность исследования социального ожидания заключается в том, что оно является универсальным инструментом познания и преобразования окружающего мира. Для обеспечения эффективности этого процесса необходимо использовать принцип диалога философских и социологических взглядов на изучение этого средства организации будущего.

Как дополнение к диалектическому принципу всестороннего развития, этот принцип задает стимулы для поиска составных элементов проекции будущего, которые могут содержаться в противоположных по содержанию и характеру поисковых исследований. Это позволяет достроить понимание предмета исследовательской работы и установить полную картину познания непознаваемого будущего за счет освещения сущности и специфики феномена социального ожидания.

Основой данного исследования является изучение выделенных ранее проекций будущего, которые базируются на восприятии и реорганизации течения жизни участника общественных отношений, а также предшествуют ожиданию. Создание общей картины понимания социального ожидания предполагает использование принципа соответствия. По мнению Л. Микешиной данный принцип заключается в том, что: «... с появлением новых более общих теорий ранее успешно «работающие» концепции не отвергаются как ложные, а сохраняют свое значение для предыдущих предметных отраслей, но уже как частный случай новых теорий» [12, с. 327]. Так, понимание проекции и интроспекции в психоанализе может использоваться как основа для осмысления взаимодействия «надежда — ожидание» в рамках имеющегося человеческого взаимодействия.

Для понимания природы подобного проектирования и его значения для развития общества важную роль играют принципы детерминизма и индетерминизма, которые задают уровень обусловленности взаимодействия «ожидания — общественная жизнь» и определяют целостное видение предмета данного социально-философского исследования. Если вести речь о проекции будущего в контексте «индивидуальное — коллективное», то можно отбросить необходимость выбора уровня влияния причинности на грядущую общественную жизнь, а сосредоточиться на определении конвенции и контroversии при создании социального ожидания.

При помощи использования указанных принципов происходит трансформация этоса научного познания по изучению социального ожидания как продукта чувственно-мысленной активности субъекта общественных отношений. Эти принципы позволяют приобщить формулировку конвенционного концепта к изучению организации сбалансированного взаимодействия «индивидуальное — коллективное» в будущем.

Данное взаимодействие рассматривается как основа внутренней жизненной энергии проектирования будущего. В то же время автор ожиданий исполняет роль социальноответственного лица, которое определяет проводника этой гармонии в желаемой общей перспективе. С учетом тренда на увеличение значения отдельной личности в общественных отношениях, автор и субъект могут сочетаться в одном лице по надлежащей волевой концентрации.

Социально-философский анализ социального ожидания является направлением исследовательской работы, которое предполагает детализацию осмысления процесса конструирования и реализации проекции будущего в общественной жизни. Многовекторность

анализа ожидания требует основания на комплексный подход, который опирается на отдельные методологические философские подходы.

Основополагающее место в исследовательской базе, по осмыслению указанного феномена, должны занимать диалектический и синергетический подходы, а также отдельные ноэтические инструменты, которые позволили раскрыть генезис социального ожидания в виде взаимодействия различных по смыслу форм постижения будущего. В то же время подчеркнем, что спады и подъемы социальной активности влияют на изменение содержания социальных ожиданий в сторону оптимизма и пессимизма. Деструкция и хаос общественной среды мешают проведению качественной оценки перспективной жизни, а также мешают его практическому исследованию.

Конструктивность активности зависит от доминанты грядущего социального пространства, вокруг которой строится проекция будущего. М. Лепский детализирует векторы перспективного видения мира: «В оптимизме центральным принципом является утверждение меры жизни как «наилучшего». В отличие от оптимизма утверждение меры смерти в пессимизме происходит через отрицание «худшего», того, что разрушает жизнь» [2, с. 7]. Затем, установление меры как критерия бытия позволяет определить способ и характер его продолжения, «переключающее» проекцию будущего из ожидания и наоборот.

Стабильность социального пространства стимулирует развитие рационализма в осмыслении грядущего и увеличивает временное расстояние в экстраполяции ожиданий. На грани этих состояний происходит появление пассионария, который способствует кардинальному изменению в расстановке акцентов «личное — общее». Анализ «выбрасывания вперед» собственного видения грядущего позволило выделить проявление конкуренции, которая встречается между субъектами жизнедеятельности и касается поиска лучшего отражения будущего общественной среды.

Ожидание является вычленением существенного как имманентной основы жизни. Разграничивая существенное и несущественное, Г. Гегель расставляет следующие акценты: «Поскольку в имеющемся бытии проводят расхождение между существенным и несущественным, это расхождение является внешним возложением, что не касается самого наличия бытия обособлением одной его части от другой» [5, с. 13]. Следовательно, ожидание как предмет исследования является существенной составляющей человеческой жизни, которое должно анализироваться в контексте ее внешнего и внутреннего отражения в социальном мире. Су-

щественность указанного феномена заключается в наличии субъективного представления о необходимости конструктивных изменений в личной и групповой жизни, а также в осуществлении шагов для их реализации.

В исследовании социального ожидания распределение между существенным и несущественным находится в плоскости выбора между индивидуальным и коллективным. Вместе с этим, самое существенное выносится в трансцендентное пространство как содержательная основа проекции будущего.

Выделение существенного является подготовкой к экстраполяции. Опора на диалектическую логику Г. Гегеля помогает выделить структурные составляющие и порядок их использования. Так накопление воли для преобразования будущего развивается на основе закона перехода количественных изменений в качественные, предшествующий рождению потенциала субъекта ожидания.

Определение природы проектирования грядущего предполагает осмысление диалектического взаимодействия коллективного и индивидуального в процессе формирования социальных ожиданий. В. Ленин утверждает, что: «противоположное (отдельное — противоположно общему), тождественное и отдельное не существует иначе как вместе с общим. Общее существует лишь в отдельном, через отдельное. Любое отдельное является (так или иначе) общим» [9, с. 318]. В таком случае развитие исследовательской работы происходит вокруг анализа сбалансированного сосуществования обособленных надежд в контексте целостного видения групповой проекции будущего.

Общая перспектива отрицает возможность отдельных персональных проекций грядущего бытия, а личные ожидания преимущественно находятся над требованиями сообщества и включаются в общую картину будущего на основе борьбы за право отражения в ней. Следовательно, уровень взаимопроникновения этих двух конструкций определяет целостность и гармонию общественных отношений, которые влияют на формирование социального ожидания.

Особое внимание при осмыслении социального ожидания требует определение характера его взаимодействия с подобными и противоположными проекциями дальнейшего бытия. Систематизируя движение противоположностей, Ф. Энгельс утверждает, что «... диалектическое мышление, является только отражением господствующего в природе движения путем противоположностей, обуславливающих жизнь природы постоянной борьбой и своим конечным переходом друг в друга, в более высшие формы» [16, с. 526]. Опираясь

на это утверждение, указанная проекция будущего имеет разные полюса перспективы, которые формируются в пределах познавательной активности человека между ощущением и мышлением.

Ожидание как элемент борьбы противоположностей исходит из осмысления приближение небытия, являющееся его внутренней питательной основой. Именно вероятность окончания земного существования выступает формой открытия новых горизонтов грядущего на грани бытия и небытия, тем самым оставляя человеку возможность изменить жизнь к лучшему и продлить ее. Изменение полюсов говорит о трансформации воли человека и проекции будущего.

Дуализм ожидания раскрывается в контексте взаимодействия «бытия — небытия», «имманентное — трансцендентное», «индивидуальное — коллективное», «априорное — апостериорное», «рациональное — иррациональное». Снятие противоречий по этим направлениям перемещает желаемую картину жизни в разные отрезки темпорального пространства общества, что позволяет отследить развитие практики создания этой модели дальнейшего сосуществования.

Обратим внимание на наличие элементов самоорганизации в системе формирования социальных ожиданий на стадиях их реализации или фрустрации, а также во время внедрения аттракторов как долгосрочных трендов создания перспективной картины бытия (альтруизм, потребление, содержание и другие). Эти особенности позволяют увеличить акцент на синергетическом подходе как методологическом направлении исследования форм самоорганизации индивидуальных потенциалов в будущей жизни.

Изменение трендов отражается в перемещении интенции ожидания, которое формируется за счет приближения к доминирующим аттракторам общественной жизни. Синергетический подход открывает процессуальные элементы практики создания социального ожидания на долгосрочные периоды.

А. Князева и С. Курдюмов утверждают: «Когда система оказывается в конусе притяжения аттрактора, то она начинает определять поведение системы; она начинает строиться и достраиваться из будущего в соответствии со структурой-аттрактором, с будущей формой. Будущее ее тянет, притягивает. Или, выражаясь иначе, существует толчок в направлении грядущего» [8, с. 25]. Описанный процесс требует выделения отдельной линии исследования в виде анализа влияния на социальное пространство. Отметим, что имеющийся аттрактор желаемого будущего детерминирует обобщенное направление перспективного развития. Следовательно,

индивидуальное в ожидании выступает потенциальной доминантой в преобразовании общества.

Наряду с этим, анализ аттракторов сможет конкретизировать границу, когда социальные надежды превращаются в социальные ожидания. Изменение и усиление аттрактора влияет на концентрацию и направленность воли человека. Коллективная субъектность выступает ответом на вызовы окружающей общественной среды, когда настоящее отрицается в грядущем.

Социальное ожидание как перспективная проекция выступает формой практической деятельности, которая направлена на осуществление дальнейших изменений в общественной жизни. К ее специфическим чертам относятся: комплексный характер использования (на бытовом и научном уровне), балансировка на грани достижимого и необъятного, а также временную отсрочку результатов реализации проекций будущего.

Для осмысления социального ожидания необходимо выделить направления исследовательской работы, к которым будут применяться указанный методологический инструментарий. Все направления познания социальных явлений основываются на основе субъективной проработки образов предмета исследования [1, с. 285]. Образ будущего создается на дуалистической основе познавательного процесса. Он предстает рабочим материалом для осмысления проекции перспективных событий на равные ожидания.

А. Спиркин видит образ как: «... результат отражения объекта в сознании человека. На чувственном уровне познания образами являются ощущения, восприятия и представления, на уровне мышления — понятия, суждения и умозаключения» [14, с. 446]. Итак, образная проекция будущего выступает синтезирующим элементом ожидания, который сочетает априорное и апостериорное в процессе определения перспективы существования. Анализ базового элемента предмета исследования должен проходить по меньшей мере в трех направлениях: содержание и структура социального ожидания, его связи с другими проекциями, а также специфика отражения в социальном мире.

Обратимся к определению мышления. В. Швырев анализирует категорию «мышление» как высшую форму: «... активного отражения объективной реальности, которая состоит из целенаправленного, опосредованного и обобщенного познания субъектом сущностных связей, а также отношения предметов и явлений в творческом создании новых идей, в прогнозировании событий и действий» [15, с. 391–392]. Переход от ощущения к ноэме будущего в ожидании является следствием социальной практики, которая обусловлена необходи-

мостью темпорального удлинения существования. Эта практика заключается в приближении субъективной и объективной реальности в процессе создания изображения грядущего.

Выбор исследовательских мер для анализа социального ожидания требует взвешенности, детальности и последовательности методологического анализа. Понимание указанного феномена как ноэтической модели будущего существования кристаллизует необходимость исследования мышления, направленного и развернутого в перспективном измерении общественного бытия. П. Алексеев отмечает: «приемы мышления, как правило, характеризуют общую гносеологическую направленность хода мысли на том или ином этапе познавательной деятельности (например, движение от целого к части и от части к общему, от абстрактного к конкретному)» [1, с. 376]. Несмотря на ограниченность темпорального движения познание объективными возможностями человека, выход на грань, его определение и анализ расстояния до желаемой цели является важным условием осмысления социального ожидания как проекции грядущего.

Исследовательская база должна выстраиваться вокруг поиска конечной формы ожидания в процессе ноэзиса. По нашему мнению изложение умозаключений о существовании в темпоральной плоскости имеет форму проекции. Эта конструкция была значительно дискредитирована в психоанализе и психологии. Описывая психологическое видение проекции, Д. Леонтьев определяет ее как: «... психологический механизм, который сосредоточивается в бессознательном субъективном приписывании собственных мыслей, черт, волнений и мотивов другим людям» [10, с. 759]. Реабилитируя указанную конструкцию взаимодействия «внутренний — внешний мир», подчеркнем, что проекции как формы образа используются человеком не только на чувственном, но и на аналитическом уровне.

Надо добавить мысль о судьбе условности, которой характеризуется граница между внутренним и внешним миром человека, зависящим от уровня и объема знаний относительно выживания в имеющемся социальном пространстве. Проекция будущего является универсальным звеном, которое обеспечивает эффективную коммуникацию между мирами в процессе развития общественных отношений.

Весомое значение в ходе изучения указанного проектирования играют методы экстраполяции и идеализации, которые составляют процессуальную основу изучения ожидания. При этом экстраполяцию уместно употреблять при описании ожидания как метода познания неизвестного грядущего, а идеализацию при

анализе его проектирования на основе желаемых образцов существования. Использование метода идеализации в исследовании социального ожидания помогает понять практику моделирования воображаемых объектов, концентрацию на выбранной картине будущего за счет абстрагирования и установления коррекции относительно общей полезности грядущего.

Более детальными методологическими средствами выступают трансцендентальная дедукция и феноменологическая редукция, которые определяют движение ноэзиса в процессе осмысления формы и содержания социального ожидания. Одним из наиболее эффективных методов его осмысления является трансцендентальная дедукция. И. Кант писал: «Среди разнообразных понятий, образующих пеструю ткань человеческого знания, некоторые представлены также для чистого априорного применения, это право их в любом случае требует дедукции» [7, с. 126]. Этот вид дедуктивных конструкций выносит исследовательскую работу не только за пределы субъективного опыта по формированию будущего, но и за пределы времени реализации ожиданий. Они как форма мышления должны находиться вне пределов указанных составляющих общественной жизни. Трансцендентная дедукция является методом исследования этой проекции будущего, содержащей многовариантность перспективного существования человека. Этот вид дедукции является априорной оценкой вероятности реализации ожидания.

Научная работа фактических направлений реализации проекций предполагает выделение самоданности как основы представления об этом процессе. Е. Гуссерль определяет этот метод познания как феноменологическую редукцию: «Исключение трансцендентального как определенной принятой экзистенции, то есть всего того, что не является очевидной данностью в настоящем смысле, абсолютной данностью чистого разума» [6, с. 58]. Определение имманентной составляющей исследования социального ожидания направляет нас к изучению ноэтической модели реализации желаемой перспективы жизни в заданных условиях грядущего. Одновременно необходимо выделить чистую проекцию будущего, которая развивается как ноэтическая модель оценки и выбора оптимальных условий дальнейшего существования без каких-либо привязок и ориентиров.

Формирование перспективы жизни разворачивается вокруг волевой активности и находится вне плоскости имеющегося опыта, но в настоящем времени. Оценка вероятности фактической реализации этой проекции находится преимущественно в пределах достижимого грядущего. Подчеркивание темпоральной доминанты помогает более точно установить опреде-

ление ожидания как восприятия промежутка времени между формированием и реализацией ожидания. Следовательно, ожидание является имманентным, а ожидание трансцендентной стороной в проектировании будущего.

Терминологический анализ является средством детализации исследовательской работы, который определяет фактическое место социального ожидания в совокупности подобных форм проектной активности. Установление уровня рациональности и глубины познания перспективы позволяет четко разграничить различные направления организации дальнейшей жизни.

Разберемся со степенью формализации ожидания как предмета исследовательской работы. Она балансирует на грани рациональности, основывается на постигнутом опыте и выступает в виде первичной формы осмысления встречи с будущим. В этом ее кардинальная разница с прогнозированием. Она является формой организации перспективы жизни определенного круга объектов исследования в установленном промежутке времени. Соответственно, эти направления осмысления перспективного сосуществования предусматривают различную степень рациональности в представлении футурологических моделей в пределах определенных координат.

Ожидания и прогнозирования разнятся в конструктивной основе. Эффективность ожидания зависит от усиления человеческого фактора-воли к оптимизации условий жизнедеятельности. Точность прогноза связана с уменьшением воздействия субъективных факторов в использовании методов оценки перспективного существования. Следовательно, в ожидании превалирует воля, а в прогнозировании объективность оценки ситуации. Вместе с этим, ожидание выступает долей прогнозирования, которое развивается в контексте переосмысления перспективной жизни человека или общественного объединения.

Ожидание вписывается в прогнозирование как обособленная проекция в общую картину будущего. В целом, терминологический анализ выступает средством детализации канвы проекционного пространства, выделяющего родо-видовые признаки ожидания. Конкретизация свойств этой проекции раскрывает плоскость ее теоретического и практического использования в общественной жизни.

Ожидание стоит в одном ряду с другими инструментами поиска и осмысления значений окружающего мира. Изучение этой проекции будущего является осущением специфики взаимного отражения индивиду-

альных и коллективных образов будущего социального мира. Указанная процессуальная составляющая ожидания задает понимание содержания ее функционирования как средства познания, осмысления и использования информации о будущих изменениях. становление инструмента познания грядущего предполагает четкое понимание его структуры, взаимосвязи содержательных элементов и особенностей функционирования в имеющихся условиях. Ожидания как продукт познавательных поисков представляется совокупностью знаков и смыслов, выступающих основой понимания будущего.

Понимание ожидания как «текста грядущих событий» требует обращения к его природе, которая раскрывается в работах Р. Барта. Он настаивает на особом характере текста, который отражает течение социального времени. По мнению Р. Барта: «... ни о какой конструкции текста не может быть и речи: все в нем находится в процессе ежесекундного и многократного определения, но при этом никак не связано с конечными целями, с завершенной структурой» [3, с. 39]. Но, несмотря на ежесекундное изменение настоящего, динамика функционирования социального ожидания на субъектном уровне требует установления основных направлений отражения этого феномена в общественной жизни.

В этом случае важное значение имеет введение исследования темпоральной направленности текста ожидания. Ю Лотман замечал, что один текст может иметь несколько направлений его реализации в социуме. По его мнению: «... программа(поведение) как разнонаправленная система: программа направлена в будущее — с точки зрения составителя программы, культура направлена в прошлое — с точки зрения реализации поведения» [11, с. 489]. Рассматривая ожидания с позиции семиотики, нужно указать на его существование в виде лингвистической проекции желаемого грядущего, описывающего знаковые отношения участников общественных отношений ради вписывания выбранного сюжета в общую перспективу. Нарратив социального ожидания содержит совокупность значимых событий, которые детерминируют заложенные изменения на условном отрезке жизни субъекта общественных отношений, но исходя из имеющегося культурного наследия.

Несмотря на быстротечность и изменчивость процесса ожидания, в нем имеются основополагающие направления, требующие вычленения и систематизации для упорядочения строительства перспективной жизни. Для этого используются культурные коды(цитации), которые закладываются при анализе и определяют нужное грядущее. Социальное ожидание опирается на такие выдержки лучшего опыта овладения протекающим жизненным путем участника общественных отно-

шений и его корректировки относительно имеющихся условий окружающей среды.

Эта проекция будущего одновременно выполняет много функций. Инструмент организации жизни, средство коммуникации человека с миром и наследие человека в поиске бесконечного продолжения желаемого существования. Все указанные аспекты требуют изучения, а следовательно для этого необходимо использовать весь арсенал исследования продуктов духовной деятельности человека.

Подводя итоги, отметим, что удалось сформулировать комплексную исследовательскую стратегию, основанную на конвенциональном концепте социального ожидания как проекции будущего и она исходит из таких принципов, как объективность, беспристрастность, диалог социально-философских взглядов, соответствие, а также взаимодействие детерминизма и индетерминизма. Эти принципы трансформируют характер научного познания социального ожидания в сторону углубленного изучения его как продукта чувственной активности субъекта общественных отношений.

Методологический комплекс для исследования этой проекции грядущего предполагает сочетание освещения общих тенденции осмысления будущего и установление специфики избрания пути дальнейшей жизнедеятельности в конкурентных условиях деятельности субъектов общественных отношений.

Проведение анализа проекций грядущего и выделение противоположных по значению проявлений его восприятия и осмысления («упование — отчаяние», «надежда — страх», «надежда — ожидание») должен опираться на диалектический подход. Этот анализ может служить инструментом для кристаллизации существенных признаков социального ожидания как отражение потенциала человека к преобразению грядущему.

Ожидание выступает составляющей прогнозирования, видоизменяется в контексте развития и осмысления целенаправленной активности человека в социальном пространстве. Каждый этап становления ожидания одновременно был этапом совершенствования его конструкции и эффективности. В зависимости от насущных потребностей добавлялись субъектность, интенция, коллективность, общественно-государствен-

ная легитимация, детерминация социальной активности и детализация использования.

Исследование взаимопроникновения внутреннего и внешнего социальных миров в процессе функционирования социального ожидания наиболее точно раскрывается на основе синергетического подхода. Он дал возможность отследить появление доминирующих векторов социального развития на основе конкуренции отдельных надежд относительно их привлекательности для общественности.

Детальный анализ ноэтического процесса его создания позволил идентифицировать в нем осмысленную проекцию будущего, направленную на определение перспективы существования в пределах имеющегося общественного иерархического взаимодействия. Кроме того, к исследованию социального ожидания как определения будущих изменений стоит приобщить и достижения семиотики. Знаки грядущего, которые люди пытаются выделить в настоящем всегда были и остаются «материалом» для развития приоритетов субъектного существования с ориентиром на трансцендентное.

Надо отметить, что трансформация содержания знаков в процессе формулировки ожидания значительным образом меняет вероятное будущее относительно заложенных ориентиров. В то же время для исследования характера экстраполяции субъективных моделей и образов будущего лучше использовать трансцендентальную дедукцию, а для определения условий фактической реализации социальных ожиданий — феноменологическую редукцию. Указанные принципы, подходы и методы четко устанавливают уровень и характер достигаемости поставленных целей в процессе определения перспективности подобного сосуществования.

Итак, указанная стратегия социально-философского осмысления социального ожидания должна основываться на последовательном изучении многослойного способа организации и преобразования грядущего, опираясь на концептуальный консенсус социологических и философских взглядов в этой сфере. Заметим, что практика социального ожидания систематизируется в познании дальнейшего существования, что предусматривает детальное освещение репрезентации, интерпретации и конвенции образа желаемого в социальном пространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев П.В. Философия: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. Москва: ПБОЮЛ Грачёв С.М., 2000. 608 с.
2. Арпентьева М.Р. Стратегии социального поведения личности: самопредъявление и самораскрытие // Социальное поведение личности: оценки и прогнозы: колл. монограф. / Отв. ред. А.Ю. Нагорнова. Ульяновск: Зебра, 2016. С. 6–20.

3. Барт Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика / сост., общ. ред и вступ. ст. Г.К. Косикова. Москва: Прогресс, 1989. 616 с.
4. Гегель Г.В.Ф. Наука логики: в 3 т. Москва: Мысль, 1971. Т. 1.: Учение о сущности. 501 с.
5. Гегель Г. В.Ф. Наука логики: в 3 т. Москва: Мысль, 1971. Т. 2.: Учение о сущности. 248 с.
6. Гуссерль Э. Идея феноменологии: пять лекций / вступ. ст. и коммент. И.И. Мавринского. Санкт-Петербург: Гуманитарная Академия, 2008. 224 с.
7. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского. Москва: Наука, 1999. 655 с.
8. Князева Е.Н., Курдюмов С.П. Синергетика: нелинейность времени и ландшафты коэволюции / вступ. ст. Г.Г. Малинецкого. Москва: КомКнига, 2011. 272 с.
9. Ленин В.И. К вопросу о диалектике. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Москва: Издательство политической литературы, 1969. Т. 29: Философские тетради. С. 316–322.
10. Леонтьев Д.А. Проекция. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. Москва, 2009. С. 759.
11. Лотман Ю.М. Семиосфера. Санкт-Петербург: Искусство-СПб, 2010. 704 с.
12. Микешина Л.А. Философия науки: современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учебное пособие. Москва: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. 464 с.
13. Психология индивидуального и группового субъекта / под ред. А.В. Брушлинского, М.И. Воловиковой. Москва: ПЕР СЭ, 2002. 368 с.
14. Спиркин А.Г. Образ. Философский энциклопедический словарь. Москва, 1983. С. 446.
15. Швырев В.С. Мышление. Философский энциклопедический словарь. Москва, 1983. С. 391–392.
16. Энгельс Ф. Диалектика природы. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Москва, 1961. Т. 20: Ати-Дюринг, Диалектика природы. С. 343–630.

© Ким Иван Сергеевич (kimivan@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Иркутский государственный университет

КРИТИКА КОНЦЕПЦИИ «ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ» В СОЦИАЛЬНОЙ ДЕМОГРАФИИ

Лебедев Никита Андреевич

*Д.э.н., профессор, ФГБОУ ВО «Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина»
swonson@bk.ru*

CRITIQUE OF THE «HUMAN CAPITAL» CONCEPT IN SOCIAL DEMOGRAPHY

N. Lebedev

Summary. The article deals with a complex of critical assessments by sociologists in relation to the human capital theory. The relevance of the topic lies in the fact that in order to predict the productivity of human capital as a factor in socio-economic progress, it is necessary to take into account the influence of not only economic, but also demographic processes.

The article is a review and is devoted to the human capital theory from the point of social demography.

The purpose of the article is to identify the main postulates of criticism of the theory of human capital in modern sociological literature.

The research methodology is based on a systematic approach and includes the methods of the general scientific group (analysis, synthesis, induction, deduction); as well as a number of special methods: content analysis of scientific literature on the research topic; retrospective analysis; system generalization method.

As a result of the study, the author of the article came to the following conclusions: in modern sociology, the topic of human capital has not been sufficiently developed in terms of studying the influence of demographic processes. Moreover, the theory of human capital itself does not contain an analysis of demographic processes as a factor in the formation of human potential both for the labor market and for other areas of socio-economic development.

Keywords: «human capital», sociology, demography, institutional approach, behaviorism.

Аннотация. В статье рассматривается критика социологов в отношении теории человеческого капитала. Актуальность темы заключается в том, что для прогнозирования производительности человеческого капитала как фактора социально-экономического прогресса необходимо учитывать влияние не только экономических, но и демографических процессов. Статья носит обзорный характер и посвящена теории человеческого капитала с точки зрения социальной демографии.

Цель статьи заключается в выявлении основных постулатов критики теории человеческого капитала в современной социологической литературе.

Методология исследования основана на системном подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, индукция, дедукция); а также ряд специальных методов: контент-анализ научной литературы по теме исследования; ретроспективный анализ; метод системного обобщения.

По итогу проведенного исследования автор статьи пришел к следующим выводам: в современной социологии тема человеческого капитала недостаточно проработана с точки зрения изучения влияния демографических процессов. Более того, в самой теории человеческого капитала не содержится анализа демографических процессов как фактора формирования человеческого потенциала как для рынка труда, так и для прочих сфер социально-экономического развития.

Ключевые слова: «человеческий капитал», социология, демография, институциональный подход, бихевиоризм.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в XXI веке роль человеческого фактора значительно возросла, и в экономически развитых странах на долю человеческих ресурсов приходится 80% национального богатства [1, с. 22]. Соответственно изучение демографических процессов, в основе которого лежит естественное, территориальное и социальное движение населения, является источником социально-экономического развития стран и источником социального прогресса. Выявление, определение причинно-следственных связей, концептуализация и прогнозирование развития демографических процессов позволяют государствам формировать эффективную национальную демографическую политику в контексте своих внутренних и внешних приоритетов. Человеческий капитал вынуждены учитывать и региональные субъекты для разработки социальной политики, а также частные компании для внутренней адаптации рынка труда к существующим демографическим условиям [2, с. 46].

Однако, по мнению большинства исследователей [3, 5, 7, 10], в отличие от предыдущих периодов, в XXI веке локальные и национальные демографические тенденции углубили существующие и сформировали новые глобальные демографические процессы, проявляющиеся в подавляющем большинстве цивилизованных стран. Соответственно, развитие демографической составляющей «человеческого капитала» требует углубления научных исследований с учетом влияния многофакторного глобального измерения развития современного общества.

Современная социология рассматривает влияние демографических процессов на формирование человеческого капитала с точки зрения экономических и политических последствий [3, с. 27].

Как показал проведенный нами анализ научной литературы, «человеческий капитал» — довольно широкий термин, который охватывает такие критерии, как уровень образования, знания, опыт и навыки работника. Теория человеческого капитала относительно является относительно новой в финансовых и экономических исследованиях [5, с. 3], однако с точки зрения демографии человеческий капитал исследуется в зарубежной историографии довольно давно. В таких исследованиях доминирует мнение о том, что современные частные компании путем создания новых рабочих мест и новых специальностей стимулируют демографические процессы (трудовая и социальная мобильность населения), создавая тем самым продуктивный «человеческий капитал» [6, с.11]. Иными словами, с точки

зрения социальной демографии, человеческий капитал — это концепция, которая признает, что трудовой капитал неоднороден и зависит от демографических процессов [7, с. 68].

С позиций социологии, «человеческий капитал» — это нематериальная экономическая ценность опыта и навыков работника. Поэтому «человеческий капитал» включает в себя такие факторы, как образование, способность к обучению, интеллект, профессиональные навыки, здоровье и другие параметры, которые ценят работодатели, и которые позволяют индивиду достичь максимальной профессиональной и трудовой самореализации на рынке труда [8, с. 6].

Теория человеческого капитала утверждает, что люди могут увеличить свой производственный потенциал за счет более высокого уровня образования и профессиональной подготовки. Социальная демография утверждает, что для формирования «человеческого капитала» в его экономическом понимании требуется достаточная социальная и трудовая мобильность населения [9, с. 73].

Истоки теории человеческого капитала восходят к 1960-м годам прошлого века, когда экономисты Гэри Беккер и Теодор Шульц доказали, что образование и обучение являются «нематериальными инвестициями», которые могут повысить производительность труда. По мере того, как мир накапливал все больше и больше физического капитала, альтернативная стоимость труда снижалась. Образование становилось все более важным компонентом рабочей силы. Этот термин был также принят корпоративными финансистами и стал частью интеллектуального капитала и, в более широком смысле — «человеческого капитала» [8, с. 5].

При достаточной интенсивности демографических процессов (рождаемость, средний трудоспособный возраст и т.п.) интеллектуальный и человеческий капитал могут рассматриваться как возобновляемые источники производительности труда [9, с. 77]. Организации пытаются культивировать эти источники, надеясь на дополнительные инновации или творческий подход. Как отмечают исследователи, «иногда решение бизнес-задач требует большего, чем просто новые машины или достаточное финансирование» [10, с. 142].

Возможным недостатком чрезмерной зависимости от человеческого капитала является его социальная мобильность. Иными словами «человеческий капитал», в отличие от прочих элементов производства, всегда принадлежит работнику, а не работодателю. В отличие от структурного капитального оборудования, сотрудник-человек может покинуть организацию [6, с.22].

Интересно, что не все экономисты согласны с тем, что человеческий капитал напрямую повышает производительность труда. В 1976 году, например, экономист из Гарварда Ричард Фримен утверждал, что «человеческий капитал действует только как сигнал о таланте и способностях; настоящая продуктивность пришла позже благодаря обучению, мотивации и капитальному оборудованию» [6, с. 24]. Поэтому автор пришел к выводу, что человеческий капитал не следует рассматривать как фактор производства.

Примерно в то же время Сэмюэл Боуэлс и Герберт Гинтис выступили против теории «человеческого капитала», заявив, что превращение людей (то есть труда) в капитал, по существу, снимает вопрос о классовых конфликтах и усилиях по расширению прав рабочих.

Далее, в 1980-х и 1990-х годах, с появлением бихевиористского подхода, теория человеческого капитала подверглась новой критике, поскольку она основывалась на предположении, что люди являются рациональными субъектами. Следовательно, теория человеческого капитала «имеет ограничения при объяснении явления, потому что ее основные предположения о человеческих мотивах, целях и решениях недостаточно обоснованы» [10, с. 141].

Более современная критика со стороны социологов и демографов выступает против теории человеческого капитала, заявляя, что эта теория предлагает чрезвычайно простые принципы, которые призваны объяснить всеобщую заработную плату во все времена — или универсальную связь между человеческим капиталом, производительностью и доходом, без учета демографического фактора [8, 9, 10]. Однако, по большей части различия в производительности между людьми не могут быть объективно измерены.

Исследователи, которые утверждают, что находят связь между доходом и производительностью, используют принципы циклической логики [7, с. 81]. И когда мы ограничиваемся объективным измерением производительности, мы обнаруживаем, что индивидуальные различия в производительности систематически слишком малы, чтобы объяснить уровни неравенства доходов.

В последнее время социологи предпринимают попытки исследовать, как социальная организация влия-

ет на функционирование экономической деятельности, в том числе — как именно демографические процессы влияют на формирование «человеческого капитала» в определенных регионах.

С позиций демографии и социологии, исследователи критикуют большую часть новой институциональной экономики как «грубо функционалистскую, потому что существование экономического института часто объясняется просто функциями, которые он выполняет для экономической системы» [9, с. 82].

Некоторые исследователи утверждают, что даже в новой институциональной экономике отсутствует признание важности конкретных демографических процессов и социальных отношений [10, с. 121]. Эту идею можно рассматривать как попытку ввести в анализ экономических систем социальную организацию и социальные отношения не просто как структуру, которая возникает для выполнения экономической функции, но как структуру с историей и непрерывностью, которые придают ей смысл, самостоятельное влияние на функционирование экономических систем. По сути, можно заключить, что вся вышеприведенная критика теории человеческого капитала со стороны социологов представляет собой ревизионистский анализ функционирования экономических систем. В широком смысле можно сказать, что социальная демография в рамках объяснения феномена «человеческий капитал» поддерживает концепцию рационального действия, но накладывает на нее социальную, демографическую и институциональную ситуацию — либо эндогенно порожденную, как в функционалистских объяснениях некоторых сторонников неоинституционального подхода [1, 3, 4], либо как экзогенные факторы [10, с. 144].

Подводя итог, можно сказать, что доказательства против теории человеческого капитала кажутся не слишком аргументированными. И тем не менее, альтернативные гипотезы крайне необходимы, особенно в непростых условиях современности, включая пандемии, локальные войны и прочие факторы, влекущие за собой сокращение населения (в том числе — трудоспособного человеческого капитала). Мы можем предположить, что наиболее перспективным направлением последующих исследований является сосредоточение внимания на социальной иерархии, формирующейся в результате мобильности населения как демографического процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Давыденко В.А., Михалевич И.Я. Трансформация концепции человеческого капитала здоровья в условиях пандемии COVID-19 // *Logos et Praxis*. 2020. № 4. — С. 21–32.
2. Иванов О.И. Человеческий капитал и его показатели (взгляд социолога) // *Социология и право*. 2016. № 1. — С. 44–52.

3. Капустин В.Н. Современные аспекты теории человеческого капитала // Ученые записки Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики. 2019. № 7. — С. 24–39.
4. Руденко С.А., Репина О.М. Человеческий капитал: отраслевой подход // Oeconomia et Jus. 2019. № 1. — С. 22–35.
5. Хомиджонов У. Теоретико-методологическое обоснование взаимозависимости человеческого капитала и образования // Общество и инновации. 2021. № 2. — С. 1–7.
6. Garzik L. Human Capital. In book: Successful Innovation Systems. 2022. — P. 9–25.
7. Gross K. Social Human Capital: new theoretical view. In book: Communicating Knowledge. 2022. — P. 67–91.
8. Jelonek M. Human capital theory. In book: Universities and the Labour Market. 2021. — P. 3–16.
9. Maulana A. The Human Capital in Modern Social Science. Conference: Analysis Employee's Behaviour. 2021. — P. 72–86.
10. Watson R., Mathew S. Human Capital. In book: Capital, Systems, and Objects. 2021. — P. 139–155.

© Лебедев Никита Андреевич (swonson@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии имени К.И. Скрябина

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ФУНКЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК СОЦИАЛЬНОГО ИНСТИТУТА

THE MAIN FEATURES AND FUNCTIONS OF LOCAL SELF-GOVERNMENT AS A SOCIAL INSTITUTION

T. Mansurov

Summary. The article deals with the actual problems of local self-government as a social institution on the example of the Russian Federation. The article is an overview of theoretical and methodological nature within the sociology of management. The author reveals the main characteristics of local self-government institution in terms of its place and role in the development of management in modern Russian society. The research goal is to generalize the functions and characteristics of local self-government as a social institution.

The research methodology is based on a system-functional approach and includes the methods of the general scientific group (analysis, synthesis, induction, deduction); as well as a number of special methods: content analysis of scientific literature on the research topic, functional analysis, system generalization method. Based on the results of the study, the author of the article came to the following conclusions: the institution of local self-government is the key to the realization of civil rights and freedoms, as well as the main element in the dialogue between the state and society. The author considers the function of feedback between government bodies and the population to be the main one for local self-government. At the same time, Russian practice is currently characterized by a distortion of this function, the development of entropy and social apathy at the level of local governments.

Keywords: sociology of management, local self-government, structural-functional approach, sociological research, social dialogue.

Мансуров Тигран Вакизович

Аспирант, Московский Государственный
Университет им. М.В. Ломоносова
mativ@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается актуальная проблематика местного самоуправления как социального института на примере Российской Федерации. Статья носит обзорный теоретико-методологический характер в рамках социологии управления. Автор статьи выявляет основные характеристики института местного самоуправления с точки зрения его места и роли в развитии управления современным российским социумом. Цель исследования заключается в научном обобщении функций и характеристик местного самоуправления как социального института. Методология исследования основана на системно-функциональном подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, индукция, дедукция); а также ряд специальных методов: контент-анализ научной литературы по теме исследования, функциональный анализ, метод системного обобщения. По итогам проведенного исследования автор статьи пришел к следующим выводам: институт местного самоуправления является ключевым для реализации гражданских прав и свобод, а также основным элементом в диалоге между государством и обществом. Функцию обратной связи между органами государственного управления и населением автор считает основной для местного самоуправления. При этом, для российской практики в настоящее время характерно искажение этой функции, развитие энтропии полномочий и социальной апатии на уровне органов местного самоуправления, поскольку принятые на местном уровне решения не находят отклика и поддержки со стороны государственных органов.

Ключевые слова: социология управления, местное самоуправление, структурно-функциональный подход, социологические исследования, социальный диалог.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что Россия имеет достаточно богатый и долгий опыт в построении системы местного самоуправления [3, с.6]. По мнению исследователей, в современной России качественная организация жизни граждан в муниципальных образованиях всех регионов является «реализацией принципа социальной справедливости путем преодоления проблемы социально-экономического неравенства» [2, с.10].

По мнению исследователей, именно в муниципальных образованиях (селах, районах, городах) «власть ближе всего к человеку — там должны решаться основные социальные задачи современного российского государства» [2, с. 12]. При этом, в муниципалитетах особенно актуальны проблемы экономического неравенства и социальной несправедливости.

Согласно официальной статистике, более 75% всего жилья строится в крупнейших мегаполисах — деревни исчезают с карты России, поскольку 60% жителей по-

селков и городов выезжают на заработки в крупные города [4, с.6]. Российская региональная политика выравнивания уровня жизни россиян ориентирована на дотации регионам и показывает низкую эффективность [1, с.67].

На практике в России складывается опасная ситуация: с одной стороны, население понимает необходимость местного самоуправления, а права местного самоуправления закреплены в Конституции Российской Федерации 1993 года.

С другой стороны, существует значительный разрыв между уровнем жизни граждан России в центре столицы, в областных городах и в небольших населенных пунктах [5, с.206]. Органы местного самоуправления пока не в состоянии эффективно сокращать эти разрывы, приближать уровень жизни простых россиян в тысячах сел и малых городов к уровню жизни мегаполиса XXI века.

Повышение эффективности местного самоуправления во всех населенных пунктах России является необходимым условием повышения качества жизни российского социума.

Опасная ситуация социально-экономического неравенства и разрывов в качестве жизни населения обособленных сел и крупных городов во многом признается учеными и государственными чиновниками [5, с. 207]. Решение вопросов, связанных с совершенствованием социально-экономических отношений на муниципальном уровне, стало предметом множества исследований в различных областях: финансово-экономических [2], правовых [3], социологических [7,8,10] и т.д. Однако, необходимо более четко определить сущность и функции местного самоуправления в рамках социологии управления как самостоятельной дисциплины.

В настоящее время одной из важных тенденций развития современного государства признается значительное повышение роли местного самоуправления. В 2020 году в связи с принятием поправок в Конституцию РФ внесены изменения в главу 8 об органах местного самоуправления [5, с. 208]. Согласно поправкам, «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичного управления и взаимодействуют для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории» [5, с.209].

Закрепление единства системы публичной власти в Конституции РФ направлено на повышение эффективности функционирования местного самоуправления и не изменяет статью 12 о самостоятельности местного самоуправления, скорее подчеркивает многообразие

форм взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления [5, с.210].

Закрепление принципа единства системы публичной власти должно способствовать повышению эффективности взаимодействия муниципальных органов и органов государственной власти, реализации совместных национальных проектов и государственных программ, направленных на решение вопросов местного значения в социальной сфере. Тем не менее, для реализации целей и задач государственной политики в сфере местного самоуправления необходимо сформировать четкое представление о его месте в развитии современного социума.

Для определения социальной роли местного самоуправления необходимо сформулировать сущность и значение этого термина. В научной литературе существует множество подходов к этому понятию. По мнению большинства исследователей, местное самоуправление понимается как «особая форма саморегулирования и самоорганизации различных типов систем, в том числе и социальных» [6, с.55]. В то же время, местное самоуправление по своему смысловому содержанию представляет собой и «особый вид коллективной деятельности, направленной на обеспечение основных потребностей и интересов местного населения» [7, с. 48].

Таким образом, местное самоуправление, представляемое как самостоятельный социальный институт, включает в себя такие особенности, как:

- ◆ местное население является непосредственным источником власти;
- ◆ в подавляющем большинстве случаев субъект и объект управления совпадают;
- ◆ основным способом реализации власти органов местного самоуправления является прямая демократия;
- ◆ возможность осуществлять самостоятельную деятельность в наиболее актуальных сферах общественной жизни.

Исходя из вышеизложенных признаков, можно принять следующее определение понятия местного самоуправления, отражающее его социальную сущность: местное самоуправление — это форма осуществления власти народом, обеспечивающая возможность местному населению осуществлять самостоятельную деятельность в наиболее актуальных сферах общественной жизни [2]. Главной особенностью местного самоуправления является то, что его правовая природа позволяет местному населению участвовать в формировании различных взаимосвязанных институтов, деятельность которых будет направлена на удовлетворение основных

потребностей и интересов местных граждан [9, с.185]. Это обстоятельство помогает выстроить эффективную систему предоставления социальных льгот, являясь ее экономической и организационной составляющей.

Местное самоуправление, как социальный институт, декларирует в качестве основных постулатов социальную и правовую защиту местного населения, обеспечение достойной жизни каждого гражданина, проживающего на соответствующей территории, а также осуществление всемерной поддержки в создании наиболее благоприятные условия жизни [10, с.17].

При этом, уставные документы каждого муниципального образования должны формироваться на основе изложенных выше принципов. При этом, уставы муниципалитетов могут содержать более точные и узконаправленные формулировки, касающиеся реализации социальных прав [2, с.4]. Они могут включать следующие положения:

1. организация городских сообществ, которые могут участвовать в осуществлении местного самоуправления;
2. участие в работе выборных органов местного самоуправления;
3. участие в решении наиболее актуальных вопросов, связанных с организацией местного самоуправления;
4. беспрепятственный доступ к социальным и культурным ценностям;
5. формирование максимально безопасной городской среды;
6. возможность формирования разного рода социально-ориентированных учреждений, деятельность которых направлена на защиту определенных слоев населения;
7. обеспечение равноправия всех представителей местного населения по национальному, расовому и иным признакам;
8. правовая защита свобод и законных интересов граждан, в том числе в социальной сфере.

Согласно современной научной литературе, местное самоуправление можно отнести к одному из инсти-

тутов социальной государственности [7, 10]. Это связано с тем, что благодаря существованию и функционированию местного самоуправления государственная власть децентрализуется, становится более гибкой, а значит, и эффективной. Принимая во внимание тот факт, что в перечень функций местного самоуправления входит реализация социальных задач, можно говорить о социально-правовой природе местного самоуправления.

Таким образом, местное самоуправление имеет социальную направленность, поскольку согласно основным законодательным положениям в компетенцию органов местного самоуправления входит обеспечение различных социальных потребностей и интересов местного населения. При этом, институт местного самоуправления является ключевым для реализации гражданских прав и свобод, а также основным элементом в диалоге между государством и обществом. Функцию обратной связи между органами государственного управления и населением автор считает основной для местного самоуправления. Для российской практики в настоящее время характерно искажение этой функции, развитие энтропии полномочий и социальной апатии на уровне органов местного самоуправления, поскольку принятые на местном уровне решения не находят отклика и поддержки со стороны государственных органов. Данную негативную тенденцию необходимо нивелировать путем усиления полномочий органов местного самоуправления и расширения их возможностей по лоббированию интересов местных сообществ в органах государственной власти.

В связи с этим необходимо закрепить в уставах муниципальных образований более четкие и узконаправленные формулировки, касающиеся реализации социальных прав местного населения; со стороны органов местного самоуправления необходимо поощрять создание территориального общественного самоуправления, развивать молодежные общественные организации и объединения, проводить различные конкурсы и мероприятия, вовлекающие граждан в развитие органов муниципального образования как социального института.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинова Н.В. Инфляция местного самоуправления // PolitBook. 2019. № 2. — С. 63–81.
2. Глебова А.Н. Местное самоуправление как субъект модернизации российского общества. Автореферат дисс. ... к.соц.н. Москва, 2015. — 28 с.
3. Козлова Т.З. К истории местного самоуправления в России. (от комитетов местного самоуправления в Москве к современному местному самоуправлению) // Муниципалитет: экономика и управление. 2018. № 3. — С. 5–12.
4. Лаптева Л.Е. Местное самоуправление и государство // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2016. № 2. — С. 1–17.
5. Хайретдинов Ф.Ф., Аминов И.Р. Независимость органов местного самоуправления как основа местного самоуправления // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2021. № 11. — С. 204–210.

6. Gons H. The Case for Local Self-Government. *Public Administration Review*. 2021. Vol. 3. — P. 51–58.
7. Klimek J. Determinants to the Local Self-Government Social Dysfunctions. *Problems of Economic Transition*. 2021. Vol. 43(11). — P. 43–55.
8. Kuhlmann S., Wayenberg E. The Future of Local Self-Government. *International Sociological Journal*. 2021. Vol. 4. — P. 67–78.
9. Ma Xiaquan. Local Self-Government. In book: *Imagining the People*. 2020. — P. 183–211.
10. Mathew L. Cosmopolitan Humility and Local Self-Governance. In book: *Comparative Political Theory*. 2020. Vol. 3. — P. 12–28.

© Мансуров Тигран Вакизович (mativ@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРУКТУРНО-ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОГО ОБЩЕСТВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

STRUCTURAL AND INSTITUTIONAL FEATURES OF THE DIGITAL SOCIETY: THEORETICAL ASPECT

A. Selezneva

Summary. The article discusses the process of digitalization from the point of its influence on the structural and institutional specifics of modern society. The research relevance is due to the fact that for modern society the process of digitalization of socio-economic relations becomes a factor for structural and institutional transformations that must not be foreseen. It may be necessary to develop a new methodological apparatus. The article purpose is to identify structural and institutional features in modern society that occur as a result of digitalization. The research methodology is based on a system-functional approach and includes the methods of the general scientific group (analysis, synthesis, induction, deduction); as well as a number of special methods: content analysis of scientific literature on the research topic, functional analysis, system generalization method. Based on the results, the author came to the following conclusions: the new digital society is characterized by signs of deinstitutionalization of traditional analog institutions; creation of fundamentally new social groups with digital identification. In parallel, the process of institutionalization of new areas of digital reality is taking place. These structural transformations lead to the gradual death of analog professions, the reduction in interpersonal communication out the Internet, as well as the emergence of new activity areas and social groups, the identification of which is due to digital reality.

Keywords: social structure, social institutions, social networks, digitalization, transformation.

Селезнева Алла Геннадьевна

*Аспирант, Мордовский Государственный
Университет им. Н.П. Огарева
selag@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается процесс цифровизации с точки зрения его влияния на структурно-институциональную специфику современного социума. Актуальность темы исследования обусловлена тем, что для современного общества процесс цифровизации социально-экономических отношений становится фактором структурной и институциональной трансформаций, которые необходимо не только предвидеть, но для исследования которых, возможно, придется разработать новый методологический аппарат. Цель статьи заключается в выявлении особенностей структурного и институционального характера в современном социуме, происходящих в результате цифровизации. Методология исследования основана на системно-функциональном подходе и включает в себя методы общенаучной группы (анализ, синтез, индукция, дедукция); а также ряд специальных методов: контент-анализ научной литературы по теме исследования, функциональный анализ, метод системного обобщения. По итогам исследования автор пришел к следующим выводам: для нового цифрового общества характерны признаки деинституционализации традиционных аналоговых институтов; создание принципиально новых социальных групп с цифровой идентификацией. Параллельно происходит процесс институционализации новых сфер цифровой реальности. Эти структурные трансформации приводят к постепенному замещению аналоговых профессий, сокращению межличностного общения вне Интернета, а также к возникновению новых сфер деятельности и социальных групп, идентификация которых обусловлена цифровой реальностью.

Ключевые слова: социальная структура, социальные институты, социальные сети, цифровизация, трансформация.

Актуальность темы исследования заключается в том, что стремительное развитие информационных структур и создание новых технологий коренным образом меняет современный мир. Общество, идущее по пути постиндустриального развития, обретает новое содержание в своей социальной динамике: формирование цифрового общества и, по мнению исследователей, даже появление нового типа личности «Digital Sapiens» [1, с. 139].

В большинстве исследований цифровое общество предстает как новый уровень развития постиндустриального общества, и «отличается способом построения социальных отношений, сфер жизни и социальных ин-

ститутов, опирающихся на цифровые способы обработки информации и спецификой ее потребления» [2, с. 44]. То есть изменения в способах производства и распределения благ (в том числе — создания новых, цифровых благ) неизбежно затрагивают социальную структуру.

При этом, опора на институционализацию, как один из процессов трансформации социальной структуры, позволяет выделить два этапа формирования цифрового общества:

1. этап становления цифровых социальных институтов;
2. этап становления цифровой информационной сферы общественной жизни [4, с. 85].

Поскольку социальные институты имеют два основных атрибута — устоявшиеся нормы мышления и поведения человека и их закрепление в обществе в виде организации и способа деятельности — взаимодействие личности и цифровой среды постиндустриального мира становится поводом для серьезных научных дискуссий. Теоретическое осмысление аспектов цифровизации должно помочь формированию научного методологического аппарата для исследования новых социальных структур и институтов.

Отправной точкой для теоретического осмысления цифровых социальных институтов является понятие информационного пространства.

Отметим, что это пространство существовало всегда, хотя его содержание, разумеется, менялось с течением времени. Современное информационное пространство, приобретшее глобальный и общедоступный характер, неразрывно связано с развитием электронных технологий, ресурсов для работы с данными и в современной научной литературе интерпретируется как киберпространство [5, с. 6]. В состав такого пространства, помимо знаний и людей как носителей и производителей информации, входит соответствующая инфраструктура — технические средства и ресурсы для передачи, обработки, хранения информации. В совокупности эти явления составляют невиданную ранее структуру: «человек — знания — коммуникативные сети — компьютерная техника», которая, приобретая устойчивый характер, становится основой возникновения цифровых социальных институтов [6, с. 97].

Благодаря институционализации цифрового пространства появились цифровая экономика и электронная демократия. Оцифровываются информация и процессы в культурной сфере, образовании, преобразования в медицине носят кардинальный характер, также трансформируется военное дело и т.д. Цифровые технологии становятся частью повседневной жизни людей, постоянно поддерживающих связь в социальных сетях [6, с. 99].

Пожалуй, самая важная характеристика XXI века, который часто в социологической литературе называется «постиндустриальным», «постмодернистским веком технологий» [6, с. 102], заключается в том, что «технологические разработки могут сформировать новое общественное сознание и адаптировать его к социальным преобразованиям» [7, с.22]. С одной стороны, цифровая трансформация подразумевает, что большинство социальных правил возникают под давлением «цифровой гегемонии» [8, с. 70].

С другой стороны, цифровой век означает новую социальную трансформацию благодаря доступным по цене и полезным технологическим новшествам. Ис-

пользование технологий таким образом позволяет новым сообществам людей создавать свою личную среду для нового общества с помощью новых правил [8, с. 71].

В цифровом обществе границы, связанные со временем и пространством, фактически упразднены за счет перехода к передовым технологиям — обмен информацией более не зависит от физического местонахождения субъектов социальных отношений [9, с. 130]. С одной стороны, цифровизация приводит к быстрому производству, распространению и потреблению информации. С другой стороны, — к снижению цен и популяризации технологий [10, с. 893].

Благодаря цифровизации быстрое производство, распространение и передача информации позволяют снизить цены и, таким образом, позволяют людям из разных социальных и экономических классов использовать технологии, фактически стирая прежние «аналоговые» иерархии социальных статусов [10, с. 894]. Например, через социальные сети создается структура, аналогичная группам и сообществам в реальном мире. Таким образом, виртуальные сообщества играют активную роль, особенно в организации новых социальных движений [10, с.894]. При этом, на данный момент социальные группы «являются источником вдохновения друг для друга», создавая кумулятивный эффект благодаря технологической инфраструктуре новых медиатехнологий.

Вышеупомянутые процессы, которые постепенно увеличивают свою скорость, и новые технологии, которые возникают почти каждый день, определяют различия как в межличностных отношениях, так и в социальных структурах по сравнению с предыдущими периодами развития человечества. Например, структура социальной сети и ее наполнение претерпели изменения под влиянием веб-технологий. В целом, сетевое общество означает социум, который регулярно использует глобальные сети для общения и управления [6, с. 101]. В итоге, большая часть качества жизни зависит от качества социальной сети. Уровень жизни зависит от стандартов социальных сетей. Фактически, в цифровом обществе люди создают социальные сети, а затем сети формируют людей [9, с. 140].

При этом структуры связи между сетями зависят от информационных технологий, которые функционируют со скоростью света и трансформируют процессы в обществе. Политическая и культурная жизнь перестраивается в соответствии с этой сетевой структурой. Некоторые исследователи утверждают, что такая трансформация, происходящая в глобальном масштабе с развитием информационных и коммуникационных технологий, и составляет новое цифровое общество [8, с.74].

В таком обществе «управление сообщениями» становится более важным, чем в прошлом, благодаря развитию компьютерных и интернет-технологий, позволяющих сократить время и не зависеть от расстояния. Такая институциональная трансформация включает также отношения между государством и обществом.

Смешанная публичная сфера, состоящая из цифровых социальных сетей и вновь созданного гражданского сообщества — это инструмент общественной рефлексии и, по сути, цифровой механизм прямой демократии [7, с. 34]. Социальные сети — это инструменты коммуникации, которые передают цифровую информацию множеству людей и всему миру, а также могут подключаться к неограниченному количеству сетей. В целом, цифровое гражданское общество означает «технологически организованное общество» [7, с.37].

В рамках этой организационной структуры с 1980-х годов, особенно в 2000-х, поле деятельности гражданского общества приобрело не только местный и национальный характер, но также региональную и глобальную направленность. Чтобы сформировать общественное мнение, неправительственные организации используют различные методы, но на данный момент Интернет остается самым важным инструментом коммуникации для передачи информации.

Как полагают исследователи, именно «благодаря Интернету стало возможным избавиться от цензуры и редакторов, и таким образом были открыты каналы коммуникации от человека к человеку, от человека к обществу (блоги), от общества к человеку и, самое главное — от общества к обществу» [6, с. 97]. Суще-

вавшие ранее неправительственные и негосударственные организации, а также группы давления приобрели активный и популярный статус. Сетевые сообщества, таким образом, становятся новым, влиятельным и неподконтрольным государству общественным институтом.

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы, которые могут стать основой для дальнейших исследований. Как можно судить по основным характеристикам процесса цифровизации, для нового цифрового общества характерны признаки деинституционализации традиционных аналоговых институтов, сокращение межличностного общения в реальности и переход к общению в онлайн-режиме; создание принципиально новых групп в социальных сетях, для которых традиционные критерии социальной стратификации и иерархии не актуальны и т.п.

Параллельно происходит процесс институционализации новых сфер цифровой реальности (появление таких занятий как блогер и тик-токер и пр.). Эти структурные трансформации приводят к постепенному исчезновению аналоговых профессий, сокращению межличностного общения вне Интернета, а также к возникновению новых сфер деятельности и социальных групп, идентификация которых обусловлена цифровой реальностью. В целом, можно сказать, что изменения, которые произошли особенно после второй половины двадцатого века, привели к развитию веб-сервисов; и это явление, называемое «цифровизацией», вызвало многочисленные радикальные изменения с точки зрения их институционального, индивидуального и социального значения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондаренко Д.М. Социальные институты и базовые принципы организации обществ // Сибирские исторические исследования. 2021. № 1. — С. 138–164.
2. Замараева Е.И. Социокультурные трансформации в эпоху цифровизации // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2021. № 1. — С. 43–48.
3. Карпова Д.Н., Проскурина А.С. Социотехнический поворот в исследовании цифровизации общества // Власть. 2020. № 1. — С. 87–104.
4. Кравченко С.А. Социологическая «стрела времени» в XXI веке: инновации в материалах Всемирных социологических конгрессов // Вестник Института социологии. 2018. № 4. — С. 84–105.
5. Пурынычева Г.М., Баданова Н.М. Цифровая реальность как вызов человечеству // Философия и общество. 2021. № 4. — С. 1–9.
6. Albano R., Curzi Y., Fabbri T. Social Institution. In book: System, Actor, and Process: Keywords in Organization Studies. 2020. — P. 96–107.
7. Pearson S. The Psychology of Social Institutions. In book: The Folklore of Capitalism. 2017. — P. 21–45.
8. Rodriguez A.B. Society and Social Institutions. In book: Inequalities in the Early Years. 2018. — P. 69–80.
9. Stebbins R.A. Social Institutions. In book: The Serious Leisure Perspective. 2020. — P. 129–149.
10. Surat V.I. Features of the Social Institution Management. In book: Scientific and Technical Revolution: Yesterday, Today and Tomorrow. 2020. — P. 892–906.

© Селезнева Алла Геннадьевна (selag@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ OUR AUTHORS

Agafonov A. — Candidate of Law, Siberian Law Institute
Ministry of Internal Affairs of Russia
aleksandravagafonov@yandex.ru

Akhmedova G. — Postgraduate student, Federal State
Budgetary Educational Institution of Higher Education
«Rostov State University of Economics (RINH)»
gulesar@mail.ru

Aksenov I. — Candidate of Law, Associate Professor, B.B.
Gorodovikov Kalmyk State University
aksenov_ich@mail.ru

Alekseeva E. — Adjunct, Academy of Management of the
Ministry of Internal Affairs of Russia
9189929161@mail.ru

Andrushchenko A. — Financial University under the
Government of the Russian Federation (Moscow)
alexandralavrentevna@gmail.com

Arkhangelsky I. — Postgraduate student, Far Eastern
Federal University
arhaiv@gmail.com

Avrutin R. — Candidate of Legal Sciences, St. Petersburg
University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
roman-967@mail.ru

Badmaeva T. — B.B. Gorodovikov Kalmyk State University
tanya.badmaeva2015@yandex.ru

Belyaev S. — PhD student, Murmansk Arctic State
University
belmurm@mail.ru

Borobov V. — Doctor of Economics, Professor, Moscow
State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology
- MBA named after K.I. Scriabin; Financial University under
the Government of the Russian Federation
vborobov@mail.ru

Bubnov A. — Financial University under the Government
of the Russian Federation (Moscow)
bubnov-1992@bk.ru

Bulgakova L. — Senior Lecturer, St. Petersburg Law
Institute (branch) University of the Prosecutor's Office of
the Russian Federation
6luiza@mail.ru

Chernyakov S. — Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor, Branch in Sergiev Posad S.Yu. Witte Moscow
University
ChernaykovaS@mail.ru

Dondukova L. — North-Western Branch of the Russian
State University of Justice (Saint Petersburg)
lidspb18@gmail.com

Filushchenko L. — PhD in law, Associate Professor, Ural
Federal University named after the first President of Russia
B. N. Yeltsin (Yekaterinburg)
L.I.filushchenko@urfu.ru

Frolov I. — Higher School of Economics
frolovilya88@gmail.com

Gavrilov V. — Candidate of Law, Assistant Professor,
Saratov State Academy of Law
vladimirrgavrilov@rambler.ru

Gudkov A. — Candidate of Legal Sciences, Associate
Professor, VUI FSIN of Russia
gudkovaniv@yandex.ru

Gun G. — Doctor of Medical Sciences, Professor, Honored
Doctor of the Russian Federation, Murmansk Arctic State
University
gungrig@inbox.ru

Ignatieva I. — Peoples' Friendship University of Russia
irign@bk.ru

Ipatieva E. — PhD student, Russian State University for the Humanities
socela_ip@bk.ru

Iurkova M. — Candidate of Economic Sciences, Senior Lecturer, Financial University under the Government of the Russian Federation
marina.koroeva@mail.ru

Ivancova A. — Saratov State Academy of Law
alina-ivancova2001@mail.ru

Kim I. — Postgraduate student, Irkutsk State University
kimivan@yandex.ru

Kobzar-Frolova M. — Sciences Doctor of Law, Professor, Institute of State and Law of the Russian Academy
adminlaw@igpran.ru

Kulikov E. — PhD in Law, Associate Professor, Altai State University (Barnaul)
kulikoveg@yandex.ru

Kuznetsova N. — Senior lecturer, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
kuznezova-1963@mail.ru

Kvaratskhelia M. — Russian State Social University, Moscow
matildakvaratshelia@yandex.ru

Lebedev N. — Doctor of Economics, Professor, Moscow state academy of veterinary medicine and biotechnology of K.I. Scriabin
swonson@bk.ru

Litvin I. — Ph. D., associate Professor, Financial University under the Government of the Russian Federation Moscow
IYLitvin@fa.ru

Losev V. — Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Murmansk Arctic State University
vla-losev@yandex.ru

Mansurov T. — Postgraduate student, Moscow State University M.V. Lomonosov
mativ@gmail.com

Martinov L. — Doctor of Economics, Candidate of Technical Sciences, Moscow State Technical University N.E. Bauman University
livonmartinov@mail.ru

Mashkina N. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service, Kursk
t.natusia@yandex.ru

Meshkova E. — C.E.S. associate professor, Financial University under the Government of the Russian Federation
meshkova.elen@gmail.com

Mikhailov O. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Kursk Academy of State and Municipal Service, Kursk
mihailov-gmu@yandex.ru

Mindlin Yu. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Moscow State Academy of Veterinary Medicine and Biotechnology - MBA named after K.I. Scriabin
mindliny@mail.ru

Mishchenko V. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, VUI FSIN of Russia
vyacheslav-mischenko@mail.ru

Mukharaeva E. — B.B. Gorodovikov Kalmyk State University
elina.ubushaeva.99@mail.ru

Panko J. — Candidate of economical science, associate Professor, Russian University of transport, Moscow
panko_roat_dot@bk.ru

Pilchina D. — Postgraduate student of the International Law Institute, Moscow
Damira03@mail.ru

Proshin V. — Doctor of Law, Professor, Moscow State Regional University; Advocate, Moscow Bar Association «Zashchita»
advokat.proshin.v.m@gmail.com

Raspopin A. — Doctoral student, Kemerovo State University
raspopin_prok@mail.ru

Ryabova O. — Teacher, Vladimir law Institute of the Federal penitentiary service of Russia
frau.lilya2012@yandex.ru

Rybina S. — PhD (Biology), Assistant Professor, Vladimir Law Institute of the FPS of Russia
rybina.sn@yandex.ru

Safonov V. — Candidate of Law, Associate Professor, North-Western Branch of the Russian State University of Justice (St. Petersburg)
svn205@gmail.com

Samatova A. — Postgraduate student, Bauman Moscow State Technical University
samatova5995@mail.ru

Savchenko J. — Postgraduate student, Moscow University for the Humanities
jul828@yandex.ru

Selezneva A. — Postgraduate student, Mordovian State University named after N.P. Ogaryov
selag@mail.ru

Selina E. — Postgraduate student of the Russian State University of Justice (RSUP), Moscow
9265857758@mail.ru

Sharov K. — Post-graduate student, Baikal State University
kostia_sharov55@mail.ru

Shedko Yu. — D. Sc. In Economics, docent, Financial University under the Government of the Russian Federation
ynshedko@mail.ru

Teplay N. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Rostov Branch of the Russian State University of Justice Rostov-on-Don
TeplaySurgut@mail.ru

Tretyakova T. — Candidate of Sociological Sciences, associate professor, St. Petersburg Institute (branch) FGBOU VO «VGUY RPA of the Ministry of Justice of Russia»
tretyakova-t@mail.ru

Tsekeeva T. — Candidate of Law, Associate Professor, B.B. Gorodovikov Kalmyk State University
tsekeeva-te@yandex.ru

Tumanov E. — Candidate of law, associate professor, Russian University of transport, Moscow
tumanov_roat_dot@bk.ru

Velichko A. — Doctor of Law, assistant professor, Kemerovo State University
vizant63@yandex.ru

Vinnichenko O. — Doctor of Law, professor, Kemerovo State University
ole.vinnichenko@yandex.ru

Vitovskaya E. — Lecturer, Kuzbass Institute of the FPS of Russia PhD (Law) (Novokuznetsk)
Jane-vit@mail.ru

Vnukovskiy N. — Doctor of Economics, Professor, Ural State University of Communications
Vnukovsk@ya.ru

Yenikeeva T. — FPS of Russia in the Smolensk region, Smolensk; adjunct, Academy of the FPS of Russia, Ryazan
enik-tatjana@rambler.ru

Zagrebin D. — St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
danil_zagrebin@mail.ru

Zakharova I. — Postgraduate, Novosibirsk State University of economics and management «NSUEM»; lawyer, Bar Association of the Novosibirsk region, Novosibirsk
ziv_1974@mail.ru

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).